

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Российская история

В номере:

Основан
в марте
1957 года

Выходит
6 раз
в год

МНЕНИЕ ИСТОРИКА:
МАРКСИЗМ, ЛЕНИН, РЕВОЛЮЦИЯ:
МЕТАМОРФОЗЫ ВЕЛИКОЙ ЛЕГЕНДЫ

*В.И. Ульянов (Ленин)
и его современники*

*Полиция
в поисках террориста*

Народовольцы в новейшей историографии

Церковь и школа в XIX в.

Старообрядцы и Учредительное собрание

МОСКВА
ГАУГН-ПРЕСС

2 март
апрель
2020

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Р.Г. Пихоя

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

**А.Н. Артизов, В.Ю. Афиани, Б.В. Базаров, Т.М. Горяева,
Д. Дальманн, М. Дэвид-Фокс, А.Е. Иванов, С.П. Карпов, С.М. Каштанов,
В.В. Кондрашин, Д. Ливен, А.К. Левыкин, С.В. Мироненко,
К.В. Никифоров, Ю.С. Пивоваров, Д. Свак, А.К. Сорокин, В.А. Тишков,
Е.А. Тюрина, У. Эньюань, В.С. Христофоров**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

**О.Г. Агеева, А. Блюм, О.В. Будницкий, В.П. Булдаков, М.Г. Вандалковская,
П.Г. Гайдуков, А.В. Голубев, И. Граля, В. Дёнингдаус, Е.В. Добычина,
С.В. Журавлёв, В.Н. Захаров, В.В. Зверев, Е.Ю. Зубкова, В. Зубок, Б.И. Колоницкий,
М. Крамер, В.А. Кучкин, Д.В. Лисейцев (зам. главного редактора), Е.А. Мельникова,
Л.В. Мельникова, А.В. Мамонов (зам. главного редактора), Д.Б. Павлов, Ю.А. Петров,
Е.И. Пивовар, Д.А. Редин, Н.М. Рогожин, В.В. Трепавлов, В.В. Шелохаев,
П.Ю. Уваров, О.В. Хлевнюк, И.А. Христофоров, А.В. Юрасов**

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

М.А. Новикова

Адрес редакции

117292, г. Москва, ул. Дм. Ульянова, 19. Тел.: 8-499 723-69-10
Электронная почта: otech_ist@mail.ru; otech_ist1@mail.ru

На обложке: И.И. Бродский. У мавзолея Ленина (1924)

© Российская академия наук, 2020

© ООО «Интеграция: Образование и Наука», 2020

© Редколлегия журнала «Российская история» (составитель), 2020

Марксизм, Ленин, революция: метаморфозы великой легенды

Владимир Булдаков

**Marxism, Lenin, revolution:
metamorphoses of a great legend**

Vladimir Buldakov

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

DOI: 10.31857/S086956870009248-3

Юбилеи выдающихся людей, подобно коммеморациям революции, имеют примечательную историю. Так, 50 лет назад в обязательном по такому случаю документе ЦК КПСС «вождь Октября» был представлен человеком, подарившим миру «единственно верную» теорию, триумфально озаряющую не только славное советское прошлое, но и поступательное движение в будущее (хотя уже и без обещанного коммунизма). Затем всё изменилось. В постперестроечное время В.И. Ленин стал объектом всевозможных поношений. Конечно, звучали и сдержанные оценки, со временем появились новые почитатели. Психологически это понятно.

Но как отделить многослойную легенду от реального Ленина? Журналист Л.А. Данилкин, автор современной «примиренческой» книги, взялся провести эксперимент, надеясь преодолеть общественный невроз, «вызванный подавленной психотравмой». В предисловии к своей объёмистой книге он задался вопросом: что произойдёт при столкновении пропагандистского образа с «кубометром тёмно-синих томов ленинского Полного собрания сочинений»¹. Намерение похвальное: труды Ленина забыты, о его делах рассказывают небывлицы. Но как возвратиться к реалиям «утраченного времени»? Возможно ли это в принципе? И возникнет ли желанный терапевтический эффект?

Ленин однажды заметил, что Россия «выстрадала марксизм». В советское время это звучало горькой иронией. На марксизме, как и на ленинизме (если признать, что они существовали как реальность, а не как миф), лежала печать большой, но «больной» эпохи, — разумеется, с её неперменным утопическим противовесом. Попытка строительства на столь сомнительном основании идеократической государственности не могла не вылиться в акцию социокультурного садомазохизма.

© 2020 г. В.П. Булдаков

¹ Данилкин Л.А. Ленин. Пантократор солнечных пылинок. М., 2017. С. 777. Название книги следует, вероятно, интерпретировать как «повелитель просветлённых людских умов». Соответствующий образ навеян пифагорейскими представлениями о людских «душах как пылинках в солнечном луче». Он приводится (скорее всего, без всяких аллюзий) Лениным в «Философских тетрадах» при пересказе Гегеля, который, в свою очередь, пересказывает Аристотеля. См.: Ленин В.И. ПСС. Т. 29. М., 1969. С. 324.

Сам Данилкин предложил своего рода «топографическую» биографию Ленина с вкраплениями (порой сомнительными в силу их мемуарно-агиографического происхождения) бытовой истории. Но достаточно ли этого для возвращения к смыслам прошлого? Несомненно, высветить среду *физического* обитания культовой фигуры в повседневно-бытовом пространстве важно и необходимо. Но куда важнее уловить и передать *дух эпохи*, «цвет времени», вровень с которым — вольно или невольно, искренне или лукаво — оказался поставлен человек, признанный вождём грандиозного мирового переворота. При этом нельзя забывать, что чрезмерная детализация повседневности — от сферы потребления до интимных взаимоотношений — способна девальвировать само понятие *хронотопа*, сотканного из *тонких* материй исторического бытия.

К. Маркс: ожидаемый пророк?

Биографию Ленина следует начинать с того, чему или кому он поклонялся. Принято считать, что он вышел из Маркса, как воинственная Афина из головы Зевса. Но так ли это просто?

Можно, конечно, принять за аксиому, что Маркс создал холистическую систему, способную объяснить всё что угодно включая неизбежность появления Ленина. Когда-то примерно так и считалось. Можно вслед за тем представить в аналогичном пророческом качестве и самого Ленина. Но это *уже* делалось в советское время. Поэтому лучше поступить с точностью до наоборот. И Маркс, и Ленин были не только продуктами своей эпохи (с чем оба, скорее всего, согласились бы), но и её своеобразными заложниками, превращёнными в востребованные уже другими временем и средой символы.

Люди удивительно легко впадают в идеологические соблазны, однако с трудом разбираются в истоках былого ослепления. Это хорошо понимали ранние критики Маркса, отмечая его «фанатичный темперамент». А Ленина особенно бесили заявления о том, что социалистическая революция у Маркса это «выродившаяся в шарлатанство иллюзия мечтателя в состоянии экстаза»². Но такие двусторонние реакции естественны. Всякая эпоха выдаёт свой набор интеллектуальных девиаций, получающих шанс предстать со временем в виде «прозрений». Возможно, они таковыми и являются.

Как бы то ни было, «из всех страстей, разрывавших вскормившую их грудь современной демократии, самая мощная — ненависть к буржуазии»³. Вскормить эту ненависть Маркс помог как никто другой. Свой главный труд «Капитал» он неслучайно считал самым страшным снарядом, когда-либо пущенным в голову буржуа. А всякая страсть тотального отрицания не может не возрождаться в новых поколениях — особенно в эпоху исторических катаклизмов. Пресловутый «снаряд», похоже, особенно эффектно залетел в стоячее болото российской действительности.

Возможно, в иные времена марксизм мог бы остаться одним из многочисленных памятников радикальной экономической мысли. Случилось иное: он стал подобием светской религии или религиозной схизмы, отвергающей основы и Ветхого, и Нового заветов. Во имя чего? Во имя страстного, по существу религиозного бунта против не оправдавших надежд старых богов. И этот феномен

² Ленин В.И. ПСС. Т. 29. С. 346.

³ Фюре Ф. Прошлое одной иллюзии. М., 1998. С. 18, 21.

был подготовлен всей «антирелигиозной» эпохой Просвещения, последовавшей за Ренессансом и Протестантством (через которые «перескочила» Россия).

С чем это связано? В эпоху скрыто нарастающей нестабильности «застойного» социального пространства диссипативные личности устремляются на поиск «своих» божков (точнее идолов). Маркс предугадал появление невиданного ранее объекта поклонения — заземлённого божества, именуемого пролетариатом. Таково было «материалистическое» общеевропейское поветрие. Особенно заметно оно сказалось на периферии тогдашнего капитализма — в «аграрной» России, вольно и невольно становившейся промышленной.

В своих исходных установках марксизм превратно религиозен. На место страдающего Бога в нём поставлен «угнетённый класс» — новый мессия, который, как ожидалось, революционным путём из «последних станет первым». В пролетарском интернационализме, как и в христианстве, не должно было быть «ни эллина, ни иудея». Но солидарность достигалась отнюдь не братской любовью, а насилием против «насильников». Это отвечало энергетическому напряжению того времени. Сама идея Прогресса парадоксальным образом вступала в период своего агрессивно-утопического существования. «Диктатуре разума» суждено было вырождаться в диктатуру идеи. Немногие, как Ленин, готовы были поверить в это.

То, что «научная доктрина» Маркса религиозна по своей структуре, а его материализм выливается в революционно-идеалистическую практику, замечено давно. Об этом писал лидер эсеров В.М. Чернов, ссылаясь на статью небезызвестного бельгийского социалиста Э. Вандервельде «Идеализм в марксизме»⁴. Более основательно высказался российский экс-марксист С.Н. Булгаков, подобно многим выходцам из священнической среды ринувшийся на поиски новой веры (это было повальным явлением⁵), однако не сумевший укрепиться в ней и возвратившийся в лоно православия. Впрочем, его критика Маркса выглядит односторонней. Он осуждал по преимуществу его антигуманный атеизм, не замечая или не решаясь признать в нём прародителя нового contagiозного верования.

Бывают времена, когда даже трезвые умы словно впадают в ослепление (выдаваемое за просветление), а затем рьяно следуют инерции «нечаянного» выбора. У некоторых на это уходит вся жизнь. Легче всего это удаётся тогда, когда растущую массу позитивистских аргументов подпитывает утопия. «Мы должны констатировать, — отмечал Булгаков, — что наиболее глубокое, определяющее влияние Маркса на социалистическое движение в Германии, а позднее и в других странах, проявилось не столько в его политической и экономической программе, сколько в общем религиозно-философском облике»⁶. Действительно, доктор Маркс, начавший как революционный романтик, все силы бросил на главный труд жизни: «Капитал» — сочинение дотошно наукообразное, претендующее на системность и всеохватность, но при этом (с помощью вольно интерпретированной гегелевской диалектики) разрывающее привычные причинно-следственные зависимости. Это походило на практику

⁴ Чернов В.М. Философские и социологические этюды. М., 2011. С. 358—359.

⁵ См.: Леонтьева Т.Г. Вера и прогресс. Православное сельское духовенство России во второй половине XIX — начале XX вв. М., 2002. С. 55—94.

⁶ Булгаков С.Н. Карл Маркс как религиозный тип (Его отношение к религии человекобожия Л. Фейербаха) // Булгаков С.Н. Философия хозяйства. М., 1990. С. 338.

кабинетного сочинения «философии чуда», но оказалось воспринято как открытие, тем более что неуклонное обличение «ужасов капитализма» производило завораживающий эффект.

Маркс был человеком потрясающей работоспособности и выдающейся эрудиции. Это позволяло имплицитно и эксплицитно подхватывать новаторские идеи своего времени. Так, трудовую теорию стоимости — ядро социально-революционной философии — создал не он, а Д. Рикардо. Но главная особенность марксизма заключалась в «формационной теории» — представлении о неуклонно-ступенчатом восхождении человечества от низших форм общественной жизни к высшим. Она позволяла даже человеку ограниченных возможностей ощутить себя всезнайкой. Используя этот психологический механизм, можно было изменить духовный тонус целых поколений. Так и случилось в XX в. — марксистская психозависимость поразила даже антикоммунистов. «Избавляясь от марксизма-ленинизма... думали, что избавляются от самого Маркса. Но это не так-то просто, — признал современный западный глобалист. — Выпроводишь Маркса в дверь, а он грозит пролезть в окно. Ибо Маркс не исчерпал своего политического значения и своего интеллектуального потенциала (как раз наоборот)»⁷.

Сделавшись светской религией, марксизм стал почти неуязвим для научной критики. Как результат, исследователи разделяют Маркса-экономиста и Маркса-утописта. Так удобнее. Тем временем идеологам марксизма в ходе схоластических склок между собой суждено было измельчать. Всякая вера девальвируется под давлением бытовых верований. В советское время преподаватели «научного коммунизма» превратились в начётчиков, неспособных бороться за умы последователей. Результатом стало культивирование благодотно-безликих фигур и Маркса, и Ленина. Слова отлетели от смыслов. От великой утопии осталась терминологическая шелуха. Приходится возвращаться назад.

В марксистском этосе изначально не было ни грана гуманистического солидаризма. К тому же «интернационалист» Маркс оставался не только европейским гегемонистом, но и немецким националистом. В этом ничего необычного: выдающиеся умы человечества отнюдь не обладают иммунитетом против предрассудков своего времени. Идеи вообще слабы перед разгулом человеческих страстей, всякий раз разгорающихся — иной раз в противовес утопиям — в переломные моменты истории. В Российской империи, где никогда не было ни полноценных отношений собственности, ни даже общества в европейском смысле слова, власть всегда рисковала остаться *наедине* с людской *массой*, подверженной *внешним* идейным влияниям.

Разобраться в этом непросто. Уместно вспомнить слова Ф. Энгельса о «немецком» понимании истории, в рамках которой прошлое «становится... историей предвзятых идей, сказкой о духах и призраках, а действительная, эмпирическая история, составляющая основу этой сказки, используется только для того, чтобы дать тела этим призракам; из неё заимствуются имена, которые должны облечь эти призраки в видимость реальности»⁸. Сказанное похоже на выпад против нынешнего постмодерна. Однако эгоцентричный соблазн упорядочения «хаотичного» прошлого существовал всегда. Между тем подлинный профессионализм историка состоит в умении свободно перемещаться между

⁷ Валлерстайн И. После либерализма. М., 2018. С. 210.

⁸ Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 3. М., 1955. С. 115—116.

бытом и вымыслом, фактом и метафорой, психологией и мифологией, не забывая, что за всем этим стоит набор пресловутых архетипов, болезненно взаимодействующих с вызовами большого исторического времени. Из этого и складывается источниковедение — в его основе лежит критика источников, создаваемых «несовершенными» людьми.

Марксисты versus народники? О «пользе» схоластических споров

Считается, что Маркс до конца жизни отмахивался от всевозможных «марксистов». Это не мешало ему покровительствовать своим почитателям из России. Большой человек не избегает соблазна самоутверждения на фоне «мелкоты». Он не лишён маленьких слабостей и даже дурных наклонностей — что не раз зафиксировано биографами.

Давно замечено, что российское социокультурное пространство «избыточно» эмоционально⁹. При этом Россия «обделена» традицией средневековой схоластики, дисциплинировавшей европейское сознание. Отсюда известная склонность: эмоции превращаются в нравственные максимы, максимы — в понятия, понятия — в «теории». Отсюда же и пресловутые споры славянофилов и западников, достигшие апогея в 1890-х гг. в полемике «победителей» марксистов с «проигравшими» народниками.

На деле всё не столь просто. Наиболее показательно проделал путь от народничества к марксизму Г.В. Плеханов. Но он находился в эмиграции, в России его сочинения знали понаслышке. До 1894 г. российская интеллигенция оставалась в доктринальном смятении. «Мы были толстовцами и радикалами, политиками и социалистами», — вспоминал самый заметный внутрироссийский экс-марксист (превратившийся со временем в неприкаянное политическое существо) П.Б. Струве о настроениях студенчества¹⁰. В то время вообще было принято хвататься за всякую новейшую западную теорию (Плеханов называл это «обезьянничаньем» русской интеллигенции). Самого Струве можно отнести к редкому типу «состоявшегося вундеркинда», причём благодаря главным образом образам исключительным обстоятельствам. Он легко увлекался. В 14 лет в дневнике объявил себя славянофилом и «либералом почвы», сторонником самодержавия и «народного представительства», а также противником бюрократии¹¹. В студенческие годы, напротив, «волнуясь и заикаясь, говорил о подвиге Желябова и Перовской и призывал... сказать Владимиру Соловьёву прямо, что мы считаем себя продолжателями их дела и что то, что он называет бессмысленными злодеяниями, мы считаем “подвигами”»¹². Вероятно, налицо случай «демонстративного героизма», свойственный юношам, — особенно тем, которые сознают свою врождённую неспособность следовать вдохновляющему примеру.

Сегодня Струве, как и в советское время, представляют едва ли урождённым либералом. Имеются, однако, свидетельства, позволяющие в этом усомниться. В.В. Розанов — публицист слишком эмоциональный, чтобы круто соврать, — вспоминал, что, когда он публично обозвал А.И. Желябова «дура-

⁹ Buldakov V.P. Revolution and emotions: towards a reinterpretation of political events of 1917 // Russian History. 2018. Vol. 45. P. 196—230.

¹⁰ Россия и славянство. 1930. 20 сентября.

¹¹ РГАСПИ, ф. 279, оп. 1, д. 1, л. 3—4.

¹² Мартюв Ю. Записки социал-демократа. Кн. 1. Берлин, 1922. С. 76.

ком», Струве накинута на него «с невероятной злобой». Но он же говорил о революционерах вещи, которые Розанов якобы «себе никогда не позволял»¹³. В общем, в России жертвенных террористов почитали, а Струве «краснел» и «левел» под влиянием доминирующих идейных страстей. В редакционной статье заграничного «Освобождения» он утверждал, что истинными виновниками провала либерального правительственного курса являются не террористы, а те, кто удерживал слабавольного Александра II от завершения реформ¹⁴. Через год высказался ещё яснее: «Самодержавие есть гражданская война со всеми её бедствиями... главный виновник всех политических убийств»¹⁵.

Похоже, что с народнического экстремизма начинал сам Ленин, и это позднее ставилось ему в вину некоторыми ортодоксальными марксистами. Разумеется, с этим невозможно было смириться советским иконописцам. Но находились и исключения. В студенческие годы, познакомившись с объёмистой (почти 600 страниц) книгой Ю.З. Полевого «Зарождение марксизма в России», я был изумлён: а где же Ленин? Смешно признаться, но, воспитанный в атеистической традиции, я был подсознательно убеждён, что Маркс и Ленин составляют нечто вроде Бога-отца и Бога-сына. И если я (плохой студент) был удивлён, то кое-кто наверху негодовал: не могло быть в России никаких марксистов до Ленина! В общем, через три года Полевому пришлось защищать докторскую диссертацию, названную «Рабочее движение 80-х — начала 90-х гг. XIX в. и первые марксистские организации в России»¹⁶. Как говорится, почувствуйте разницу! Тогда ещё не перевелись «наивные» исследователи, не догадывающиеся, что их дотошность мешает официальным идеологам.

Парадоксально, но Маркса впервые перевели именно в России. Впрочем, ещё до первого перевода, осуществлённого крестьянофилами-народниками, здесь появился своего рода катедер-марксист Н.Н. Зибер, успешно защитивший диссертацию «Давид Рикардо и Карл Маркс в их общественно-экономических исследованиях». В ней он, между прочим, настаивал, что «теория происхождения чистого дохода, или прибавочной ценности, в связи с общей теорией ценности, представляет ядро всего сочинения “Капитал”, дальнейшее содержание которого является не более как развитием деталей и усложнений той и другой»¹⁷. Разумеется, Зибер, как и последующие марксисты, не мог знать, что в третьем томе «Капитала» Маркс «опроверг» самого себя: прибыль в не меньшей степени связана с рыночной конъюнктурой.

Обличение Марксом ужасов буржуазной эксплуатации не могло не понравиться людям, рассчитывавшим избежать «вредоносного» капитализма. Для народников марксизм сыграл роль полезного и своевременного подспорья. Однако он одновременно вдохновил и других: тех, кого раздражала общественная двусмысленность народничества — то ли террористического, то ли либерального. Их привлекал капиталистический «прогресс». Как ни странно,

¹³ Розанов В.В. Уединённое. М., 1990. С. 309—310.

¹⁴ От редактора // Освобождение. 1902. 18 июня (1 июля).

¹⁵ Струве П.Б. Кто притупляет общественное сознание? // Освобождение. 1903. 19 мая (1 июня).

¹⁶ Ср.: Полевой Ю.З. Зарождение марксизма в России. 1883—1894 г. М., 1959; Полевой Ю.З. Рабочее движение 80-х — начала 90-х гг. XIX в. и первые марксистские организации в России. М., 1961.

¹⁷ Зибер Н.И. Давид Рикардо и Карл Маркс в их общественно-экономических исследованиях. М., 1937. С. 303. Диссертация Зибера, похоже, была опубликована тогда по недоразумению — такое случилось.

его можно было возвеличить с помощью всё того же марксизма, представив его социально эволюционной теорией (по аналогии с учением Ч. Дарвина). «Социальная философия Маркса была вызвана к жизни громадной массой противоречий, в которых запуталось современное ему человечество в сфере познания самого себя, своей общественной природы»¹⁸, — к такому заключению пришёл выдающийся ум своего времени, друг/враг Ленина А.А. Богданов (Малиновский). Но стремление к «ясности» породило двоякий эффект.

Можно предположить, что радикальной части русской интеллигенции *in corpore* пришлось пережить то, что некогда пережил Маркс — человек, чей отец порвал с семейными талмудистскими традициями в пользу «более перспективного» протестантизма. Земский статистик кн. В.А. Оболенский, марксист и социал-демократ, а затем кадет, вспоминал: «Из своих наблюдений над русской деревней я всё больше убеждался в правильности марксистских прогнозов в отношении России... Я усвоил марксистскую уверенность в том, что Россия, чтобы стать страной социализма, должна предварительно пройти через фазу развития капиталистического прогресса индустриального и сельскохозяйственного, и что переход крестьян от общинного к частному землевладению не только влечёт за собой повышение культуры, но и в конечном счёте приближает Россию к социалистическому строю». Впрочем, Оболенский «не принадлежал к типу людей, взгляды которых создаются из увлечения отвлечёнными теориями и доктринами». Он «не склонен был видеть в пролетариате какого-то избранника экономического процесса, которому предстояло вести остальное человечество в царство Свободы и Справедливости»¹⁹. Для него, как для многих интеллигентов 1900-х гг., марксизм стал лишь этапом идейного самоопределения. Другой видный экс-марксист Н.А. Бердяев признавался: «В марксизме меня более всего пленил историософический размах, широта мировых перспектив... Марксизм конца 90-х годов был несомненно процессом европеизации русской интеллигенции, приобщением её к западным течениям, выходом на большой простор»²⁰.

Считается, что на руку тогдашним марксистам сыграли знаменитые петербургские рабочие стачки второй половины 1890-х гг. Однако легальный имидж доктрины укрепился постольку, поскольку она стала ассоциироваться с социал-демократией *реформистского* типа. Это не удивительно: всякая доктрина по мере превращения в Веру раскалывает адептов на ортодоксов и еретиков, «мужественных революционеров» и «трусливых ренегатов». Трудно сказать, чья масса оказалась тогда внушительней. По некоторым данным, осенью 1899 г. в Петербурге существовало «три фракции» (скорее всего, это были эфемерные объединения) последователей лидера германских ревизионистов Э. Бернштейна²¹. Осенью 1900 г. М.И. Туган-Барановский был приглашён известным либеральным адвокатом Д.В. Стасовым прочитать лекцию о Бернштейне. Собралось около 100 человек, полиция проявила бдительность и переписала присутствующих. Среди последних оказалась «некая княгиня», которая «подняла шум по поводу произвола властей, что вызвало восторг либерального общества»²².

¹⁸ Богданов А.А. Из психологии общества. М., 2016. С. 272.

¹⁹ Оболенский В.А. Моя жизнь и мои современники. Воспоминания, 1869—1920. Т. 1. М., 2017. С. 221—222.

²⁰ Бердяев Н.А. Самопознание (Опыт философской автобиографии). М., 1991. С. 118.

²¹ РГАСПИ, ф. 362, оп. 1, д. 37281, л. 24.

²² Листок «Рабочего дела» (Женева). 1900. № 4. С. 12.

Но существовала и другая сторона медали. «Социологию Маркса я принял в те годы целиком и совершенно уверовал в пролетариат как строителя будущей цивилизации, — утверждал поэт Г. Чулков. — Нравилась стройность системы, казалась убедительной начертанная Марксом схема классовой борьбы... Самая фатальность исторического процесса, неуклонно идущего к коллективизму, внушала тот оптимизм, которого так не доставало серой и унылой действительности»²³. С помощью марксизма часть интеллигенции освобождалась от народнической «стадности» в пользу независимого выбора. Неслучайно Чулков со временем обрёл себя в качестве «мистического анархиста». Другие, напротив, подались вправо. Запоздалые шараханья такого рода обычно происходят на фоне засилья неизбежных догматиков.

Как бы то ни было, в России своей заразительностью марксизм обязан Струве. Идеи «пионера русского марксизма» Г.В. Плеханова до широкой публики почти не доходили, тогда как появление в 1894 г. книги Струве «Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России» вызвало фурор своей заключительной — антинароднической — фразой: «Признаем нашу некультурность и пойдём на выучку к капитализму». С этого момента развернулась поистине фантазмагорическая борьба за идейное наследие Маркса. Позднее Богданов высказался так: «Когда-нибудь найдётся историк, который напишет сравнительный анализ стратегии и тактики в войне идеологий, а может и философ-поэт, который в широком, социальном масштабе изобразит “Метаморфозы” борющихся идей»²⁴. Хорошо бы!

Для продвижения идеологий нужны соответствующие типы наставника и последователей. Струве не годился на роль проповедника — он постоянно «менял кожу» под влиянием обстоятельств. «К чисто научной деятельности я не способен, — сообщал этот 14-летний сын экс-губернатора. — Я терпеть не могу философии и вообще не признаю никаких философских убеждений, но исповедую только религиозные и политические... Философия человеческой мысли, логика нечто вообще не нужное»²⁵. В студенческие годы он «резко протестовал против призывов не к общественной деятельности, а к метафизике». Современники утверждали, что его суждения о В.С. Соловьёве свидетельствовали о негодовании «против самой постановки вопросов не с классовой точки зрения»²⁶. Трудно было вообразить, что струвистам суждено вернуться и к «метафизике», и к Соловьёву. Однако в этом нет ничего необычного: людей, готовых объявить нелепостью буквально всё, не соответствующее их *сегодняшним* умонастроениям, на Руси всегда в избытке.

Застойная среда провоцирует юношескую импульсивность, но Струве удивительно медленно «взрослел». Несомненно, в росте его популярности сыграло свою роль «Открытое письмо» Николаю II. Едва вступив на престол, нервный молодой император во время приёма земских либералов, с трепетом наметнувших на желательность реформ, повелел забыть о «бессмысленных мечтаниях». Это было за границами тогдашней политкорректности. Воспользовавшись этим, Струве от лица общества пригрозил царю борьбой, которая «не заставит себя ждать»²⁷.

²³ Чулков Г. Годы странствий. М., 1999. С. 32.

²⁴ Богданов А.А. Падение великого фетишизма. Современный кризис идеологии. М., 2010. С. 142.

²⁵ РГАСПИ, ф. 279, оп. 1, д. 1, л. 6, 13, 19.

²⁶ Воден А. На заре «легального марксизма» // Летописи марксизма. 1927. Т. 3. С. 76—77.

²⁷ Бурцев В. За сто лет. 1800—1896. Лондон, 1897. С. 276.

Струве пытался объединить либералов и марксистов в борьбе против самодержавия. Это соответствовало и установке Ленина, поначалу намеревавшегося последовательно двигаться от демократии к социализму. Понятно, что скоро они потянули в разные стороны. Отсюда последующий разрыв и взаимные упрёки — «обиженные» со стороны Струве, озлобленные со стороны Ленина. Соответственно, со времён «Краткого курса» в учебниках непременно клеймились «*легальные* марксисты». Присутствие в освободительном движении Струве, Туган-Барановского, Булгакова, Бердяева и др. подавалось более чем странно. С одной стороны, следовало усвоить, что эти буржуазные либералы «примазались» к «самой передовой теории», чтобы выхолостить её в угоду реакции. С другой стороны, можно было узнать, что автором манифеста I съезда РСДРП (1898), с которого принято вести родословную большевизма, являлся Струве. Конечно, данный съезд — событие чисто символическое. Однако, если исходить из текста манифеста, получается, что будущий правый либерал окрестил ленинцев в купели террористической «Народной воли».

Бывают времена, когда абстрактная социальная доктрина, зацепившись за людские души, начинает формировать пространство утопии, чтобы со временем, вернувшись в среду образованных людей, превратиться в устойчивую мифологию. По утверждению С.Л. Франка, «большинство русских людей *веровало в революцию вообще и мечтало о ней*»²⁸. Вокруг этой коллективной *idée fixe* вертелись «ортодоксы» и «еретики», догматики и критики, доктринёры и фантазёры, а то и просто бесшабашные демагоги. Реже появлялись люди с «истиной в кармане». Именно на последних фокусируется всеобщее внимание — они указывают *путь* из «тупика» к некоему *идеалу*.

Имперских охранителей марксизм волновал мало. Даже колоссальные *легальные* успехи германской социал-демократии, с начала 1890-х гг. начавшей стремительно наращивать своё представительство в рейхстаге, не вызывали беспокойства. Россия считалась аграрной страной, причём после голода 1891—1892 гг. могло показаться, что новая пугачёвщина не предвидится — крестьянство не взбунтовалось. Беспокойство властей вызывали разве что террористы (которые водились везде и всегда), да земские либералы, настырно посягавшие на патерналистские prerogatives самодержавия. Репрессивная машина не умела разглядеть разрушительный потенциал *идеи* как таковой. Ещё менее беспокоился насчёт последствий своих выступлений Струве. Зато настойчиво думал над тем, «что делать», Ленин.

В 1890-х гг. Струве вызывал и восхищение, и зависть. Его книга до такой степени пестрела цитатами из всевозможных «авторитетов», что народники обозвали её «плодом плохо переваренной эрудиции», а Ленин — произведением «буржуазного объективизма». Затем пришла «классовая» ненависть. Основания для этого имелись. Литературный социал-демократ из рядового вероотступника превратился в ведущего автора «этапных» для либеральной идеологии сборников «Проблемы идеализма» (1903), «Вехи» (1909), «De profundis» (1918). Люди осторожные инстинктивно отшатнулись от призрака «красной смуты». Впрочем, пресловутые «Вехи» Богданов неслучайно назвал «сборником поумневших под кнутом реакции русских либералов»²⁹. Каждый толковал ситуацию по-своему.

²⁸ Франк С. Из размышлений о русской революции // Русская мысль. 1923. Кн. VI—VIII. С. 241.

²⁹ Богданов А.А. Падение великого фетишизма... С. 143.

Едкую оценку Струве дал Л.Д. Троцкий. По его мнению, экс-марксист представлял «олицетворённую беспринципность в политике», будучи «совершенно лишён *физической силы мысли*». «Критические заметки» явились «эклехтическим соединением “критической” философии, вульгаризованного марксизма и подправленного марксизмом мальтузианства». Естественно, их автору пришлось уйти в «исторически выморочный» либерализм с «его неспособностью на инициативу, его отчуждённостью от рабочих масс». К этому добавлялось то, что взгляды Струве «всегда находились в процессе непрерывного линияния»³⁰.

Конечно, помогали «легальным марксистам» и врождённые слабости русской «передовой» мысли. По мнению неонароднического литературоведа Р.В. Иванова-Разумника, благодаря марксизму «русская социалистическая мысль вышла, наконец, на верный путь из того позитивистского тупика, в котором она беспомощно толкалась более полувека»³¹. Известный социал-демократический публицист В.А. Базаров сходным образом полагал, что струвистский идеализм стал «лестницей», ведущей из пошлой обыденщины к «вечно зияющему абсолюту»³². Впрочем, политики склонны не тянуться к «абсолюту», а скорее прятаться за него.

Всякая популярная личность со временем может вызвать отторжение — такова природа общественных пристрастий. В глазах одного монархиста Струве предстал «растлителем» русской интеллигенции и, вместе с тем, «патриархом русской революции». Получалось, что «первый камень в царский престол бросили не бесы подполья, а наэлектризованная ими привилегированная группа бар-помещиков с фрондирующими отпрысками родовой аристократии»³³. На деле, с одной стороны, марксизм научил интеллигенцию умозрительно спрямлять причинно-следственные связи, с другой — обеспечил невозможное, казалось бы, смыкание традиционалистского и прогрессистского типов мировосприятия. В определённых социально-исторических условиях это чревато непредсказуемыми последствиями. Разумеется, до революционной нетерпимости довели этот процесс отнюдь не «легальные марксисты». Но семена злого сомнения в «исторически бесполезном» самодержавии посеяли именно они — этому помогал «дух времени». М.И. Пришвин, вспоминая Германию 1900 г., писал: «Я был уверен, что вот-вот совершится мировая катастрофа, пролетариат всего мира станет у власти и жить на земле будет всем хорошо». Это чувство держалось несколько лет³⁴. Людей диссипативного склада в России того времени имелось более чем достаточно. Но боязливых всегда больше.

Как ни парадоксально, террористы и либералы оказались людьми «одной крови». Разница лишь в том, что революционеры готовы были крушить старое под лозунгом «Разрушение есть созидание», а либералы не могли расстаться с надеждами на «прогрессивную» бюрократию. Между тем Маркс и Энгельс признавали террор «исторически неизбежным способом действия», Плеханов старался не отставать от них, относительно Ленина и говорить не приходится. Это формировало известную общественную склонность. И неудивительно, что

³⁰ Тахотский [Троцкий] Л. Господин Пётр Струве в политике. СПб., 1906. С. 3—4, 7.

³¹ Иванов-Разумник Р.В. История русской общественной мысли. Т. 2. М., 1997. С. 187, 190.

³² Базаров В. Судьбы русского «идеализма» за последнее десятилетие (От «критического марксизма» к «Вехам») // Из истории новейшей русской литературы. М., 1911. С. 153.

³³ Краинский Н.В. Психофильм русской революции. М., 2016. С. 25, 27.

³⁴ Пришвин М.И. Дневники. 1918—1919. М., 1994. С. 74.

марксизм стал восприниматься в качестве радикальной антитезы существующей действительности. Такова естественная «магия» перевоплощения идей, претендующих на всеохватность. Особенно в условиях наступившего «империализма». Сегодня этого термина избегают, однако он превратился в «концепт-призрак», монопольно объясняющий происхождение Первой мировой войны (блоковое противостояние великих держав).

Генезис тотального протеста

Как Ленин входил в историю? Откуда появилось само его имя, впервые прозвучавшее в 1901 г.? Существует масса версий, которые носят то наивно-символический, то вульгарно-конспирологический, а то и мистико-демонический характер. Среди них и придумки о сибирской реке Лене, и об одноимённой таинственной даме. Приписывают Ленину и «кражу» фамилии у почтенного члена Вольного экономического общества. К числу наиболее экзотических версий относится ссылка на «*Vaticanium Lehninese*» — древнее пророчество германского монаха, ставшее известным в конце XVII в.³⁵ Исследовали не обращали должного внимания на то, что «Ильич» вырос в добропорядочной патриархальной семье служилого дворянина в провинциальном захолустье (так и позднее называли Симбирск). Поначалу Володю считали ребёнком «проблемным» (научился ходить лишь в три года). Затем последовало что-то вроде интеллектуальной и физической гиперкомпенсации — он буквально стал терроризировать ближних своими отнюдь не безобидными шутками и выходками. Отсюда гипотеза американского исследователя Ф. Помпера: псевдоним, в происхождении которого Ленин не признался даже собственной жене, связан с преодолением былой «лени». Не случайно использовавший более 160 псевдонимов Ульянов из цензурных соображений в шутку предложил подписать свою книгу «Империализм как высшая стадия капитализма» именем *Н. Ленивцына*³⁶. В своё время версия Помпера зацепила и меня³⁷.

Историки, как и всякие позитивисты, не любят психоаналитических гипотез. Между тем в символическом смысле версия Помпера ничуть не хуже известных. Это видно из траектории последующей жизни Ленина.

О том, что Ульянов-Ленин был в гимназии «первым учеником», известно широко. Учителя его любили; учащихся он «подтягивал» — втянувшись в познавательный процесс, стал выступать в роли не только обучаемого, но и *поучающего*. А дома просто «бунтовал» против косного, как ему казалось, «порядка». Выдающийся интеллект в сочетании с холерическим темпераментом естественным образом порождал стремление растормошить «сонных» людей.

После смерти отца, казни брата и окончания гимназии, лишившись патерналистских сдержек, Ленин оказался в роли обычного — «вечно недовольного» — студента Казанского университета. Позднее, в Петербурге, чтобы занять ставшее привычным место наставника, он, словно по инерции, приступил к

³⁵ Дудаков С. В.И. Ульянов: знакомый незнакомец // Россия и современный мир. 2008. № 3. С. 121.

³⁶ Pomper P. The family background of V.I. Uli'anov's pseudonym, «Lenin» // Russian History. 1989. № 2—4. P. 209—211.

³⁷ См.: Булдаков В.П. Политические деятели 1917 года: взгляд из толпы // Власть и общество в России в первой трети XX в. М., 1994; Булдаков В.П. Ленин: парадоксы жизни и смерти // Русский исторический журнал. 2000. Т. 3. № 1—4; Булдаков В.П. Похожий на монёра человек. Ленин как маг-повелитель перепуганных людей // Независимая газета. 2001. 26 апреля.

созданию «своей» партии, по иронии судьбы получившей историческое имя большевиков. Но для начала предстояло самоутвердиться на фоне более известных «легальных марксистов». Удалось и это. В отличие от Струве, с его «Критическими заметками», он написал куда более внушительный труд «Развитие капитализма в России». Основная мысль книги: в сельском хозяйстве России, вопреки мнению народников, успешно развивается капитализм. Позднее он отмечал, что «перебрал» по части «успехов». Люди, поднявшиеся над собственными комплексами, со временем перестают стыдиться былых заблуждений.

Ленин-«учитель» по-разному «подавлял» людей. Как-то Богданов отметил огромный «внешний аппарат учёности» в его книге: «Тысячи имен и цитат проходят перед читателем в дикой пляске, оставляя в неопытном человеке чувство тревожной растерянности перед той бездной знания, в какую проникло глубокомыслие автора»³⁸. Однако Ленину этого было мало.

Из раннего ощущения чувства собственного превосходства над окружающими обычно рождаются деспотические характеры. У Ленина эта наклонность микшировалась стремлением встать вровень с главными мыслителями современности. Обратной стороной стало нетерпимое отношение к интеллектуальным конкурентам. Отсюда и глубочайшее почтение к покойным Марксу и Энгельсу, и болезненное разочарование в ещё одном кумире — Плеханове, и презрительное третирование «Иуды»-Струве. В результате в ближайшем окружении удерживались либо немногочисленные почитатели, глядевшие ему в рот, либо временные «попутчики». Остальные являлись или становились «врагами».

Конечно, не случись Первой мировой войны, феномен Ленин никак бы не состоялся. До 1914 г. он был знаком с трудами Гегеля лишь в пересказе Маркса. Предполагалось, что последний «материализовал» диалектику, поставив её «с головы на ноги». К необходимости изучения непосредственно Гегеля Ленин пришёл лишь в 1914 г., законспектировав «Науку логики». На полях он отметил, что «нельзя вполне понять “Капитал” Маркса, не проштудировав и не поняв *всей* “Логике” Гегеля». По его мнению, «никто из марксистов не понял Маркса ½ века спустя»³⁹. Эту «загадочную» фразу исследователи трактуют по-разному. Между тем у Ленина речь шла о «диалектике» не столько мысли, сколько *чувства*. Шок от мировой войны, казавшейся невозможной из-за тогдашнего скачка глобализации, связанного с колоссальным прогрессом экономики и финансов, был способен перевернуть сознание европейцев. Появилась масса умозрительных проектов тотального переустройства Европы: от социалистических «Соединённых Штатов Европы» (поддержанных Троцким) до консервативной пангерманистской «Срединной Европы» Ф. Науманна. Ленин предложил нечто более радикальное — «Соединённые Штаты Мира». Вспомнил он и о теории империализма Дж. Гобсона (1902), и о «революционной» колониальной периферии.

Но главное «открытие» заключалось в другом. Если империалистический мир воплотил в себе интеллектуальную ложь буржуазной эпохи, то «перевернуть» его сможет только идея-антагонист. Отсюда представление о превращении «войны империалистической в войну гражданскую». Вероятно, для того чтобы усвоить, что миром вопреки мнению экономистов правят идеи, Ленину следовало бы обратиться не к Гегелю, а к Ницше.

³⁸ Богданов А.А. Падение великого фетишизма... С. 194.

³⁹ Ленин В.И. ПСС. Т. 29. С. 162.

Считается, что Ленин только и делал, что менял взгляды, а потому всю его деятельность можно поделить на «периоды». Только в реальной жизни революционера-подвижника выделяются не периоды, а *траектории* — идей, мыслей, поступков. И они сливаются в траекторию *судьбы*. А от последней, как говорится, не убежишь.

Формально Ленин действительно только и делал, что «менялся». В этом вроде бы убеждают его тексты. Однако он оставался последователен в главном — в вере, которую исповедовал. Прочее было «тактикой». Ради примитивной, но энергетически мощной идеи-утопии, заложенной в «Коммунистическом манифесте» и превращённой в монументальную глыбу с помощью первого тома «Капитала», он был готов пожертвовать многим. Так, ради сохранения притягательной простоты учения Ленин злобно одёрнул «эмпириомонистов», не без оснований подозревая, что «усложнение» утопии ослабит её профетическую мощь; чтобы ослабить шок от лозунга «поражения собственного правительства» в начале Первой мировой войны, сочинил неуклюжую статью «О национальной гордости великороссов»; стремясь поддержать веру в грядущий тотальный переворот, начал писать «Статистику и социологию», привлекая внимание к революционному потенциалу империалистических колоний. Мучительно долго работал над энциклопедической статьёй «Карл Маркс», чтобы показать, что великий наставник мыслил «системно», а не формально-логически. Немалую изворотливость продемонстрировал также в «Государстве и революции», пытаясь убедить не только других, но и самого себя, что централизм «диктатуры пролетариата» это «высшая форма демократии». Наконец, на II съезде Советов фактически признал своим союзником «мелкобуржуазное» крестьянство.

Меняется всё. Не меняется разве что камень. И пресловутый «камень» (или «снаряд» Маркса) Ленин всегда держал за пазухой для борьбы против всех чужих, неверных и колеблющихся.

Конечно, в эпоху бессмысленнейшей из войн Ленин предложил утопичный план: из общеевропейского антивоенного бунта, поддержанного колониальной периферией, не мог вырасти мировой социализм. Но человека, всерьёз воспринимавшего «сны Веры Павловны» и взвинченного своеобразно понятию «диалектикой», уже ничто не могло смутить. И ему «повезло»: бывают времена, когда возникает грандиозная иллюзия воплощения утопий.

Революция и её образы

Февральскую революцию Ленин, подобно всем революционерам, «проглядел». Не удивительно: события разворачивались не по марксистскому, а скорее по бакунинскому сценарию⁴⁰. В стране с преобладающим крестьянским населением впору было ждать русского бунта — как всегда «беспощадного» (хотя не столь «бессмысленного»). Люди требовали окончания войны, не говоря уже о «земле и воле». Между тем метафорой, определяющей поведение европеизированной части общества, стала *демократия*. Но ей требовалась эмоциональная подпорка. И, как пронизательно высказался Троцкий, «чтобы бороться за конституцию, интеллигенции понадобился идеал социализма»⁴¹. В марте 1917 г. этот фактор сказался в полной мере. Однако в глазах традиционалистских низов

⁴⁰ Buldakov V.P. Révolution ou révolte? Nouvelles perspectives cent ans plus tard // Vingtième Siècle. Revue d'histoire. 2017/3 (№ 135). P. 159—174.

⁴¹ Троцкий Л.Д. Литература и революция. М., 1991. С. 265.

социализм выступил не учением неведомого Маркса, а синонимом вождельного социального рая. Нарастала жутковатая психоментальная ситуация: «Верования господствовали над идеями... Словесные формы царили без всякого понимания», а «в психике масс боролись два влечения: мечты о получении кусочка выгоды в новой жизни и скрытое сожаление о потерянном рае»⁴².

Глубинный антагонизм 1917 г. определялся не столкновением «пролетариата и буржуазии» и даже не противостоянием «верхов и низов», а остро выявившейся несовместимостью культур европеизированных элит и традиционалистских масс. Отсюда борьба символов: одни за «демократию», другие — за ещё более призрачный «социализм». Ленин попытался «диалектически» примирить то и другое, неслучайно впадая в вульгарную демагогию (символично, что особенно часто она лилась с балкона «модерного» дворца бывшей царской фаворитки М. Кшесинской).

За Лениным двинулся не столько «передовой класс», истощённый борьбой за выживание, сколько масса расхристанных солдат — недавних крестьян, уставших от «непонятной» войны. Сам он это понимал: «Лишённые возможности получить ясные руководящие указания, инстинктивно чувствующие фальшь и неудовлетворительность позиции официальных вождей демократии, массы принуждены ощупью сами искать пути... В результате под знамя большевизма идёт всякий недовольный, сознательный революционер, возмущённый борец, тоскующий по своей хате и не видящий конца войны, иной раз прямо боящийся за свою шкуру человек»⁴³. Примечательно, что «сознательный революционер» и шкурник поставлены в один ряд. Большевизм черпал силы из источника, который предписывал не Маркс, а Бакунин. Для осуществления подобной задачи требовалась доходящая до слепоты вера в осуществимость своих идеалов.

Характерно, что в 1917 г. Ленина невольно «подпирали» другие социалисты, тайно надеявшиеся, что ни один нормальный марксист не пойдёт на авантюру захвата власти. «Не бойтесь чрезмерно политических чрезмерностей Ленина», — успокаивал Чернов⁴⁴. Впрочем, впоследствии он показал себя более проницательным автором: писал, что «большой человек» Ленин «в нескончаемой фракционной борьбе развил в себе несравненную мускулатуру гладиатора, профессионала-борца... ежедневно изобретающего новые трюки и уловки, чтобы положить противника на обе лопатки». Обладание «изумительным хладнокровием, способностью в самых опасных положениях не теряться» делало его поистине неуязвимым (заметим, что Ленин действительно был неуязвим для политиков, пассивно ждавших прихода «хозяина земли Русской» в лице Учредительного собрания). Вместе с тем в «необыкновенной целостности натуры» заключался «секрет умения Ленина импонировать своим сторонникам». Что касается врагов, то они всегда были для него «не живыми людьми, а подлежащими уничтожению абстрактными величинами»⁴⁵.

Это видели многие. «Русские бунтари 1917 года выступили под знаменем марксизма, но их тактика и даже ближайшая их программа вовсе не совпадала с идеями научного социализма: они предали забвению все предпосылки соци-

⁴² Краинский Н.В. Психofilm русской революции. С. 109, 112.

⁴³ Ленин В.И. ПСС. Т. 32. М., 1962. С. 255—256.

⁴⁴ ГА РФ, ф. 5881, оп. 1, д. 370, л. 25—26.

⁴⁵ Чернов В. Ленин // Воля России (Прага). 1924. № 3. С. 31, 32, 37.

ального историзма и, подобно Бакунину, опираясь на тёмные непросвещённые массы, стремились ввергнуть страну во все случайности анархии со странною надеждою выплыть в океане бушующего строя “без руля и без ветрил”»⁴⁶. Сегодня, когда исследователи изучают возможности «нелинейного прогнозирования», сентенции Чулкова кажутся наивными. Ленин мог до бесконечности заклинать, что «учение Маркса всесильно, потому что верно», однако он так или иначе действовал по законам социально-революционной синергетики: сложноорганизованная система возрождается в результате тотальной эмоциональной перетряски на «клеточном» — человеческом — уровне.

События 1917 г. были для Ленина сплошной чередой мелких неудач, которые тем не менее обернулись триумфом. Возвращение через враждебную Германию поначалу никого не удивило, а позднее впечатлило не столь основательно. Ленинские «Апрельские тезисы» не без оснований сравнивали с бредом сумасшедшего, но Апрельский кризис показал, что массы способны пойти именно за «сумасшедшим». Ленин отнюдь не планировал июльский бунт в столице, который объявили сделанным на «немецкие деньги». Но даже это не помогло противникам — из реального политика Ленин превратился в революционный миф. Его поносили в сатирических журналах, о нём рассказывали небывлицы, однако в обществе крепло убеждение, что большевики вот-вот выступят, а противостоять им некому⁴⁷. Так, Оболенский вспоминал, что как раз в те дни вновь увидел Ленина, когда тот «произносил отвратительно-демагогическую речь с балкона особняка Кшесинской»⁴⁸. Но вождь адресовался отнюдь не интеллигентам типа Оболенского. Постоянные слушатели — преимущественно солдаты — подхватывали из его речей невероятный заряд ненависти, передаваемый, что примечательно, деловым, обыденным тоном⁴⁹. Происходил выплеск внутренней агрессии — рессентимента, аккумулированного «буржуазным прогрессом» и взвинченного неурядицами, связанными с продолжением войны.

Конечно, на оценки влияла и влияет позиция наблюдателя. Так, люди неуравновешенные особенно подвержены магии линейных причинно-следственных зависимостей. Отсюда бредовое представление: некогда в России «возник триумвират: Ленин, Плеханов и Струве», которому и суждено было «свалить Императорскую Россию и передать её в руки большевиков»⁵⁰. И подобная «логика» дожила до наших дней.

Понятия, управляющие людским мышлением, — не просто безобидные порождения свободного ума. Они влияют на повседневную деятельность, структурируют человеческие ощущения, поведение, отношение к другим людям⁵¹. С другой стороны, вложенные в концепты *метафоры* — а без них никогда не обходится — активизируют бессознательное со всеми вытекающими отсюда

⁴⁶ Чулков Г. Михаил Бакунин и бунтари 1917 года. М., 1917. С. 29.

⁴⁷ Булдаков В.П. Метанарративы и микронарративы Русской революции: к переосмыслению сложившихся представлений // Столетие русской революции 1917 года и её значение в мировой истории и культуре. Будапешт, 2018. С. 77—90.

⁴⁸ Оболенский В.А. Моя жизнь и мои современники. Т. 1. С. 237.

⁴⁹ Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 2010. С. 416—418.

⁵⁰ Краинский Н.В. Психofilm русской революции. С. 37.

⁵¹ Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живём. М., 2004. С. 25.

последствиями⁵². Любые социальные теории имеют обыкновение приобретать особую эмоциональную, нравственную и даже эстетическую окраску соответственно *традиции*. Из всего этого и сложилась «красная смута», объявленная Лениным «рабоче-крестьянской» революцией.

Для понимания причин ленинской «победы» привычные теории не годились, много полезнее оказывалась интуиция. Получается, что она способна проснуться в людях, безнадежно перебравших все мыслимые теории современности. Стоит прислушаться к словам «одумавшегося» Струве: Октябрьскую революцию следовало бы сравнивать со Смутой XVII в.⁵³ Уместно вспомнить и С. Франка, который отмечал, что «русская революция по своему основному, подземному социальному существу есть восстание крестьянства, победоносная и до конца осуществлённая всероссийская пугачёвщина»⁵⁴.

Какая же революция победила в России? Триумфатором оказались не марксизм и не народничество, хотя риторика победителей включала и то и другое. Победила синергетика русского бунта, вызывающая к «своей» власти. В результате в марксистской оболочке возродилась историческая (авторитарная) власть, а помогли ей удержаться в пространстве русской истории догматическая умозрительность и политическая беспомощность интеллигенции.

«Доктрины-утопии» — а именно они взъярили массы в XX в. — тираничны даже по отношению к собственным творцам, не говоря уже об их последователях. Тех, кто пытается вырваться из их притяжения, обычно ждёт незавидная слава. Ленин испытал всё это в полной мере. Уже после октябрьской победы в беседе с М. Горьким он «проговорился»: «Русской массе надо показать нечто очень простое, доступное её разуму»⁵⁵. Строго говоря, «вождь мирового пролетариата» всю свою жизнь именно этим и занимался — разрушительная теория должна быть проста, как дубина троглодита. Доктрины, вопреки ригористам, живут своей собственной жизнью. Марксизм в его революционной ипостаси реактивировал старое как мир ощущение «чужого» в невиданных ранее масштабах — образы (капитализм, буржуазия, эксплуатация и т.п.), которыми он снабжал массовое сознание, исключали согласие между людьми разных культур. Так, за понятием прибавочной стоимости в известных социумах вставала метафора грабежа, воровства, растащиловки и т.п. В общем, не случайно Ленин, в отличие от всех прочих досоветских переводчиков Маркса, настаивал на переводе немецкого *Wert* как *стоимость*, а не как *ценность* (позитивный образ) — мощная метафора позволяет сфокусироваться лишь на одной стороне концепта и скрывает остальные⁵⁶. Неудивительно, что «безобидное» учение о прибавочной стоимости вылилось в призыв «Грабь награбленное!».

26 октября 1917 г. на II Всероссийском съезде Советов Ленин убеждал, что нужно «следовать за жизнью... предоставить полную свободу творчества народным массам»; на II Всероссийском съезде Советов крестьянских депутатов уверял, что «Россия выросла из того, чтобы кто-нибудь управлял ею»; в январе 1918 г. доказывал, что «богаче всего революционным опытом является сама революционная масса», помогающая «немногим десяткам “партийных людей”»,

⁵² См.: Эриксон М., Росси Э., Росси Ш. Гипнотические реальности. Наведение клинического гипноза и формы косвенного внушения. М., 1999. С. 250—252.

⁵³ Струве П. Размышления о русской революции. София, 1921. С. 32—33.

⁵⁴ Франк С. По ту сторону «правого» и «левого». Париж, 1972. С. 8.

⁵⁵ Горький М. Собр. соч. Т. 18. М., 1963. С. 273.

⁵⁶ Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живём. С. 239.

но при этом упоминал о «чудовищной бездеятельности питерских рабочих» (имелась в виду их неспособность без помощи государства бороться с классовыми врагами, из которых на первый план вышли не капиталисты, а спекулянты и грабители)⁵⁷. Простейший контент-анализ убеждает, что место «гегемона-пролетариата» в риторике заняла бесформенная людская (народная?) масса. От поклонения пролетариату Ленин перешел к идее союза его с крестьянством (сначала со всем, потом с «беднейшим»), затем заговорил о «массе», активную часть которой составляли солдаты. Их озлобленность и привела Ленина к власти. Конечно, он это ощущал. Но его уже давно ничто не смущало.

Понятно, что сказывался ажиотаж ожидания *мировой* революции в условиях *внутрироссийской* Гражданской войны. «От побед Октябрьской революции до побед международной социалистической революции не может быть грани, взрывы в других странах должны начаться»⁵⁸. И тем не менее очевидно, что Ленин не управлял и не мог управлять ситуацией, как не управляли ею провалившиеся «герои» Февраля. В 1918 г. — самом «смутном» году российской истории XX в. — он доказывал, что «социализм не создаётся по указам сверху», ибо «его духу чужд казённо-бюрократический бюрократизм; социализм живой, творческий, есть создание самих народных масс». К этому добавлялось, что социалист должен полагаться «на опыт и *инстинкт* трудящихся масс»⁵⁹. Похоже на парафраз давних рассуждений Чернова об «активно-динамической школе социологии», которая «есть научный эквивалент практического революционного социализма»⁶⁰. Но лидер эсеров был патологически велеречив и многословен. Это убивает любую революционную идею.

Историки революции всё ещё недооценивают роль эмоций (сами пребывая при этом во власти эмоционально-конъюнктурных оценок). А потому в театре русской историографии одни и те же действующие лица попеременно высвечиваются то оптимистично ярким, то зловеще мрачным цветом. В перестроечное время в литературе развернулся парад былых противников Ленина, прежде всего «легальных марксистов». Удивляться не приходится: струвисты делали практически то же самое, что новые российские идеологи на похоронах ставшего ненужным марксизма. Но если первые были по меркам Клио людьми безответственными, то вторые заслуживали звания перевёртышей.

Историографические «откровения» *новых* струвистов выглядели несуразно: повторялось, что «легальный марксизм» стал теоретическим источником либерального народничества и «нового либерализма» (небрежная калька с ленинских высказываний), будучи при этом «самостоятельным явлением духа» и даже «проявлением либеральной ментальности России» (парафраз самих струвистов)⁶¹. Заявлялось, что Бердяева, Булгакова, Туган-Барановского объединяло одинаково негативное отношение и к капитализму, и к социализму⁶². Список таких работ растёт, воссоздаются наборы банальностей столетней давности. Имена «легальных марксистов» растаскиваются по диссертациям, причём дело

⁵⁷ Ленин В.И. ПСС. Т. 35. М., 1962. С. 27, 139, 266, 311, 313.

⁵⁸ Там же. С. 496.

⁵⁹ Там же. С. 57, 275.

⁶⁰ Чернов В.М. Философские и социологические этюды. С. 379.

⁶¹ Кетова Л.П. Марксизм как теоретический источник либерального народничества и «нового либерализма» // Россия в XIX — начале XX века. Ростов н/Д, 1992. С. 27—28.

⁶² Смирнов И.П. «От марксизма к идеализму»: М.И. Туган-Барановский, С.Н. Булгаков, Н.А. Бердяев. М., 1995. С. 5, 221.

представляется так, будто они родились на свет готовыми «веховцами» и религиозными мыслителями, не ведавшими марксистского «греха». И, конечно, стало модным подчёркивать «мудрость и талант» Струве, а ещё больше — его «либеральный консерватизм» (сторонником которого в постсоветское время объявлял себя каждый мало-мальски грамотный бюрократ).

Имена экс-марксистов превратились в модные бренды. На деле для России куда большие последствия имела не их одиссея «бегства от марксизма», а предшествующий опыт грубого *внедрения* этой доктрины в интеллектуальную среду 1890-х гг. Что касается «высоконравственных» попыток замолить «грехи молодости», то содеянного не исправишь, даже расшибив лоб. В ситуации «восстания масс», характерной для XX в., легче усваивались не теории, а утопии, особенно наукообразные. «Легальные марксисты» поняли это слишком поздно. Незадолго до октябрьского переворота Струве назвал большевизм «смесью Карла Маркса с русской сивухой», а позднее признал, что «был дурак», приветствуя падение самодержавия. Российское бытие неуклонно воспроизводит существ, не ведающих творимого. Даже людей трезвого рассудка время от времени закручивает водоворот страстей. Но не они маркируют эпоху, а эпоха ставит на них свою печать — эфемерного триумфа или мнимо-очевидного поражения.

Времена меняются быстрее человека. Для одних пространство общественной мысли становится ярмаркой тщеславия, на которой можно выбрать нечто соответствующее претензиям историографического нарциссизма; для других — подобием ремесленного цеха для получения грантов. Бегство от «всеобъясняющей» теории может иметь не менее пагубные последствия, чем её инъекция в слабые людские умы. Поэтому историку не стоит спешить ни с возвеличиванием «победителей», ни с возведением монументов «незаслуженно забытым» фигурам прошлого.

Согласиться с этим непросто. Не только у каждого поколения россиян XX в. был *свой* «марксизм»; «свои» разновидности его обретали люди различного духовного склада, темперамента, ментальности — он был не теорией, а Верой, резонирующей с той или иной культурно-исторической средой. После «сталинского социализма» марксизм перестал восприниматься. И потому в наше время трудно понять, что находили люди в тогдашнем марксизме, (невольнo?) разорвавшем Россию между Прогрессом и Традицией.

Сегодня очевидно, что в России в равной мере провалились все: и марксисты, и народники, и осторожные либералы — такое случается с доктринами в переломное время. Во времена Ленина все российские интеллигенты (запоздалые позитивисты эпохи Просвещения) ошиблись, поскольку исходили из единственно различимой тенденции общественного развития, тогда как траектория движения истории всегда складывается из болезненного переплетения прорывов и откатов, «торжества разума» и «рёва племени». Они не улавливали, что человек по своей природе «прогрессист» ровно в той степени, которая позволяет ему чувствовать себя комфортно внутри привычных рамок исторического бытия. Он в любом случае обречён на существование внутри традиции, определяющей смыслы и саму суть наследуемой им культуры.

Конечно, у многих наследников-критиков Маркса «открылись глаза». Так, Бердяев подметил, что Ленин видел властный идеал в том, чтобы «следовать за жизнью», «предоставить полную свободу творчества народным массам», больше полагаться на их «опыт и инстинкт»⁶³. Стоило бы добавить, что пафос ленинских

⁶³ Бердяев Н.А. Судьба России. М., 1990. С. 27, 275.

призывов к насилию смягчался надеждами на то, что рабочие и крестьяне сами сумеют овладеть «безошибочным искусством делать революцию»⁶⁴. После провала подобных чаяний, не говоря уже об иллюзиях мировой революции, исторический Ленин исчерпал себя.

В 1924 г. в связи со смертью «вождя» некоторые социалистические эмигрантские издания наконец-то заговорили о том, что «не столько Ленин управлял массами, как сам испытывал их бурное давление»⁶⁵ (этот феномен известен со времён Французской революции). Наиболее интересным выглядит заявление, что «гений Ленина» заключается в том, что он понял: «отныне царствовать будет хаос, и хаос он сделает своим оружием»⁶⁶. Примечательна в связи с этим анонимная заметка в берлинском «Социал-демократе», в которой отмечалось, что Ленин вовсе не старался «поднять стихию на ступень сознательности». Напротив, он относился к тем редким лидерам, которые «становятся во главе стихии именно потому, что ей подчиняются», обладал «редким чутьём к стихии», «умел улавливать все колебания стихии, её подъёмные порывы, как и судороги её разложения... и всем этим умел воспользоваться, чтобы на этом зыбком фундаменте воздвигнуть трон своей идее». При этом вождь революции должен «фанатично верить в свою историческую миссию»⁶⁷.

Бунтарство как таковое не является антиподом власти. В его основе лежит всего лишь отторжение от *безнадёжной* власти, предполагающее поиск новой власти-веры, способной возродить к себе должный — «сакрально-метафизический» — страх. Пожалуй, здесь налицо одно из тех запоздалых прозрений «классического» социал-демократизма, которые частично спасают его теоретическую честь. Троцкий, правда, выразил ту же мысль более ёмко: «Ленин есть головное выражение национальной стихии»⁶⁸. Беда социалистов, противостоявших Ленину, в том, что сами они *изнутри* революции использовали повадки обычного времени, несколько сдобренные левой риторикой.

При жизни люди видят в других то, что они способны разглядеть. После смерти «непонятых» или «излишних» гениев наступает пора гиперболизаций. Французский поэт А. Гильбо называл Ленина «грозным раскольников» и даже «новым Лютером», создавшим «схизму Интернационала», который, «шагая через трупы проститутов, куртизанов, изменников, строит... новый храм, пролетарский, мировой, атлетический»⁶⁹. Символика оказалась привлекательной. Через много лет британский историк Р. Сервис сравнил значение 10 ленинских тезисов с 95 тезисами Лютера, которые тот пришили к дверям Виттенбургского собора ровно 400 годами ранее⁷⁰.

Последовали ещё более впечатляющие образы и метафоры. Так, ученик Ницше Л. Матиас «разглядел» в Ленине «крестьянина космического масштаба»⁷¹. К. Каутский, несмотря на былые разногласия, признал его «колоссальной

⁶⁴ Ленин В.И. ПСС. Т. 37. М., 1963. С. 69.

⁶⁵ Слоним М. Великий неудачник // Революционная Россия (Прага). 1924. № 33—34 (январь—февраль).

⁶⁶ Талин В.И. У гроба великого диктатора // Заря (Берлин). 1924. № 1.

⁶⁷ Социал-демократ (Берлин). 1924. № 12 (январь—февраль).

⁶⁸ Троцкий Л.Д. К истории русской революции. М., 1990. С. 211.

⁶⁹ Эфрос А.М. Поэзия войны и революции на Западе. М., 1926. С. 70.

⁷⁰ Service R. Lenin: a political life. Vol. 2: Worlds in collision. Hampshire; L., 1991. P. 156.

⁷¹ Булдаков В.П. Утопия, агрессия, власть. Психосоциальная динамика постреволюционного насилия. Россия, 1920—1930 гг. М., 2012. С. 67.

фигурой, каких мало в мировой истории». Ещё один «ренегат» О. Бауэр призывал склонить социал-демократические знамёна «перед гением его воли, перед его революционизирующим весь мир делом» (эти двое не скрывали недавних разногласий с Лениным, полагая, что они ничтожны перед великим делом революции). Венгерский романист и эссеист А. Холичер называл Ленина «пробудившейся и громко звучащей совестью человечества», голосом, который «никогда не заглохнет». А основатель «Свободного германского культурного союза» А. Керр предупреждал: «Этот покойник будет каждый раз воскресать. В сотне форм. Пока из хаоса нашей земли не восстанет справедливость». Для Т. Манна это был «великий папа идеи, полный мирсокрушающего божественного гнева»⁷². Трое последних, отнюдь не коммунисты, были одного поколения с Лениным. Они мыслили соответственно идейным императивам тогдашней эпохи и потому способны были понять ленинский пафос. К нему неслучайно добавлялись христианские и солические символы, переполнявшие левую поэзию того времени — своего рода архетипические «обмолвки». Они словно долетели, наконец, до прагматичного Запада. Источниковед обязан всё это разглядеть и корректно оценить.

Цитируемые высказывания взяты из сборника отзывов на смерть Ленина. Конечно, это была коминтерновская акция. Редактор сборника В.Д. Виленский был «нераскаявшимся» троцкистом. Автор предисловия В. Сольский в 1929 г. стал невозвращенцем. Среди зарубежных коммунистов, искренне восторговавшихся Лениным, нашлись «перерожденцы», уже в 1920-х гг. отшатнувшиеся от реалий советского «социализма».

Но были и другие, чьё независимое мнение использовалось для поддержки культа покойного вождя. Политик и математик П. Пенлеве признавал, что Ленин — «поразительная личность, трудно понимаемая людьми Запада». Профессор Сорбонны и вице-председатель Лиги защиты прав человека В. Баш, не принимая революционного террора, отмечал, что Ленин «не боялся жестокости, когда она была нужна для дела, в которое он верил». Британский профсоюзный деятель Р. Вильямс полагал, что «потомство будет судить о Ленине как о самой великой личности», созданной войной и её последствиями. По его мнению, он «сочетал в своей личности совершенный идеализм с совершенным реализмом»⁷³.

Но прозвучал ещё один многозначительный отклик. Депутат рейхстага из «партии Стиннеса» К. фон Охеймб заявила: «Лениным я всегда восхищалась как человеком, который душу свою отдал за свой народ. Дай бог нашему немецкому народу в его тяжёлую годину человека, подобного Ленину!»⁷⁴ Это отдавало жутковатой символикой: «угольный магнат» Г. Стиннес считался человеком, расправившимся чужими руками с пацифистами вроде В. Ратенау и проталкивающим наверх А. Гитлера⁷⁵. Он хотел возродить «великую Германию», используя для этого мощные социальные программы и оратора-демагога. Ясно, что и в веймарской Германии пытались взять на вооружение по-своему понятый опыт «вождя».

⁷² Политики и писатели Запада и Востока о В.И. Ленине / Под ред. Вл. Виленского (Сибирякова), М., 1924. С. 16, 17, 19, 30, 27.

⁷³ Там же. С. 42, 43, 56.

⁷⁴ Там же. С. 26.

⁷⁵ Кантэр Я. Король республиканской Германии Гуго Стиннес. М.; Л., 1924. С. 13, 89.

Фигура Ленина порождала разительные перверсии социального воображения. В 1925 г. бывший колчаковский пропагандист Н.В. Устрялов, превратившийся в покаянного «сменовеховца», разделял убеждение, что в лице Ленина Россия столкнулась с «воплощённой стихией революции, медиумом революционного гения». Подобно тому, как христианство подчинило себе куда большее число народов, нежели римские императоры, «живые массы человеческие» во всём мире «с увлечением и азартом» заплатили ужасную дань «лукавству Исторического Разума», составленного из марксистских пророчеств⁷⁶.

Упомянутый Л.А. Данилкин лихо использует и реалии, и вымыслы, окружающие и окружающие Ленина. В дело идут и поверхностные аллюзии, и откровенный «стёб», привлекательный для «клипового» молодёжного сознания. Но его книга (сделанная в нескольких коммерчески завлекательных вариациях), безусловно, полезна. Она помогает преодолеть инерцию «кабинетного» восприятия её героя, а заодно отбросить постыдный конспирологический вздор.

Историю важно «чувствовать» изнутри, а не домысливать соответственно запросам близорукой современности. Ленина бесили авторы, стремящиеся «раскладывать всё по полочкам». Школярство убивает историю, однако наука, противоестественно совокупившись с утопией, уводит её в бесконечность самообмана. Троцкий пытался разрешить проблему «сознательного» и «стихийного», над которой до сих пор бьются исследователи ленинской мысли. «Марксизм считает себя сознательным выражением бессознательного процесса, — писал он. — Высшее теоретическое сознание эпохи сливается... с непосредственным действием наиболее... удалённых от теории угнетённых масс. Творческое соединение сознания с бессознательным есть то, что называют обычно вдохновением. Революция есть неистовое вдохновение истории»⁷⁷. Конечно, Ленин с Троцким проиграли. «Вдохновение» попросту иссякло, что случается со всеми революциями. Но идея осталась, и Троцкий отчаянно пытался вдохнуть в неё утопическую энергию до самого конца своей неприкаянной — и тоже символичной — жизни.

Дело не только и не столько в особенностях доктрины. Решающее значение приобретала специфика её восприятия людьми той или иной эпохи и культуры. Европейская ментальная традиция базировалась на рационализме, порождающем склонность к позитивизму и эмпиризму. Ленин и Революция смогли сбить, пусть на время, эту когнитивную установку. В результате возникла ситуация, когда марксизмом могли соблазниться и учёный-схоласт, и обыватель, твёрдо уверенный, что завтра будет лучше, чем вчера. «Восстание масс» усилило феномен «замещённой реальности». Неслучайно И.В. Сталин столь старательно манипулировал плановыми показателями «строительства социализма». Эстафету по-своему подхватил Н.С. Хрущёв, вздумавший к 1980 г. допрыгнуть до вождя коммунизма. И даже М.С. Горбачёв объявил перестройку продолжением дела Октября. Провал этих затей не поколебал имиджа марксизма. Все связанные с ним неудачи были отнесены к разряду личных ошибок и нелепостей.

Люди различают в прошлом то, что им «удобно» видеть. Этому подыгрывают словно выпрыгивающие из небытия идеи и теории, утопии и метафоры.

⁷⁶ Устрялов Н.В. Под знаком революции. Харбин, 1925. С. 73—76.

⁷⁷ Троцкий Л.Д. Моя жизнь. Опыт автобиографии. Т. 2. М., 1990. С. 56.

Этот процесс бесконечен. Только не стоит забывать, что внутри него — живые и несовершенные люди, поддерживающие устойчивость своего непростого бытия с помощью вечно живой традиции. Они «отомстят» экспериментаторам.

Строго говоря, Ленин был *злым* порождением *злой* эпохи. Но, взглянув на него сквозь призму гегелевской диалектики, может показаться, что он стал *светлым* её отрицанием. А потому до сих пор ломаются копья в спорах о Ленине и революции.

Вопрос о живучести марксизма в России не следует сводить к насильственному навязыванию или конформистскому восприятию «монистического» взгляда на историю. Советский «марксизм» вырос из «чуда» революции. Он помог придать старому строю инфернальные черты, социальному насилию — сакрально-жертвенное качество, а его революционным плодам — облик «великого свершения». Массам он оставил в наследство перманентный образ врага — аналога нечистой силы в лице «буржуазии», а затем «мирового империализма». Всё это резонирует с природой человека. В связи с этим совсем несложно в очередной раз уверовать в непорочность полузабытого учения. А потому марксизм как последняя холистическая радикально-утопическая доктрина способен к бесконечной реинкарнации, ибо всякий очередной «прогрессивный» общественный строй словно в насмешку будет обещать всё что угодно, и при этом вновь не выполнять своих обещаний.

В 1908 г., подводя итоги недавнему прошлому, В.И. Ленин писал: «Наша революция — явление чрезвычайно сложное; среди массы её непосредственных совершителей и участников есть много социальных элементов, которые... явно не понимали происходящего... отстранялись от настоящих исторических задач, поставленных перед ними ходом событий»¹. С этим сложно спорить. Современник чаще всего не «ухватывает» логику совершающихся на его глазах событий. Ему трудно отделить основное от второстепенного, он может только догадываться об исходе происходящего. Историк же привык «разматывать» историю с конца. В этом его сила и слабость. Он знает, чем завершился изучаемый им период, однако далеко не всегда может прочувствовать психологию исторического момента, когда герой его сочинений, объект его исследований совершает роковой выбор. Современник же принимает решение в «предлагаемых обстоятельствах», неотъемлемая часть которых — его судьба. Он зависит от собственного прошлого — сказанных слов, сделанного выбора, — а также постоянно меняющегося окружения. В.И. Ульянов проделал путь к Ленину в условиях становления, развития, а в какой-то момент и распада партийной системы. Причём взлёты и падения пережили не только большевики, но и в то же самое время прочие политические объединения. Всё же в эволюции партийных организаций начала XX в. была своя логика. Соответственно разговор о большевизме ошибочно сводить исключительно к триумфу 1917 г. То, что так или иначе ассоциируется с именем Ленина, — не данность, а процесс, описываемый понятием «общественное движение»².

В историографии часто и оправданно обыгрывается дихотомия «власть и общество». Эта проблема осмыслялась ещё в XIX в., когда и была поставлена. Однако жёсткой грани, отделявшей бюрократические круги от общественности, не существовало. Они зачастую принадлежали к одной социальной среде, обладали схожим опытом, разделяли вкусы, читали одни и те же книги. В сущности, это могли быть одни и те же лица: например, кн. В.А. Оболенский познакомился с марксизмом, будучи высокопоставленным чиновником в Министерстве земледелия и государственных имуществ³. Среда, питательная для интеллектуального конструирования и политических организаций, была более или менее единой, несмотря на все конфликты. Речь идёт об ограниченном круге лиц, нередко хорошо знавших друг друга. В нём бурлила жизнь: одни заключали союзы, другие разрывали их. Решительные развороты характерны для биографий многих героев того времени. Случай П.Б. Струве, про-

¹ Ленин В.И. ПСС. Т. 17. М., 1968. С. 206.

² Шелохаев В.В., Соловьёв К.А. Общественное движение в России (методологические и историографические проблемы) // Россия XXI. 2018. № 4. С. 144—167.

³ Соловьёв К.А. Политическая система Российской империи в 1881—1905 гг.: проблема законотворчества. М., 2018. С. 130—132.

делавшего путь от славянофильства к марксизму, от марксизма к либерализму, а затем от «либерализма слева» к «либерализму справа», показательный, но не единственный. Социал-демократическое прошлое объединяет Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, А.С. Изгоева, В.А. Оболенского, М.И. Туган-Барановского и др. Более того, в 1890-х гг. многие из них, сторонники «легального» марксизма, находились на авансцене общественной жизни⁴. Перед любым начинающим политиком того времени стоял вопрос самоопределения. Так, Ленин имел народнический опыт⁵. В 1905 г. П.Н. Милюков был «своим» не только для будущих кадетов, но и для неонародников из круга журнала «Русское богатство», которые звали его в «члены Центрального комитета социалистов-революционеров»⁶. Фракционные блуждания внутри одной партии — дело обычное для тех лет⁷. Политическая дифференциация общественности только набирала обороты, шёл поиск — интеллектуальный и организационный. Это были процессы взаимосвязанные, пересекавшиеся, но не тождественные. И в том и в другом имела своя логика.

Почему проблема политической самоидентификации обозначилась перед общественными деятелями именно в 1890-х гг. — вопрос особый. Пытаясь сформулировать хотя бы краткий ответ на него, можно определить вызов так: правительство утратило историческую инициативу. Оно оставило за собой право на реакцию, отдав оппонентам интеллектуальное лидерство. Однако для того, чтобы воспользоваться этим «даром», последним следовало ответить на вопрос о собственном политическом «кредо».

В этом поиске многое определяла общеевропейская мода на определённые сюжеты и тексты. В самом начале XIX в. родилась тема нации и национализма, сохранившая актуальность и спустя сто лет⁸. Позднее сложилось представление о классовой структуре общества и, соответственно, о классовой борьбе внутри него⁹. По словам В.В. Воровского, «марксизм стал такой же модной теорией, как некогда женский вопрос, естественноисторическая теория и прочие культурные достояния так называемого “общества”». Модная теория у всех всегда перед глазами, о ней все всегда говорят, все с ней считаются, все относят свои взгляды и вкусы к ней, как высоты к уровню моря»¹⁰. Российскую молодёжь в нём подкупало многое, например «европеизм». Как вспоминал Н. Валентинов, «марксизм был вестником, несущим обещание, что мы не останемся полуазиатской страной, а из Востока превратимся в Запад, с его культурой, с его учреждениями и атрибутами»¹¹. Национализм и социализм (в том числе и в марксистской интерпретации) так или иначе апеллировали к массам, которые всё громче заявляли о себе в политике, и к науке, в которую искренне верило большинство интеллектуалов. Национализм мог противостоять социализму,

⁴ Мартюв Л. История российской социал-демократии. Период 1898—1907. М.; Пг., 1923. С. 38.

⁵ Логинов В.Т. Владимир Ленин. Выбор пути. Биография. М., 2005. С. 100.

⁶ По словам Милюкова, В.А. Мякотин «был удивлён моим ответом, что я не считаю себя социалистом. Не быть социалистом в этой среде значило быть отлучённым от общения с “орденом”, где каждого новичка допрашивали, “како веруеши”, и принимали только “посвящённых”» (Милюков П.Н. Воспоминания. Т. 1. М., 1990. С. 273).

⁷ Розенталь И.С. Н. Валентинов и другие. XX век глазами современников. М., 2015. С. 54.

⁸ Хобсбаум Э. Век империи, 1875—1914. Ростов н/Д, 1999. С. 209—242.

⁹ Там же. С. 191—208; Хобсбаум Э. Эпоха крайностей. Короткий двадцатый век, 1914—1991. М., 2004. С. 67—68.

¹⁰ Из архива А.Н. Потресова. Вып. 1: Переписка 1892—1905 гг. / Отв. ред. П.Ю. Савельев. М., 2007. С. 194.

¹¹ Валентинов Н. Встречи с Лениным. N.Y., 1981. С. 50.

но они могли также уживаться в одной голове. И тот и другой подразумевали кардинальную реорганизацию общества, причём в соответствии с последним словом науки. Востребованность авангардного проекта будущего — важнейший интеллектуальный вызов рубежа веков¹².

Что первично: идеи или социальная среда, в которой они взращиваются? Об этом можно спорить долго. В любом случае формы коммуникации, трансляции взглядов, характер площадок для обмена мнениями хотя бы отчасти определяют и содержание дискуссий. К этой проблеме можно подойти и с другой стороны. Позиция человека говорящего и пишущего так или иначе формируется его референтной группой. Интеллектуал зависит от своей аудитории, публицист пытается соответствовать ожиданиям читателей. В России рубежа веков аудиторию составляла интеллигенция. Как писал в 1899 г. А.Н. Потресов, «идеи — каковы бы они ни были — развиваются в определённой психологической среде... Современный русский марксизм есть такой же фрукт русской интеллигенции, как и приснопамятное русское народничество и некоторые иные течения. И заметьте: интеллигенция... до сих пор... имела весьма мало точек соприкосновения как раз с тем общественным элементом, о котором она так много поёт»¹³.

Интеллигентские кружки 1890-х гг. мало напоминали партии. Отчасти они носили случайный характер. Иначе в условиях идеологического поиска и слабой дифференцированности политического пространства и быть не могло. В кружках зачастую сходились друзья, знакомые, коллеги, родственники. Размежевание происходило не сразу и порой неожиданным образом. Иногда личная дружба сохранялась, иногда она обращалась во вражду. «Если П.Б. [Струве] “совершенно перестанет быть Genosse”, тем хуже для него, — писал Ленин Потресову 27 июня 1899 г. — Это будет, конечно, громадной потерей для всех Genossen, ибо он человек очень талантливый и знающий, но, разумеется, “дружба — дружбой, а служба — службой” и от этого необходимость войны не исчезает»¹⁴. Такого рода «война» позволяла поддерживать контакты, деловые отношения. Например, интеллектуальное противоборство не помешало Ленину ещё в начале 1901 г. вести деловые переговоры со Струве об общем «литературном предприятии»¹⁵. Правда, их провал был предопределён преимуществами Струве, обеспечивавшими ему сильную позицию на переговорах («человек обеспеченный, пишущий много, имеющий хорошие связи»¹⁶), что для Ленина оказалось неприемлемо. Так порой житейские обстоятельства не только сближали, но и разводили людей.

Протопартийный период — необходимый этап становления политической силы. Он имел место и в либеральном (кружок «Беседа», Союз освобождения, Союз земцев-конституционалистов), и в консервативном (Русское собрание,

¹² Представитель уже Советской России так объяснял французскому архитектору Ле Корбюзье: «Большевизм означает максимально крупные масштабы. Крупнейшая теория, крупнейшие проекты. Максимальные. Необходимость докопаться до сути каждого вопроса. Понять его досконально. Во всём объёме. Во всей полноте» (*Схейен III*. Авангардисты: русская революция в искусстве. 1917—1935. М., 2019. С. 21).

¹³ Из архива А.Н. Потресова. Вып. 1. С. 122.

¹⁴ Ленин В.И. ПСС. Т. 46. М., 1975. С. 32.

¹⁵ Из архива группы «Освобождение труда». Переписка Г.В. и Р.М. Плехановых, П.Б. Аксельрода, В.И. Засулич и Л.Г. Дейча. Вып. 2: 1898—1903 гг. / Отв. ред. П.Ю. Савельев, С.В. Тютюкин. М., 2009. С. 272—274; *Пайнс Р.* Струве: левый либерал, 1870—1905. Т. 1. М., 2001. С. 376—384.

¹⁶ Ленин В.И. ПСС. Т. 46. С. 80.

Кружок москвичей, Отечественный союз и др.), и в социалистическом сегменте общественного движения. Причём таковой являлась не любая организация, именовавшаяся партией, их самоназвание не должно вводить в заблуждение. Между I и II съездом Ленин считал РСДРП «бесформенным конгломератом местных партийных организаций»¹⁷. В сентябре 1900 г. он аттестовал объединение социал-демократов вокруг готовившейся к изданию газеты «Искра» как самостоятельную литературную группу, которая не желала слияния с кем-либо¹⁸. О партии пока речи не шло. «Русский марксизм и русская социал-демократия — рассыпанные храмины», — констатировал он в октябре 1900 г.¹⁹ Характерно, что в его письмах речь идёт не просто о социал-демократических кружках, а о кружках эмигрантских. Подлинную российскую социал-демократию он условно именовал «Швейцарией» (там проживал Г.В. Плеханов). Ей противопоставлялись французские и германские группы российских социал-демократов.

В центре внимания Ленина и его корреспондентов — «литературные предприятия», проще говоря, издание газет и журналов²⁰. Их столкновение составило основное содержание политической жизни российской социал-демократии того времени. Из этого сложилось и представление о партийности. Газета в данном случае — не просто печатный орган, а сама партия. И после II съезда РСДРП Ленин придавал ключевое значение партийным центрам в эмиграции. Эти, в сущности, кружки должны были сохранить контроль за организациями в самой России. В ноябре 1903 г. он убеждал Плеханова не идти на уступки «мартовцам», так как это «значит именно узаконить теперь разброд в России, ибо в России ещё не было и тени неповиновения и бунта»²¹. Иными словами, там социал-демократы пока слушались «Искру» и её редакторов, и это положение дел следовало сохранить. В меньшевистской среде обоснованно упрекали Ленина за то, что он рассчитывал на партию, состоявшую из «генералов», игнорируя «рядовой состав»²². Впрочем, он и сам периодически (например, в 1904 г.) сетовал на «кружковщину», неспособность встать вровень с задачами собственно партии²³. Все объединения того времени имели цель — обрести строгую организацию, чёткую программу и, главное, политический язык. Он складывался одновременно с формулированием позиции по ключевым вопросам современности. Такой язык не подразумевал диалога с партийными «соседями», так как являлся следствием идеологического размежевания. Оболенский вспоминал о Ленине: «Общаясь с ним, я всегда чувствовал, что он интересуется мной лишь постольку, поскольку видит во мне более или менее единомышленника, которого можно использовать для революционной борьбы... Будь я тогда социалистом-народником или либералом, я бы для него просто не существовал»²⁴. В этом отношении Ленин не был одинок. Догматизм — характерная черта русской общественной мысли. Так или иначе во всех сегментах общественного движения складывался собственный канон — отчасти случайный, но тем не менее непреложный.

¹⁷ Там же. Т. 9. М., 1967. С. 51.

¹⁸ Там же. Т. 46. С. 42.

¹⁹ Там же. С. 56.

²⁰ Там же. С. 110—111.

²¹ Там же. С. 314.

²² Тютюкин С.В. *Меньшевизм: страницы истории*. М., 2002. С. 57.

²³ Ленин В.И. *ПСС*. Т. 9. С. 14—15.

²⁴ Оболенский В.А. *Моя жизнь, мои современники. Воспоминания, 1869—1920*. Т. 1. М., 2017. С. 233—234.

По мнению славянофила Д.А. Хомякова, русский народ был свободен от политики²⁵. В этих словах — своя несомненная правда. Кружки, союзы, партии начала XX в. оказались бесконечно далеки от политики в западноевропейском смысле этого слова. Они не занимались политической «торговлей», не искали баланса интересов и, в сущности, не представляли ничьих социальных нужд. Они служили своеобразной интеллектуальной лабораторией, где оттачивались формулировки, фиксировались позиции, складывались концепции — с одной стороны, цельные, с другой — далёкие от различных слоёв населения, которые гипотетически могли их поддержать. Задолго до выхода сборника «Вехи» (1909) Потресов называл интеллигенцию деклассированной социальной группой, «отщепенцами», лишёнными корней²⁶. Действительно, партии боялись говорить о своём классовом характере, предпочитали делать заявления от имени чего-то большего: народа, нации, истории, прогресса. Это придавало им уверенности, но лишало необходимости разговора с оппонентами, которые, казалось, по определению заблуждались. Потресов считал это сектантством, логически вытекавшим из «кружковщины»²⁷. В малочисленных объединениях, претендовавших на всезнание, у местных пророков не могло быть конкурентов. Они выступали от имени всего общества, а может быть, даже человечества. Показательно, что Ленин, представляя пролетарскую партию (т.е. классовую силу), оспаривал право Струве говорить от имени народа. Это право следовало заслужить, отстаивая подлинно демократические требования, а не цензовую конституцию или земское движение²⁸. Сам же Ленин в 1905 г. уверенно говорил от имени всего народа, общенародного (а не только рабочего) движения²⁹.

Получалось, что сравнительно малочисленные, зачастую возникшие по воле случая объединения становились (или, по крайней мере, считали себя) обладателями монополии на истину. Они нуждались не в союзниках, а только в попутчиках. Первостепенной задачей становилась борьба с «ересями». Уже в 1902 г. Ленин поучал: «Никаких абсолютно компромиссов, беспощадная война против малейших остатков экономизма и кустарничества»³⁰. Партийный расклад сложился к 1905 г., что едва ли случайно. Политические силы готовились к революции, надеялись на неё, опасались её, рассчитывали сражаться с ней. В любом случае сам факт их существования оказался своего рода реакцией на потресения или ожидания таковых. Проблема в том, что следующие десять лет революционным партиям пришлось существовать в послереволюционной России. Для большинства из них это стало невыносимым испытанием. Ещё в 1899 г. Потресов предсказывал: «Зло сектантства исчезнет при выходе из мрака окутывающей нас ночи, при первых загорающих лучах правового порядка»³¹. Характерно, что политические силы всех направлений к 1914 г. испытывали глубочайший кризис³². Они утратили большинство партийных ячеек, оказались полностью дезорганизованы и даже лишены идеологических ориентиров. Их лидеры тогда с ностальгией вспоминали революционные годы.

²⁵ Хомяков Д.А. Православие. Самодержавие. Народность. М., 2011. С. 188.

²⁶ Из архива А.Н. Потресова. Вып. 1. С. 200—201.

²⁷ Там же. С. 122.

²⁸ Ленин В.И. ПСС. Т. 9. С. 87.

²⁹ Там же. С. 208—209.

³⁰ Там же. Т. 46. С. 205.

³¹ Из архива А.Н. Потресова. Вып. 1. С. 123.

³² Савельев П.Ю. Российская социал-демократическая рабочая партия // Россия в 1905—1907 гг. Энциклопедия. М., 2016. С. 855.

Конечно, революцию политические силы представляли по-разному. Для Ленина она происходила на улицах городов в ходе прямого столкновения восставшего народа и слабейших правительственных сил. «Только вооружённый народ может быть действительным оплотом народной свободы. И чем скорее удастся вооружиться пролетариату, чем дольше он продержится на своей военной позиции забастовщика-революционера, тем скорее дрогнет войско, тем больше найдётся среди солдат людей, которые станут на сторону народа против извергов»³³. Он не боялся говорить об организации революции и смеялся над теми, кто ни во что не ставил усилия его партии³⁴. Беседуя с Валентиновым в 1903 г., он объяснял: «Начнём демонстрации с кулаком и камнем, а привыкнув драться, перейдём к средствам более убедительным. Нужно не резонёрствовать, как это делают хлюпкие интеллигенты, а научиться по-пролетарски давать в морду, в морду!»³⁵

Такое видение революции разделяли многие. В феврале 1904 г. Парвус писал Потресову: «Ленинизм не исчерпывается одним Лениным, он ещё сидит во всех вас [социал-демократах] и сводится к игнорированию влияния “стихийного” политического развития на партию, к переоценке полезного, как и вредного воздействия отдельных личностей. Вам всё кажется, что вы делаете движение, а меж тем вы только повар у исторического горшка и даже не успеваете вовремя снять накипь бульона»³⁶. Либеральное понимание революции было принципиально другим. Оно подразумевало революцию в умах: утрату легитимности действовавшей власти, а следовательно, и управляемости в стране³⁷. Однако и будущие кадеты, и тем более социалисты разных направлений революции не боялись.

Сложный и не до конца решённый в историографии вопрос: что такое российские партии в межреволюционный период? Как они приноравливались к новым обстоятельствам? Как учились сотрудничать с общественными организациями и органами власти? Так или иначе, левым радикалам новые времена ничего хорошего не сулили. И всё же ставка большевиков на революцию в итоге оказалась выигрышной. Это, казалось бы, снимает вопрос об их прежних просчётах и заблуждениях. Историк, вольно или невольно держа в голове события 1917 г., рассматривает под этим углом зрения предыдущие процессы. При этом упускается из виду, что 1917 год перевернул все «карты», полностью изменил расклад сил и, в сущности, способствовал трансформации всех политических партий. До революционных потрясений они действовали по другим законам. Это относится и к большевикам, которые были особой частью партийной жизни России начала XX в., в чём-то отличаясь от своих «соседей» справа и всё же в значительной мере напоминая их.

³³ Ленин В.И. ПСС. Т. 9. С. 203.

³⁴ Там же. С. 272—273.

³⁵ Валентинов Н. Встречи с Лениным. С. 46. По его словам, сам Ленин «никогда не пошёл бы на улицу “драться”, сражаться на баррикадах, быть под пулей. Это могли и должны были делать другие люди, попроще, отнюдь не он. В своих произведениях, призывах, воззваниях, он “колет, рубит, режет”, его перо дышит ненавистью и презрением к трусости. Можно подумать, что это храбрец, способный на деле показать, как не в “фигуральном”, а в “прямом, физическом смысле” нужно вступать в рукопашный бой за свои убеждения. Ничего подобного! Даже из эмигрантских собраний, где пахло начинающейся дракой, Ленин стремглав убежал» (Там же. С. 47).

³⁶ Из архива А.Н. Потресова. Вып. I. С. 373.

³⁷ Соловьёв К.А. Конституционная революция партии кадетов: от теории к практике (апрель—июль 1906 г.) // Новый исторический вестник. 2011. № 1. С. 14—25.

Статья В.П. Булдакова — одновременно вызов иконографической традиции советской историографии (зная творческий почерк автора, трудно было бы ожидать иного подхода в аргументации основных идей, экспозиции фактов, формировании доказательной базы) и протест против фантомно-расплывчатой публицистики последних трёх десятилетий. То тут то там мелькают сполохи отбушевавших (или только грядущих?) гроз неприятия плоского позитивизма и отторжения самовлюблённого постмодернизма. Автор верен себе — он приневоливает читателя к принятию собственных умозаключений, сдобренных изрядной долей скепсиса, звучащих резко, с вызовом, а порой и парадоксально. Правда, уверен, что хлесткость фразы и заострённая полемичность, не говоря уже об основных выводах и характеристиках некоторых исторических персонажей (чего только стоят оценки П.Б. Струве), непременно вызовут равное количество похвал и критики. Но тут каждому своё: кому — гречневая каша с маслом, а кому — бутерброд с чёрной икрой.

Меня зацепило несколько вольное отношение к полемике между народниками и марксистами в 1890-х гг. Вернее, утверждение о её схоластичности. Безусловно, схоластика, если под ней понимать буквоедство и скрупулёзность в доказательстве верности заветам зачинателя научного, а уж тем более политико-общественного направления, была и будет присуща дискуссиям его последователей и толкователей. А в России, наверное, в ещё большей степени, чем где бы то ни было. Но идейные баталии марксистов и народников конца позапрошлого века отнюдь не игнорировали конкретику российского бытия — напротив, они стимулировали изучение отечественной экономики. Для одних К. Маркс был пророком, объяснившим предыдущую историю человечества и предсказавшим его будущее, другие рассматривали его штудии как одну из научных теорий, наделённую как достоинствами, так и недостатками. Различие подходов приводило к различию прогнозов социально-экономического развития страны. И каждая из сторон имела что сказать по этому поводу. Научные результаты полемики оказались весомы. Лучшими работами о положении сельского хозяйства стали труды народнических экономистов, о развитии капитализма в промышленности — «Русская фабрика в прошлом и настоящем» М.И. Туган-Барановского, а «Развитие капитализма в России» В.И. Ленина — лучшим обобщающим трудом по данной тематике. Трудом, несомненно, тенденциозным (что пришлось признать в скором времени), но доказательным и снимавшим вопрос об особом пути страны, о возможности избежать эпоху «наживы и чистогана». Говорить, однако, о безусловной победе марксистов, как это было принято в советской историографии, не приходится. Тема оказалась исчерпана и тонким ручейком стекла со страниц прессы.

Если обратиться к политическому аспекту вопроса, то и здесь напрашивается вывод о том, что Ленин начинал там, где народники-революционеры

заканчивали. Объединяющим началом стали не социалистические идеалы, а революционность, которая далеко не случайно оказалась основополагающим элементом разработанной им периодизации революционно-освободительного движения — начиная от выступления декабристов и заканчивая формированием российской социал-демократии. Социализмом Ленин считал только его революционный вариант¹. То, что такой подход в ленинском учении превалировал, подтверждает и различие в его отношении к родоначальникам народничества — А.И. Герцену и Н.Г. Чернышевскому. Ленину были ближе логика рассуждений и повествовательный стиль второго, весьма утилитарные в пропагандистском отношении. Его привлекали последовательный и боевой демократизм Чернышевского, интерес вызывали и произведения, от которых веяло «духом классовой борьбы» и в которых содержалась глубокая критика капитализма². Услышанные в них призывы «к топору», «плебейскому» решению кардинальных вопросов импонировали ленинским представлениям и оказали существенное влияние на формирование его собственного мировоззрения. В отличие от Чернышевского Ленин посвятил Герцену, не считая кратких упоминаний, только одну, «юбилейную» статью — «Памяти Герцена»³.

Противопоставление мировоззрения двух названных авторов служило подтверждением обострения социальных противоречий при капитализме, усиления влияния радикально настроенных общественных деятелей, постепенной подготовки почвы для восприятия революционной теории Маркса. Аналогичным образом Ленин подходил и к оценке народничества 1860—1870-х гг. Объективно наиболее ярким и завершённым выражением революционно-народнического понимания социалистических преобразований явилась программа «Народной воли». Но Ленин упорно ссылаясь на положительный опыт «превосходной» революционной организации «Земля и воля». В отношении «народовольцев» отмечалось лишь то, что они сделали «шаг вперёд, перейдя к политической борьбе»⁴. Причина двояка: с одной стороны, отделить социал-демократов от эсеров, считавших народовольцев своими предшественниками, а с другой — косвенно подтвердить свою марксистскую первородность. Относительно этого у меня, как и у Булдакова, существуют серьёзные сомнения. Избежать влияния революционного народничества Ленин не мог. Здесь переплетались идеология и психология. В конце 1880-х гг. марксизм не получил ещё серьёзного распространения в оппозиционном движении (а именно с этого времени обычно датируется начало революционной практики Ленина). Нельзя игнорировать и личностный момент — казнь старшего брата. Представляется, что в фразе о выстраданности Россией марксизма Ленин проговаривался: речь шла о его собственных мучительных идейных поисках.

Сделав выбор в пользу марксизма, Ленин, однако, не отказался от народнической тактики партийного строительства. Почему-то забывается, что отстаиваемый им тип социал-демократической организации принципиально отли-

¹ «Социализмом называется протест и борьба против эксплуатации трудящегося, борьба, направленная на совершенное уничтожение этой эксплуатации» (*Ленин В.И.* ПСС. Т. 1. М., 1967. С. 281).

² *Ленин В.И.* ПСС. Т. 25. М., 1969. С. 94.

³ В годы перестройки Н.Я. Эйдельман рассказывал, что ему во время архивных изысканий в США удалось обнаружить воспоминания одного из бывших сторонников Ленина. Тот писал, как накануне столетия со дня рождения Герцена (1912) Ленин рассуждал о том, что, может быть, «отдать» его либералам. А потом, немного походя по комнате, произнёс: «Нет, нельзя. Фигура слишком крупная».

⁴ *Ленин В.И.* ПСС. Т. 6. М., 1963. С. 135; Т. 9. М., 1967. С. 179.

чался от аналогичных объединений Западной Европы. В первую очередь речь шла о партии профессиональных революционеров, построенной на основе особых морально-этических принципов взаимоотношений между её членами, жёсткой дисциплины, непримиримости по отношению к власти и её представителям. Это очень напоминало идеи идеолога заговорщического направления революционного народничества П.Н. Ткачёва. Не случайно В.Д. Бонч-Бруевич привёл в воспоминаниях слова Ленина о том, что «этот писатель несомненно ближе других к нашей точке зрения»⁵.

Не могу не коснуться ещё одного утверждения Булдакова, относящегося к периоду Первой мировой войны: «Вспомнил Ленин и о теории империализма Дж. Гобсона (1902), и о “революционной” колониальной периферии. Получается, что он рассчитывал на тотальный эмоциональный переворот (естественный, согласно законам шоковой терапии) в сознании людей, потрясённых “ужасами империализма”». Эмоциональное подавление рационального — конечно же, интересный и значимый феномен. Но для достижения искомого результата требуются весомые и как раз рациональные аргументы — как для собственных сторонников, так и для масс: пусть и движимых эмоциями, воспринимающих идеологию на уровне лозунгов, но требующих идейных скреп для своей веры в социальных поводырей.

Думается, Ленин о теории империализма никогда и не забывал. Более того, она стала мощнейшим подспорьем для революционной социал-демократии Европы после того, как стала очевидной несостоятельность прогнозов Маркса о скором крахе капитализма в результате всеобщего экономического кризиса, абсолютного обнищания рабочего класса и взрыва социального недовольства. Капитализм свободной конкуренции смог найти выход из кризисного состояния путём создания монополистических объединений, стихийного регулирования рынка производства и потребления, внешней экспансии капитала. Книга английского либерала Гобсона «Империализм» засвидетельствовала наступление нового этапа в развитии капиталистического хозяйства — этапа милитаризма и агрессивной внешней политики, когда трудящиеся классы становились пушечным мясом в деле реализации интересов мировой буржуазии. Эти выводы оказались подхвачены и заострены марксистами, которые увидели в них источник нового революционного оптимизма, подтверждение незыблемости и справедливости предначертаний учителя. Об империализме вообще писали многие и много. Достаточно сказать, что, работая над своей знаменитой брошюрой (имевшей, кстати, подзаголовок «популярный очерк»), Ленин проштудировал 148 книг и 230 статей. Что-то принципиально новое сказать было сложно. Но ему удалось главное — обосновать мысль об империализме как о высшей и последней стадии капиталистического развития, кануне социалистической революции, чего до него никто не делал. Этот постулат базировался на убеждении, что государственно-монополистический капитализм в современном виде является необходимым базисом социализма, а для свержения эксплуататорского строя необходимо только изменить пресловутую политическую надстройку. Представлялась эта гигантская общественная трансформация, естественно, во всемирном масштабе. Но в устоявшуюся систему представлений о мировой

⁵ Бонч-Бруевич Вл. Библиотека и архив РСДРП в Женеве // Красная летопись. 1932. № 3. С. 112—113. Характерно, что это признание в более поздних публикациях воспоминаний Бонч-Бруевича советского времени не воспроизводилось.

революции Ленин внёс существенную корректировку — начаться она могла в наиболее слабом звене капиталистического мира. Именно эти положения определили программу действий, изложенную в «Апрельских тезисах».

Явное расхождение этих идей с убеждениями Ленина в принадлежности России к странам второго эшелона развития капитализма, которым ещё предстоит пройти этап буржуазных преобразований⁶, были очевидны и соратникам, и противникам. Утверждения, что военные поражения обострили и без того масштабные социальные противоречия, усилили антибуржуазные настроения и тем самым дали надежду на то, что детонатор социалистических преобразований сработает именно в России, выглядели призрачной надеждой, граничившей с горячным бредом. Именно такие инвективы и звучали в адрес Ленина в 1917 г. Но его всепоглощающая воля и обращение к стихийной энергии масс опровергли, казалось бы, самые взвешенные и продуманные прогнозы.

Однако утопия, реализуемая на практике, приобретает черты реальности, искажающие саму утопию. Мировая революция так и не свершилась, что потребовало коррекции казавшихся осуществимыми идей. Нэп был вызван к жизни не только провалом «военного коммунизма», но и отсутствием революционного взрыва на Западе. Тем не менее вера в поддержку первого социалистического государства из-за рубежа не оставляла Ленина до конца жизни. По крайней мере в статье «О нашей революции (по поводу записок Н. Суханова)» явно просматривается призыв продержаться до тех пор, пока не произойдёт столкновения революционного Востока с буржуазным Западом⁷.

⁶ Ленин В.И. ПСС. Т. 25. М., 1969. С. 101; Т. 27. М., 1969. С. 260—261.

⁷ Там же. Т. 45. М., 1970. С. 378—382.

Владлен Измозик

«Но долгую жизнь товарища Ленина надо писать и описывать заново»

Vladlen Izmozik (Bonch-Bruevich Saint-Petersburg State University of Telecommunications, Russia)

«But the long life of Comrade Lenin must be written and described anew»

DOI: 10.31857/S086956870009251-7

150-летие В.И. Ленина, скорее всего, вызовет новый взрыв интереса к его фигуре, к Российской революции 1917—1922 гг., альтернативам развития нашей истории в первой половине XX в. Статья В.П. Булдакова — одно из проявлений этого и одновременно логичное продолжение дискуссий, которые идут уже около 100 лет. Столь же понятно, что ни эта статья, ни десятки и сотни других статей и монографий не способны поставить точку в полемике. Тем не менее эти публикации и их обсуждение, безусловно, полезны, ибо вводят в научный оборот малоизвестные факты, заставляют вновь и вновь размышлять над аргументацией пишущих и проверять её на подлинность. В этом отношении текст Владимира Прохоровича, как обычно, отличается яркостью, насыщенностью фактами, интересными размышлениями.

Конечно, невозможно говорить обо всех аспектах статьи. Поэтому позволю себе сосредоточиться на том, как в нём отражена фигура Ленина. Прежде всего, я бы отметил, что необходимо рассматривать становление его личности в контексте мировой истории того времени. Булдаков справедливо задаётся важнейшим вопросом: почему «в добропорядочной патриархальной семье служилого дворянина в провинциальном захолустье» два брата, Александр и Владимир, выросли революционерами? Замечу, что «добропорядочная семья» не отличалась патриархальностью. По меркам того времени она скорее была умеренно либеральной, где ценили трудолюбие, профессионализм и зачитывались русской классикой. И здесь стоит отметить сходство В.И. Ульянова с двумя другими великими политиками первой половины XX в.: Сунь Ятсеном и Махатмой Ганди. Это люди одного поколения, даже годы рождения очень близки: Ульянов (1870), Сунь Ятсен (1866) и Ганди (1869). Их судьба не зависела от материального положения их семей, все трое европейски образованы. И хотя Сунь Ятсен и Ганди не стали марксистами, но они также явились людьми нового времени, времени «восстания масс»; людьми, которые в рамках национальных и религиозных традиций меняли парадигму развития своих стран. Это, как мне представляется, говорит о тектонических сдвигах в мировой истории, которые они почувствовали и постарались использовать для реализации своих идей. Я уж не говорю о революциях этого времени в Мексике, Персии, Турции. Как справедливо пишет Булдаков, они «уловили дух эпохи». Поэтому Ленин — закономерное порождение своего времени.

Оценивая роль Ленина в революции 1917—1922 гг., и прежде всего в 1917 г., необходимо задаться вопросом, как политический эмигрант, вернувшийся в Россию после десятилетнего отсутствия, сумел всего лишь через полгода с небольшим не только захватить власть, но и удержать её в ситуации крайне ожесточённой Гражданской войны. Каковы главные политические постулаты, которыми руководствовался Ленин? Что принципиально нового внёс он в анализ

политической ситуации? В чём были его главные стратегические просчёты в оценке ситуации? Важно понять мотивы его рассуждений и действий, не вставая при этом в позу ни подобострастного почитания, ни высокомерного опровержения. Думается, что успех на этом пути возможен только в том случае, если мы будем рассматривать Ленина как отражение определённых процессов в российском обществе рубежа XIX—XX вв. 1917—1922 гг. — это «звёздный час» Ленина-политика. Можно выделить ряд основных политических постулатов, которыми он руководствовался.

В первую очередь он выдвинул, по сути, новую национальную идею, заключающуюся в непосредственном переходе к социалистическому обществу: «Идти вперёд, в России XX века, завоевавшей республику и демократизм революционным путём, нельзя, не идя к социализму, не делая шагов к нему (шагов, обусловленных и определяемых уровнем техники и культуры)... Погибнуть или на всех парах устремиться вперёд. Так поставлен вопрос историей»¹. Представляется, что это было крайне важно в ситуации того времени. Сегодня большинство исследователей сходится во мнении, что Первая мировая война породила тяжёлый кризис европейской цивилизации. Среди них есть те, кто рассуждает о едином процессе «всероссийского потопа», или второго смутного времени 1914—1921 гг.² Как следствие, от политиков и политических партий требовался качественно новый масштаб мышления, позволявший наметить выход из кризиса с наименьшими потерями. Российская политическая элита оказалась к этому неготовой и неспособной. Во-первых, она не имела «идеологической доктрины или хотя бы идеи, способной консолидировать общество на длительный период крайнего напряжения сил». Это дополнялось наличием социокультурной «пробки», перегородками «между типологически разными мирами “верхов” и “низов”, элиты и низших слоёв, города и деревни»³.

Во-вторых, после свержения монархии основные политические партии и группировки в идейном плане ограничивались лишь предложением «заплат» на российское «рубище»: от продолжения войны до победного конца до ожидания Учредительного собрания с весьма неясными перспективами. Кадеты, в частности, оказались не способны «разработать новую идеологию, адекватную реалиям 1917 г.»⁴. Между тем по Всероссийской переписи 1897 г. около 65% населения составляли лица моложе 30 лет. К 1914 г. среди рабочих города и деревни 29% составляли люди возрастом до 19 лет⁵. Ныне хорошо известно, что молодёжь в целом гораздо более эмоциональна, деструктивна и радикальна. В этой ситуации идея коренного переустройства, создания общества, лишён-

¹ Ленин В.И. ПСС. Т. 34. М., 1969. С. 192, 198.

² Холквист П. Тотальная мобилизация и политика населения: российская катастрофа (1914—1921) в европейском контексте // Россия и Первая мировая война. Материалы международного научного colloquium. СПб., 1999. С. 83. Отметим, что точку зрения Холквиста в ходе дискуссии поддержал Ф. Вчисло (США) (Там же. С. 173).

³ Дьячков В.Л., Протасов Л.Г. Великая война и общественное сознание: превратности индоктринации и восприятия // Россия и Первая мировая война... С. 59, 60.

⁴ Селезнев Ф.А. Выборы и выбор провинции: партия кадетов в Нижегородском крае (1905—1917 гг.). Н. Новгород, 2001. С. 199.

⁵ Крапивин М.Ю. Непролетарские партии России в борьбе за молодёжь. 1917—1925 гг. Волгоград, 1990. С. 8; Стецура Ю.А. Октябрь 1917 г. и молодёжь в послереволюционном преобразовании России // Октябрь 1917 г. в истории России и мира. Материалы межрегиональной научной конференции. Ставрополь, 1997. С. 182.

ного пороков, несомненно, привлекала значительную часть активных граждан, веривших в возможность её реализации.

Конечно, ленинская идея не имела шансов стать подлинно общенациональной, т.е. сплотить ради общих созидательных целей различные социальные группы. Наоборот, она углубляла, усиливала социальный раскол. Однако увлечь на время прекрасной мечтой огромные массы, истерзанные тяготами войны, ей оказалось под силу. В теоретических работах Ленин подчёркивал, что большевики не призывают к немедленному введению социализма, а лишь доказывают, что «нельзя идти вперёд, не идя к социализму»⁶. В агитационных обращениях он делал упор на то, что «только власть Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов поможет начать решительную борьбу и за мир, и за землю, и за социализм»⁷. Подчёркивалось, что, придя к власти, большевики предложат «справедливый мир всем воюющим народам», немедленно «помещичьи земли будут объявлены владением и достоянием всего народа»⁸.

В стратегическом плане реформы, конечно, более созидательны, чем революция. Но есть моменты, когда исторический процесс проскакивает критическую черту, «исторический Рубикон», и никакие полумеры уже не спасают. Машина идёт вразнос, и политик должен уметь возглавить стихийный процесс, чтобы попытаться подчинить его своей воле, направить стихию народной воли в определённое русло. Ленин оценил глубину социокультурного раскола. Это разрыв в уровне жизни, в менталитете и как результат — заряд накопившейся ненависти. Прибавлялась и специфика России. Размышляя позднее над событиями тех лет, В.А. Маклаков писал В.В. Шульгину 5 марта 1925 г.: «Все национальные русские черты... я ставлю на счёт... исторически сложившегося режима. Задача 20-го века России была перевести её... на рельсы всей Западной Европы, где в большей или меньшей степени, но все участвуют в строительстве государства, где если и существует правящая олигархия, то её господство зависит только от того, в какой мере она сумеет обмануть громадную и невежественную массу. Но за этой массой остаётся всегда решающий голос... Одним из коренных грехов нашего великорусского правительства было небрежение к этому [национальному] вопросу, непонимание того, что Россия страна разноречивая и разнородная»⁹. Понимание важности национального вопроса и готовность решать его с учётом настроений разнородных народов явились ещё одной важной чертой Ленина. Напомню его высказывание: «И мы... хотим... свободной и независимой, самостоятельной, демократической, республиканской, гордой Великороссии, строящей свои отношения к соседям на человеческом принципе равенства, а не на унижающем великую нацию крепостническом принципе привилегий»¹⁰.

Таким образом, решение вопросов о земле и мире представляло преддверием социализма, а сама идея борьбы за будущее социалистическое общество позволяла на какой-то период объединить различные потоки социальных и национальных движений. Это позволило большевикам в течение нескольких месяцев превратиться из одной из левых партий с весьма небольшим числом

⁶ Ленин В.И. ПСС. Т. 34. С. 191.

⁷ Там же. Т. 32. М., 1969. С. 50.

⁸ Там же. Т. 34. С. 285.

⁹ Будницкий О. «Еврейский вопрос» в эмигрантской публицистике 1920—1930-х гг. // Евреи и русская революция. Материалы и исследования. М.; Иерусалим, 1999. С. 401, 402.

¹⁰ Ленин В.И. ПСС. Т. 26. М., 1969. С. 108—109.

избирателей (в мае 1917 г. на I Всероссийском съезде крестьянских депутатов резолюция Ленина собрала шесть голосов из более 800 делегатов; в июне на выборах в районные думы в Москве большевики получили 11% голосов; и т.п.) в лидера леворадикального блока, включившего также левых эсеров, анархистов, ряд других политических партий и течений. А.Ф. Керенский писал: «Секрет успеха большевистской пропаганды объясняется именно тем, что большевики говорили с ними на простом, понятном им языке»¹¹.

После 1917 г. Ленин продемонстрировал умение быстро отказываться от неработающих лозунгов, соединяя утопию и крайний прагматизм: государство-коммуна и переход к единой началу, «диктатура пролетариата» и реальная «диктатура партии», заключение Брестского мира и т.д. К этому надо добавить наличие такой его черты, как мессианство. Он был убеждён в собственной правоте, в праве большевистской партии выступать от имени народа, «вести весь народ к социализму... быть учителем, руководителем, вождём всех трудящихся и эксплуатируемых»¹². Таким образом, можно сказать, что в эти годы Ленин сумел канализировать исторический процесс, сломавший старые государственные рамки, удержать его под контролем. Но в эти же годы он допустил ряд стратегических просчётов, которые стали одним из факторов крушения советской цивилизации.

Это прежде всего уверенность в том, что переход к социализму в России — лишь начало более масштабного процесса. В статье «Кризис назрел» он уверял: «Сомнения невозможны. Мы стоим в преддверии всемирной пролетарской революции»¹³. Через несколько лет, 6 ноября 1920 г., он напоминал: «Мы и начали наше дело исключительно в расчёте на мировую революцию»¹⁴.

Далее — проблема Гражданской войны. «Ленин недооценивал силу сопротивления свергнутых классов... Он презирал буржуазию и буржуазную интеллигенцию, считал всех её представителей заведомыми трусами»¹⁵. В 1917 г. он неоднократно уверял, что фраза «о “потоках крови” в Гражданской войне» может вызвать лишь смех всех сознательных рабочих и якобы «никакие “потоки крови” во внутренней гражданской войне не сравнятся даже приблизительно с теми морями крови, которые русские империалисты пролили» летом¹⁶. Когда тяжелейшие последствия Гражданской войны выявились во всей полноте, он попытался переложить ответственность на меньшевиков и эсеров. Выступая 1 марта 1920 г. на I Всероссийском съезде трудовых казаков, он, в частности, заявил: «Тогда вашей программой было социальное преобразование без гражданской войны. Нашёлся ли бы на свете хоть один дурак, который пошёл бы на революцию, если бы вы действительно начали социальную реформу?»¹⁷

Следом стоит указать на идею государства-коммуны. Утопизм Ленина ярко проявился в тогдашнем понимании им будущего пролетарского государства. Ему казалось, что сам переход власти в руки рабочих решит все проблемы. В работе «Государство и революция» он писал: «Рабочие, завоевав политическую власть, разобьют старый бюрократический аппарат, сломают его до осно-

¹¹ Керенский А.Ф. Россия на историческом переломе // Вопросы истории. 1991. № 1. С. 179.

¹² Ленин В.И. ПСС. Т. 33. М., 1969. С. 26.

¹³ Там же. Т. 34. С. 275.

¹⁴ Там же. Т. 42. М., 1970. С. 1.

¹⁵ Старцев В.И. Мы — с Лениным // О Ленине — правду. Дайджест прессы. Л., 1991. С. 120, 121.

¹⁶ Ленин В.И. ПСС. Т. 34. С. 224, 226.

¹⁷ Там же. Т. 40. М., 1974. С. 179.

вания... заменят его новым, состоящим из тех же самых рабочих и служащих, против превращения коих в бюрократов будут приняты тотчас меры, подробно разобранные Марксом и Энгельсом: 1) не только выборность, но и сменяемость в любое время; 2) плата не выше платы рабочего; 3) переход немедленный к тому, чтобы все на время становились “бюрократами” и чтобы поэтому никто не мог стать “бюрократом”»¹⁸. Любопытно, что одновременно предполагалась колоссальная бюрократизация в деле организации труда: «Богатые должны получить от того союза рабочих или служащих, к которому ближе всего относятся их область деятельности, рабочую книжку, они должны еженедельно, или через какой-либо другой... срок, получать удостоверение от этого союза, что ими добросовестно выполняется их работа; без этого они не могут получить хлебной карточки и продуктов продовольствия вообще»¹⁹.

Организация экономики также представлялась ему делом весьма простым: «Всё народное хозяйство, организованное, как почта, с тем чтобы техники, надсмотрщики, бухгалтеры, как и все должностные лица, получали жалованье не выше “заработной платы рабочего”, под контролем и руководством вооружённого пролетариата — вот наша ближайшая цель. Вот какое государство, вот на какой экономической основе нам необходимо»²⁰; «Всё общество будет одной конторой и одной фабрикой с равенством труда и равенством платы»²¹. Когда же экономические реалии оказались сильнее политических лозунгов, как в случае с существованием подпольного рынка («мешочничество»), он с лёгкостью возложил вину на самих рабочих, которые якобы проявили «чудовищную бездеятельность». В качестве методов борьбы предлагались обыски и расстрелы, причём расстрелы на месте²². Но «мешочничество выступало естественным компенсатором бессилия отечественной власти удовлетворить насущные потребности людей» и «в конечном счёте народ одерживал победы, хотя доставались они дорогой ценой»²³. Уже к весне 1918 г. Ленин признал крах идеи немедленного осуществления «государства-коммуны», призвав соединить «митинговый демократизм трудящихся масс с железной дисциплиной во время труда, с беспрекословным повиновением — воле одного лица... во время труда»²⁴.

При этом над проблемой стимулов к труду в пролетарском государстве он впервые всерьёз задумался лишь в конце декабря 1917 г. Среди тем, которые он наметил «для разработки», значились: «Как организовать соревнование?», «Дисциплина рабочих и босяческие привычки», «Учёт и контроль как сущность социализма», «Национализация промышленности и “долг” рабочих в работе»²⁵. Это, безусловно, вызывалось реалиями повседневной жизни. Оказалось, что рабочие, официально ставшие правящим классом, в большинстве своём не склонны проявлять «чудеса трудового героизма», ожидавшегося от них лидерами большевиков. М.П. Томский, указывая на тяжелейшее положение про-

¹⁸ Там же. Т. 33. С. 109.

¹⁹ Там же. Т. 34. С. 311.

²⁰ Там же. Т. 33. С. 50.

²¹ Там же. С. 101.

²² Там же. Т. 35. М., 1974. С. 311—312.

²³ Давыдов А.Ю. Нелегальное снабжение российского населения и власть. 1917—1921 гг. СПб., 2002. С. 333, 334.

²⁴ Ленин В.И. ПСС. Т. 36. М., 1974. С. 203.

²⁵ Там же. С. 188, 190.

мышленности, отмечал, что рабочий «превращается в пенсионера государства, паразита, живущего на чужой счёт»²⁶.

В этой ситуации Ленин доказывал, что конкуренция могла «воспитывать предприимчивость, энергию, смелость почина» лишь при мелком товарном производстве. А в условиях акционерных предприятий, синдикатов и т.п. «конкуренция означает неслыханно зверское подавление предприимчивости, энергии, смелого почина массы населения, гигантского большинства его». В результате он противопоставил конкуренции, частной предприимчивости идею социалистического соревнования, которое даст возможность большинству трудящихся «развернуть свои способности, обнаружить таланты»²⁷. Но соревнование он понимал как прежде всего соревнование отдельных предприятий или деревень, каждая из которых «является производительно-потребительской коммуной»²⁸. Поэтому главной экономической задачей объявлялись «учёт и контроль» «за количеством труда и за распределением продуктов»²⁹. Через несколько лет у Ленина вырвалась примечательная фраза: «Нам надо теперь собрать воедино всех тружениц и тружеников и заставить их работать вместе»³⁰. Между тем он сам признавал, что главной целью является более высокая, чем при капитализме, производительность труда, а главной задачей в связи с этим — «его высшая организация»³¹. На деле тотальная государственная собственность создала тупиковую экономику, лишённую внутренних стимулов к развитию, нуждавшуюся в постоянном внешнем подхлёстывании, соединении энтузиазма с подневольным трудом.

Таким образом, сила Ленина как политика на этапе задачи взятия власти совпала с серьёзнейшими стратегическими просчётами на этапе реализации идей. Это обусловило проблемы 1920-х гг., вставшие перед партийно-государственной элитой. События 1921 г. показали, что Ленин был готов к резким социально-экономическим поворотам ради конечной цели. Но мы никогда не узнаем, способен ли он был стать «российским Дэн Сяопином».

Ещё одной отличительной чертой Ленина явилось стремление и умение быть «дирижёром», объединяющим в мощный «оркестр» различные течения единого потока. На протяжении всего 1917 г. в большевистской партии имелось немало деятелей, мыслящих самостоятельно и не склонных соглашаться с Лениным автоматически. Например, «умеренные» («правые») большевики, самым известным среди которых являлся Л.Б. Каменев. Он доказывал, что буржуазно-демократическая революция продолжается, а российское крестьянство и иностранная буржуазия не допустят победы социализма. Были «левые», критиковавшие ЦК за «соглашательство» (С.Я. Багдатыев, М.И. Лацис). На VII Всероссийской конференции (24—29 апреля 1917 г.) главным оппонентом Ленина выступил Каменев. По национальному вопросу ему возражали Ю.Л. Пятаков и Ф.Э. Дзержинский. «Вождь» с предложением о создании нового Интернационала остался в меньшинстве. Однако он не хотел отсекал оппонентов. При выборах ЦК много возражений вызвала кандидатура Каменева, и тогда Ленин высказался в его поддержку: «Деятельность Каменева

²⁶ Профессиональный вестник. 1918. № 7—8. С. 7.

²⁷ Ленин В.И. ПСС. Т. 35. С. 195.

²⁸ Там же. С. 203; Т. 36. С. 191.

²⁹ Там же. ПСС. Т. 35. С. 199—200.

³⁰ Там же. ПСС. Т. 42. С. 5.

³¹ Там же. ПСС. Т. 36. С. 187.

продолжается 10 лет и она очень ценна... То, что мы спорим с т. Каменевым, даёт только положительные результаты. Присутствие т. Каменева очень важно, так как дискуссии, которые веду с ним, очень ценны. Убедив его, после трудностей, узнаёшь, что этим самым преодолеваешь те трудности, которые возникают в массах». В результате в ЦК прошли (в порядке полученных голосов) В.И. Ленин, Г.Е. Зиновьев, И.В. Сталин, Л.Б. Каменев, В.П. Милютин, В.П. Ногин, Я.М. Свердлов, И.Т. Смилга, Г.Ф. Фёдоров³². Таким образом, более трети ЦК составили «умеренные»: Зиновьев, Каменев, Милютин, Ногин.

Неверно думать, что партия тогда слепо подчинялась приказам ЦК или Ленина. Они просто не могли контролировать деятельность даже крупнейших региональных организаций. Этому мешали огромные расстояния, незначительность аппарата, слабость средств связи, общий хаос и постоянно меняющаяся ситуация. В Петрограде огромную роль играли Петербургский комитет и Военная организация («Военка»)³³. Также следует отметить вхождение в партию «межрайонцев», усилившее большевиков значительной группой интеллектуалов (Л.Д. Троцкий, А.В. Луначарский, А.А. Иоффе и др.). Именно Троцкий предполагался основным докладчиком на VI съезде партии и только после его ареста доклад поручили Сталину³⁴. Наконец, надо подчеркнуть, что большевики брали власть во главе левого политического блока (левые эсеры, анархисты-коммунисты, меньшевики-интернационалисты и т.п.).

Беспощадно боровшийся с меньшевиками и эсерами, внутри большевистской партии Ленин допускал разномыслие — в определённых пределах, опираясь в зависимости от ситуации на различные группы в руководстве. Пределы взглядов устанавливались решениями партийных конференций и съездов, общим настроением на отказ от соглашения с буржуазными («цензовыми») партиями. До сих пор нет убедительного ответа, почему большевики не раскололись на ряд организационно самостоятельных течений, подобно анархистам, эсерам и меньшевикам. Я полностью разделяю вывод американского историка А. Рабиновича, что «относительная гибкость партии, так же как её способность улавливать преобладавшие настроения масс, содействовала победе большевиков, по крайней мере столько же, сколько революционная дисциплина, организационное единство и авторитет Ленина»³⁵. Замечу, что даже в обстановке идеологического диктата 1970-х гг. историк Х.М. Астрахан сумел показать, что в 1917 г. были созданы «условия всем членам партии для активного участия в выработке политики партии» и вместе с тем обеспечивалась «монолитность и единство её организаций в осуществлении принятых решений»³⁶.

Перейду к нескольким замечаниям по статье Булдакова. Первое касается происхождения псевдонима «Ленин». Отвергая ряд действительно искусственных предположений, автор одновременно замечает, что «приписывают Ленину и “кражу” фамилии у почтенного члена Вольного экономического общества». Здесь явно содержится намёк на гипотезу, выдвинутую М.Г. Штейном. Между тем исследователь, на протяжении 45 лет занимавшийся родословной

³² Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП (большевиков). Протоколы. М., 1958. С. 78—86, 212—222, 228, 234, 322—323.

³³ См.: Рабинович А. Революция 1917 года в Петрограде. Большевики приходят к власти. М., 2003. С. 23.

³⁴ Шестой съезд РСДРП (большевиков). Август 1917 г. Протоколы. М., 1958. С. 7.

³⁵ Рабинович А. Революция 1917 года в Петрограде... С. 23.

³⁶ Астрахан Х.М. Большевики и их политические противники в 1917 г. Л., 1973. С. 444.

В.И. Ульянова, ни о какой «краже» фамилии не говорил. Он на основании комплекса документов и воспоминаний выдвинул гипотезу о передаче чиновником Министерства государственных имуществ и членом Вольного экономического общества С.Н. Лениным паспорта своего тяжело больного отца помещика Н.Е. Ленина, проживавшего в Пошехонском уезде Ярославской губ., В.И. Ульянову, опасавшемуся в 1900 г. получить отказ в выдаче заграничного паспорта³⁷.

Столь же удивительно для меня заявление, что «Февральскую революцию Ленин, подобно всем революционерам, проглядел». Подобное обычно пишут дилетанты, не читавшие Ленина и оперирующие фразой: «Мы, старики, может быть, не доживём до решающих битв этой грядущей революции». Но Булдаков не может не знать, что эта мысль, высказанная 22 января 1917 г. в выступлении перед молодыми швейцарскими социалистами, вырвана из контекста. В том же докладе Ленин сказал: «Нас не должна обманывать теперешняя гробовая тишина в Европе. Европа чревата революцией... Ближайшие годы, как раз в связи с этой хищнической войной, приведут в Европе к народным восстаниям под руководством пролетариата»³⁸. Говоря же о «решающих битвах», Ленин, безусловно, имел в виду победу мировой социалистической революции, которая должна была пройти ряд этапов и занять достаточно длительное время. Это положение можно подтвердить и другими оценками. 18 декабря 1916 г. Ленин писал И. Арманд: «Получилось сегодня ещё одно письмо из СПб... Настроение, пишут, архиреволюционное»³⁹. 19 февраля 1917 г. в очередном письме он сообщал: «Получили мы на днях отрадное письмо из Москвы... Пишут, что настроение масс хорошее... и что, наверное, будет на нашей улице праздник»⁴⁰. Наконец, 31 января 1917 г., анализируя положение, он заключал: «Революционная ситуация в Европе налицо. Налицо величайшее недовольство, брожение и озлобление масс»⁴¹.

Наконец, о тезисе «Ленин был злым порождением злой эпохи». Мне кажется, что здесь В.П. Булдакову мешает публицистичность. Не бывает «злых» и «добрых» эпох, каждая из них многоцветна. Может быть, стоит говорить о более спокойных и более бурных. Ленин, как мне представляется, не неизбежное, но закономерное порождение эпохи новейшего времени.

³⁷ Штейн М.Г. Ульяновы и Ленины. Тайны родословной Вождя. М., 2012. С. 240—241.

³⁸ Ленин В.И. ПСС. Т. 30. М., 1973. С. 328, 327.

³⁹ Там же. Т. 49. М., 1970. С. 340.

⁴⁰ Там же. С. 390.

⁴¹ Там же. Т. 30. С. 347—348.

Статья Владимира Прохоровича Булдакова, как и всё, что он пишет, читается с огромным интересом. Он изложил свой взгляд на историю и эволюцию марксизма в России и дал аналитический обзор современных взглядов на марксизм и, в частности, Ленина. В своём капитальном труде «Красная смута» Булдаков применил методы исследования социальной психологии к анализу истории российской революции, причём сделал это не мимоходом, не в абстрактном философическом комментарии, а на огромной документальной базе. Но, видимо, этот успех породил чрезвычайное увлечение «психоанализом». Во всяком случае, вывод данной статьи о том, что «глубинным антагонизмом» 1917 г. была «несовместимость культур европеизированных верхов и традиционалистических низов», выглядит, даже с оговорками, весьма сомнительно, как и то, что «теория Маркса разорвала Россию между Прогрессом и Традицией».

В статье в связи с книгой Ю.З. Полевого автор сделал важный вывод: дотошность исследователей конкретного исторического процесса нередко мешает некоторым идеологам. Мне кажется, что знакомство с многочисленными современными исследованиями избавило бы Владимира Прохоровича от повторения старых благоглупостей и о происхождении псевдонима Ленина, и о том, что до 1914 г. он Г. Гегеля не читал, и о том, что Февральскую революцию «проглядел», и относительно «лозунга» «грабь награбленное» и т.п. Ещё важнее, что анализ связи конкретных исторических событий с «поворотами» мысли Ленина помог бы понять, правомерно ли писать об «изворотливости» ума Владимира Ильича ради «примитивной идеи-утопии» и в силу врождённой склонности к «вождизму» и интриганству.

Забвение конкретной исторической реальности, иногда вполне сознательное, обычно связано с избыточным вторжением в прошлое нынешней политики. Возьмите, к примеру, утверждение, высказанное В.В. Жириновским ещё в 2013 г., о том, что федеративный принцип, заложенный Лениным при создании СССР, стал «миной замедленного действия для всей бывшей Российской империи». Тогда же в интернете ему ответил профессор В.Я. Гросул. Но мнение профессионала не пошло впрок.

Между тем распад империи начался сразу после того, как царь отрёкся от престола. Скрепсы самодержавия пали, но ничего приемлемого для национальных окраин, кроме экзальтированных фраз о «свободной России» и обещаний преобразовать её на основах федерализма (это было программным требованием крупнейшей в то время партии эсеров), Временное правительство дать не смогло. Как следствие, в июле 1917 г. Украинская национальная рада провозгласила автономию Украины со своей законодательной и исполнительной властью и приступила к созданию собственной армии. Временное правительство признало полную независимость Польши, широкую автономию Финляндии. Впрочем, с этим правительством уже никто и не считался. Финский сейм

в июле 1917 г. заявил о фактической независимости от России, литовский — о независимости Литовской республики, а Донское войсковое правительство — о неподчинении питерскому центру.

После Октября процесс усилился. Местные «элиты» с помощью суверенитетов и автономий стремились отгородиться от революционной России. Так возникли независимые «народные республики» — Украинская (президент М.С. Грушевский), Белорусская, Молдавская; Закавказская федерация; временные правительства Урала, Сибири, Беломорской Карелии, Крымско-татарское; Горская республика, а в Чечне — Северо-Кавказский эмират; на Волге — Урало-Волжские штаты, а потом Забулачная республика; в Средней Азии — Кокандская автономия, в Семипалатинске — Алашская. И новых председателей, премьеров и президентов не смущало, что ради власти им приходилось пользоваться услугами войск немецких (Прибалтика, Украина), турецких (Закавказье), французских (Крым), английских (Север), японских (Дальний Восток).

Так что «традиционной российской государственности», о которой ныне упоминают, не существовало! В противовес «белым» республикам в ходе Гражданской войны возникали советские, объединявшиеся вокруг московского правительства: Украинская, Тавриды, Туркестанская, Латвийская и Литовская, затем Литовско-Белорусская, а далее Белорусская, Татарская и Башкирская, Бессарабская, Галицийская, Нахичеванская, Абхазская, Муганская, Горская, Дальневосточная, трудовые коммуны: Амурская, Бакинская, Эстляндская, Карельская, немцев Поволжья, областные автономии — Вотская, Марийская, Калмыцкая, Кубано-Черноморская республика, Закавказская федерация и т.д.

Никто не отрицает факторов сугубо политических, стимулировавших этот процесс. Но всё большее значение приобретали соображения этнонациональные. Многие народы, входившие прежде в империю, впервые обрели государственность. И что же теперь? Ломать их через колено? Принудить к отказу от обретенной самостоятельности, т.е. продолжить гражданскую войну? Или найти разумный и приемлемый баланс прав и обязанностей каждой республики при равноправном вхождении в единый Союз? Федерация как раз и давала возможность такого взаимоприемлемого прочного единства. И не принцип федерации стал причиной трагедии 1991 г., а скорее грубейшие его нарушения.

То, чего не понял современный политик, прекрасно осознал бывший шеф Императорского военно-воздушного флота вел. кн. Александр Михайлович. В мемуарах он написал: «Вершители европейских судеб, по-видимому, восхищались своей собственной изобретательностью: они надеялись одним ударом убить и большевиков, и возможность возрождения сильной России. Положение вождей Белого движения стало невозможным. С одной стороны, делая вид, что они не замечают интриг союзников, призывали... к священной борьбе против Советов. С другой стороны, на страже русских национальных интересов стоял не кто иной, как интернационалист Ленин, который в своих выступлениях не щадил сил, чтобы протестовать против раздела бывшей Российской империи».

Не выдерживает сопоставления с историческими фактами и утверждение о том, что Ленин как революционер являлся лишь разрушителем. Напомню лишь, что реформы, начатые им в 1921 г., после окончания войны, дали результат не через 10—20 лет, а гораздо раньше. Уже в 1924 г. сельское хозяйство достигло уровня довоенного 1913 г., а в следующем году на этот уровень вышло и промышленное производство. Первый в мире перспективный план

социально-экономического развития — ГОЭЛРО — предусматривал не только электрификацию, но включал и народонаселение, транспорт, экологию и т.п. Именно тогда появились научные коллективы, которые обеспечили нашей стране и овладение атомной энергией, и прорыв в космос, и многое другое.

Первая мировая война и последовавшие затем события вызвали во многих странах неслыханный разгул инфляции. Америка отказалась от золотого стандарта. В Германии деньги совершенно обесценились. И в России тоже повсеместный денежный счёт шёл на миллионы. Где же раньше всего была установлена твёрдая валюта? В РСФСР — в результате денежной реформы, начатой в 1922 г. наркомом финансов Г.Я. Сокольниковым.

В этой же связи Ленин предложил радикально пересмотреть роль и место науки во всей системе государственной власти России, в частности Госплана, ибо он «как совокупность сведущих людей, экспертов, представителей науки и техники, обладает, в сущности, наибольшими данными для правильного суждения о делах»¹. Если раньше учёные и специалисты выступали в роли консультантов, рекомендациями которых можно было и пренебречь, то теперь Госплану придавались законодательные функции (наравне с ВЦИК и СНК).

Стало очевидно: большевики осуществляют дело государственного строительства России. Вот главный поворотный пункт, изменивший отношение к ним значительной части отечественной интеллигенции, как внутри страны, так и оказавшейся за рубежом. Вспомните движение «Смена веков», которое возглавил Н.В. Устрялов. Его представители первыми подняли вопрос о необходимости идти на службу к большевикам. Для интеллигенции это и будет её служением России, считали они. Устрялов писал, что это «долг русских патриотов», ибо именно советская власть стала «мощным и неотвратимым фактором воссоздания государства Российского».

Если отвлечься от психоанализа отдельных человеческих типов, то всех, кто пишет о Ленине, можно (с многочисленными нюансами) разделить на две группы — За и Против. Вся история российского освободительного движения с начала XX в. разделилась на тех, кто в первых рабочих и крестьянских выступлениях увидел лишь эксцессы и новую «пугачёвщину», «хулиганство дикарей цивилизации» (Н.К. Михайловский), и тех, кто считал, что надо не брезгливо отворачиваться от этой массы, а просвещать и организовывать её. Только тогда народная ненависть найдет себе выход «не в дикой мести, а в борьбе за свободу»². Впрочем, помимо этих двух основных групп, существует и колеблющаяся середина, худшая часть которой усвоила по отношению к Ленину (как и к Марксу) высокомерно-снисходительный тон профессора к незадачливому школяру: он, мол, не услышал предупреждений такого-то, не прочёл монографии такой-то. При этом подобные типы считают себя выше крайностей первых и вторых, усвоив на деле их худшие стороны. И всё это на том возвышенном основании, что они живут в XXI в., пользуются пылесосом и электромясорубкой, в то время как для Ленина вершиной освоенной техники был велосипед. Можно лишь пожелать В.П. Булдакову, чтобы он держался подальше от этой компании.

¹ Ленин В.И. ПСС. Т. 45. М., 1970. С. 349.

² Там же. Т. 4. М., 1967. С. 416.

Олег Волобуев

В.И. Ленин в оценках современников — участников революционного движения: 1924 год

Oleg Volobuev (Moscow Region State University)

V.I. Lenin in the assessments of revolutionary contemporaries (1924)

DOI: 10.31857/S086956870009253-9

150-летие отделяет наше время от дня рождения В.И. Ленина, но споры об оценке его исторического места, роли и значения в истории России и мира продолжают и будут продолжаться. Уже в некрологах и других публикациях 1924 г. авторы социалистической ориентации пытались подвести предварительный итог его деяниям. Почему для нас важны эти суждения и оценки? Они давались людьми, как правило знавшими Ленина, талантливыми публицистами, часто его соратниками, резкими полемистами, видными и заметными фигурами социал-демократического и революционно-социалистического движения. За их словами стоят впечатления, воспоминания, осмысление «на ходу» ленинских заявлений и поступков. Авторы этих публикаций высказывали отношение к большевистскому вождю искренне, не боясь. Меньшевистские и эсеровские авторы-эмигранты репрессии уже пережили, у Л.Д. Троцкого они были ещё впереди.

В основу данного эссе положены следующие публикации: редакционная статья «На смерть Ленина» в заграничном печатном органе меньшевистской партии «Социалистический вестник»; некрологи в эмигрантских изданиях — главного теоретика эсеров В.М. Чернова в еженедельнике «Воля России» (Прага), В.И. Талина в журнале правых меньшевиков «Заря», М.Л. Слонима в «Революционной России» (центральный орган Партии социалистов-революционеров); фрагментарный очерк Л.Д. Троцкого «О Ленине: материалы для биографа».

Слоним начал статью с актуального и ныне рассуждения о том, что «официальные преувеличения и казённые гиперболы дают такой же скудный материал для “итога”, как и попытка представить Ленина “ничтожнейшим преступником” и столь же преуменьшить его, сколь другие возвеличивают. Объективно судить о Ленине трудно. Это сделают потомки. Современники слишком связаны ненавистью или любовью к ленинскому делу. Мы оцениваем не только личность Ленина, но и всё, что он разрушил, и то, что он сотворил. А здесь субъективизм неизбежен, законен, быть может, даже полезен»¹. Эти суждения — прекрасный эпиграф ко всей историографической Лениниане. Но надежды автора на потомков не оправдались. В советской историографии доминировали «официальные преувеличения и казённые гиперболы», в постсоветской — негативные установки. Но не будем впадать в нигилизм: появились и достойные, хотя и не свободные от субъективизма, научные работы. В зарубежной историографии, например, можно выделить публикации английского историка Р. Сервиса², а в российской — В.Т. Логинова³.

¹ Слоним М. Великий неудачник // Революционная Россия (Прага). 1924. № 33—34. С. 7.

² Сервис Р. Ленин / Пер. с англ. яз. Г.И. Левитан. М., 2002.

³ Логинов В.Т. Владимир Ленин. Выбор пути. Биография. М., 2005; Логинов В.Т. Неизвестный Ленин. М., 2010.

Обратимся к очерку Троцкого. Эти наскоро написанные воспоминания состоят из двух частей: первая посвящена «искровскому» периоду начала XX в., вторая — 1917 г. Здесь представляет интерес сопоставление Ленина-«искровца» и его же, уже большевистского вождя, в апогее 1917 — начала 1918 г. Эти две биографические точки разделили полтора десятилетия, охватившие Первую российскую революцию, Первую мировую войну и многолетие партийных «боёв». Троцкий, в частности, привёл рассказ В.И. Засулич, которая, наблюдая споры Ленина с Г.В. Плехановым о формулировках готовившейся к утверждению программы РСДРП, дала образную характеристику этим социал-демократическим поводам: «Жорж (Плеханов) — борзая: потреплет, потреплет и бросит, а Вы бульдог: у Вас мёртвая хватка». Ленину очень понравилось определение «мёртвая хватка»⁴. И Троцкий комментирует: «Засулич выразила чувственное ощущение силы Ленина». Он не разъяснил, о какой силе речь, но это понятие можно интерпретировать как некую данность качеств вождя. Чуть далее в тексте имеется такая характеристика: «Настойчивая, упорная, попирающая все условности, ни перед чем формальным не останавливающаяся целеустремлённость, которая составляет основную черту Ленина-вождя»⁵. Троцкий делал упор на слово «целеустремлённость», но можно обратить внимание и на другие определения — «попирающая все условности» и «формальное».

Троцкий сравнивал Ленина и Ю.О. Мартова «искровского» периода. Ленин, «этот величайший машинист революции не только в политике, но и в теоретических своих работах, и в занятиях философией, и в изучении иностранных языков, и в беседах с людьми был одержим одной и той же идеей — целью». В отличие от Мартова, жившего сегодняшним днём, его проблемами и заботами, Ленин, «подминая под себя сегодняшний день, врезывался мыслью в завтрашний»⁶, «Ленин всегда готовил завтрашний день, утверждая и укрепляя день сегодняшний»⁷. Накануне Первой российской революции он оценивался Троцким так: «Это был вождь, насквозь целеустремлённый и, думается, окончательно почувствовавший себя вождём, когда он в работе стал бок-о-бок со старшими, учителями и убедился, что он сильнее и нужнее». Он почувствовал себя способным дать революции «идейную оснастку и организационный аппарат». Не случайно Плеханов во время II съезда РСДРП сказал о нём: «Из такого теста делаются Робеспьеры»⁸. Для Троцкого это высокая положительная оценка, для подавляющего большинства современных историков — сомнительная честь.

В 1917 г. Ленин, по словам Троцкого, «безошибочно подслушал нарастающий напор истории на буржуазию»⁹. Ленинские «формулы выдержали проверку». Вождь чувствовал «голоса революции» — голоса пробуждающейся массы. Он «несокрушимо верил в то, что масса хочет и может совершить революцию». Вскользь упомянута и «ненависть Ленина к старой России»¹⁰, которая сопряга-

⁴ Троцкий Л. О Ленине: материалы для биографа. М., 1924. С. 13.

⁵ Там же. С. 19.

⁶ Там же. С. 21.

⁷ Там же. С. 42.

⁸ Там же. С. 42—43, 45—46.

⁹ Там же. С. 55.

¹⁰ Там же. С. 61—64.

лась с ненавистью масс (особенно солдатской), что обеспечивало эмоциональную составляющую революции, её энергетический ресурс¹¹.

Характеризуя взгляды Ленина 1917—1918 гг. в разделе «Правительственная работа», Троцкий привёл несколько показательных эпизодов. «По инициативе тов. Каменева был отменён введенный Керенским закон о смертной казни для солдат... Ленина при этом ещё не было. Дело происходило, очевидно, до его прибытия в Смольный. Когда он узнал об этом первом законодательном акте, возмущению его не было конца. “Вздор, — повторял он. — Как же можно совершить революцию без расстрелов? Неужели же вы думаете справиться со всеми врагами, обезоружив себя? Какие ещё есть меры репрессии? Тюремное заключение? Кто ему придаёт значение во время гражданской войны, когда каждая сторона надеется победить?”. Каменев пробовал доказывать, что дело идет лишь об отмене смертной казни... для дезертиров-солдат. Но Ленин был непримирим. Для него было ясно, что за этим декретом скрывается непродуманное отношение к тем невероятным трудностям, которым мы идём навстречу. “Ошибка, — повторял он, — недопустимая слабость, пацифистская иллюзия” и пр. Он предлагал сейчас же отменить этот декрет. Ему возражали, указывая на то, что это произведёт крайне неблагоприятное впечатление. Кто-то сказал: лучше просто прибегнуть к расстрелу, когда станет ясным, что другого выхода нет. В конце концов на этом остановились»¹².

Следующий эпизод относится к началу немецкого наступления в феврале 1918 г.: «Мы начали с воззвания. Написанный мною проект — “Социалистическое отечество в опасности” — обсуждался вместе с левыми эсерами. Эти последние в качестве новобранцев интернационализма смутились заголовком воззвания, Ленин, наоборот, очень одобрил: “Сразу показывает перемену нашего отношения к защите отечества на 180 градусов. Так именно и надо!”. В одном из заключительных пунктов проекта говорилось об уничтожении на месте всякого, кто будет оказывать помощь врагам. Левый эсер Штейнберг, которого каким-то странным ветром занесло в революцию и даже взметнуло до Совнаркома, восставал против этой жестокой угрозы как нарушающей “пафос воззвания”. “Наоборот, — воскликнул Ленин, — именно в этом настоящий революционный пафос (он иронически передвинул ударение) и заключается. Неужели же вы думаете, что мы выйдем победителями без жесточайшего революционного террора?” Это был период, когда Ленин при каждом подходящем случае вколачивал мысль о неизбежности террора»¹³.

Троцкий отметил «могучий идеализм Ленина, его напряжённую волю, которая на резком повороте двух эпох сжимала этапы и сокращала сроки. *Он верил в то, что говорил.* И этот фантастический полугодовой срок для социализма представляет собой такую же функцию ленинского духа, как и его реалистический подход к каждой задаче сегодняшнего дня. Глубокое и неукротимое убеждение в могущественных возможностях человеческого развития, заплатить за которое можно и должно любой ценой жертв и страданий, составляло всегда главную пружину ленинского духа»¹⁴. В этом фрагменте слова о вере Ленина в свои оценки, планы, предназначения сам Троцкий отметил курсивом.

¹¹ Об эмоциональной стороне революции, её психодинамике см.: *Булдаков В.П.* Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 2010.

¹² *Троцкий Л.* О Ленине... С. 101.

¹³ Там же. С. 104.

¹⁴ Там же. С. 112—113.

Из очерка можно почерпнуть многое, но выделю суждения о терроре как необходимом условии для победы в революции. И в этом Ленин реалист, реалист как бывает на войне, когда полководец расправляется с пленными по тем или иным соображениям. Что касается упомянутых сроков строительства социализма — в кратчайшие исторические сроки, в каких-то полгода, — то в этом проявился его утопизм. Однако Троцкий далёк от того, чтобы критиковать Ленина. Они оба были убеждены, что пламя мировой революции вот-вот охватит земной шар.

Из числа некрологов, написанных деятелями социалистического направления, выделяется статья Чернова «Ленин». Это, на мой взгляд, лучшая публикация аналитического характера. Из неё можно извлечь ряд кратких и ёмких оценок личности умершего: «самый крупный характер из выдвинутых русской революцией»; «человек “с истиной в кармане”»; «монодеизм был его слабостью и его силой»; «теоретик классовой борьбы и её апогея — гражданской войны»; «концентрированный волюнтаризм... личности»; «политический боксёр на арене социальных распрей»; эмпирик, экспериментатор, игрок; «насмешливый, язвительный, цинический ум»; «не фейерверкер слов и образов», не оратор, но «побольше оратора»; «плебей по привычкам и натуре»¹⁵. Представляется, что эта выборка определений не вызовет существенных возражений ни от идейных противников Ленина, ни от его апологетов. Перечень схватывает многое и достаточно политически корректен. Кто-то может считать неприемлемыми такие выражения, как, например, «игрок» и «цинический ум», но это не меняет общей цельности композиционной мозаики.

Отталкиваясь от тех или иных определений, Чернов в ряде случаев разъясняет и обосновывает их, но порой этого не делает. Последнее, видимо, объясняется тем, что есть определения и заключения, которые для его современников были настолько бесспорны, что особого обоснования и не требовали. Кратко изложу положения статьи, в которых автор стремится сделать более рельефным своё понимание личности Ленина.

Почему Ленина можно назвать «некоронованным королём» возглавляемого им движения (похоже, Чернов имеет в виду не партию, а именно движение масс, включавшее партию)? Потому, что он и голова движения, и его воля, и даже его сердце. С одним добавлением: но вот ум у него холодный. И здесь Чернов рассуждает: «В политике есть лишь расчёт. В политике есть лишь одна заповедь: добиться победы. Одна добродетель: воля к власти для осуществления своей программы. Одно преступление: нерешительность, упускающая шансы успеха... А так как политика есть лишь скрытая форма войны, то правила войны суть правила политики»¹⁶. И тот, кто это усвоил, может обходиться без сентиментальности, игнорируя все этические нормы и заповеди. Отсюда для Ленина прежде всего революционный долг, рождающий бессердечность даже к себе, не говоря уже о других. Отсюда и извращённость понятия «честного политика». Честным надо быть перед революционным долгом, а не по отношению к противнику. Ленин переносится «по ту сторону совести» — таков нравственный вердикт автора.

¹⁵ Чернов В.М. Самый крупный характер революции // Родина. 1990. № 4. С. 14—16. Здесь и далее я делаю ссылки на более доступные для читателя современные перепечатки статей-некрологов. См. также: Вождь. Ленин, которого мы не знали / Сост. Г. Сидоровнин. Саратов, 1992.

¹⁶ Чернов В.М. Самый крупный характер революции. С. 14.

Как и многие другие публицисты, Чернов выделил «ленинскую волю»: «Его волевой темперамент был, как стальная пружина, которая тем сильнее “отдаёт”, чем сильнее на неё нажимают»¹⁷. Следуя рассуждениям и метафорам Чернова, можно сформулировать такой вывод: идеологическое начало, организационный талант и психоволевая природа — вот тот сплав, из которого революционные среда и одержимость изваяли «необыкновенную целостность натуры Ленина».

Заслуживают внимания и такие рассуждения опытного и не раз битого революционными событиями политика: «Удача венчает лишь тех, кто умеет держаться до конца даже в явно безнадёжном положении». Ленин из тех, кто умел сопротивляться неудачам и не упускать «слепого дара судьбы». Он изобретательно изыскивал пути к выходу из сложных исторических ситуаций, нащупывал дорогу к успеху. «Он был большим мастером в оценке любой наличной политической ситуации, великолепно ориентировался в ней, метко схватывал в “текущем политическом моменте” всё, что его отличало от предыдущего, и проявлял большое практическое политическое чутьё в предвидении ближайших его политических последствий». В планировании революционного действия и быстроте реализации замысла Ленин сравнивался с фехтовальщиком. Может показаться, что Чернов восхищался политическим соперником. Возможно, такое чувство и присутствовало, но, может быть, это лишь объективная фиксация его тактической гениальности.

Однако относительно стратегических способностей мнение автора иное: «И с этим непосредственным тактическим здравомыслием в необычайно резком на первый взгляд противоречии стояла абсолютная беспочвенность и фантастичность всех его прогнозов более широкого исторического размаха, и всех его программных идей и планов, рассчитанных не на сегодня и не на завтра, а на целую переживаемую эпоху». Для Чернова «гениальная прозорливость» Ленина — миф: он «не раз выводил партию из самых отчаянных ситуаций, превращался в какое-то чудо», что приписывалось «его гениальной прозорливости, т.е. как раз тому качеству, которого у него в большом, историческом масштабе совершенно не было»¹⁸. Понимая, что это утверждение вызовет отрицание, он привёл в качестве примера аграрную программу РСДРП начала XX в. и «похищение» большевиками эсеровской аграрной программы в 1917 г. Другой пример воплощения в жизнь неудачного плана — попытка форсированного строительства социализма. Я в целом солидарен с тезисом о мифологической природе суждений о «гениальной исторической прозорливости Ленина», однако убеждён в том, что дальнюю историческую перспективу не дано уловить ни одному человеческому уму и ни в какое время¹⁹.

От небольшого экскурса в «карательную экспедицию в область философии» (единственный некролог, в котором помянут «Материализм и эмпириокритицизм») Чернов перешёл к проблеме идейной диктатуры. Своё отношение он выразил так: Ленин «не ценил творческих исканий истины, не уважал чужих убеждений, не был проникнут пафосом свободы». Он был привержен «чисто азиатской идее сделать печать, слово, трибуну, даже мысль монополией

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. С. 15.

¹⁹ Эпистемологический критицизм ближе к научной истине, чем футурологические прогнозы (вспомним хотя бы сравнительно недавнего Ф. Фукуяму с его «концом истории»).

одной партии, возведённой в ранг управляющей касты». Но этот «толкователь и перетолкователь» марксистской доктрины в её границах «достигал большой и своеобразной силы», которая сказывалась «в необычайной, в абсолютной ясности, можно сказать прозрачности всех положений», «всё конкретизировалось и упрощалось до последних пределов возможного». В его ораторских приёмах — многократной вариации одной и той же мысли, логической нацеленности композиции на конечную цель, напористости и др. — присутствовала ещё и направленность на «наибольшее давление на волевое состояние аудитории»²⁰.

Как мыслитель Ленин «не был догматиком по натуре», но Чернову он чужд. Интеллект большевистского вождя представлялся эсеровскому теоретику лишь инструментом, подобно топору мастера в деревянном зодчестве. Он «влюблялся не в стройность и симметрию головного творчества, а лишь в успех на арене политической и революционной “игры”, где надо поймать момент и сорвать ва-банк»²¹. Ленин был опасен в «своей маниакальной сосредоточенности» на революции. И Чернов сравнивает его с «великим инквизителем» Т. Торквемадой. Страстно влюблённый в историческую миссию пролетариата, его гегемонию, диктатуру, Ленин в принципе оставался равнодушен к конкретной человеческой личности и её праву на обеспеченную здесь и сейчас жизнь.

Завершали некролог рассуждения о ленинском понимании диктатуры пролетариата. Он создал «восходящую систему» «диктаториальных кругов — подобных кругам Дантова ада», которая «являлась универсальной теорией диктаториального, опекунского социализма». Для Чернова ленинская трактовка и большевистская практика — полная противоположность научному социализму, идеал которого — система хозяйственной демократии, а не огосударствление народного хозяйства. И она не имеет будущего, так как подвергнется действию «неумолимых законов размагничивания и распада»²².

Черновские характеристики хорошо дополняет некролог из «Социалистического вестника». В нём идёт речь о среде, породившей феномен Ленина, о присущих русской общественности и социал-демократическому движению двух противоположностях, полюсах: марксистском европеизме и стихии полуазиатской деревенщины («традиционные навыки к деспотическому командованию и слепому повиновению»). Выявление связи исторической личности и общественной среды — точка отсчёта в меньшевистской характеристике силы, гения и вождизма Ленина: он «был типичным сыном этой общественности. Его сила заключалась в том, что его несла её стихия; в том, что он был не из тех вождей, которые стараются поднять стихию на уровень сознательности, а из тех, которые, наоборот, становятся во главе стихии именно потому, что ей подчиняются. Его гений состоял в том, что он умел уловить все колебания стихии, её подъёмные порывы, как и судороги её разложения. Умел нащупать родственные ей струны и в мировом рабочем движении, отравленном войной, и всем этим умел воспользоваться, чтобы на этом зыбком фундаменте воздвигнуть трон своей *идее*, которая воплощалась для него *в нём самом*. Ибо *таким вождём такой стихии* только и может быть человек, который фанатично верит

²⁰ Чернов В.М. Указ. соч. С. 15.

²¹ Там же. С. 16.

²² Там же.

в свою историческую *миссию*, в свою историческую предназначенность и потому в свою непогрешимость»²³.

А известны ли вожди — не популисты, «которые стараются поднять стихию на ступень сознательности»? Такие вряд ли становятся вождями. Они или не признаются в этом качестве, или отказываются от него. Вождь, как свидетельствует социальный опыт, входит в историю как популист, организатор, идеолог и, зачастую, пропагандист «всего лучшего». Ни Плеханов, ни Мартов, ни Чернов вождями не стали. Их максимум — круг партийных сторонников и громкая известность в качестве талантливых политических мыслителей-идеологов, публицистов-теоретиков, авторов ярких инвектив.

Меньшевистские лидеры отметили политический гений Ленина, его фанатичную веру в себя, убеждение в том, что личная власть — орудие для переорачивания мира. По-иному можно сказать — ощущение мессианского призвания. Он обладал «свойствами вождя секты»: «Лично он был совершенно лишён тщеславия, бескорыстен в буквальном смысле этого слова, — “горел идеей”. Но сквозь все его шатания и колебания, подчас поражающие своей беспринципностью и моральной неразборчивостью, сквозь все зигзаги его партийной, политической и государственной деятельности красной нитью проходит за все 30 лет один незыблемый, руководящий принцип: партия — это я! рабочий класс — это я! коммунизм — это я! государство пролетарской диктатуры — это я!»²⁴. Короткий, наспех написанный некролог (торопились дать в текущий, уже готовый номер журнала) не даёт полноты картины, но преисполнен внутренней убеждённости авторов как в политическом гении Ленина, так и в его мессианской и диктаторской пагубности для социалистического движения.

Правые меньшевики, представленные С.О. Португейсом²⁵, отозвались на смерть Ленина довольно односторонне. В «органе социал-демократической мысли» берлинском журнале «Заря» за подписью В.И. Талина (один из псевдонимов Португейса) была опубликована статья-некролог, которая фокусировалась на проблеме «Ленин и власть». основополагающий постулат её сформулирован так: «Не власть идеи освещала путь этого человека, а идея власти». При этом делался упор на презрение Ленина и к соратникам, и к «человеку вообще», с оговоркой, что «массы он презирал ещё больше, чем отдельных людей». Все организационные планы Ленина, начиная с 1902 г., строились «на идее готовых к подчинению масс», а сама социал-демократическая организация являлась для него лишь инструментом власти²⁶.

Ленин, будучи лично «человеком скромным и невзыскательным», при этом являлся «первосвященником» и «рыцарем» власти²⁷. То, что он не терпел возражений, объясняется просто: он защищал не себя, а идею власти. Почему же таковая столь ценна? Да потому, что власть нужна для осуществления социализма. Если продолжить эту мысль, то получается, что социализм строится усилиями «пролетарского» государства, а не творческими усилиями пролетар-

²³ Меньшевики в большевистской России. 1918—1924 / Меньшевики в 1922—1924 гг. / Отв. ред. З. Галили, А. Ненароков. М., 2004. С. 533.

²⁴ Там же.

²⁵ Почти забытого С. Португейса возвратил в ряды российских публицистов-мыслителей философ А. Кара-Мурза. См.: Кара-Мурза А.А. Первый советолог русской эмиграции: Семён Осипович Португейс (1880—1944). М., 2006.

²⁶ Талин В.И. У гроба Великого Диктатора // Заря. 1924. № 1. С. 7.

²⁷ Там же. С. 8.

ской массы. Образно это общество можно представить в виде пирамиды, фундамент которой — пролетарская масса, верхняя часть — РКП(б), а вершина — сам Ленин. «В нём начало и конец всех путей, ведущих к социализму. Ибо Ленин овладел тайной власти. Он тайновидец власти. Он сопричастен её святому духу. Он сам материализованный её дух». Почему же такое стало возможно в России? «В стране, не знавшей современных форм самоуправления, в которой крепко ещё сидели начала монархизма, не как политической системы, а как системы авторитарного мышления... идея власти должна была найти благодатную почву»²⁸. Корневая система диктатуры заложена не столько в насилии, сколько в авторитарном мышлении и руководителях, и масс.

Следующий тезис автора — о «дороге, ведущей к храму». Власть надо хотеть, власть надо любить, но её ещё надо заполучить и удержать. В умении реализовать захват власти «проявился гений Ленина». Дорогу к власти он разглядел через бунт и рождаемый им хаос, и гений его состоял в том, что этот хаос открывал дорогу к власти. Акцент делается на том, что «никогда Россия не имела столь пламенного бунтовщика, но никогда она не имела и такого пламенного жреца и чародея власти»²⁹. Заканчивается красиво написанная филиппика обобщающей фразой: «Так бунт, власть и презрение составляли основную гамму души Ленина». В общем, получился рентгеновский снимок, только не гениального политика, а политического скелета.

Ещё более односторонний и однотонный портрет дан в некрологе под названием «Великий неудачник» уже цитированного ранее эсеровского публициста Слонима. В его трактовке Ленин — не теоретик, не философ, не мыслитель, ибо его характеризует догматическое мышление: «Именно формальные качества ума сильны были у Ленина: хорошая диалектика, блестящие аналитические способности, умение упростить и расчлнить сложные проблемы, упорство в повторении и развёртывании основных тезисов, стремление дойти до внешне логического конца, до последнего вывода». Итак, диалектик, аналитик, логик — но не мыслитель. Противоречие поверхностно устраняется следующим заключительным пояснением: «Не теоретик, а тактик, Ленин был искусным политическим вождём — и в этом коренилась основа и причина его успеха»³⁰. Слоним считал, что Ленину были присущи целеустремленность и воля, он также согласен с тем, что цель всей его деятельности — власть. Овладев ею и опираясь на партийно-государственный аппарат и принуждение, верил вождь большевиков, в России можно построить коммунизм.

Слоним сравнил Наполеона и Ленина и выстроил их деяния в следующие ряды. У первого были не только 18 брюмера, но и пирамиды, итальянский поход, Аустерлиц, Иена. У второго — Брест-Литовск, голод, нэп и Рига. Рижский договор по потерям российской территории приравнивается к Брест-Литовскому, нэп относится к неудачам (видимо, по критерию «движение вспять»). «Что оставил Ленин России?» — вопрошал публицист и подводил печальный итог: «Насилие, угнетение, развалины, бесцельное разрушение и после короткого пира хаоса и ломки — возвращение вспять и возобновление разрушенного». Подчёркивалось банкротство всех ленинских начинаний и ставился вопрос: с чем Ленин входит в историю? Финальная инвектива такова: «большой

²⁸ Там же. С. 9.

²⁹ Там же.

³⁰ Слоним М. Великий неудачник. С. 7.

властолюбец, слабый теоретик, искусный стратег, упорный фанатик и великий неудачник»³¹.

Перечень высказываний современников можно было бы продолжить, ряд оценок, принадлежавших зарубежным деятелям культуры, приведён в статье В.П. Булдакова. Добавлю к ним ещё два голоса видных представителей германской политической мысли. Видный социал-демократ и деятель Социнтерна К. Каутский в статье «Уроки Октября» вносил в создаваемый портрет важный штрих: «В 1917 г. Ленин с его, как теперь видно, примитивным и крайним утопизмом, мог думать, что, завоевав власть, он сделает для пролетариата всё и несколькими примитивными ударами молота сколотит новое общество»³². Г. Штреземан, один из участников Ноябрьской революции 1918 г. и основателей Веймарской республики, написал по просьбе газеты «Известия» отзыв, в котором указывал: «Ленин обладал великой способностью объединять все силы, направленные к одной цели, и смелостью приводить свои планы в сочетание с достижимым. В этом смысле он был гением и как таковой займёт своё место в истории»³³.

Теперь, размышляя об исторической судьбе советского, по выражению Каутского, «сколоченного Лениным» общества, можно сделать обобщение о его чертах личности и месте в истории. Это убеждённость в правоте и научности марксизма и в правоте его собственной, ленинской, интерпретации революционного социалистического учения; крайняя революционность (некоторые современники квалифицировали её как бланкизм и якобинизм) и связанное с ней форсирование перемен (революционное нетерпение); вера в неизбежность и необходимость насилия и массового террора по отношению ко всем, кого можно причислить к врагам революции и социализма; мессианское отношение к своему революционному призванию. И с грустью замечу: перечисленные черты в той или иной степени присущи многим большим и малым революционным вождям (Мао Цзедун, Э. Ходжа, Ким Ир Сен).

Среди индивидуальных черт отмечались мощный аналитический ум, целеустремленность, трудолюбие, нестигаемость в столкновениях с трудностями, революционный дух и чутьё к настроениям и движениям народной стихии, дар нащупывания социальной опоры и политических рычагов, мобилизующих на борьбу и приводящих в движение революционный авангард и массы. Все эти качества и дарования сделали Ленина великим революционером вселенского масштаба. Но, благодаря стараниям сподвижников и эпигонов, особенно последующих поколений, они привели к идеализации личности, возникновению легенд и мифов. И точно так же обусловили последующую демонизацию. Фактических оснований для негативных суждений более чем достаточно. Деяния исторических личностей в большинстве случаев имеют тёмную, порой кровавую сторону. Утопии типа «мы наш, мы новый мир построим, кто был ничем, тот станет всем» превращают миллионы людей в рабов и подданных.

Необходимо понимать: Ленин это прежде всего революция, и его отношение к человеку всегда сшивалось и расшивалось революционными нитями. Поэтому ему легче было любить идеальный образ пролетария, который выполняет

³¹ Там же. С. 8.

³² Социалистический вестник. 1925. № 6 (4 апреля). С. 11.

³³ Политики и писатели Запада и Востока о В.И. Ленине / Под ред. Вл. Виленского (Сибирякова). М., 1924. С. 26.

своё историческое предназначение, чем конкретных обуховских или сормовских рабочих с их неухоженными и не страдающими ожирением жёнами и детьми.

Был ли Ленин прозорлив в своих политических планах-прогнозах? Если на этот вопрос вслед за его политическими противниками ответить «нет», тогда логично поставить другой — почему же его считают гениальным политиком? Потому, видимо, что он обыгрывал своих противников и соперников. Выигрывал Ленин по многим причинам, в числе которых немалое значение имели его целеустремленность, аналитический ум и воля, а также неожиданные, порой авантюристические ходы и прорывы. Да, в июле 1917 г. большевикам не удалось захватить власть, но, спустя несколько месяцев это получилось. Да, большевики смогли удержать государственную власть и одержать победу в Гражданской войне. Да, большевики смогли построить «социалистическое государство», т.е. в краткосрочной исторической перспективе одержаны видимые достижения. Но главный итог подвело время в конце того же XX в. Социалистический проект воплотился в сталинском государстве-партии, сопровождаемый вождизмом, жёсткой плановой экономикой, перенапряжением народных сил, отсутствием свободного волеизъявления, массовыми репрессиями.

В.И. Ульянов (Ленин) и его современники

Философская полемика В.И. Ленина и А.А. Богданова в контексте внутрипартийной борьбы в РСДРП

Алла Морозова

**Philosophical debates of V.I. Lenin and A.A. Bogdanov
in the context of internal party struggle in RSDLP**

Alla Morozova

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

DOI: 10.31857/S086956870009254-0

Вынесенная в заголовок тема многократно становилась предметом изучения представителей различных гуманитарных специальностей, прежде всего философов. Она, как правило, расценивалась как одна из главных, если не главная причина распада дуумвирата, который стоял во главе большевистской фракции в годы Первой российской революции 1905—1907 гг. Однако среди исследователей нет единодушия в том, какие именно разногласия — мировоззренческие, политические, личные или финансовые — стали определяющими. Представляется важным взглянуть на философскую полемику В.И. Ленина и А.А. Богданова в контексте их разрыва, ответить на вопрос: сыграли ли разногласия в этой сфере какую-либо роль в распаде тандема или же, напротив, оказались «вытащены на свет Божий» в тот момент, когда разницу политических позиций стало невозможно преодолеть. В кратком обзоре я постараюсь представить основные позиции сторон, хотя, разумеется, не претендую на исчерпывающую полноту.

Советская историография всегда подчёркивала ревизионистский характер сочинений Богданова и гениальность Ленина-философа, давшего ему должный отпор. При этом замалчивались как откровенная слабость «Материализма и эмпириокритицизма» именно с философской точки зрения, так и недопустимый для научной работы тон полемики. Последний порой даже оправдывался необходимостью жёсткого размежевания с «искажителями истинного марксизма». Между тем на эти особенности ленинской позиции обратили внимание уже первые рецензенты — М. Булгаков, И.А. Ильин, Л.И. Аксельрод (их работы публиковались в приложениях к первым трём изданиям собрания сочинений Ленина¹). О том же писал и сам Богданов в своём ответе на «Материализм и эмпириокритицизм»: «Подведём итоги философскому трактату В. Ильина.

© 2020 г. А.Ю. Морозова

¹ Из рецензии М. Булгакова на книгу «Материализм и эмпириокритицизм» (Критическое обозрение. 1909. Вып. V, сентябрь) // *Ленин В.И.* Собрание сочинений. Изд. 3. Т. 13. М., 1928. С. 326—328; Рецензия Ив. Ил-на (И.А. Ильина) на книгу «Материализм и эмпириокритицизм» (Русские ведомости. 1909. 29 сентября) // Там же. С. 328; Рецензия Ортодокс (Л.И. Аксельрод) на книгу «Материализм и эмпириокритицизм» (Современный мир. 1909. Июль, № 7) // Там же. С. 329—333.

Мы видели в нём массу противоречий; но “диалектические” ли они? Внешний вид глубочайшей учёности — и не менее глубокое невежество на самом деле. Постоянные обвинения противников в “неприличии”, в “литературном наездничестве” — и необычный даже для наших отечественных нравов лексикон ругательных слов. Обозначение всех оппонентов как “философских реакционеров”, и самая застойная тенденция, самая злая ненависть ко всяким без различия “новшествам”².

Позже, в «юбилейном сборнике» «Десятилетие отлучения от марксизма», подготовленном к печати, но не вышедшем в свет в 1914 г., Богданов характеризовал философскую книгу Ленина так: «Всякий специалист сразу заметит, что эта толстая книга — плод нескольких месяцев неумелой библиотечной работы... Автор запутался в хаосе своих цитат и полупрочитанных или просмотренных авторов. Запутался до того, что по главным вопросам, которым посвящена его книга, защищает на её протяжении *несколько различных взглядов...* по *двум* основным вопросам *шесть* мнений. Можно сказать — один философ, который стоит трёх!.. Зато избежать отлучения у Ильина особенно трудно. Согласишься для этого с каким-нибудь его мнением, а он отлучит на основании других своих мнений по тому же вопросу. Не увернёшься»³.

В настоящее время большинство исследователей отвергло точку зрения, высказанную, в частности, К. Бейлзом, согласно которой основной причиной раскола между Лениным и Богдановым стали их философские споры⁴. Так, Ю. Шеррер считала, что «работа Ленина “Материализм и эмпириокритицизм”, которая может быть осмыслена лишь с учётом политической ситуации, сложившейся к моменту её написания (“книга является составной частью какой-то процедуры”, — утверждает Паннекук), практически не играла никакой роли в рассматриваемом конфликте. Она приобрела значение лишь в 20-е годы, особенно вскоре после смерти Ленина, в связи с дискуссией о партийности философии». Более того, она задавалась вопросом, «имеют ли вообще философские расхождения между Лениным и Богдановым принципиальное значение в конфликте 1909 г. или же они используются против Богданова в этот момент по тактическим соображениям?». В заключение исследовательница пришла к выводу, что, «хотя “Материализм и эмпириокритицизм” и направлен против Богданова, в нём не содержится углублённого обсуждения его позиций — как, например, в книге Плеханова “Materialismus militans”, — при котором нельзя было бы обойтись без анализа его теории пролетарской революции. Иными словами, анализ, содержащийся в “Материализме и эмпириокритицизме”, вносит крайне скудный вклад, если не сказать — никакого вклада, в понимание действительных политических и тактических разногласий между Лениным и Богдановым. Однако этот анализ полезен для понимания сущности ленинской переработки диалектического материализма в новый период развития естественных наук по сравнению с эпохой, в которую творил Энгельс. Философская мысль, изложенная в “Материализме и эмпириокритицизме”,

² Богданов А. Падение великого фетишизма (Современный кризис идеологии). Вера и наука (О книге В. Ильина «Материализм и эмпириокритицизм»). М., 1910.

³ Неизвестный Богданов. Кн. 3. А.А. Богданов: десятилетие отлучения от марксизма. Юбилейный сборник. 1904—1914. М., 1995. С. 94—97.

⁴ Bailes K.A. Lenin and Bogdanov: the end of the alliance // Columbia Essays in International Affairs. N.Y.; L., 1967. P. 108.

не развивается в ходе точного и естественного сопоставления с философской проблемой, а преследует цели практического и политического характера»⁵.

Дж. Биггарт отмечал, что «Ленин пойдёт на дискредитацию Богданова как марксиста именно для того, чтобы отстоять свои позиции внутри большевистского руководства. И этот демарш имел то преимущество, что он способствовал политическому сближению с “ортодоксальным” марксистом Плехановым»⁶. Ю.П. Шарапов подчеркнул, что «непосредственным толчком к написанию ленинского “Материализма и эмпириокритицизма” стал вышедший в 1908 г. сборник статей “Очерки философии марксизма”, но «именно толчком, импульсом, так как философские разногласия Ленина и Богданова проявились раньше. Однако они не мешали их совместной работе и борьбе в годы Первой русской революции. Когда же Ленин и Богданов разошлись по основным вопросам стратегии и тактики большевистской партии, Ленину нужен был серьёзный повод для критики Богданова и последующего разрыва. Этим поводом и стали философские разногласия. Причина их появления не столько идейная, научная, сколько политическая». Цитируя письмо Ленина М. Горькому от 25 февраля 1908 г., содержащее первый отзыв на этот сборник, исследователь обратил внимание на ленинские выражения «озлился, взбесился» и «бесновался от негодования», справедливо отметив: «На первый взгляд, вроде, ничего особенного, ведь это письмо, а не рецензия и не статья. Но всё же... Ясно, что эмоциональное отношение к проблеме преобладало над рациональным. Какая уж тут наука!»⁷ М.В. Локтионов указал, что «согласно утверждению самого Богданова, в его обращении к Бакинской организации РСДРП отмечено: “Мой уход из редакции никоим образом не связан с философскими разногласиями”»⁸.

П.А. Плутто также считал, что «философские споры, вылившиеся в ленинском “Материализме и эмпириокритицизме”, явно были простым предлогом», но обратил внимание на характер тандема Ленина и Богданова, назвав его «блоком между двумя авторитарностями»⁹. С последним выводом трудно согласиться, ибо если об авторитарном характере Ленина говорили и писали многие современники и исследователи, то Богданова в этом упрекнуть сложно. Хотя хорошо знавший его А.В. Луначарский и полагал, что «как человек воли, как организатор Богданов обладал теми же отмеченными монументальными и вместе с тем рискованными, беспокоящими чертами слишком ярко выраженной воли, нечувствительно для него самого переходившими в своеобразный деспотизм», но при этом известно, что с авторитетами и авторитарностью он сражался с самого детства. Недаром тот же Луначарский называл его «одним из законченнейших коллективистов», поясняя: «Конечно, он сознавал себя сильным и умным. Конечно, он стремился поэтому руководить. Тем не менее всякое честолюбие было ему чуждо. Он как-то органически расценивал и себя, и других как фундамент человеческого общества, как преходящие моменты истории, как клетки всечеловеческого и прежде всего всепролетарского орга-

⁵ Шерпер Ю. Богданов и Ленин. Большевизм на распутье // История марксизма. Т. 2. Марксизм в эпоху Интернационала / Пер. с итал. Вып. 2. М., 1981. С. 69, 115—116.

⁶ Биггарт Дж. Предисловие // Неизвестный Богданов. Кн. 2. А.А. Богданов и группа «Вперёд». 1908—1914 гг. М., 1995. С. 10.

⁷ Шарапов Ю.П. Ленин и Богданов: от сотрудничества к противостоянию. N.Y., 1999. С. 27, 30.

⁸ Локтионов М.В. Александр Богданов между марксизмом и позитивизмом. М., 2018. С. 109.

⁹ Два письма «вице-лидера» большевизма / Публ. и вступ. ст. П.А. Плутто // Вопросы литературы. 1993. № 2. С. 339—340.

низма»¹⁰. И можно согласиться с выводом А.В. Луценко, что «Богданов не был организатором раскола — он был одним из числа тех многих, кто не во всём соглашался безоговорочно с вождём большевиков»¹¹.

На мой взгляд, философские разногласия использовались лишь как прикрытие в политической борьбе. Это, разумеется, не значит, что их не имело. Но ведь отодвигали же философию в сторону, когда в политике было единое! Ленин признавался, что «за сочинениями Богданова по философии следил с его энергетической книги об “Историческом взгляде на природу”», а при знакомстве в Женеве они «презентовали друг другу» свои публикации: Ленин подарил «Шаг вперёд, два шага назад (Кризис в нашей партии)», Богданов — «одну свою *тогдашнюю* философскую работу»¹² (первый том «Эмпириомонизма»). Н. Валентинов, впрочем, указал, что Ленина подвела память, ибо, встретившись с Богдановым в феврале 1904 г., он «не мог ему в этот момент “презентовать” “Шаги”. Эту вещь он только начал писать и вышла она из печати в половине мая»¹³. Но сути дела это не меняет: «тотчас же (весной или в начале лета 1904 г.)» Ленин писал Богданову, что он его «своими писаниями сугубо разубеждает в правильности своих взглядов и сугубо убеждает в правильности взглядов Плеханова»¹⁴.

Тем не менее, будучи прагматиком, Ленин «закрыв глаза» на философские разногласия, и осенью 1904 г. они «окончательно сошлись с Богдановым, как *беки*, и заключили тот молчаливый и молчаливо устранивший философию как нейтральную область блок, который просуществовал всё время революции и дал... возможность совместно провести в революцию ту тактику революционной социал-демократии, которая... была единственно правильной»¹⁵. Причина заключалась в том, что к моменту появления в центре социал-демократической эмиграции в начале 1904 г. Богданов был уже известен как убеждённый марксист и талантливый литератор и «имел обширные литературные связи в Петербурге и в Москве, в частности, с М. Горьким». А «около Ленина, твёрдо решившего организовать свою партию, не было ни одного крупного литератора, даже правильнее сказать, кроме Воровского, вообще не было людей пишущих. Богданов, объявивший себя большевиком, был для него сушей находкой и за него он ухватился. Богданов обещал привлечь денежные средства в кассу большевизма, завязать сношения с Горьким, привлечь на сторону Ленина вступающего в литературу бойкого писателя и хорошего оратора Луначарского (женатого на сестре Богданова), Базарова, молодых марксистствующих московских профессоров»¹⁶.

Считая Богданова ценным приобретением для большевистской фракции, Ленин «сугубо ухаживал» за ним. В то же время «Владимир Ильич, привлекая Богданова, определённо» говорил всем большевикам, что они «должны твёрдо помнить, что с философией Богданова» они «не согласны, что надо воздерживаться не только вступать в споры, но даже говорить с Александром Алексан-

¹⁰ Луначарский А.В. А.А. Богданов [некролог] // Правда. 1928. 10 апреля.

¹¹ Луценко А.В. Александр Александрович Богданов: теоретик и практик РСДРП. Северск, 2003. С. 110.

¹² Ленин В.И. ПСС. Изд. 5. Т. 47. М., 1975. С. 141.

¹³ Валентинов Н. Встречи с Лениным. Нью-Йорк, 1981. С. 176.

¹⁴ Ленин В.И. ПСС. Т. 47. С. 141—142.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Валентинов Н. Встречи с Лениным. С. 322.

дровичем на эти темы, о чём ему так и сказать наперёд, чтобы не могла возникнуть полемика на этой почве, когда вся энергия должна была быть направлена на внутрипартийные вопросы и на постоянно возникавшие всё новые и новые вопросы революционной борьбы». Более того, при обсуждении в женевской большевистской группе по предложению Ленина было решено ни Богданова, «ни других, более или менее с ним солидарных в философских вопросах товарищей, отнюдь, не отталкивать, так как во всех остальных вопросах в то время они шли совершенно в ногу с большевистской фракцией социал-демократической партии, но философских споров с ними не затевать»¹⁷.

В ходе переговоров об издании одной из брошюр Богданова В.Д. Бонч-Бруевичу было поручено заявить, что хотя «фракция не приемлет его философских воззрений», но охотно будет работать с ним и принимает его в свою среду, «раз он согласен с... большевистской точкой зрения по вопросам съездовской полемики, но “минус его философия”». Условились, что по философским вопросам Богданов «никаких споров поднимать не будет, а равно и выступать на собраниях с изложением своей философской системы, или участвовать в устной или в печатной полемике по этим вопросам, тем более в партийной прессе, и что для этих философских вопросов страницы нашей партийной печати будут совершенно закрыты». Он «вполне принял эту... точку зрения и выполнил в то время все взятые на себя обязательства пунктуально честно, никогда не поднимая разговоров об эмпириокритицизме даже в частных беседах»¹⁸.

Во время подготовки и проведения III съезда РСДРП и затем «в горячке революции» «философией заниматься приходилось мало»¹⁹ и философские разногласия в отношении двух лидеров большевистской фракции не вмешивались. Они всплыли на поверхность летом 1906 г., когда Богданов вновь «презентовал» Ленину свою книгу — третий том «Эмпириомонизма». Прочитав его, Ленин «озлился и взбесился необычайно», так как ему стало отчётливо ясно, что Богданов «идёт архиневерным путём, не марксистским». Ситуация усугублялась тем, что в это время они были соседями. Любопытно, что в «Биохронике» Ленина отмечено лишь, что «*позднее 20 августа (2 сентября) [1906] — не позднее 20 ноября (3 декабря) 1907 г.* Ленин живёт в Финляндии, в Куоккала, на даче “Ваза”, занимаемой большевиком Г.Д. Лейтейзенем и его семьёй»²⁰. И ни слова о том, что они с Н.К. Крупской жили на первом этаже, а Богданов с женой — в мезонине, на который вела лесенка, находившаяся в конце коридора²¹.

Ленин написал Богданову «“объяснение в любви”, письмо по философии в размере трёх тетрадок», в котором заявил, что он, «конечно, *рядовой марксист* в философии», но что именно «ясные, популярные, превосходно написанные работы» Богданова убеждают «окончательно в его неправоте по существу и в правоте Плеханова». Ленин даже собирался напечатать эти «тетрадки» под заглавием «Заметки рядового марксиста о философии», «но не собрался», о чём впоследствии жалел²². Валентинов утверждал, что это послание «содержало так мало знания философии и столь много оскорбительных для Богданова слов,

¹⁷ Бонч-Бруевич В.Д. Женевские воспоминания // Под знаменем марксизма. 1929. № 1. С. 37.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Ленин В.И. ПСС. Т. 47. С. 142.

²⁰ В.И. Ленин. Биографическая хроника. Т. 2. М., 1970. С. 272.

²¹ [Воспоминания Ц.Г. Лейтейзен] // Ленин. Годы великого пролога. 1905—1907. М., 1984. С. 281—282.

²² Ленин В.И. ПСС. Т. 47. С. 142.

что последний возвратил его Ленину с указанием, что для сохранения с ним личных отношений следует письмецо считать «ненаписанным, неотправленным, непрочитанным»²³. По мнению Бонч-Бруевича, «только особой выдержкой А.А. Богданова, наверно чувствовавшего и знавшего, что всякая попытка совлечения партийной мысли на рельсы его философских рассуждений тотчас же встретит жестокий отпор со стороны Владимира Ильича и других ортодоксальных марксистов, можно объяснить, что он твёрдо выполнял условие совместной работы и в партийных рядах нигде не выступал со своими эмпириомонистическими представлениями»²⁴. Вновь к «Заметкам рядового марксиста» Ленина «потянуло» в 1908 г., когда он стал читать «Очерки философии марксизма», в которых были напечатаны статьи В. Базарова, Я. Бермана, А. Луначарского, П. Юшкевича, А. Богданова, О. Гельфонда и С. Суворова. Он просил разыскать свои «тетрадки» в Питере, но успехом эти поиски не увенчались. Вот тогда-то он и начал писать «Материализм и эмпириокритицизм», а в процессе чтения «Очерков» свои впечатления Богданову «излагал прямо и грубо»²⁵.

Почему же именно в это время Ленин решил дать бой давнему оппоненту? Что стало основной причиной разрыва, если не философские споры, внешне выносившиеся на первый план? Большинство исследователей видит её в различной трактовке тактической линии партии после поражения революции 1905—1907 гг. По мнению Шеррер, «разрыв Ленина с Богдановым коренится в оценке политической ситуации, сложившейся после роспуска Второй думы в сентябре 1907 г. Разногласия развернулись по вопросу об участии в выборах в Третью думу»²⁶. Г. Горцка писала: «В 1909 г. между Лениным и Богдановым произошёл разрыв, вызванный вопросом о том, должны ли большевики принимать участие в III Думе. Богданов, настаивая на более радикальной позиции — выходе из Думы и форсировании революционного движения путём подпольной деятельности, — в 1910 г. был исключён из Центрального комитета большевистской партии». Впрочем, она полагала также, что проблема оказалась шире, и «разногласия между Богдановым и Лениным в 1908—1909 гг. не ограничивались однако лишь вопросами партийной тактики. Откладываемая Лениным по тактическим соображениям дискуссия вокруг философских работ Богданова ждала своего часа»²⁷.

Очень близки выводы исследователей А.В. Луценко и М.В. Локтионова. Первый считал, что «первоначальной причиной разногласий Ленина с Богдановым было противостояние по тем стратегическим и тактическим вопросам большевистской фракции, которые являлись главным предметом дебатов в самой партии, а вовсе не “ревизионизм”, приписываемый Богданову после выхода в свет его “Эмпириомонизма”»²⁸. Второй подчёркивал, что «изначально основной причиной разногласий Ленина и Богданова было противостояние по ключевым стратегическим и тактическим критериям фракции большевиков. Это противостояние отражало несоответствия в анализе изменений, которые произошли в России во время первой революции и имели отношение к

²³ *Валентинов Н.* Встречи с Лениным. С. 323.

²⁴ *Бонч-Бруевич В.Д.* Женевские воспоминания. С. 41.

²⁵ *Ленин В.И.* ПСС. Т. 47. С. 142—143.

²⁶ *Шеррер Ю.* Богданов и Ленин. Большевизм на распутье. С. 66.

²⁷ *Горцка Г.* Предисловие // Неизвестный Богданов. Кн. 1. А.А. Богданов (Малиновский). Статьи, доклады, письма и воспоминания. 1901—1928. М., 1995. С. 5.

²⁸ *Луценко А.В.* Александр Александрович Богданов... С. 99.

интеллигенции и её роли в социал-демократическом движении. Эти вопросы являлись краеугольным “камнем преткновения” в партийных дебатах, а не “ре-визионизм”, который приписывали Богданову после того, как в свет вышла его книга “Эмпириомонизм”»²⁹.

Несколько иначе расставил акценты О.В. Щёлоков, проанализировавший внутрипартийную борьбу в РСДРП в 1906—1911 гг. с точки зрения «проблемы лидерства и обновления руководства». Отталкиваясь от воспоминаний Валентинова, который «отчасти связывал выход разногласий по проблемам философии на авансцену идейно-теоретической борьбы у большевиков с обострением дискуссии о думской тактике РСДРП», исследователь высказал «следующие предположения. Возможно, поддерживая миролюбивые отношения с Богдановым, Луначарским и другими партийными идеологами, Ленин думал о “разделении труда” в руководстве партии. Он мог взять на себя оргработу, партийную прессу и разработку партийной тактики. Научными изысканиями в области марксизма и разработкой партийной идеологии могли заниматься Богданов, Луначарский и другие большевики, склонные к исследовательской и литературной работе. Но когда работы Богданова, Луначарского и других исследователей и литераторов из большевистской фракции стали выходить одна за другой и приобретать в партийной среде всё большую читательскую аудиторию, не замечать их было уже невозможно. А поскольку Ленин не был согласен с философской “начинкой” беспокоивших его книг и статей большевиков-оппонентов, рано или поздно конфликт должен был выйти на поверхность. Ленину, державшему “дирижёрскую палочку” во фракции, нечего было противопоставить Богданову и Луначарскому в области философии. Между тем их популярность в социал-демократической среде возрастала. О “разделении труда” уже нельзя было и думать. И тогда после рассуждений о себе как “рядовом марксисте в философии” Ленин должен был подтвердить своё первенствующее положение в большевистской фракции и философскими достижениями. На фоне названных обстоятельств и родилась книга “Материализм и эмпириокритицизм”. Таким образом... помимо тактических разногласий существовали и серьёзные идейно-теоретические расхождения, и Ленин, видимо, понимал, что свои лидерские позиции он не может уступить другим большевикам»³⁰. Эта точка зрения находит подтверждение в письме Ленина Горькому (1908): считая «некую драку между беками по вопросу о философии» «совершенно неизбежной», лидер большевиков в то же время утверждал, что «раскалываться из-за этого было бы... глупо», так же, как было бы «непростительной глупостью» «мешать делу проведения в рабочей партии тактики революционной социал-демократии ради споров о том, материализм или махизм». Поэтому «подражаться из-за философии» нужно так, чтобы «“Пролетарий” и беки, как фракция партии, не были этим задеты»³¹.

Особняком стоит статья А.Е. Рыбаса, посвящённая философскому содержанию полемики Ленина и Богданова, развернувшейся после публикации «Эмпириомонизма». В аннотации к ней говорится, что автор «отходит от традиционных оценок этой полемики, считая их односторонними, поскольку они

²⁹ Локтионов М.В. Александр Богданов между марксизмом и позитивизмом. С. 109.

³⁰ Щёлоков О.В. РСДРП: проблемы лидерства и обновления руководства (1906—1911 гг.) // Исторические исследования. Сборник научных трудов. Вып. 2. Самара, 1998. С. 72—73.

³¹ Ленин В.И. ПСС. Т. 47. С. 145.

были политически или эмоционально ангажированными, и предлагает содержательный историко-философский анализ основных проблем, которые определили предметность спора между Богдановым и Лениным». В самой статье же «показывается, что, несмотря на формальную противоположность философских позиций Богданова и Ленина, в основных моментах они являются тождественными. Делается вывод, что критические замечания Ленина во многом повлияли на взгляды Богданова, пришедшего в итоге к мысли о “конце философии” и к необходимости замены философии наукой тектологией»³².

Но споры Ленина и Богданова вызывались не только различными оценками политической ситуации в России и перспектив революционного движения. Разные выводы делали они из уроков революции. Ленин считал необходимой централизованную партию, в которой все указания местным организациям раздаются из центра, сосредоточившего в себе партийных «мыслителей». Богданов же — как можно более широкое привлечение рабочих, причём в качестве не статистов, выполняющих указания центра, а сознательных сотрудников, будущих лидеров, способных прийти на смену отшатнувшейся и «выбитой» арестами, ссылками и эмиграцией партийной интеллигенции. Отсюда его ставка на партийную школу для рабочих, в которой ленинцы увидели угрозу своему руководящему положению. Показательно, что на III съезде РСДРП Ленин и Богданов выступили единым фронтом при обсуждении резолюции «Об отношениях рабочих и интеллигенции в социал-демократических организациях», в которой подчёркивались «сочувственное отношение» партии к «демократическому принципу организации» и необходимость «практических шагов к возможному осуществлению выборного начала» (её проект был представлен съезду в виде «резолюции тт. Ленина и Максимова»³³). В 1909 г. Ленин ополчился на Каприйскую школу как на предприятие «шайки авантюристов», «компаний обиженных литераторов, непризнанных философов и осмеянных богостроителей, которая запрятала свою так наз[ываемую] “школу” от партии»³⁴.

Кроме того, выступление против философских воззрений Богданова было для Ленина важно в свете планировавшегося им сближения с Г.В. Плехановым для создания своего рода «фракции центра» (оформлена на «объединительном» пленуме ЦК в январе 1910 г.). Именно так впоследствии оценивал ленинскую книгу сам Богданов: «В 1909 г. он заключал союз с Плехановым, против “оппортунизма” которого раньше ожесточённо воевал, и, как залог этого союза, дал свою философскую книгу. Она была, в сущности, политическим действием, и критики — я в том числе — были, может быть, неправы, прилагая к ней научно-философскую мерку. Просто надо было пожертвовать старыми друзьями, чтобы закрепить связь с новыми; а чтобы заглушить поднимавшиеся в душе сомнения, понадобилось много, очень много страниц, цитат, имён, крика... средства самооглушения и самогипноза»³⁵.

Верный принципу не отделять личное от общественного, в феврале 1909 г. «на почве партийных разногласий» Ленин порвал личные отношения с А.А. Богдановым³⁶. Причём «личные и внешнетоварищеские отношения» он прервал,

³² Рыбас А.Е. К вопросу о забытой полемике (А.А. Богданов — В.И. Ленин) // Вестник СПбГУ. 2016. Вып. 1. С. 53.

³³ Третий съезд РСДРП. Протоколы. М., 1959. С. 326—327.

³⁴ Ленин В.И. ПСС. Т. 47. С. 203.

³⁵ Неизвестный Богданов. Кн. 3. С. 97.

³⁶ В.И. Ленин. Биографическая хроника. Т. 2. С. 462.

по мнению Богданова, без «партийно-обязательного в таких случаях предупреждения, письменного или через товарищей». Ввиду того, что это был первый случай такого рода, Богданов ограничился словесным заявлением Ленину о том, что считает его поступок некорректным. Остальных же товарищей «во избежание печальных недоразумений» он предупредил через Г.Е. Зиновьева, что «в случае, если бы подобная некорректность была бы кем-нибудь повторена, то он в тот момент чувствовал бы себя свободным от всяких товарищеских и общечеловеческих обычаев и норм в отношении к тому лицу»³⁷.

Богданов неоднократно возвращался в записных книжках к размышлениям о внутрифракционной борьбе 1909—1910 гг., трактуя её прежде всего как «борьбу за единое личное руководство». Полагая, что существовала «объективная неизбежность и реальная полезность этого некрасивого эпизода», он задавался вопросом: «Был ли “он” прав? Или другая сторона?» Ответ нетривиален и диалектичен: «Оба были правы объективно — в разном масштабе. В национально-партийном Б. являлся вредным революционером, подрывающим основы, в общечеловеческом — представителем высшего типа культуры». Богданов признавался, что «в то время к своему счастью не понимал этого (специального — за единол[ичное] руководство) смысла борьбы, иначе не уступил бы под первым предлогом, полагаясь на истину и будущее». Исходя из этой логики, Ленин «объективно прав: таков был уровень его стада, это была необходимость; и единичные, случайно развившиеся сильные индив[идуально]сти европ[ейского] типа не могли столько прибавить, сколько отнять, подрывая самим своим сущ[ествова]нием в организации её авторитарный тип связи — при его огранич[енном] образовании целые области “духа” его стада остались бы вне его контроля, под воздействием этих инд[ивидуально]стей. Отсюда попытка захватить и эти области, ребяческая, но через 10—15 лет имевшая успех, к[ото]рый свид[етельств]ует о поразительном умств[енном] рабстве (проф[ессо]ра цитир[уют] с благогов[ением] детскую книгу). Отн[ошение] к Мар[ксу] как показатель того, что суть была в инд[ивидуально]стях и компетентности»³⁸.

К сожалению, роль победившей в этом споре личности оказалась слишком велика в истории (а, может быть, если следовать логике Богданова, тенденции исторического развития сложились таким образом, что выдвинули на первый план и дали столько власти этой конкретной личности). Раскол, провозглашённый и организационно оформленный в июне 1909 г. решениями совещания расширенной редакции «Пролетария», не только не был разрушен или изжит, но, напротив, продолжал и в дальнейшем оказывать негативное влияние на жизнь большевистских партийных организаций.

³⁷ А.А. Богданов — Г.Е. Зиновьеву, 21 февраля 1909 г. // Неизвестный Богданов. Кн. 2. С. 155—156.

³⁸ РГАСПИ, ф. 259, оп. 1, д. 26, л. 44 об., 41, 36—36 об.

Анархисты о политической деятельности В.И. Ленина в эпоху Великой российской революции

Дмитрий Рублев

The anarchists on the political activities of V.I. Lenin in the era of the Great Russian revolution

Dmitry Rublev

(Lomonosov Moscow State University, Russia)

DOI: 10.31857/S086956870009255-1

Формирование образа Ленина в мировом общественном сознании оказалось в значительной мере связано с деятельностью представителей различных течений политической эмиграции России, с 1920-х гг. активно обсуждавших различные аспекты Великой российской революции на страницах эмигрантской печати. Особую роль в распространении критической информации об общественно-политической деятельности Ленина сыграли деятели левого демократического крыла эмиграции, прежде всего меньшевики и эсеры. Но довольно значительное историко-публицистическое наследие оставили анархисты П.А. Аршинов, В.М. Волин, Г.В. Горелик, Г.П. Максимов, Н.И. Махно и И.М. Лазаревич. В своих книгах и статьях они представили анархистскую версию истории российской революции, раскрыв связь действовавших в её рамках социальных движений и институтов самоуправления с либертарной исторической перспективой¹. В частности, русским анархистам-эмигрантам принадлежит решающая роль в пропаганде на международной арене махновщины и Кронштадтского восстания 1921 г. Одной из центральных в их трудах стала тема осмысления исторической роли Ленина как одного из лидеров революции, сумевших понять её логику и сыгравших определяющую роль в развитии процессов радикальной трансформации общества. Между тем данная проблема до сих пор не отражена в трудах российских и зарубежных историков, исследователей общественно-политической мысли России и Русского зарубежья первой половины XX в.

Для анархистской публицистики фигура Ленина далеко не сразу стала центральной. В 1903—1914 гг. ведущий идеолог и лидер большевистской фракции РСДРП рассматривался ими лишь как один из социал-демократических публицистов. Ситуация изменилась в годы Первой мировой войны. Раскол на оборонческие течения и интернационалистское крыло международного анархистского движения заставил анархистов обратить внимание на идеологов

© 2020 г. Д.И. Рублев

¹ См.: *Аршинов П.А.* История махновского движения (1918—1921). Запорожье, 1995; *Волин В.М.* Неизвестная революция 1917—1921. М., 2005; *Волин В., Горелик А., Комов А.* Гонения на анархизм в Советской России. Берлин, 1922; *Горелик А.* Анархисты в Российской революции. Буэнос-Айрес, 1922; *Махно Н.И.* Воспоминания. М., 2018; *Maximoff G.P.* The Guillotine at work. Vol. 1. Somerville, 1979; *Mett I. [Лазаревич И.М.]*. The Kronstadt Uprising. L., 2019.

социал-демократии, выступавших с революционных антивоенных позиций. Одним из них был Ленин².

События 1917 г., неизменной чертой которых стала радикализация настроений рабочих, крестьян, рядовых военнослужащих армии и флота, выдвинули Ленина на роль лидера и выразителя идей леворадикального политического лагеря, в котором анархисты играли заметную роль. В этой ситуации труды Владимира Ильича, и в частности книга «Государство и революция» были своеобразно истолкованы анархистами. Весьма характерный для их представлений ноября 1917 г. взгляд на Ленина как на не догматически мыслившего радикального революционера, постепенно эволюционировавшего к анархистским идеям, дал В.Л. Гордин: «Большевики, как Ленин, никогда не были людьми марксистской догмы, а людьми жизни... революции. Эти люди не доктринёры, фанатики, как их клеймят все эти мешанинные социалисты, они люди действий и решительных, насколько только социалист может быть решительным... Большевик ленинский, в сущности, есть только скверный бессистемный и меньшевистский анархист... Сам Ленин, по нашему выражению, есть лишь, так сказать, анархист-государственник, ещё не окончательно освободившийся от марксистской фразеологии»³.

Впрочем, доверие к лидеру большевиков не было безграничным. Один из основателей Петроградского союза анархо-синдикалистской пропаганды Л.И. Фишелев, проанализировав брошюру Ленина «К лозунгам», обвинил её автора в стремлении установить диктатуру РСДРП(б): «Выдвигание в России лозунга захвата власти пролетариатом, т.е. относительно незначительным меньшинством населения... нельзя не считать показателем обратного поворота большевиков к бланкизму... Единственным вершителем политических судеб страны должен, таким образом, по новейшему плану В. Ленина, стать сравнительно малочисленный пролетариат. Тут мы, таким образом, имеем дело с установлением диктатуры меньшинства населения, что логически ведёт за собой диктатуру той политической партии, которая руководит этим меньшинством»⁴.

Как быстрый рост влияния РСДРП(б) к осени 1917 г., так и противоречия в политической доктрине Ленина вызвали недоверие анархистов, рассматривавших его как стремившегося к захвату власти амбициозного политика, склонного к личной, проводившейся жестокими методами диктатуре. Так, Волин утверждал, что большевики и Ленин «старательно маскируют» анархистской радикальной фразеологией «своё подлинное, партийно-властное лицо», оставаясь «централистами, властниками и политиками»⁵. В.Л. Гордин, доброжелательно настроенный к большевикам, писал, что их вождь, без сомнения, «также быстро превратился бы в безответственного диктатора, как Керенский; ибо чем первый лучше последнего? Разве последний ещё так недавно не медоточил на всех митингах, обещая никогда не употреблять силу против народа, если даже это понадобится?.. Нам кажется, что Ленин такого обещания даже не

² *Рабочий Альфа [Гиттерман А.М.]*. Письмо из Швейцарии. Против течения // *Голос труда*. 1914. №. 16. 18 декабря. С. 2.

³ *Бр. Гордины [Гордин В.Л.]*. К объединению! // *Буревестник*. 1917. № 1. 11 ноября. С. 1.

⁴ *Раевский М. [Фишелев Л.И.]*. Новый лозунг большевиков // *Голос труда*. 1917. № 2. 18(31) августа. С. 1.

⁵ *Волин В.М.* Большевизм и анархизм // *Голос труда*. 1917. № 10. 13(26) октября. С. 3.

даст... не то, что исполнит»⁶. Но осенью 1917 г. В. Гордин признал необходимость диктатуры большевиков, рассматривая её как «меньшее зло» при угрозе возрождения «корниловщины»⁷.

Захват большевиками власти в результате Октябрьского переворота и последовавшие затем события, связанные с формированием нового государственного аппарата и постепенной централизацией власти, подтвердили оценки скептиков. А.Л. Гордин в одной из статей указывал на Ленина как на постепенно развращавшегося под воздействием власти революционера⁸. Один из лидеров Петроградской федерации анархистских групп И.С. Блейхман в марте 1918 г. назвал Ленина и Троцкого «эти Тьеры современности». В данном случае он провёл аналогии с политической французского правительства А. Тьера, заключившего мир с Германией для подавления Парижской коммуны 1871 г.⁹ Оценки Ленина как близкого анархизму марксиста были подвергнуты критике. В середине января 1918 г. на страницах газеты «Голос труда» Волин отметил: «Гражданин Ленин — совсем не анархист»¹⁰, он отказался от парламентаризма и лозунга Учредительного собрания, поскольку «Революция породила Советы»¹¹ — новую претендовавшую на власть форму организации трудящихся. Именно в таком качестве формы их самоорганизации (Советы, фабрично-заводские комитеты и иные) интересовали лидера большевиков. Тем не менее Ленин постепенно отказался от лозунга всевластия Советов и полуанархистской фразеологии в пользу диктатуры собственной партии и укрепления государственности. Эта тенденция, полагал Волин, рано или поздно должна была возобладать в политике большевиков: «О, конечно, всё более и более сознательные анархические тенденции масс смущают его. С прежнего пути массы уже свели гражданина Ленина. Он уступает, он сдаётся, он оставляет “государство”, “власть”, “диктатуру” лишь на час, на минутку, на “переходный момент”... А потом... потом — анархизм, почти анархизм... “советский” анархизм, “ленинский” анархизм... Но Бог мой! Разве вы не предвидите, граждане социалисты, что скажет гражданин Ленин, когда нынешняя власть укрепитя и, возможно, станет не прислушиваться более к голосу масс? Он вернётся тогда на свой привычный, проторенный путь. Он создаст самое подлинное “марксистское государство”. И он в торжественный час окончательной победы скажет: “Вы видите, господа? Я опять — совсем марксист”»¹².

Эти выводы в дальнейшем получили развитие среди анархистов по мере установления однопартийной политической системы в стране. Так, часть из них протестовала против казни Ф. Каплан, сочтя и этот шаг проявлением диктаторской сущности Ильича. «Вряд ли можно считать достигающей своей цели кровавую месть большевиков... Если бы Ленин смог возвыситься до того, чтобы не расстрелять Каплан, это вызвало бы огромное одобрение его дей-

⁶ *Братья Гордины [Гордин В.Л.]*. Ничего не забыли и ничему не научились // Анархист. 1917. № 11. 22 октября. С. 2.

⁷ *Бр. Гордин [Гордин В.Л.]*. О моменте. Борьба диктатур // Свободная коммуна. Орган Петроградских и кронштадтских анархистов-коммунистов. 1917. № 1. 17(30 сентября). С. 1.

⁸ *Бр. Гордин [Гордин А.Л.]*. Передышка // Анархия. 1918. № 21. 19 марта. С. 1.

⁹ *Евг. Чернознаменский [Чернов Е.]*. Общее собрание федерации // Буревестник. 1918. № 36(76). 2(17) марта. С. 1.

¹⁰ *Волин (Эйхенбаум В.М.)*. Революция и анархизм. Сборник статей. Б.м., 1919. С. 93.

¹¹ Там же. С. 94.

¹² Там же.

ствий не только у друзей его, но и у врагов его», — писал анархо-синдикалист Н.И. Доленко¹³. В то же время он сравнивал Ленина с В.К. Плеве — министром внутренних дел императора Николая II, которого председатель СНК превзошёл по масштабам своей власти. Доленко сопоставил Каплан с эсером Е.С. Соколовым, убившим Плеве¹⁴: «Пострадавший — председатель Совета народных комиссаров Ленин обладает фактически такими же диктаторскими полномочиями, и даже большими, чем фон-Плеве. Ввиду всего этого казалось бы естественным, что мы должны были бы также глубоко возмущаться покушением на Ленина, как в своё время горячо приветствовали убийство фон-Плеве. Но нет в нашей душе ни чувства возмущения, ни чувства негодования. Более того, с некоторой долей недоверия читаем мы многие из бесконечного ряда горячо составленных соболезнующих телеграмм, относя появление их на счёт партийной дисциплины и знаменитого бюрократического этикета... Чёрная контрреволюция хотела убить Ленина, как душу большевизма, как гениального представителя и вдохновителя коммунизма. Что же дал большевизм нашей революции? Выполнила ли диктатура пролетариата намеченные ею задания по введению социализма в России? Нет, не выполнила и не выполняет, не могла выполнить и не хочет выполнить»¹⁵.

В то же время позиция «советских анархистов» характеризовалась отношением к Ленину как к прогрессивному политическому деятелю, проводившему социальные преобразования в интересах рабочих и крестьянства. Политический курс РКП(б) рассматривался в качестве шага на пути к безгосударственным коммунистическим отношениям. Наиболее яркой фигурой среди «советских анархистов» был организатор и лидер Всероссийской федерации анархистов-коммунистов (ВФАК), известный публицист А.А. Карелин. В посвящённой покушению на Ленина резолюции секретариата ВФАК и группы «Вольная община» утверждалось: «Деятельность т. В.И. Ленина характеризуется разрушением старых форм государственной власти и уничтожением устоев буржуазного могущества, следовательно, является деятельностью революционной»¹⁶.

Эта двойственность анархистов в оценках лидера большевиков как политического деятеля сохранялась на всём протяжении Великой российской революции и Гражданской войны. Ленин, поправший идеалы Октября 1917 г. в пользу установления личной диктатуры и всевластия собственной партии, противостоял образу выступавшего против контрреволюционных тенденций вождя революции и инициатора прогрессивных социалистических преобразований. Однако замечу, что оценки этой личности в большей мере были связаны со злобой дня и эволюцией политического курса правящей партии. Несколько иная ситуация сложилась в 1920-х гг.: в эмиграции (на территории Аргентины, Германии, Франции и США) оказалась значительная часть анархистов. Они действовали в более свободных условиях, позволявших при поддержке зарубежных анархистских и анархо-синдикалистских организаций развернуть в этих странах издательскую деятельность.

¹³ Ильич [Доленко Н.И.]. Вести с революционного фронта // Вольный голос труда. 1918. № 3. 9 сентября. С. 2.

¹⁴ Ли-зин [Доленко Н.И.]. Покушение на большевизм // Вольный голос труда. 1918. № 4. 16 сентября. С. 2.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Резолюция ВФАК // Анархист. 1918. № 1. 20 сентября. С. 4.

Горелик в книге «Анархисты в российской революции» проанализировал ведущие факторы победы большевиков, связывая их с тем обстоятельством, что Ленин взял на вооружение анархистские лозунги, позволившие его партии завоевать влияние среди широких слоёв фактически анархистски настроенных рабочих и крестьян. «Насколько сильно было влияние анархистов в массах трудящихся до октября, — писал автор, — можно судить по тому, что большевики во главе с ультра-марксистом Лениным вынуждены были выбросить большую часть своего марксистского и даже ленинского багажа за борт и заговорить о “бакунизме”, о федерализме, об отрицании государственной власти, о свободной инициативе, самодеятельности масс, о власти на местах, даже об анархизме»¹⁷.

Аршинов, один из идеологов махновского движения, в книге, посвящённой его истории, дал социально-психологическую характеристику Ленину, рассуждая о социально-классовой и моральной сущности большевизма. По мнению автора, их лидер являлся выразителем «определённого психологического типа людей» — многочисленной группы политических деятелей, «цепких, властных, чуждых какой бы то ни было общественной и моральной сентиментальщины и не останавливающихся ни перед какими средствами в борьбе за своё торжество»¹⁸. Для Ленина, по мнению идеолога махновщины, был весьма характерен авторитарный тип личности, распространённый среди представителей правящих классов с самых древних времён, а фактически вытекавший из менталитета российского дворянства: «Утверждение своей воли путём насильственного устранения воли всех остальных, абсолютное подавление личности, низведение её до неодушевлённого предмета. В этих чертах нетрудно узнать древнюю господскую породу людей»¹⁹.

В связи со смертью Ленина определённое внимание к нему, в рамках официальной кампании, проявили и оставшиеся в СССР «советские анархисты». Они были допущены к участию в данной кампании с ведома высшего партийного руководства, о чём свидетельствуют как официальные публикации на страницах местной прессы, так и хранящиеся в РГАСПИ документы Комиссии ЦИК СССР по организации похорон и увековечению памяти вождя.

22 января 1924 г. вышло обращение секретарей и активистов ВФАК, подписанное А.А. Карелиным, Г.И. Аносовым, А.А. Солоновичем, Н.К. Богомоловым, И. Григорьевым и В. Ивановым-Филипповым. Они сожалели «по поводу смерти великого революционера» и «стойкого борца за освобождение трудящихся». Были оценены заслуги Ленина в «переходе земли работающему на ней люду» и в преодолении «национального гнёта», а также в строительстве коммунистических отношений²⁰. Документ опубликовали в полном объёме, что немедленно вызвало возмущение анархистской эмиграции. Были изданы несколько осуждавших авторов этого документа заявлений и статей²¹. В ответ

¹⁷ Горелик А. Анархисты в Российской революции. Буэнос-Айрес, 1922. С. 12.

¹⁸ Аршинов П.А. История махновского движения... С. 67—68.

¹⁹ Там же. С. 68.

²⁰ РГАСПИ, ф. 16, оп. 1, д. 417, л. 2. См. официальный текст публикации: Голос анархистов-коммунистов // Известия ВЦИК. 1924. № 24(2059). 30 января. С. 6.

²¹ См.: М. Р.-н. Добровольцы-плакальщики // Американские известия. 1924. № 116. 5 марта. С. 2; Группа русских анархистов в Германии. По поводу «слезницы» А. Карелина, А. Солоновича и других // Американские известия. 1924. № 131. 18 июня. С. 7; Ярчук Е.З. Письмо в редакцию // Американские известия. 1924. № 134. 9 июля. С. 3—4.

Солонович направил письмо в редакцию анархистской газеты «Американские известия», с одной стороны, намекая на вынужденный характер своих действий, с другой, — защищая Ленина от критики российских анархистов-эмигрантов и отстаивая его заслуги перед революцией. Далее Солонович допустил очевидное лукавство, утверждая, что едва ли не с 1918 г. лидер большевиков был болен и «не принимал действительного непосредственного участия в правлении и потому не может быть ответственен за то, что делалось от его имени впоследствии»²².

26 января было опубликовано заявление центрального и московского секретариатов анархистов-биокосмистов. Ими Ленин тоже оценивался как «величайший борец за угнетённых», символ «героической воли, которая в невероятно тяжёлой борьбе ведёт к победе и в жизни мира развёртывает новую эру». В соответствии со своей доктриной биокосмисты призвали бороться за освобождение человека от гнёта сил природы²³. Это заявление подверглось жёсткой цензуре в соответствии с официальной большевистской фразеологией (это отражено в хранящемся в РГАСПИ документе). В результате в нём, призывавшем к борьбе «против старого мира, против эксплуатации и закрепощения трудящихся»²⁴, Ленина объявили «символом героической воли пролетариата».

В конце января 1924 г. была подготовлена статья «советского анархиста» Г.Б. Сandomирского «Ленинизм и бакунизм», в которой развивались популярные ещё в 1917 г. представления о Ленине как о близком анархистам мыслителе. «Ленин бакунизировал Маркса», осуществив «синтез марксизма и бакунизма», — таков основной вывод Сandomирского. По его мнению, Ильич направлял революционный процесс в России, по М.А. Бакунину, в русло всенародного бунта. Конституции РСФСР 1918 г. Сandomирский приписывает «бакунинское презрение к государству», увязывая его с идейным влиянием Ленина²⁵. Статья была опубликована в «Известиях ВЦИК», за исключением абзаца, повествующего о том, как много внимания вождь большевиков уделял вопросу издания трудов Бакунина в России и высоко оценивал его как мыслителя²⁶.

Публицисты анархистской эмиграции по-своему отреагировали на смерть лидера РКП(б). По мнению автора одного из первых таких откликов, Ленин являлся «всесильным диктатором России», который боролся «за свою идею казарменного коммунизма»²⁷ и, будучи «великим истребителем русского народа», «перешеголял всех русских самодержцев», создав «такую деспотию, которой мог бы позавидовать любой татарский хан»²⁸.

Далее указывалось, что уже по своим личностным чертам, обусловленным культурно-историческим влиянием, Ленин был склонен к диктатуре: «В натуре этого человека было что-то татарское, азиатское, тираническое, что, несмотря на тонкий слой образованности и европеизма, было преобладающим и решающим фактором во всех его пробуждениях и стремлениях»²⁹. Как харак-

²² Солонович А.А. Письмо в редакцию // Американские известия. 1924. № 126. 14 мая. С. 6.

²³ РГАСПИ, ф. 16, оп. 1, д. 417, л. 4.

²⁴ Голос анархистов // Известия ВЦИК. 1924. № 22(2057). 27 января. С. 5.

²⁵ РГАСПИ, ф. 16, оп. 1, д. 417, л. 8—9.

²⁶ Сandomирский Г.Б. Ленинизм и бакунизм. Венок анархиста // Известия ВЦИК. 1924. № 2(2062). 2 февраля. С. 2.

²⁷ М. Р-н. Смерть Ленина // Американские известия. 1924. № 111. 30 января. С. 2.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же.

терную черту поведения Ленина автор называл нетерпимость, которая и стала основным фактором раскола РСДРП на большевиков и меньшевиков, и ещё до революции он уже стал «маленьким царьком и диктатором» в кругу единомышленников. «Общеизвестным, — писал тот же автор, является тот факт, что Ленин не терпел противоречий и уживался только с теми, кто безоговорочно признавал его авторитет, во всём разделял его точку зрения, поддакивал ему и слепо за ним следовал... Всегда он был охвачен желанием руководить другими, направлять и командовать ими, и малейшее несогласие и оппозиция его планам приводили его в бешенство и к самым диким полемическим выпадам против своих соратников по партии»³⁰. Создание последней, ориентированной на лидера и безропотно ему подчинявшейся, и стало основным фактором политической гибкости, которую проявили большевики: «С такой публикой после большевистского переворота можно было предпринимать какие угодно эксперименты и при помощи её и из неё лепить, как из воска, какие угодно политические системы»³¹.

В опубликованных в 1929—1937 гг. статьях и воспоминаниях Н.И. Махно Владимир Ильич был назван авторитарным лидером, а большевистская партия — «покорно шедшей на поводу у мудрого Ленина»³². В то же время представитель крестьян и лидер их движения Нестор Иванович рассматривал своего политического противника как политика, понимавшего и отражавшего на пути к власти интересы городских рабочих. Следуя близкой данной среде фразеологии, умело манипулируя её представителями, глава советского правительства и восстановил престиж государственной власти. «Другие говорили: без “дурака” не обойтись. (Причём под словом “дурак” они разумели всегда только власть)... В действительности мудрый Ленин правильно понимал город. Поставил на пост этого “дурачка” под флагом диктатуры пролетариата группу лиц, возмнивших о себе как о знающих эту роль, лиц, способных на что хотите, лишь бы быть на посту властелина и навязывать свою подчас мудрую волю другому человеку и целому роду человеческому. Мудрый Ленин сумел вознести роль “дурака” на необыкновенную высоту»³³, — писал Махно. Он достаточно высоко оценивал опыт Ленина как политического и государственного деятеля. Особенно ярко эта характеристика звучала при сравнении с лидерами левых эсеров, претензии которых на роль правителей России Нестор Иванович считал крайне неудачными: «У левых эсеров шансов на успех этого боя, по-моему, не было, потому что у них не было двух-трёх человек, людей, подготовленных, ну, скажем, на посты Ленина и Троцкого, заменить которых ни Спиридоновой, ни Камковым, ни тем более Штейнбергом, ни даже Устиновым, имевшим до некоторой степени ленинскую практику, в то время нельзя было»³⁴.

Значительный интерес представляют личные впечатления Махно о его встрече с Лениным в Москве летом 1918 г. В какой-то мере вождь крестьян оперировал их «патриархальными» образами. Так, Ленин разговаривал с ним «по-отцовски»³⁵. Махно называл его умелым организатором и руководителем, что проявилось в постановке вопросов, вынуждавшей гостя дать на них наи-

³⁰ Там же.

³¹ Там же.

³² Махно Н.И. Азбука анархиста. М., 2005. С. 100.

³³ Там же. С. 103.

³⁴ Там же. С. 303—304.

³⁵ Там же. С. 317.

более подробные ответы³⁶. Влияние харизмы Ленина прослеживалось и в признании Нестора Ивановича: «Я лично почувствовал, что начинаю благоговеть перед Лениным, которого недавно убеждённо считал виновником разгрома анархических организаций в Москве»³⁷. При этом он писал, что лидер РКП(б) — пример циничного и лицемерного в своих действиях политика. Это проявилось, прежде всего, в использовании ложного обвинения анархистов в бандитизме, как одного из способов оправдания массовых репрессий. Вспоминая о разговоре с Лениным, Махно констатировал: «Большей неискренности и лицемерия, какие в данном случае проявил Ленин, особенно в отношении анархизма, трудно найти у кого-либо другого из политических дел мастеров. Большевицкая власть организовала уже в это время свои походы против анархизма со строго продуманным замыслом дискредитации анархистского движения в стране, где большевизм Ленина поставил крест над всякой свободой революционных организаций и где только анархизм был и оставался опасным для большевизма»³⁸.

Махно проиллюстрировал и тесно связанные с политической конъюнктурой взгляды лидера большевиков на анархизм и его представителей. Например, распространение их идей среди украинского крестьянства в 1918 г. Ленин воспринял положительно: «Это было бы отраднo, так как это ускорило бы победу коммунизма над капитализмом и его властью»³⁹. Дальнейшие его слова в передаче Махно, так или иначе, касались развернувшихся в середине 1920-х — начале 1930-х гг. среди российских анархистов-эмигрантов дискуссий о стратегии, тактике и принципах организации анархистского движения. Ленин критиковал анархистов за то, что они, «не имея серьёзной своей организации широкого масштаба, не могут организовывать пролетариат и беднейшее крестьянство и, следовательно, не могут подымать их на защиту, в широком смысле этого слова, того, что завоёвано всеми нами и всем нам дорого»⁴⁰.

Впрочем, в пересказе беседы Махно и Ленина очевидно и достаточно типичное для марксистов обвинение адептов анархизма в приверженности утопическому мировоззрению, поскольку почти все они «думают и пишут о будущем, не понимая настоящего: это и разделяет нас, коммунистов, с ними... Да, да, анархисты сильны мыслями о будущем, в настоящем же они беспочвенны, жалки исключительно потому, что они в силу своей бессодержательной фанатичности реально не имеют с этим будущим связи»⁴¹. В контексте разногласий в анархистской среде интересен подход Нестора Ивановича к изложению своей беседы с Владимиром Ильичом, одобрительно-подбадривающие слова которого, как будто, должны были легитимировать Махно в качестве будущего народного вождя: «Вас, товарищ, я считаю человеком реальности и кипучей злобы дня. Если бы таких анархистов-коммунистов была хотя бы одна треть в России, то мы, коммунисты, готовы были бы идти с ними на известные условия и совместно работать на пользу свободной организации производителей»⁴².

³⁶ Там же. С. 318.

³⁷ Там же. С. 321.

³⁸ Там же. С. 324—325; *Махно Н.И.* На чужбине. Записки и статья. 1923—1935. Париж, 2004. С. 105—106.

³⁹ *Махно Н.И.* Азбука анархиста. С. 318.

⁴⁰ Там же. С. 319.

⁴¹ Там же. С. 322.

⁴² Там же. С. 321.

Своеобразным итогом осмысления анархистами-эмигрантами социально-политической деятельности Ленина стали труды Волина и последнего крупного теоретика российского анархизма, анархо-синдикалиста Максимова. Книгу последнего «Гильотина за работой», написанную в конце 1930-х гг., издали в 1940 г. в США на английском языке⁴³. Её первый том «Ленинистская контрреволюция» был посвящён анализу генезиса теории и практики государственного террора, проводившегося Советским государством в отношении оппозиции, а также категорий населения и отдельных лиц, признанных опасными для политического курса большевиков. Григорий Петрович выводил принципы государственного террора из идей лидера РКП(б), который, по мнению автора, отвечал «за расстрелы, за террор, но он в такой же мере отвечает за все зверства, проявленные в терроре, за весь садизм, за все пытки во всех застенках... Ленин и только Ленин, как первосвященник секты, несёт ответственность за небывалое в истории принижение и обесценение личности, за абсолютное неуважение к жизни человека, за моральное разложение и вытравление у своих опричников всех нравственных устоев, без которых человек опускается ниже уровня дикого зверя»⁴⁴.

Также Максимов обосновал мысль о том, что Ленин является идейным отцом и организатором террора, проводившегося большевиками в советских республиках, возникших на месте бывшей Российской империи, а затем и в СССР⁴⁵. Сталин в вопросах поддержания диктатуры и террора против политических противников оценивался Максимовым как «верный ученик» Ленина⁴⁶.

Кроме того, автор продолжил развитие тем, ранее затронутых анархистскими критиками РКП(б). Так, он писал, что отказавшись от последовательно марксистской концепции, изложенной в «Манифесте Коммунистической партии», Ленин популяризировал федералистские и самоуправленческие идеи, изложенные в работе Маркса «Гражданская война во Франции»⁴⁷. По словам Максимова, сделано это было с целью обмана трудящихся, в то время настроенных в духе самоуправления, противоположного марксистским принципам централизма. «Ленин, требуя уничтожения армии, полиции и чиновничества, — писал автор, — внушал рабочим, крестьянам и солдатам, что Республика Советов есть Анархическая Федерация многих тысяч Коммун-Советов, разбросанных по необъятным пространствам России и что эта республика есть полная демократия, развёрнутая до логического предела — до безгосударственности»⁴⁸. Именно этот политический манёвр, писал Максимов, обеспечил большевикам победу, которую не принесло бы откровенное распространение этатистско-социалистической программы.

Развивая идеи своих предшественников, Максимов считал, что установление диктатуры (личной и партии большевиков) являлось изначальной целью действий лидера РКП(б) в 1917 г. «Ленин шёл к своей цели, — писал автор, — к проведению в жизнь программы Маркса—Энгельса, изложенной в “Коммунистическом Манифесте”: к так называемой “диктатуре пролетариата”, т.е. к диктатуре партии, к своей личной диктатуре, к централизации и к государ-

⁴³ *Maximoff G.P.* The Guillotine at work. Chicago, 1940.

⁴⁴ *Maximoff G.P.* The Guillotine at work. Vol. 1. P. 255.

⁴⁵ Там же. P. 30.

⁴⁶ Там же. P. 45.

⁴⁷ Там же. P. 21.

⁴⁸ Там же. P. 23.

ственной монополии во всех областях жизни»⁴⁹. Указывая на непосредственные цели этой политики, Григорий Петрович первым из российских анархистов применил термин «тоталитарный» по отношению к политической модели, установленной вождём большевиков в России: «Абсолютистское тоталитарное государство, правящее насилием и террором»⁵⁰.

По мнению автора, избранная Лениным политическая стратегия означала, «что нужно не противостоять народной стихии, а разжигать её и плыть вместе с ней, быть на гребне её волны, дать ей истощить себя естественным путём и тогда, улёгшись и успокоившись, она будет покорной и послушной в руках вознесённого ею к власти»⁵¹. Как пример идеологической манипуляции он рассмотрел написанные Лениным и принятые СНК после Октябрьского переворота декреты (1917—1918). Они «имели то же значение, что и дооктябрьская пропаганда, т.е. пропагандистское завоевание доверия масс и устранения всякого подозрения. Только с этой стороны Ленин расценивал декреты, не придавая им никакой другой цены и не связывая себя ими»⁵².

Максимов провёл параллели с другими тоталитарными режимами 1930-х гг., отождествляя с ними большевистскую диктатуру. Отстаиваемую Лениным общественно-экономическую модель, впервые отражённую в работе «Грозящая катастрофа и как нам с ней бороться» (сентябрь 1917 г.), Максимов охарактеризовал так: «Ещё в 1917 г., до переворота, Ленин, параллельно пропаганде идей Парижской коммуны, исходя из Коммунистического Манифеста и воззрений Маркса—Энгельса на централизацию и “рабочее” государство, проповедовал идеи, комплекс которых позднее стал известным под именем фашизма и тоталитарного корпоративного фашистского государства, которое строится Муссолини в Италии... Ленин по справедливости должен считаться первым теоретиком фашизма, несмотря на некоторые и весьма существенные расхождения современного фашизма с Лениным, например, в вопросе расовом, национальном и др.»⁵³. Однако эта модель, полагал автор, в условиях массовой самоорганизации рабочих и крестьян не была воплощена в жизнь: «Ожидая, когда уляжется народная стихия, против которой он был бессилён бороться вначале, он видел, что захват рабочими предприятий, промышленных и торговых, зашёл слишком далеко и фактически смёл начисто слабых русских капиталистов, промышленников и купцов. Рецепт уже не подходил. Пришлось его несколько видоизменить и вместо фашистского “социализма” и корпоративного государства, начать строить “государственный капитализм” со вкраплениями в разное время элементов, свойственных современному фашизму»⁵⁴.

Максимов считал Ленина основным ответственным за развязывание в стране полномасштабной Гражданской войны. По мнению анархистского теоретика, реальной альтернативой большевистской диктатуре и дальнейшему развитию гражданского противостояния могла стать коалиция социалистических партий, проводившая в жизнь радикальные преобразования при сохранении политических свобод: «Блок русских социалистов всех фракций, несомненно, или совсем устранил бы Гражданскую войну, так как поставил бы слабую

⁴⁹ Там же. Р. 25.

⁵⁰ Там же. Р. 34.

⁵¹ Там же. Р. 25—26.

⁵² Там же. Р. 27.

⁵³ Там же. Р. 59—60.

⁵⁴ Там же. Р. 61.

русскую буржуазию и военную клику в невозможные условия сопротивления, контрреволюционных элементов к разрозненным местным вспышкам, подавить которые не представляло бы большого труда... Ленин отверг предложение об образовании коалиционного социалистического правительства, т.е. сознательно шёл, не считаясь ни с чем, на Гражданскую войну не только с эксплуататорами, но и с “социалистической демократией”, с огромной массой рабочих и крестьян»⁵⁵.

Максимов уделил внимание и проявившимся в политической борьбе личностным качествам Владимира Ильича. Так, по мнению автора, лидер большевиков был абсолютно беспринципным политиком, склонным к обману и манипуляции массами трудящихся в собственных интересах. Аморализм Максимов определил в качестве наиболее яркой черты Ленина-политика: «Будучи в нравственном отношении человеком, руководящимся принципом “цель оправдывает средства”, Ленин, как до революции, в фракционных спорах и раздорах, так и во время революции, не отличался разборчивостью в средствах борьбы с противниками: клевета, ложь, обман, бесчестность, подкуп, провокация, грубая брань, сознательное извращение мыслей противника и пр[оч]., являлись его орудиями в борьбе за руководство в партии, в борьбе за власть в стране и за укрепление своей власти в ней»⁵⁶. Максимов немало строк посвятил и властолюбию Ленина, о чём свидетельствует отсутствующая в книге, но имевшаяся в рукописи «резкая» цитата: «До безумия снедаемый властолюбием, тщеславием и жадной играть крупнейшую роль в революции... Ленин, как алкоголик к водке, тянулся к власти. — К власти, нужно захватить власть во что бы то ни стало, чего бы это ни стоило, всякими путями и всякими средствами!»⁵⁷. Как яркий пример лицемерия вождя большевиков Максимов, как будто подтверждая прогноз Гордина, оценил отношение Ленина к смертной казни. Большевики за её восстановление критиковали Керенского, но придя к власти, они применяли её открыто и регулярно⁵⁸.

Книга Волина «Неизвестная революция» была издана уже после смерти автора — в 1947 г. В этой работе Ленин охарактеризован как руководитель партии большевиков, которому она была обязана своим успехом. В успехе он «едва ли не единственный» был уверен и «настаивал на подготовке восстания»⁵⁹. Ленину Волин приписывает и план восстания по инициативе Всероссийского съезда Советов, и руководство его подготовкой⁶⁰, хотя эта идея, скорее, принадлежала Троцкому. Также глава СНК оценивался как инициатор и единственный среди большевиков автор Брестского мира⁶¹. Волин в отличие от Максимова, называя личностные качества лидера большевиков и его соратников, указал, что это были «люди бесспорно искренние»⁶², верившие в свои идеи и следовавшие собственным убеждениям. Вместе с тем он утверждал, что вождь большевиков обладал мышлением настоящего диктатора, никогда не доверяя самостоятельным, стихийным действиям трудящихся. Доверие допускалось «лишь в том

⁵⁵ Там же. Р. 32—33.

⁵⁶ Там же. Р. 25.

⁵⁷ International Institute of Social History (IISH), Amsterdam. G.P. Maksimov Papers. F. 17.

⁵⁸ Maximoff G.P. The Guillotine at work. Vol. 1. P. 28, 50.

⁵⁹ Волин В.М. Неизвестная революция... С. 103.

⁶⁰ Там же. С. 104, 143.

⁶¹ Там же. С. 162.

⁶² Там же. С. 124.

случае, если ими управляли вожди и политики, хотя бы посредством формальных приказов и закулисных махинаций»⁶³. То же касалось и РСДРП(б), которая в 1917—1918 гг. постепенно превратилась в партию Ленина, фактически неотделимую от его позиций⁶⁴.

В то же время на вождя большевиков Волин возложил ответственность за ряд фатальных «ошибок», сказавшихся на судьбе революции. Во-первых, это касалось веры в быстрое распространение революции по всему миру, от чего напрямую зависел её исход в самой России. Во-вторых, отсутствовало ясное понимание уже наступившего в стране бюрократического «перерождения» революционных процессов⁶⁵. Тем не менее Волин утверждал, что Ленину не принадлежала заслуга в проведении социальных преобразований после Октябрьского переворота, поскольку тот знал заранее, что первые декреты советской власти «лишь узаконивали существующий порядок вещей»⁶⁶: захват земли крестьянами, установление рабочего контроля, массовое дезертирство солдат с фронта. На основателя Советского государства Волин, как и Максимов, возложил ответственность за последующие трансформации социально-экономического и политического строя в СССР. «Сталин и “сталинизм” — всего лишь логические последствия определённой эволюции, явившейся результатом ужасного заблуждения, губительного отклонения Революции с её пути. Именно Ленин и Троцкий — то есть созданная ими система — подготовили почву для этого и взрастили Сталина»⁶⁷, — писал Волин.

Рассматривая в контексте истории Великой Российской революции фигуру Ленина, анархисты уже в 1917—1918 гг. сформировали к оценке его личности критический и апологетический подходы. Представители первого из них были оппозиционно настроены по отношению к РСДРП(б)/РКП(б). Они охарактеризовали политическую деятельность Ленина того времени как манипуляцию популярными лозунгами, направленную на обеспечение преобладающего влияния партии большевиков в массах и завоевание ею власти в стране. Второй подход, представленный «советскими анархистами», был связан с обоснованием близости идейной позиции Ленина основным принципам анархизма и неизбежности эволюции насаждавшейся большевиками политической системы анархического коммунизма. Последним его проявлением стали тексты, написанные анархистами, участвовавшими в кампании памяти Ленина в 1924 г.

Позиция антибольшевистского крыла анархистского движения, напротив, получила распространение в эмиграции, где в 1920—1930-х гг. оказались многие выдающиеся российские анархисты. В своих работах они сформулировали оценки (получившие затем распространение среди участников международного анархистского движения) деятельности и политической позиции Ленина, а также его личностным качествам. Прежде всего высказывалась мысль о диктатуре и борьбе за власть как об основных, определяющих мотивах политической деятельности большевистского лидера. В то же время эти публицисты указывали, что свои властные амбиции он подчинял цели — установлению тоталитарного централизованного государства, призванного воплотить в жизнь социализм в

⁶³ Там же. С. 162.

⁶⁴ Там же. С. 163.

⁶⁵ Там же. С. 129.

⁶⁶ Там же. С. 154.

⁶⁷ Там же. С. 237.

его авторитарном (марксистском) варианте. В первую очередь подобный режим Ленин установил в РСДРП(б)/РКП(б), фактически превращённой им в партию одного человека. Он использовал для достижения своей цели манипуляцию популярными революционными лозунгами, обратившись к некоторым поздним идеям Маркса. Придя к власти в России на волне массовых народных движений, большевики, действовавшие согласно намеченному Лениным политическому курсу, отказались от популярных лозунгов самоуправления трудящихся, огосударствили самоуправленческие организации и установили однопартийную диктатуру. Затем, по мнению Максимова и Волина, путём террора основатель Советского государства перешёл к укреплению данного режима.

**«Я имел связь с группой террористов»:
проблема причастности Б.В. Савинкова
к покушению на В.И. Ленина
30 августа 1918 г.**

Константин Морозов

**«I had a connection with a group of terrorists»:
the problem of about B.V. Savinkov's involvement
in the assassination attempt on V.I. Lenin
(August 30, 1918)**

Konstantin Morozov

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

DOI: 10.31857/S086956870009256-2

Тема покушения на Ленина 30 августа 1918 г. по-прежнему актуальна. К старым версиям добавляются новые — от официальных обвинений 1918 и 1922 гг. в покушении ЦК партии социалистов-революционеров (ПСР), якобы давшего санкцию на совершение своей боевой структурой партийного акта, до утверждений о непричастности партии к нему; от отрицания того, что стреляла Ф.Е. Каплан, и утверждений о полной фальсификации её причастности до версий о «кремлёвском заговоре»; от причастности английских дипломатов и спецслужб до инсценировки покушения самими большевиками¹.

© 2020 г. К.Н. Морозов

Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 16-01-00235.

¹ См.: Орлов Б. Миф о Фанни Каплан // *Время и мы* (Тель-Авив). 1975. № 2. С. 153—163; 1976. № 3; Lyandres S. The 1918 attempt on the life of Lenin: a new look at the evidence // *Slavic Review*. 1989. Vol. 48. Issue 3. P. 432—448; Костин Н.Д. Суд над террором. М., 1990; Орлов Б. Миф о Фанни Каплан // *Источник*. 1993. № 2; Войнов В. Отравленные пули // *Комсомольская правда*. 1990. 29 августа; Данилов Е. Три выстрела в Ленина, или За что казнили Фанни Каплан // *Нева*. 1992. № 5/6. С. 306—324; Данилов Е. Тайна выстрелов Фанни Каплан (Свидетельства и документы о покушении на Ленина) // *Звезда Востока*. 1991. № 1. С. 113—130; Сударушкин Б.М. Фанни Каплан: «Я стреляла в Ленина». Рыбинск, 1990; Сударушкин Б. Так кто же стрелял в Ленина? Материалы к размышлению // *Русь*. 1993. № 10. С. 9—32; Сударушкин Б. Кто заказал покушение на Ленина? (URL: <http://sudar-bm.narod.ru/main/page8.htm>); Литвин А.Л. Кто стрелял в Ленина? // *Megapolis—Continent* (М.). 1991. 30 мая; Фанни Каплан, или Кто стрелял в Ленина? Сборник документов / Сост. В.К. Виноградов, А.А. Краюшкин, В.И. Крылов, А.Л. Литвин. Казань, 1995; Изд. 2. М., 2003; Литвин А.Л. В Ленина «стрелял» Дзержинский? // *Родина*. 1995. № 7. С. 58—60; Литвин А.Л. Азеф второй // *Родина*. 1999. № 9. С. 80—84; Фельштинский Ю. Ленин и Свердлов — кто кого? // *Наука*. Еженедельная газета научного сообщества ТССР. 1991. 14 апреля; Фельштинский Ю. Ленин. Страницы биографии // *Русская мысль*. 1995. 3—9 августа; Фельштинский Ю.Г. Вожди в законе. М., 1999; Smith S.B. Who shot Lenin? // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. NF. 46. 1998. S. 100—119; Smith S.B. Captives of Revolution: the Socialist Revolutionaries and the Bolshevik dictatorship, 1918—1923. Pittsburgh, 2011; Журавлёв С.В. Человек революционной эпохи: судьба эсера-террориста Г.И. Семёнова (1891—1937) // *Отечественная история*. 2000. № 3. С. 87—105; Тополянский В. Необыкновенная террористка. Миф и правда о Ф. Каплан // *Новое время*. 1998. № 35. С. 34—37; Сервис Р. Ленин / Пер. с англ. Г.И. Левитан. Минск, 2002; Назаров Г. Новое прочтение дела Фанни Каплан // *Чудеса и приключения*. 1995. № 9; и др.

К теме террора против лидеров РКП(б) я впервые обратился в 1996 г., в ходе подготовки сборника документов, посвящённого судебному процессу над эсерами 1922 г., на котором эта тема явилась одним из центральных пунктов обвинения. В комментариях к документам и в предисловии мной проанализирован ряд аспектов покушения на Ленина, проблемы статуса боевой группы Г.И. Семёнова, возможной роли и места Каплан, подвергнута критике версия «кремлёвского заговора» и сформулирован ряд версий и выводов, развитых в следующих работах. В ходе исследований большая часть предположений и выводов подтвердилась, остальные подверглись пересмотру. Результаты работы изложены в публикациях, посвящённых ключевым проблемам этой многогранной темы².

Задача данной статьи — выяснить границы и формы возможной причастности Б.В. Савинкова к покушению на Ленина 30 августа 1918 г., характер его взаимоотношений с Семёновым в 1918—1920 гг. Я коснусь и причин того, почему его утверждения (сделанные в 1919 и 1920 гг.) о том, что покушения на Ленина и Троцкого являлись частью плана «Союза защиты родины и свободы», были проигнорированы властями на процессе 1922 г. и недостаточно исследованы на предварительном следствии и в ходе процесса над самим Савинковым в августе 1924 г. Отмечу, что эти сюжеты — лишь часть общего полотна, и для их понимания необходимо увидеть картину в целом (включая и проблему причастности ЦК ПСР, партийного или индивидуального характера покушения Каплан на Ленина, её роли в этих событиях, степени правдивости свидетельств Г.И. Семёнова, Л.И. Коноплёвой, Д.Д. Донского и др.). Ограниченный объём статьи вынуждает привести лишь результаты исследований, за подробностями же отсылаю читателей к указанным статьям.

В руководстве ПСР единодушие по вопросу о терроре достигнуть не удалось. Небольшая часть лидеров и функционеров хотела вернуться к дореволюционной трактовке места террора в её тактике и предприняла две попытки в этом направлении. Первая имела место на IV съезде партии (ноябрь—декабрь 1917 г.), где тверской делегат М.Г. Большаков заявил: «Если бы в первые дни большевистского переворота, т.е. начиная с 25-го, партия применила бы террор, она стёрла бы с лица земли этих авантюристов и мошенников»³. В ходе дискуссии большинство делегатов отказалось рассматривать террор как метод ведения политической борьбы. Тем не менее резолюция признала принципиально допустимым использование против большевиков «всех мер, доступных партии», для «защиты чести и достоинства партии и неприкосновенности своих членов» — включая террор⁴.

² Морозов К.Н. Ф.Е. Каплан и покушение на В.И. Ленина 30 августа 1918 г. // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. История и политические науки. 2018. № 3. С. 95—114; Морозов К.Н. «Я не Шарлотта Корде, но жить без действия надоело»: новые свидетельства и штрихи к портрету и биографии Фанни Ефимовны Каплан // Петербургский исторический журнал. 2018. № 3. С. 345—361; Морозов К.Н. Покушение на В.И. Ленина 30 августа 1918 г.: проблемы характера и причастности // Россия в годы гражданской войны, 1917—1922: Власть и общество по обе стороны фронта. Материалы международной научной конференции (Москва, 1—3 октября 2018 г.). М., 2018. С. 154—160; Морозов К.Н. «Это так не было»: дискуссии о терроре и отношении к нему в эсеровской партии в годы гражданской войны // Идеи и идеалы. Т. 11. 2019. № 1. Ч. 2. С. 327—355.

³ ЦА ФСБ РФ, ф. Н-1789, т. 69, л. 542.

⁴ Я использовал хранящиеся в фонде судебного процесса с.-р. 1922 г. (ЦА ФСБ РФ, ф. Н-1789, т. 69) стенограммы IV съезда ПСР, которые были подготовлены к печати, но света так и не увидели.

Были созданы рабочие боевые дружины, призванные охранять митинги, демонстрации, партийные структуры, издательства и т.д. Позже, в мае 1918 г., с теми же целями возникла боевая группа, созданная членом Военной организации ПСР Семёновым из петроградских дружинников. Однако решения и объявления ЦК партии о её организации не последовало, статус нигде не закреплёлся, «учредительного собрания» не состоялось и устав не принимался⁵. В брошюре «Военная и боевая работа партии социалистов-революционеров» за 1918 г., которая стала основой обвинения на процессе 1922 г., Семёнов назвал эту группу «Центральным боевым летучим отрядом при ЦК ПСР». Она якобы была создана решением ЦК и получила от него санкции на покушения на В. Володарского, В.И. Ленина и Л.Д. Троцкого и других большевистских лидеров.

Вторая попытка оказалась предпринята на пленуме ЦК в феврале 1918 г., когда сторонники террора вынесли на обсуждение вопрос о переходе к нему в связи с сообщением местной организации о бесчинствах на Украине В.А. Антонова-Овсеенко⁶. После дискуссии была принята резолюция, текст которой не сохранился. По свидетельству А.Р. Гоца, «формулировка была дана такая растяжимая и каучуковая, что отвергая по существу террор, она не связывала рук и меньшинству, стоящему на точке зрения террора»⁷. Тимофеев вспоминал, что на втором заседании «была такая формулировка: в настоящей социальной обстановке вопрос о терроре не может ставиться по целому ряду мотивов... в настоящий момент ставится в порядок дня не борьба с отдельными эксцессами, не борьба с отдельными лицами, а нарушение всей системы насилия, которую знаменует собой Советская власть. Этот момент звучал чётко и отчётливо, и поэтому отдельное конкретное предложение аннулируется. Но сверх того были и другие мотивы, точно формулировать их я не берусь»⁸.

После захвата большевиками власти и разгона ими Учредительного собрания многие эсеры обращались в ЦК своей партии с просьбой санкционировать партийный террористический акт (с правом на допросе объявить его совершённым по поручению партии и назвать себя её членом), что неизменно отвергалось. Среди них была и Ф.Е. Каплан, которая весной 1918 г. приехала в Москву из Крыма и обратилась с просьбой разрешить ей покушение на Ленина. Об этом сохранились многочисленные воспоминания её бывших товарищей по партии (В.М. Зензинова, В.К. Вольского, К.С. Буревоего и др.). После этого она по традиции эсеров дореволюционной эпохи решилась на индивидуальный теракт (с выходом из партии, от своего имени и под свою ответственность). Исследования позволяют утверждать, что она получила разрешение (незапрещение) именно на него на встрече с Семёновым и членом ЦК ПСР и его Московского бюро Д.Д. Донским во второй половине августа 1918 г. Поскольку эсеровская традиция допускала, что индивидуальный характер акта не исключает содействия тех или иных членов партии, Семёнов и его группа должны были оказать Каплан организационную помощь. Но её размер

Вместо них появился «Краткий отчёт о работах Четвёртого съезда партии социалистов-революционеров (26 ноября — 5 декабря 1917 года)» (Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т. 3. Ч. 2. Октябрь 1917 г. — 1925 г. М., 2000). Их сравнение даёт ценный материал для анализа.

⁵ ЦА ФСБ РФ, ф. Н-1789, т. 32, л. 21—22.

⁶ Там же, т. 31, л. 150—152, л. 167—168, 169—171 и др.

⁷ Там же, т. 95, л. 67—68.

⁸ Там же, т. 31, л. 175—176.

и формы Донской не оговорил, что открывало возможности для злоупотреблений и выхода далеко за рамки «помощи».

Следует особо подчеркнуть, что большинство как членов ЦК, так и рядовых эсеров не знало ни о намерении Каплан, ни о том, что группа Семёнова на свой страх и риск занимается подготовкой террористических актов. Поэтому отказ партии от причастности к покушениям воспринимался как естественный и единственно возможный. Фактически имел место обман единомышленников отдельными сторонниками террора. Поэтому, по более поздним свидетельствам Гоца, накануне процесса 1922 г. «руководящей пятёркой» первой группы обвиняемых («нераскайвавшихся», в отличие от второй группы — тех, кто пошёл на сотрудничество с властями: Семёнова, Коноплёвой и рядовых боевиков) и было принято решение не предавать огласке все эти некрасивые акты внутрипартийной борьбы⁹.

Исследования позволяют опровергнуть утверждения Семёнова и обвинения на процессе о том, что покушение Каплан явилось делом Центрального боевого летучего отряда ЦК ПСР, что она входила в этот отряд, который получил официальный статус и санкцию на подготовку и проведение партийных терактов. Хотя покушение и было совершено при участии группы Семёнова, но его участники действовали вопреки решениям февральского пленума ЦК (1918).

Исследуя вопрос о связи тех или иных сил и фигур с покушением на Ленина, я пришёл к выводу, что следует вернуться к дальнейшей проработке версии о некоторой причастности к нему Б.В. Савинкова и его «Союза защиты родины и свободы» (СЗРиС), выдвинутой подсудимыми первой группы на процессе 1922 г.¹⁰ Впоследствии эта версия исследователями не рассматривалась и упоминалась лишь вскользь¹¹.

Вопрос об отношениях таких, на первый взгляд, весьма далёких друг от друга фигур, как Савинков и Семёнов, крайне существенен для понимания многих загадок и неясностей, которыми изобилует тема покушения на Ленина, а также для прояснения проблемы причастности и ответственности за него. Поэтому я попытаюсь разобраться в связях этих двух лиц и в том, почему оба приписали планы покушений на Ленина и Троцкого и покушение Каплан своим организациям.

Впервые публично Савинков заявил об этом в очередной части мемуарного очерка «*Les souvenirs de Boris Savinkoff*», опубликованной 27 августа 1919 г. в парижской газете «*Le Matin*». Он рассказал о планах СЗРиС — среди которых были убийства Ленина и Троцкого летом 1918 г.: «*Ce plan ne réussit q'en partie. L'attentat contre Trotsky échoua. L'attentat contre Lenin réussit a moitié. Dora Kaplan, fusillée par la suite, blessa Lenine*»¹² («Этот план удался лишь частично. Покушение на Троцкого сорвалось. Покушение на Ленина удалось наполовину. Дора Каплан, впоследствии расстрелянная, ранила Ленина»). 23 сентября 1919 г. «Известия ВЦИК» в разделе «Иностранная жизнь» опубликовали заметку

⁹ Там же, т. 95, л. 110.

¹⁰ См.: Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т. 3. Ч. 1. Февраль—октябрь 1917 г. М., 2000. С. 885—886.

¹¹ Я.В. Леонтьев в краткой энциклопедической статье о Каплан написал: «Вступила в контакт с руководителем Боевого отряда партии с.-р. Г.И. Семёновым, связанным также с савинковцами» (Политические партии России. Конец XIX — первая треть XX в. М., 1996. С. 271).

¹² *Savinkoff B. Les souvenirs de Boris Savinkoff // Le Matin (Paris). 1919. 27 Août.*

«Маски сброшены», в которой давался перевод небольшого фрагмента этого текста: «В парижском “Матэн” Савинков печатает воспоминания о своей борьбе против большевизма. План вооружённого восстания, выработанный в июне прошлого года, он описывает следующим образом: “Имелось в виду убить Ленина и Троцкого в Москве и с этой целью было установлено наблюдение за всеми их передвижениями... Покушение на Троцкого не удалось. Покушение на Ленина удалось лишь наполовину: он был ранен, но не убит”»¹³.

Сравнение этих материалов показывает — большевистские власти удалили имя Каплан (Дора — её партийный псевдоним)! Причём весь остальной фрагмент переведён достаточно точно. Кто принимал решение об этом? Неизвестно. Почему убрали её имя? Представляется, для того чтобы не признаваться, что в начале сентября 1918 г., объявив её членом ПСР, по поручению ЦК которой она якобы совершила это покушение, и обрушив на эсеров проклятия и репрессии, власти прекратили следствие и расстреляли её сугубо из «политической целесообразности»: необходимости «повесить» акцию на эсеров и самарский Комуч — своих главных противников в тот момент. Более того, Я.М. Свердлов и другие сторонники «жёсткой линии» воспользовались событием для объявления и легитимации широкомасштабного «красного террора».

В 1920 г. Савинков опубликовал мемуарный очерк уже по-русски¹⁴. Вспоминая о деятельности СЗРиС в Москве весной—летом 1918 г., он перечислил руководителей всех его структур и отделов, упомянув, что «начальником террористического отдела [был] Х., социалист-революционер»¹⁵. В «Le Matin» этот фрагмент был опубликован 26 августа 1919 г. и совпал дословно. В «Известия» он (как и остальные 99% мемуарного очерка Савинкова) не попал. О планах на лето 1918 г. Савинков писал: «В июне был выработан окончательный план вооружённого выступления. Предполагалось в Москве убить Ленина и Троцкого, и для этой цели было установлено за ними обоими наблюдение... План этот удался только отчасти. Покушение на Троцкого не удалось. Покушение на Ленина удалось лишь наполовину: Дора Каплан, ныне расстрелянная, ранила Ленина, но не убила»¹⁶.

Итак, какие выводы можно сделать из этих воспоминаний? И насколько им можно доверять? Сразу отмечу, что само существование структуры сомнений не вызывает. Член штаба СЗРиС А.А. Дикгоф-Деренталь в статье, опубликованной по горячим следам событий в екатеринбургской газете «Отечественные ведомости» от 24 ноября 1918 г., упомянул о «террористическом отряде» Союза¹⁷. Кроме того, есть свидетельство члена савинковской организации капитана В.Ф. Клементьева: «Примерно в то же время приступили к формированию террористического отряда. Возглавил его старый соратник Савинкова по эсеровской боевой организации (БО). Я его встречал раза два-три в лечебнице. Звали его Николаем Николаевичем. О работе этого отдела я ничего не знаю, так как в начале мая я перешел в иногородний отдел, переселился из лечебницы в Пуговишников переулок и стал эмиссаром южного района организации — Тула,

¹³ Маски сброшены // Известия. 1919. 23 сентября. С. 2.

¹⁴ Савинков Б.В. Борьба с большевиками. Варшава, 1920.

¹⁵ Савинков Б.В. Борьба с большевиками // Савинков Б.В. Воспоминания террориста. М., 2006. С. 407.

¹⁶ Там же. С. 407, 412—413.

¹⁷ Красная книга ВЧК. Т. 1. М., 1989. С. 33—34.

Калуга, Вязьма»¹⁸. Кто же это был? Прав ли член ЦК ПСР М.Я. Гендельман, который в своей «защитительной речи» от имени первой группы подсудимых в конце процесса 1922 г. прямо указал на связь Семёнова и Савинкова и на то, что первый и был тем самым «с.-р. Х»¹⁹, а следовательно и «Николаем Николаевичем»? Отмечу, что Гендельман положительно ответил и на другой вопрос — о тождественности террористического отряда/отдела СЗРиС и боевой группы Семёнова.

Мне представляется, что, вероятнее всего, «Николай Николаевич» это Б.Н. Моисеенко. В пользу этого говорят свидетельства капитана В.Ф. Клементьева и члена Военной комиссии ПСР И.С. Дашевского. Моисеенко был старым соратником Савинкова по БО, а также видным членом Союза Возрождения, занимал более правые позиции и вполне мог скрыть от ЦК ПСР своё сотрудничество с СЗРиС. Кроме того, практически возможной эту комбинацию делает и то, что Моисеенко весной и в начале лета 1918 г. находился в Москве и как член Военной комиссии ПСР поддерживал связи с Союзом Возрождения и с савинковской организацией.

Мог ли террористический отдел СЗРиС возглавлять Семёнов? Отмечу, что он не являлся старым соратником Савинкова по БО ПСР и весной 1918 г. находился в Петрограде. В Москве он появился вскоре после убийства В. Володарского (конец июня — начало июля). Приблизительно в это время Моисеенко уехал на восток, а Савинков, по его словам, «в конце июня выехал из Москвы в Рыбинск». Кроме того, усомниться в том, что «Х» это Семёнов, заставляют два документа, которые Савинков не предал гласности и которые заставляют взглянуть на эту ситуацию иначе. В краткой автобиографии, написанной в качестве председателя Русского эвакуационного комитета, он вспоминал о событиях весны—лета 1918 г.: «Я был также в связи с террористической группой, которая произвела покушение на Ленина»²⁰. Характер и детали этой связи он не прояснил. И если из опубликованных в «Le Matin» воспоминаний и из варшавской брошюры 1920 г. ещё можно сделать вывод, что акция Каплан являлась частью плана СЗРиС, то из этой фразы видно, что покушение совершено лишь группой, с которой Савинков имел связь. Но может ли входить в понятие «связи» факт аффилиации этой группы с СЗРиС и то, что руководителем террористического отдела последнего являлся Семёнов? В брошюре «Борьба с большевиками» Савинков писал, что именно члены его Союза готовили покушение на Ленина и Троцкого. Сомнительно, чтобы такой опытный террорист отдал руководство террористическим отделом ничего из себя не представлявшему Семёнову, с которым был знаком шапочно. Требуется дополнительное исследование.

В другом небольшом рукописном мемуарном тексте, который архивистами датируется, предположительно, 1919 г., Савинков утверждал: «Кроме того, отчасти силами партии социалистов-революционеров, отчасти же силами "[Союза] защиты родины и свободы" была открыта террористическая борьба против правительства Ленина и Троцкого. Были ранены Ленин и Зиновьев и были убиты Володарский и Урицкий»²¹. Этот документ можно читать двояко. В нём

¹⁸ Клементьев В.Ф. В большевической Москве. М., 1998. С. 122.

¹⁹ Цит. по: Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. С. 885—886.

²⁰ См.: Три брата (То, что было). Сборник документов / Сост., авт. предисл. и коммент. К.Н. Морозов, А.Ю. Морозова. М., 2019. С. 398.

²¹ Там же. С. 421.

утверждается, что в борьбе против большевиков участвовали обе силы — и партия эсеров, и СЗРиС. Но непонятно, как они действовали — порознь или вместе, — и кто за какое покушение несёт ответственность. Или Савинков имел в виду, что обе силы, будучи «в связи», причастны ко всем четырём покушениям? Вопрос остаётся открытым.

Однако более важен другой вопрос: не приписал ли Савинков покушение своей организации? С одной стороны, Савинков использовал достаточно обтекаемые формулировки. С другой, — представляется, что он мог опасаться уличения в публичной лжи и присвоении террористического акта. К тому же характерные для него осторожность и шепетильность в подобных вопросах отчасти свидетельствуют в пользу того, что он имел основания для своих заявлений. Наконец, о покушении на Троцкого он мог знать, только будучи посвящён в эти планы.

Что же могло связывать Савинкова и Каплан? Семёнов на процессе 1922 г. говорил: «У неё было профессиональное свидание с Савинковым. Я помню её слова, что по приезде в Москву она виделась с ответственными работниками, состоявшими и в партии, и вне партии, в частности, виделась с Павловым, Вольским и Савинковым»²². Но не лжесвидетельствовал ли он по каким-то собственным соображениям? Это вполне возможно, так как его неоднократно ловили на лжи. С другой стороны, Каплан действительно вела со многими революционерами разговоры о желании совершить покушение на Ленина. В этом контексте важно свидетельство профессора М.Ю. Урнова, рассказавшего мне, что его дед В.Е. Урнов (член ПСР и председатель Совета солдатских депутатов Москвы в 1917—1918 гг.) говорил близкому родственнику, будто знал о готовящейся акции, и показывал дом, из которого его друг, эсер-максималист Н.В. Шубников, посылал Каплан стрелять в Ленина. Не вдаваясь в обсуждение того, что Шубников, скорее всего, не «посылал», а «проводил» её на покушение (впрочем, и эта версия требует исследования), это свидетельство подтверждает, что она делилась намерениями. Кроме того, до сих пор довлеет миф о Каплан как юродивой и великой неудачнице, который мешает оценить её адекватно. Причём то, что это «старо-новый» миф, а реальный образ — иной, становится ясно только после многих лет поисков информации.

Ценнейшие свидетельства о настроениях и намерениях Каплан накануне покушения (29 августа) содержатся в письме А.Н. Иоффе (меньшевика и бундовца, в 1918 г. возглавлявшего меньшевистскую фракцию Петросовета), отосланном им в «Известия ВЦИК» 18 апреля 1922 г. из Варшавы, где он жил в то время. В РСФСР письмо опубликовано не было и увидело свет 11 мая в эсеровской эмигрантской газете «Голос России» под заголовком «К покушению на Ленина»²³. Оно ценно двумя вещами. Во-первых, до того в нашем распоряжении имелись только протоколы допросов Каплан (большую часть из которых она не подписала, что заставляет задуматься о степени их достоверности). Теперь же нам доступны её прямые слова о настроениях и мотивах покушения на Ленина. Впрочем, строго говоря, это вообще единственное свидетельство, которое передаёт прямую речь Каплан, рисует её образ, и образ этот — вовсе не юродивой неудачницы, а революционерки, апеллирующей к старым традициям и ценностям «тираноборства». И, наверное, вовсе не случайно, что Иоффе, пе-

²² ЦА ФСБ РФ, ф. Н-1789, т. 32, л. 517.

²³ К покушению на Ленина // Голос России (Берлин). 1922. 11 мая. С. 4. Подробнее см.: Морозов К.Н. «Я не Шарлотта Корде, но жить без действия надоело»...

редавая эти пафос и категоричность, даже не попытался объяснить её поступки ненормальностью и юридичностью. Во-вторых, оно ещё раз свидетельствует, что Каплан в тот момент была вне партий и организаций анархистов и эсеров. Собственно говоря, по этим причинам «Известия» и не опубликовали данную мемуарную зарисовку.

Иоффе сделал важный вывод, с которым совпадают результаты моих исследований: «При таких обстоятельствах, когда на наших, так сказать, глазах назревало единоличное решение Ройд-Каплан на свой собственный риск, по своей личной инициативе, при заведомо для неё отрицательном отношении к этому со стороны правых эсеров и левых эсеров — для нас было полной неожиданностью прочитать через несколько дней, как в правительственном сообщении, так и в статьях “Известий” и “Правды”, ссылки на партию правых с-р и на то, что стрелявшая — правая эсерка... Но тогда, по условиям нашего заключения, огласить эти подробности было невозможно»²⁴.

Но встречался ли Савинков с Каплан, как об этом свидетельствовали Семёнов и Дашевский на процессе 1922 г.? Других свидетельств об этом нет, но внимание привлекает следующая история. На предварительном следствии, а затем и на процессе Дашевский утверждал, что именно он познакомил Каплан и Семёнова, узнав случайно, что она встречалась с Савинковым на предмет совершения покушения на Ленина. После встречи Дашевского и Каплан с Семёновым последний взял её в свою группу. Но выяснилось, что Дашевский не смог вспомнить, кто его познакомил с Каплан. Кроме того, во время подробных расспросов Дашевского подсудимыми первой группы С.В. Морозовым, Г.Л. Горьковым и Е.М. Ратнер, работавшими в 1918 г. в Москве, у них появились сомнения и по поводу обстоятельств описанной Дашевским встречи на одной из московских явок, где она, по его словам, работала, и по поводу самого факта знакомства Дашевского с Каплан, так как он не смог описать её внешность. Ратнер заявила Дашевскому: «Я имею основание подозревать то, что Вы путаете её с другим лицом». Она просила приобщить к делу картотеку посещений иногородней комиссии ЦК ПСР, в которой Дашевский якобы и познакомился с Каплан, для доказательства того, что его слова — вымысел²⁵.

Риску предположить, что это действительно выдумка. Обвинению и Дашевскому она понадобилась, чтобы уйти от вопроса, кто же познакомил Семёнова и Каплан. Представляется, что это был Савинков, который «имел связь» с группой Семёнова. А кто вывел Каплан на глубоко законспирированного Савинкова? Возможно — Б.Н. Моисеенко. Он был лично знаком не только с Савинковым, но, скорее всего, и с Каплан — по Мальцевской каторжной тюрьме, рядом с которой он жил в 1907—1908 гг., когда там отбывала наказание его жена М.А. Беневская. Важно то, что Моисеенко весной и в начале лета 1918 г. курировал работу военной комиссии ЦК ПСР в Москве (а Семёнов — в Петрограде). Кроме того, он встречался с Савинковым и вёл с ним переговоры от имени ПСР. В целом связь Савинкова и Семёнова в 1918 г. несомненна (Савинков неслучайно писал, что имел связь с группой террористов, подготовивших покушение на Ленина и Троцкого), но вот характер и формы её требуют исследования.

Семёнова некоторые исследователи называли «Азеф второй» — и это, на мой взгляд, точнее, чем «Человек революционной эпохи». Впрочем, его нельзя

²⁴ Цит. по: Морозов К.Н. «Я не Шарлотта Корде, но жить без действия надоело»... С. 354.

²⁵ ЦА ФСБ РФ, ф. Н-1789, т. 33, л. 333, 339.

отнести к простым платным секретным сотрудникам. Он поменял много ролей: анархиста, эсера, террориста, сотрудника разведуправления Красной армии, ключевой фигуры обвинения на процессе над ПСР, специалиста по промышленному шпионажу, организатора диверсионной и партизанской борьбы в Испании и т.п. Главными чертами его характера, как представляется, являлись авантюризм и аморальность. В сентябре 1918 г. он был арестован «военным контролем» 40-й армии за принадлежность к военной организации ПСР. За 9 месяцев пребывания в тюрьме он, по собственным словам, осознал неправильность борьбы с большевиками. В 1919 г. его зачислили в штат разведуправления РККА. Впрочем, хотя сам он считал себя работающим в военной разведке, ГРУ Генштаба Министерства обороны СССР в справке 1957 г. отмечало, что в 1919—1921 гг. он «работал по линии ОГПУ»²⁶. Но верно ли последнее утверждение? Из показаний самого Семёнова и И.Т. Смилги на процессе 1922 г. видно, что летом 1920 г. Семёнова отозвало из Одессы Центральное бюро МПСР²⁷, которое откомандировало его в распоряжение Реввоенсовета Западного фронта. Член РВС Смилга переадресовал его к начальнику Отделения военной разведывательной работы А.А. Мазалову. Последний, выступавший на процессе 1922 г. в качестве свидетеля, показал, что Семёнов был отправлен им через фронт с двумя задачами — вести подрывную работу в тылу польской армии и выяснить принципы работы организации Савинкова.

Семёнов оказался схвачен польскими властями и препровождён в Варшавскую цитадель, куда по его просьбе приехал Савинков, ходатайствовавший затем перед поляками о его освобождении. После этого Семёнов вернулся в Москву, где встречался с Ф.Э. Дзержинским. Последний отправил Ленину и Троцкому для ознакомления его донесение, где шла речь о договорённости с Савинковым об организации покушения на советских лидеров²⁸. Туманность и странность отношений с Савинковым, а позже общение с Дзержинским настолько не понравились членам МПСР, что было назначено партийное следствие, закончившееся исключением Семёнова.

В отчёте о командировке в Польшу Семёнов писал: «Я решил прибегнуть к плану, мною намеченному ещё до отправки на работу и своевременно изложенному товарищу Верховскому: воспользовавшись старым знакомством с Савинковым, заявить, что цель моей поездки в Варшаву — получить [при] непосредственной его помощи техническую подготовку и средства для организации террористических актов на членов Советского правительства. Согласно моему указанию на Савинкова он был вызван на очную ставку со мною и после продолжительной беседы дал письменное ручательство за мою лояльность по отношению к польскому правительству. В силу этого ручательства 24-го сентября я был освобождён». Далее сообщалось «о тех террористических поручениях, которые Савинков дал Семёнову для совершения актов против советских вождей и о полученных им от Савинкова 100 000 руб. царскими деньгами и обеспечении дальнейшей денежной помощью»²⁹. Следует отметить, что под фами-

²⁶ См.: *Журавлёв С.В.* Человек революционной эпохи... С. 91.

²⁷ «Меньшинство партии социалистов-революционеров» — организация, возникшая из группы «Народ» в 1919 г., считавшая необходимым в борьбе с белогвардейцами блокироваться с большевиками и отказавшаяся от идеи Учредительного собрания.

²⁸ См. также: *Журавлёв С.В.* Человек революционной эпохи... С. 92; *Войтинский В.* Суд над социалистами-революционерами в Москве // Двенадцать смертников. Суд над социалистами-революционерами в Москве. Берлин, 1922. С. 32—33.

²⁹ ЦА ФСБ РФ, ф. Н-1789, т. 118, л. 150—153.

лией «Верховский» действовал начальник агентурного отдела политотдела Западного фронта, позднее — начальник Регистрационного управления Западного фронта А.К. Сташевский (настоящая фамилия — Гиршфельд).

В фонде Дзержинского, хранящемся в РГАСПИ, удалось обнаружить копию одной из «докладных записок Семёнова», относящуюся, судя по всему, к началу 1921 г., на которой имеется резолюция: «т. Дерибасу. После прочтения прошу мне вернуть». В этой записке Семёнов, в частности, писал: «Что касается террористических планов Савинкова, то по создавшимся у меня впечатлениям, до сих пор единственным практическим начинанием была работа, порученная мне. По моим сведениям, в Пиротехнической школе, помимо меня и тов. Наташи³⁰, ни до моего приезда и ни после никто не обучался. Моей же террористической работе Савинков придавал большое значение, для организации её мне была выдана сумма в 100 тыс. царскими деньгами и обеспечена дальнейшая денежная помощь через агента в Гельсингфорсе»³¹.

В рапорте «на имя члена Реввоенсовета Запфронта, датированном 2 декабря 1920 г. и подписанном ответственным руководителем НВО (Нелегальной военной организации. — К.М.) Верховским», указывалось, что последний, узнав от Семёнова, «что он лично хорошо знаком с Савинковым» и что Савинков вряд ли знает о его переходе в МПСР, «указал Семёнову, чтобы он для обеспечения себе возможности легальной работы в Варшаве и получения взрывчатых веществ и других материалов постарался втесаться в доверие к Савинкову, это даст ему возможность проникнуть, куда нужно будет. Чтобы получить его доверие, Семёнов должен был предложить свои услуги Савинкову произвести террористические покушения на разных наших руководителей»³². Верховским и Семёновым был также разработан хитроумный план по компрометации Савинкова в глазах польских властей, который, впрочем, не реализовался³³.

Далее история делает неожиданный зигзаг: ВЧК, которая, судя по всему, не была в курсе комбинации военной разведки, вдруг окольными путями³⁴ получила информацию о подготовке Семёновым и Савинковым терактов против советских руководителей. Напуганные рассказом первого, чекисты, очевидно, решили, что Савинков или вступил в сговор с эсерами и ведёт с ними совместную борьбу, или тайно манипулирует эсеровским подпольем в ситуации, когда ЦК ПСР в результате преследований и арестов потерял управление им. Это прямо следует из рассказа Н.И. Артемьева о содержании разговоров Дзержинского в тюрьме, куда он явился, с верхушкой эсеровского ЦК. Похоже, поэтому 30 ноября 1920 г. и появилось правительственное сообщение о том,

³⁰ По всей видимости, Наталья Богданова — жена Семёнова, отправленная вместе с ним в Польшу.

³¹ РГАСПИ, ф. 76, оп. 3, д. 226, л. 8 об.

³² ЦА ФСБ РФ, ф. Н-1789, т. 118, л. 150—153.

³³ См.: Морозов К.Н. Судебный процесс социалистов-революционеров и тюремное противостояние (1922—1926): этика и тактика противоборства. М., 2005. С. 165—166.

³⁴ По сведениям эсеров, информация к руководству РКП(б) и ВЧК пришла от польских коммунистов. Так, один из обвиняемых по процессу чекистов (подписался «М.») писал 20 мая 1922 г. В.М. Чернову: «Почему у Вас нет материала о Семёнове, что он в бытность в Польше вошёл в сношения с Савинковым, предложил свои услуги для боевых дел, устраивал там динамитные мастерские и готовил группы для террористической борьбы с большевиками. Всё это стало известно польским коммунистам, и они известили советскую власть о готовящихся покушениях. Это сообщение вызвало большой переполох в Москве, нас чекистов экстренно перевезли из Ярославля в конце 1920 г. в Москву и оставили заложниками, предположив, что это эсеровское дело» (Цит. по: Морозов К.Н. Судебный процесс... С. 166).

что эсеры вместе с Савинковым и Мильераном готовятся использовать индивидуальный террор против большевистских лидеров, и объявившее членов эсеровского ЦК заложниками.

Вопрос, который неизбежно приходит в голову и который неоднократно задавали на процессе с.-р. 1922 г. самому Семёнову: почему же Савинков в 1920 г. настолько поверил ему, что организовал освобождение из варшавской цитадели, а главное — отправил в Москву с заданием организовать убийства советских лидеров? Достаточно ли было для этого лишь их шапочного знакомства в эмиграции и в 1917 г., когда они пересекались в Петрограде (в Военной комиссии Петроградского бюро ЦК ПСР) и дважды на фронте, как утверждал Семёнов? Сам факт их знакомства сомнений не вызывает. Ведь Семёнов, помимо работы в комиссии, был комиссаром 9-й армии, комиссаром 3-го конного корпуса и помощником комиссара Румынского фронта, а Савинков — комиссаром 7-й армии, а затем комиссаром Юго-Западного фронта. По словам Семёнова, Савинков приходил к нему в комиссию по партийной линии как вступивший во фронтовую организацию ПСР. Но ни членство в Военкомиссии, ни исполнение обязанностей военного комиссара вовсе не свидетельствуют о способности человека к такой в высшей степени специфической деятельности, как террористическая.

Примечательно, что на процессе с.-р. Семёнов не смог вразумительно ответить на вопрос члена ЦК ПСР М.А. Лихача о разговорах с Савинковым о покушениях на большевистских лидеров. Из его ответов можно было бы сделать вывод, что в 1918 г. он действовал по указаниям не столько руководства партии эсеров, сколько Савинкова. После прямого вопроса Лихача («Савинков мог приписывать себе безымянный акт, который был всем известен, и о котором публиковала, вероятно, вся пресса, — покушение Фанни Каплан на Ленина, — но каким образом... мог знать Савинков то, о чём никто не знал, что одновременно с покушением на Ленина, или в один и тот же период, происходило покушение на Троцкого и что это покушение было неудачно и ни к чему не привело?») председатель суда Г.Л. Пятаков прервал допрос и стал уводить обсуждение в сторону³⁵. Подобную же позицию занял и прокурор Н.В. Крыленко³⁶. Они понимали, что признание связи Семёнова с Савинковым может привести к тому, что в первом все увидят (пусть и ошибочно) того самого «с.-р. Х», руководившего террористическим отделом СЗРиС. И это развалит всё обвинение, так как Семёнову не будет уже веры как двурушнику, а ПСР предстанет жертвой хитрой и дурно пахнущей махинации.

Тему террористической деятельности СЗРиС на предварительном следствии и на судебном процессе над Савинковым в августе 1924 г. всячески обходили. Но так как замолчать её было нельзя, в первый же день процесса, 27 августа 1924 г., Савинков заявил: «В 1918 г. предполагались покушения на Ленина и Троцкого. Но делалось очень мало... К делу Доры Каплан наш Союз не имел никакого отношения. Я знал, что эс-эры что-то делают, но что именно делают, этого я не знал». Председательствующий В.В. Ульрих зачитал фразу Савинкова о том, что план удался только отчасти, что покушение Каплан удалось лишь наполовину, и спросил: «Как понять эту фразу?» Он ответил: «Это — неудачная фраза. Вы знаете не хуже меня, что в покушении Доры Каплан на Ленина мы не принимали никакого участия. В этой брошюре, которая была

³⁵ Там же, т. 32, л. 520—521, 523—524.

³⁶ Там же, л. 644—646.

предназначена для широкого распространения, я описал правду, но не с такой точностью, с какой говорю вам»³⁷. Эти слова не вызывают доверия и трудно допустить легковерие судей (а до этого, на следствии, чекистов), которые не стали даже задавать дополнительных вопросов. Естественно, что после того, как на процессе 1922 г. следствие и обвинение проигнорировали свидетельства из брошюры Савинкова и его явную причастность к этому делу, обвинив во всем партию эсеров, им ничего не оставалось делать, как сохранять хорошую мину при плохой игре и не интересоваться такими «пустяками», как террористические планы СЗРиС против большевистских лидеров.

Оценивая проблему причастности Савинкова к покушениям на лидеров РКП(б), можно сделать ряд предварительных выводов. Подготовка к покушениям Савинковым и его людьми велась, террористические группы и существование террористического отдела СЗРиС — не вымысел. Представляется, что на следствии и суде 1924 г. Савинков преуменьшал деятельность этих структур, не дав по ним никакой информации. Но было бы опрометчивым считать, что его высказывания в «Le Matin» и в варшавской брошюре, а также записи в непубличных документах — всего лишь хвастовство. Вне всякого сомнения, он был склонен «набивать себе цену» в качестве сторонника решительной борьбы с большевизмом. Но и рисковать репутацией, опускаясь до прямой лжи, особенно в таком вопросе, как присвоение чужого террористического акта, вряд ли стал бы. Думается, что отбрасывать свидетельства Савинкова нельзя. То, что сегодня, на нашем уровне знаний и доступа к архивной информации, мы не видим всей картины, должно служить стимулом для дальнейших поисков с целью её восстановления.

Безусловно, покушение на Ленина имело серьёзные политические и исторические последствия. С одной стороны, произошла консолидация вокруг раненого лидера его партии и части народа, поддерживавшей её, а также усиление позиций большевиков и укрепление их морального духа и воли к победе. С другой стороны, оно послужило для сторонников жёсткой линии удобным поводом к объявлению красного террора и позволило морально и политически обосновать этот шаг. И хотя, по мнению немалого количества современников, а также историков, красный террор начался значительно раньше, пропаганде и советской исторической науке удалось закрепить в массовом сознании, что он стартовал лишь после актов «белого террора» и начался именно вследствие них. Всё это в совокупности повлияло на дальнейшее ожесточение Гражданской войны и её исход в пользу большевиков, которые активно использовали покушения для дискредитации «врагов, наносящих удар из-за угла», и возбуждения против них ненависти, героизации и сакрализации вождя (вождей) и своего дела, для сплочения вокруг них масс. В целом, произошло ровно то, о чём предупреждали противники террора — как, например, Е.М. Ратнер, которая ещё на IV съезде ПСР воскликнула: мы «не должны выносить грозных слов о казни того или другого, ибо можем окружить Ленина ореолом мученичества, не создав ничего»³⁸.

Представляется, что террористическая тактика принесла ПСР как массовой социалистической партии значительно больше вреда и проблем, чем пользы (и в дореволюционный период, и в 1918 г.).

³⁷ Дело Савинкова. Л., 1924. С. 53—54.

³⁸ ЦА ФСБ РФ, ф. Н-1789, т. 69, л. 184.

О телеграммах В.И. Ленина в Пензу в связи с крестьянским восстанием в селе Кучки

Виктор Кондрашин

**About telegrams of V.I. Lenin to Penza
in connection with the peasant uprising in village Kuchki**

Victor Kondrashin

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

DOI: 10.31857/S086956870009257-3

В современной «лениниане» и литературе, посвящённой истории Гражданской войны, одним из ярких эпизодов являются события августа 1918 г. в Пензенской губ., где в с. Кучки Пензенского уезда произошло локальное крестьянское восстание¹. Оно выделялось на фоне других выступлений этого рода на подконтрольной советской власти территории Европейской России тем, что вызвало большой интерес В.И. Ленина. Вождь большевиков отреагировал на эти события очень эмоционально, призвав пензенских большевиков принять самые жёсткие меры для подавления восстания. 9 августа в телеграмме своему эmissару в губернии Е.Б. Бош он потребовал провести «беспощадный массовый террор против кулаков, попов и белогвардейцев», а наиболее «сомнительных» из них «запереть в концентрационный лагерь вне города». Затем последовало указание «с величайшей энергией, быстротой и беспощадностью подавить восстание кулаков», «конфискуя» всё «их имущество» и «весь их хлеб». 11 августа недовольный пассивностью местных коммунистов Ленин направил по прямому проводу за своей подписью, а также подписями наркома продовольствия А.Д. Цюрупы и члена Высшего военного совета РСФСР Э.М. Склянского, записку на имя председателя губисполкома А.Е. Минкина. В ней, в частности, говорилось: «По каждой волости назначайте (не берите, а назначайте) поимённо заложников из кулаков, богатеев и мироедов, на коих возлагайте обязанность собрать и свезти на указанные станции или ссыпные пункты и сдать властям все до чиста излишки хлеба в волости. Заложники отвечают жизнью за точное, в кратчайший срок исполнение наложенной контрибуции. Общее количество излишков по волости определяется предгубисполкомом и губпродкомиссаром на основании данных об урожае 1918 и об остатках хлебов от урожаев прошлых лет. Мера эта должна проведена быть решительно, стремительно и беспощадно за Вашей, губпродкомиссара и военкомиссара, ответственностью, для чего указанным лицам сим даются соответствующие полномочия. Осуществление меры сопроводить обращением к населению листком, в котором разъяснить значение её и указать, что ответственность заложников налагается на кулаков, мироедов, богатеев, исконных врагов бедноты»².

© 2020 г. В.В. Кондрашин

¹ Подробнее см.: Кондрашин В.В. Крестьянство в России в Гражданской войне: к вопросу об истоках сталинизма. М., 2009.

² Ленинский сборник. Т. XVIII. М., 1931. С. 202—203.

Кульминацией ленинских директив стало письмо местному руководству (Бош и Минкину) от 11 августа. В нём повторялась мысль о «беспоощадном подавлении» восстания «кулачья» во имя интереса «всей революции» и предлагалось дать кулакам «образец... последнего и решительного боя». Для этого следовало найти «людей потвёрже» и повесить, «дабы народ видел», не меньше 100 «заведомых кулаков, богатеев, кровопийцев». Затем назначить из их числа заложников, опубликовать их имена, отнять у них весь хлеб, чтобы «на сотни вёрст кругом народ видел, трепетал, знал, кричал: душат и задушат кровопийцев кулаков»³.

Данный эпизод в политической биографии Ленина периода Гражданской войны остаётся дискуссионным, поскольку, с одной стороны, бросает тень на его мифологизированный «светлый образ», сформировавшийся в советское время и активно используемый сейчас определёнными политическими силами, а с другой — даёт основания утверждать, что и Ленин, и вся советская история это сплошной негатив, «тупиковый путь», по которому Россию вели свыше 70 лет. Характерным примером, демонстрирующим позицию апологетов «вождя», является недавняя книга редактора отдела культуры «Российской газеты» Л.А. Данилкина, написанная с большой симпатией к Ленину, в которой автор, обращаясь к вышеназванным телеграммам, заявляет: «Даже если Ленин использовал все эти “перевешаем” как экспрессивные выражения, аналог “ой я тебя сейчас убью”, которые затем в устах более жёстких людей превращались в перформативы, сам факт, что эти записки сохранились, — его ошибка»⁴.

На мой взгляд, при обращении к столь тяжёлой и трагической странице Гражданской войны и роли в описываемых событиях Ленина следует, прежде всего, опираться на достоверные факты и анализировать события в общем контексте ситуации, сложившейся на тот момент в стране. Кроме того, необходимы заслуживающие внимания источники, позволяющие восстановить картину событий. В таком случае отпадёт необходимость домыслов и интерпретаций как причин появления ленинских телеграмм в Пензу, так и их содержания. Изученный мною комплекс источников позволяет указать на объективные и субъективные причины ленинского интереса к пензенским событиям лета 1918 г. Представляется, что они убедительно объясняют накал призывов к применению в отношении восставших крестьян самых решительных мер.

Объективным фактором явилась сложившаяся в первой половине 1918 г. крайне тяжёлая ситуация с продовольственным обеспечением Петрограда, Москвы и других промышленных центров. Доставшийся большевикам от Временного правительства продовольственный кризис, несмотря на все усилия, так и остался не преодолён. Например, с декабря 1917 г. по май 1918 г. из намеченных по плану 137 млн пудов хлеба для снабжения столиц и промышленных центров было получено только 18,4 млн, или около 14%. Это означало, что из положенных в месяц рабочему 25 фунтов хлеба реально он мог получить только 3,5 фунта⁵. В мае ситуация резко ухудшилась из-за потери большевиками житниц Украины, Северного Кавказа, Поволжья и Сибири в результате занятия их антибольшевистскими силами. В это время в Петрограде ели конину, кошек и

³ В.И. Ленин. Неизвестные документы. 1891—1922. М., 2017. С. 246.

⁴ Данилкин Н.А. Ленин. Пантократор солнечных пылинок. М., 2017. С. 664.

⁵ Павлюченков С.А. Военный коммунизм в России: власть и массы. М., 1997. С. 89.

собак⁶. 24 июля председатель Петросовета Г.Е. Зиновьев в телеграмме Ленину сообщал: «Пятый день не выдаём никакого пайка»⁷.

Накормить столицы и промышленные центры не смогла и свободная торговля хлебом, к чему призывали противники большевиков, и попытки организации которой предпринимались органами советской власти в Симбирской и Казанской губерниях. В последнем случае оказалось, что выброшенного на рынок хлеба хватило только на удовлетворение местных нужд⁸, т.е. «вольная торговля» не могла накормить Петроград и Москву. Именно данное обстоятельство подтолкнуло большевиков к ужесточению продовольственной политики и использованию «военно-коммунистических» методов для её осуществления. С этой целью 13 мая вышел декрет ВЦИК и СНК о чрезвычайных полномочиях народного комиссара по продовольствию, 11 июня — об организации комитетов деревенской бедноты⁹. Эти акты санкционировали наступление на сельское хозяйство и российскую деревню в целом как самый быстрый путь спасения городов от голода.

Декрет о чрезвычайных полномочиях Наркомпрода фактически дублировал постановление Временного правительства от 25 марта (7 апреля) 1917 г. «О передаче хлеба в распоряжение государства»¹⁰ («Ни один пуд хлеба не должен остаться на руках держателей, за исключением количества, необходимого для обсеменения их полей и на продовольствие их семей до нового урожая»). Однако он предусматривал более суровые меры к крестьянам: применение вооружённой силы в случае противодействия заготовкам хлеба. Об этом прямо заявлял Цюруп: «Я желаю с совершенной откровенностью заявить, что речь идёт о войне, только с оружием в руках можно получить хлеб»¹¹. В докладе о текущем моменте на IV съезде профессиональных союзов и фабрично-заводских комитетов Москвы 27 июня Ленин назвал предстоящую борьбу за хлеб «борьбой за социализм, за спасение Советской республики», «за социалистический путь развития России»¹².

Наряду с объективными причинами «ленинской твёрдости» по отношению к пензенским крестьянам имелись и субъективные. Прежде всего, не вызывает сомнений факт общего антикрестьянского настроя Ленина. Во многом он был связан с его марксистским взглядом на крестьянство как на неоднородную массу, состоящую из мелкой буржуазии («кулаков»), середняков и бедняков (батраков), которые не имели общих интересов и среди которых союзником пролетариата являлось лишь беднейшее крестьянство, а кулачество выступало непримиримым врагом и крестьян, и советской власти. Средняки же были ненадёжной массой, поскольку ориентировались только на интересы своего хозяйства. В этой связи Ленин готов был действовать против них самым решительным образом, если этого требовали «интересы пролетарской революции». Так, на заседании ВЦИК 29 апреля он заявил: «Да, мелкие хозяйчики, мелкие

⁶ В.И. Ленин. Неизвестные документы... С. 584.

⁷ Ленинский сборник. Т. XVIII. С. 219.

⁸ ГА РФ, ф. 393, оп. 4, д. 14, л. 128; д. 16, л. 262—263; д. 19, л. 20—21; д. 20, л. 96; д. 34, л. 130; д. 35, л. 10; РГВА, ф. 8, оп. 1, д. 344, л. 40, 70 об.

⁹ Протоколы заседаний ВЦИК 4-го созыва. Стенографический отчёт. М., 1920. С. 250, 254.

¹⁰ Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Ч. 2. М., Л., 1957. С. 327—329.

¹¹ Протоколы заседаний ВЦИК 4-го созыва... С. 254.

¹² Ленин В.И. ПСС. Т. 36. М., 1974. С. 449.

собственники готовы нам, пролетариям, помочь скинуть помещиков и капиталистов, но дальше пути у нас с ними разные. Они не любят организации, они — враги её. И тут нам с этими собственниками, с этими хозяйчиками придётся вести самую решительную, беспощадную борьбу»¹³.

«Антикулацкую», а в действительности — антикрестьянскую позицию «вождь» обосновал в письме питерским рабочим «О голоде», напечатанном в «Правде» 24 мая. В нём говорилось: «Голод не оттого, что хлеба нет в России, а оттого, что буржуазия и все богатые дают последний, решительный бой господству трудящихся, государству рабочих, Советской власти на самом важном и остром вопросе, на вопросе о хлебе. Буржуазия и все богатые, в том числе деревенские богатеи, кулаки, срывают хлебную монополию, разрушают государственное распределение хлеба в пользу и в интересах снабжения хлебом всего населения и в первую голову рабочих, трудящихся, нуждающихся. Буржуазия срывает твёрдые цены, спекулирует хлебом, наживает по 100, по 200 и больше рублей на пуд хлеба, разрушает хлебную монополию и правильное распределение хлеба, разрушает взяткой, подкупом, злостной поддержкой всего, что губит власть рабочих, добивающуюся осуществить первое, основное, коренное начало социализма: “кто не работает, тот да не ест”»¹⁴.

Далее следует указать на роль конкретных действий партийных эмиссаров, из-за которых в летние месяцы в Центральной России на почве недовольства крестьян продовольственной политикой произошло 130 выступлений. Наиболее крупные из них имели место в Дмитровском уезде Московской губ., Пореченском и Вельском уездах Смоленской губ., Воронежской, Новгородской, Псковской, Петроградской, Саратовской и других губерниях¹⁵. Тем не менее только восстание пензенских крестьян, причём менее масштабное, чем в других регионах, привлекло внимание Ленина. Объяснить это можно деятельностью работавшей в Пензенской губ. в качестве эмиссара ЦК партии Е.Б. Бош. Она попала туда для организации «продовольственного дела» по личному распоряжению Ленина и председателя ВЦИК Я.М. Свердлова как старая большевичка, хорошо проявившая себя на партийной работе в дореволюционный период и в 1917 — начале 1918 г. на Украине. Именно авторитет и напористость Бош заставили обратить особое внимание на данные события, тем более что она принимала личное участие в «выкачке хлеба» в Пензенском уезде, где и вспыхнуло восстание¹⁶. Причём, по свидетельствам очевидцев, она проявила излишнюю горячность, применив оружие против недовольных реквизициями крестьян.

Подробная информация об обстоятельствах восстания содержится в отчёте Пензенской губчека о работе за 1918—1920 гг., датированном сентябрём 1920 г. В нём подтверждён факт восстания в пяти волостях Пензенского и Мокшанского уездов Пензенской губ. в начале августа 1918 г. Поводом к нему стали действия в с. Кучки Пензенского уезда агитатора продотряда. По моему мнению, им и была Бош. 5 августа, накануне общего собрания, на котором планировалось обсудить продовольственный вопрос и организацию комитета бедноты в Кучках, агитатор в «частной беседе» «больно уколол» беседовавших

¹³ Там же. С. 265.

¹⁴ Там же. С. 357.

¹⁵ *Осипова Т.В.* Российское крестьянство в революции и Гражданской войне. М., 2001. С. 56; *Кондрашин В.В.* Крестьянство в России в Гражданской войне... С. 67.

¹⁶ Хроника Пензенской областной организации КПСС. 1884—1937 гг. Саратов, 1988. С. 58.

с ним крестьян, а затем, опасаясь убийства с их стороны, бежал и вызвал на подмогу находившихся в селе продотрядовцев, которые вооружённой силой разогнали пришедших на собрание жителей и объявили село на военном положении. В ночь на 6 августа возмущённые подобными действиями крестьяне напали на продотряд, а затем в течение дня убили пятерых местных комбедовцев и семерых красноармейцев — членов продотряда. Восстание перекинулось на соседние с Кучками сёла¹⁷.

Именно об этих событиях Ленину и сообщила Бош — причём в весьма эмоциональной форме, судя по ответам «вождя», который поддался на эмоции и потребовал от пензенских коммунистов принять самые жёсткие меры, чтобы не просто подавить «кулацкое» восстание, но продемонстрировать на его примере твёрдость советской власти в проведении продовольственной диктатуры в деревне¹⁸.

Из документов губчека следует, что восстание в Кучках и окрестных селениях подавили отряды губчека и гарнизона Пензы. Однако местные коммунисты не пошли на те радикальные меры по отношению к повстанцам, которых требовал Ленин. Из отчёта губчека следует, что масштабы террора оказались ограниченными. В частности, в Кучках расстреляли 13 наиболее активных участников восстания, в том числе сельского священника¹⁹. При этом никто не был повешен или заключён в концентрационный лагерь.

Почему же оказались не выполнены ленинские распоряжения? Более того, никто не понёс за это наказаний. Ответ содержат мемуары одного из активных участников тех событий В.В. Кураева — тогдашнего председателя Совета губернских комиссаров. В них, в частности, сообщалось: «21 августа на заседании губисполкома председатель А.Е. Минкин отметил: “Товарищ Ленин давал самые строгие приказы расправляться с повстанцами, арестовывать, расстреливать, брать в заложники кулаков. Ввиду неимения сил и ввиду того, что в губернии было одновременно несколько восстаний, точно привести в жизнь указания товарища Ленина нам не удалось. Товарищ Бош сообщила об этом в центр, обвиняя меня в излишней мягкости и чуть ли не в саботаже... Я дал товарищу Ленину точные сведения о положении в губернии, об имеющихся у нас силах и причинах неисполнения приказов центра, после чего его отношение к нашей деятельности изменилось”»²⁰.

Таким образом, причинами невыполнения директив явились массовость крестьянского протеста, отсутствие у местной власти кадров для проведения карательных акций и явный конфликт местных большевиков с присланной им в помощь эмиссаршей ЦК, которая своей излишней активностью мешала работать и создавала нервозность во взаимоотношениях с Москвой, не говоря уже о её действиях как продовольственного агента. В конечном итоге Ленин отозвал Бош, призвал пензенских коммунистов прекратить склоку и заняться важным делом — размещением эвакуированной из Петрограда Экспедиции

¹⁷ Советская деревня глазами ВЧК—ОГПУ—НКВД. 1918—1939. Документы и материалы. Т. 1. 1918—1922 гг. / Под ред. А. Береловича, В. Данилова. М., 2000. С. 306—307.

¹⁸ Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. 1870—1924. Т. 6. М., 1975. С. 41, 46, 51, 55; Ленин В.И. ПСС. Т. 50. М., 1970. С. 143—144, 148, 149, 156.

¹⁹ Советская деревня глазами ВЧК—ОГПУ—НКВД... Т. 1. С. 307.

²⁰ Василий Владимирович Кураев: ...Об одном из тех, кто был уничтожен. М., 1999. С. 118.

заготовления государственных бумаг, призванной наладить печатание советских денежных знаков²¹.

Представляется, что телеграммы Ленина в Пензу в связи с крестьянским восстанием в с. Кучки — объяснимая реакция политического деятеля и эмоционального человека, который действовал в экстремальных условиях, под влиянием информации, полученной от доверенного источника и требовавшей незамедлительных мер. Она свидетельствует о его решимости и твёрдости, каковые были присущи большевистскому руководству в целом и позволили победить своих политических противников.

²¹ Ленин В.И. ПСС. Т. 50. С. 161, 166, 171.

Переход от «военного коммунизма» к нэпу — ради крестьян или рабочих?

Юрий Жуков

The transition from «war communism» to NEP — for the sake of peasants or workers?

Yuriy Zhukov

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

DOI: 10.31857/S086956870009258-4

Вот уже без малого 100 лет, как большинство отечественных и зарубежных историков не сомневаются, что отказ от «военного коммунизма» начался с доклада председателя СНК РСФСР В.И. Ленина X съезду РКП(б) 15 марта 1921 г. При этом данный шаг был сделан исключительно для облегчения положения замученных продразвёрсткой крестьян. Между тем материалы, хранящиеся в РГАСПИ, свидетельствуют об ином. Сокрушили «военный коммунизм» рабочие Петрограда и Москвы. Открытыми выступлениями, забастовками они показали, что, следуя прежним курсом, большевики потеряют своего единственного союзника — пролетариат.

Практику «военного коммунизма» всегда связывали с продразвёрсткой — принудительным изъятием государством у крестьян сельскохозяйственной продукции. При этом забывают о том, что продразвёрстка началась ещё в конце 1916 г. Официально же её ввело Временное правительство 25 марта 1917 г. законом о хлебной монополии, согласно которому крестьяне обязаны были сдавать государству хлеб по твёрдым ценам, за исключением потребного для посева и личного потребления¹.

Следующий признак «военного коммунизма» — нормированное распределение продуктов питания и предметов широкого потребления — тоже не является присущим лишь Советской России периода Гражданской войны. Такое распределение было характерно для всех крупных держав — участниц Первой мировой войны (Великобритании, Германии, Франции и Австро-Венгрии), став одной из производных военной экономики.

В действительности наиболее яркой чертой «военного коммунизма» оказалась милитаризация труда, свойственная лишь РСФСР, но длившаяся чуть более года. 28 ноября 1919 г. возглавлявшийся Лениным Совет рабочих и крестьянской обороны (СО, с апреля 1920 г. — СТО) принял постановление, изменившее всю внутреннюю политику страны. В нём указывалось: «В целях обеспечения важнейших государственных учреждений и предприятий необходимым составом рабочих и служащих с наименьшим ущербом интересам этих учреждений и предприятий к делу укомплектования Красной армии... правильная и непрерывная работа которых признаётся государственно необходимой,

© 2020 г. Ю.Н. Жуков

¹ Хитрина Н.Е. Аграрная политика Временного правительства в 1917 году. Н. Новгород, 2001. С. 19—20.

могут быть обеспечиваемы надлежащим личным составом милитаризацией таковой:

а) весь личный состав его, без различия пола и возраста, лишается права оставлять службу в нём по собственному желанию и может быть уволен не иначе, как с согласия соответствующего органа управления; б) самовольное оставление службы карается как дезертирство по законам военного времени; в) рабочие и служащие, сверстники коих по возрасту и своему званию уже призваны в данной местности на действительную воинскую службу, также считаются состоящими на таковой»².

Таким образом, библейский принцип «не работающий да не ест» (закреплённый «Декларацией прав трудящегося и эксплуатируемого народа», первой Конституцией РСФСР и «Кодексом законов о труде»), превратившийся поначалу в чисто декларативную всеобщую трудовую повинность, стал принудительным трудом, отягощённым воинскими порядком и дисциплиной. Явствующими из использования термина «милитаризация» и сути пункта «б», исключаящим возможность для профсоюзов защищать права трудящихся, последние превращались в некое подобие крепостных крестьян. Правда, мотивы данного постановления — интересы укомплектования Красной армии, — недвусмысленно указывая на его инициатора, Реввоенсовет Республики (РВСР), вызывают весьма серьёзные сомнения.

Нельзя объяснить милитаризацию квалифицированных рабочих заботой об армии, достигшей к концу Гражданской войны огромной численности — 5,5 млн человек, впрочем, как и недостатком рабочих рук. Из-за острой нехватки топлива и сырья фабрики и заводы начали повсюду закрываться, что привело к разрыву между предложением рабочих мест и их большим спросом. Следовательно, причиной милитаризации стало нечто иное.

12 января 1920 г. Ленин получил телеграмму от РВС 3-й армии, находившейся на Урале и уже не участвовавшей в боевых действиях. В обращении к Владимиру Ильичу содержалась просьба, явно инспирированная председателем РВСР Л.Д. Троцким: не распускать армию, а, сохранив её как воинское формирование, направить на восстановление народного хозяйства страны. Всецело одобрив эту, более чем странную инициативу, в тот же день глава правительства взял её под защиту на заседании комфракции пленума Всероссийского центрального совета профессиональных союзов (ВЦСПС). Став открытым сторонником выступившего перед ним с защитой трудовых армий Троцкого, Ленин заявил: «Армия... это... аппарат, в котором есть возможность принуждения и дисциплины». Далее, возражая своим оппонентам, он пояснил: «Стыдно говорить об аракчеевщине — это довод дешёвого либерализма, это самая дешёвая демагогия, назвать социалистическую армию, которая развила эту дисциплину как никогда, которая отдала на голодную жертву рабочих Петрограда и Москвы... аракчеевщиной... Чтобы заняться строительством, нужно миллионы рабочих двинуть на работы. Говорят: хорошо, пусть рабочие из армии придут домой. Но никто не идёт не потому, что все знают, что здесь голод. Они останутся в своих местах». В качестве самого веского довода Ленин добавил: «Вы разве не знаете, что [Ж.] Клемансо (премьер-министр Франции с 16 ноября 1917 г. по 18 января 1920 г. — Ю.Ж.) сказал, что “я Польшу и

² Декреты советской власти (далее — ДСВ). Т. VI. М., 1973. С. 318—320.

Румынию двину»?» Как же вы демобилизуете армию?» и заключил: «Всякий разумный рабочий поймёт нас и одобрит»³.

Уже на следующий день Ленин сообщил о вышеназванной телеграмме на заседании СНК, а 15 января СО преобразовал 3-ю армию в 1-ю трудовую. За три следующих месяца таковыми стали ещё семь армий (то же собирались сделать с 7-й, но её «отстоял» член Политбюро ЦК РКП(б) (ПБ) Г.Е. Зиновьев). С 21 января началась официальная (по постановлению СО) милитаризация различных отраслей промышленности: топливной, железных дорог, водного транспорта, машиностроительной и др. Для плановой милитаризации 3 февраля постановлением СО создали Главный комитет по проведению трудовой повинности, который возглавили пять человек: по два представителя от Наркомвоен и Наркомвнудел, один — от Наркомтруда. А завершил своеобразное закабаление трудящихся IX съезд РКП(б), на котором сразу после рутинных отчётов ЦК (Ленина — о политической деятельности и Н.Н. Крестинского — об организационной) Троцкий выступил с основным докладом «Очередные задачи хозяйственного строительства». Этим докладом он фактически признал своё авторство в создании трудовых армий (из красноармейцев — вчерашних крестьян) и милитаризации (из квалифицированных рабочих).

Троцкий отметил, что совсем недавно насчитывалось 1,15 млн рабочих, из которых уже 300 тыс., не пожелавших смириться с новой организацией труда, ушли в деревню, на другие предприятия, «дезертировали». Поэтому наркомвоен предложил некую панацею: «В военной области имеется соответствующий аппарат, который пускается в действие для принуждения солдат к исполнению своих обязанностей. Это должно быть в том или другом виде и в области трудовой. Рабочая масса не может быть бродячей Русью. Она должна быть перебрасываема, назначаема, командироваема точно так же, как солдаты. Это есть основа милитаризации труда, и без этого ни о какой промышленности на новых основаниях серьёзно говорить в условиях разрухи и голода мы не можем».

Далее Троцкий затронул вопрос, который уже заставил отложить первый созыв 3-го Всероссийского съезда профсоюзов с начала марта на 6 апреля, т.е. после съезда партии. «ВЦСПС, — заявил Лев Давидович, — совместно с Комиссариатом труда по соглашению с соответствующими хозяйственными органами (имелся в виду ВСНХ. — Ю.Ж.) перебрасывают рабочих с завода на завод и карают или прибегают к государственному органу для кары по отношению к тем, которые не выполняют их плановых нарядов. Это есть милитаризация рабочей силы, милитаризация промышленности»⁴.

Говоря так, Троцкий выдавал желаемое за действительное. Ведь прикрыть милитаризацию удобнее всего было профсоюзами, но те не спешили подписывать себе смертный приговор. Ещё до начала съезда партии выяснилось отрицательное отношение к такой организации труда председателей ЦК союзов металлистов А.Г. Шляпникова и текстильщиков — И.М. Кутузова, а в ходе съезда — и председателя Президиума ВЦСПС М.П. Томского. Последний, выступая в прениях по докладу Троцкого, заявил: «Для нас многих является неясным — за это, я полагаю, нельзя нас упрекнуть, — что такое милитаризация, и в практическом отношении это до сих пор остаётся непродуманным». И добавил, говоря о Главкомтруде: «В этом комитете несерьёзное отношение к делу.

³ РГАСПИ, ф. 2, оп. 1, д. 12500, л. 3—5.

⁴ Девятый съезд РКП(б). Протоколы. М., 1960. С. 93—94.

Это маниловский подход»⁵. Однако возражения на съезде партии оказались столь малочисленными, нерешительными, что резолюция по докладу Троцкого безоговорочно одобрила «мобилизацию индустриального пролетариата, трудовую повинность, милитаризацию хозяйства и применение воинских частей для хозяйственных нужд»⁶.

Противоположная оценка организации принудительного труда прозвучала на открывшемся 6 апреля 3-м Всероссийском съезде профсоюзов, правда, только из уст делегатов-меньшевиков. Выступивший как содокладчик Ф.И. Дан отстаивал полную независимость профсоюзов, а Р.А. Абрамович язвительно заметил: «Чем же ваш социализм отличается от египетского рабства? Приблизительно таким путём фараоны строили пирамиды, принуждая массы к труду»⁷. Не менее критически отозвались о милитаризации и другие меньшевики. И. Бер, Д.Ю. Далин резко нападали на идеи Троцкого, хотя ни Томский в своём отчётном докладе, ни П.П. Глебов-Авилов, член президиума ВЦСПС, ни словом о том не обмолвились.

Тем не менее большевистской фракции съезда удалось провести такую итоговую резолюцию, в которой хотя и не поддерживалась, но и не осуждалась милитаризация труда: «3-й Всероссийский съезд профсоюзов приветствует переход к практическому проведению всеобщей трудовой повинности и считает, что в этой работе союзы должны: 1. Неуклонно следить за тем, чтобы работников во всех учреждениях, предприятиях и хозяйствах не переводили на другие работы без разрешения соответствующих союзных органов...; 3. Участвовать в проведении контроля как за правильным привлечением населения к повинности, так и за целесообразным и рациональным использованием привлекаемых; 4. Участвовать в установлении норм выработки и развёрсток, возложенных на привлечённых по трудовой повинности; 5. Участвовать в контроле за соблюдением всех положений Кодекса законов о труде»⁸.

Несмотря на расплывчатую, даже противоречивую резолюцию, шесть месяцев спустя профсоюзы отказались от столь оппортунистической позиции. Поводом послужила реорганизация по предложению Троцкого Центрального комитета союза железнодорожного и водного транспорта (Цектрана) — ликвидация в нём выборного начала и введение назначенства. Главой его утвердили А.П. Розенгольца, никогда прежде не имевшего отношения к профсоюзам (в годы Гражданской войны он был членом РВСР, РВС ряда армий и фронтов, одним из ближайших соратников Троцкого). Одновременно Розенголец стал начальником Главного политического управления Наркомата путей сообщений (Главполитпути) — органа, повторившего своими задачами и правами на железных дорогах Политическое управление РККА.

Томский пытался обжаловать такое решение Оргбюро, но 25 августа его подтвердило ПБ. И всё же новое возражение последовало на открывшейся 3 ноября 5-й Всероссийской конференции профсоюзов во время выступления члена ЦК РКП(б), члена Президиума ВЦСПС Я.Э. Рудзутака. «*В настоящий момент Гражданской войны* (здесь и далее выделено мной. — Ю.Ж.), конечно, можем несколько поступиться, — констатировал он, — *мы можем организовать*

⁵ Там же. С. 163.

⁶ Там же. С. 406.

⁷ Третий Всероссийский съезд профсоюзов. Вып. 1. М., 1921. С. 97.

⁸ Правда. 1920. 14 апреля.

нечто такое, что в общем и целом не соответствует ни революции, ни словам, которые везде говорятся... А завтра враг будет повержен, и какие меры, какие способы у нас будут, для того чтобы приступить к организации производства? То объяснение, которое мы даём сегодня, что мы должны ввести трудовую мобилизацию и бороться с трудовым дезертирством во имя Гражданской войны, мы не сможем давать при переходе к мирному строительству. Нам нужно найти другую платформу, другой способ поведения»⁹.

На следующий день конференция утвердила тезисы Рудзутака, которые легли в основу его доклада. Узнав об этом, Ленин изменил повестку дня пленума, назначенного на 8 ноября. Вместо обсуждения работы предстоящего VIII Всероссийского съезда Советов членам ЦК РКП(б) следовало рассмотреть единственный вопрос — «О конференции профсоюзов», по которому сразу же появилось два проекта резолюции: Ленин очень осторожно высказал идею сохранить независимость профсоюзов, а Троцкий продолжал настаивать на их огосударствлении, как это уже сделали с Цектраном.

Пленум большинством голосов поддержал Ленина: «ЦК признал, что вопрос, поднятый на профконференции, ещё требует дальнейшего обсуждения, которое может привести к устранению ряда имеющихся в данный момент разногласий среди членов ЦК (т.е. главным образом Ленина с Троцким. — Ю.Ж.)»¹⁰. Кроме того, пленум поручил Зиновьеву сделать на профконференции доклад, разъясняющий не очень ясную позицию ЦК. Но при выполнении поручения Григорий Евсеевич пошёл гораздо дальше. Хотя он ни разу не назвал фамилию Троцкого, фактически обрушился на него и его взгляды. «Если мы посмотрим на нынешнюю мобилизацию рабочих, — вполне откровенно заявил Зиновьев перед членами комфракции конференции, — то мы знаем, что эта мобилизация очень далека от идеи. Что рабочих приходится насильно привозить в город, что 20% из них разбегаются по дороге и что в этих случаях профсоюзам приходится играть роль не гостеприимного хозяина, а помогать нашему государственному аппарату выступать в роли органа принуждения. Профсоюзам приходится тушить стачки, иногда начинающиеся по самому ничтожному, пустому поводу, а иногда происходящими по таким поводам, что нам становится стыдно, что мы что-то прозевали или не заметили... Таким образом, профсоюзы выступают как будто против интересов рабочих... Вместо того чтобы объяснять, считаем возможным прибегать к репрессиям. Мы видим, как вместо того чтобы объяснять, чаще арестовываем. Никто из нас не заикается об арестах и репрессиях... Надо десять раз подумать, прежде чем арестовывать, а у нас десять раз арестовывают, вместо того чтобы десять раз подумать, и ссылаются на милитаризацию... так продолжать нельзя... Мы ясно должны осознать, что это может создать обстановку, похожую на кризис». И в конце выступления докладчик произнёс: «Мы не так глупы, чтобы в полосу, когда войны нет, вести дело теми же самыми методами, как во время войны»¹¹.

Зиновьев добился своего. Сначала комфракция, а затем и все делегаты профконференции поддержали пока ещё весьма обтекаемую, неотчётливую резолюцию пленума. Скорее всего, потому что слышали обещание отказаться от

⁹ Пятая Всероссийская конференция профсоюзов. Стенографический отчёт. Петроград, 1921. С. 65—74.

¹⁰ РГАСПИ, ф. 17, оп. 2, д. 38, л. 1.

¹¹ Там же, ф. 95, оп. 1, д. 17, л. 45—63.

милитаризации труда. Но ни члены ЦК РКП(б), ни делегаты профконференции даже не подозревали, что сделали первый шаг по пути к отказу от практики «военного коммунизма».

1921 год принёс новые напасти. 6 февраля Петроградский комитет РКП(б) (ПК) на очередном заседании вынужден был обсудить положение, сложившееся на промышленных предприятиях старой столицы из-за острой нехватки угля и мазута. Не имея возможности что-либо предпринять, ПК принял уклончивое решение: во-первых, немедленно телеграфировать Ленину как председателю СНК «о тяжелейшем топливном положении в Петрограде», во-вторых, не позднее, как через 48 часов «окончательно решить вопрос о закрытии заводов». Последнее решение гласило: «В принципе должны быть закрыты заводы военной промышленности, учитывая в то же время политическое значение каждого завода в отдельности. Список закрываемых заводов должен быть разработан топливной “пятёркой”, которая должна использовать все предложения товарищей, высказанных на данном заседании». Однако ПК так и не взял на себя ответственность за закрытие предприятий. Это предстояло сделать Петросовету, созыв которого наметили на 9 февраля¹².

Ответ из Москвы оказался весьма оптимистичным. Владимир Ильич заверял: «Вчера Совет обороны решил купить 18,5 млн пудов угля за границей. Продовольственное положение улучшим, ибо сегодня решили дать ещё два поезда под хлеб с Кавказа»¹³. Между тем Петрограду и топливу, и хлеб требовались немедленно, «сегодня». Ведь обеспечить работу предприятий уже было невозможно, почему и пришлось, не дожидаясь прихода судов с углём, всё же закрыть 64 из 79 крупнейших заводов с числом рабочих свыше тысячи человек на каждом (в 1917 г. они давали четверть всей промышленной продукции страны). Среди них были «Путиловский» (машиностроительный и сталелитейный), «Айваз» (машиностроительный), Сестрорецкий (оружейный), «Сименс и Гальске», «Эриксон» (электромеханические), «Треугольник» (производство резины) и др. Так десятки тысяч человек в одночасье лишились не только работы и зарплаты, но и пайков, а главное — будущего.

Причину данного решения Петросовета Зиновьев поспешил разъяснить в статье «Судьба петроградской промышленности и Высовнархоз (ВСНХ. — Ю.Ж.)». Используя беспристрастную статистику, всю вину на произошедшее автор возложил на ВСНХ. В ноябре 1920 г., писал Григорий Евсеевич, петроградские заводы получили вместо предусмотренных 900 тыс. пудов угля лишь 147,3 тыс., всего же за вторую половину минувшего года — не 3 505, а только 2 775 тыс. пудов. Такое же положение сложилось с мазутом: его предприятия Петрограда должны были получить 4 987,7 тыс. пудов в июле—декабре 1920 г., но доставили лишь половину — 2 479,5 тыс.¹⁴

Уже было поздно выяснять, кто виновен в срыве поставок топлива: председатель ВСНХ А.И. Рыков или Троцкий. На улицы Петрограда вышли рабочие. Оказавшись безработными, они требовали топлива для своих заводов и фабрик, для домов, в которых жили, а также хлеба и ликвидации принудительного труда, заградотрядов, не дававших им возможности самим покупать у крестьян продукты, чтобы пополнять уменьшавшиеся с каждым днём пайки.

¹² Там же, ф. 17, оп. 13, д. 753, л. 10.

¹³ Ленин В.И. ПСС. Т. 52. М., 1970. С. 63.

¹⁴ Правда. 1921. 24 февраля.

18 февраля положение стало критическим, и ПетроЧК начала арестовывать рабочих, чтобы дознаться, кто среди них подстрекатели и заводилы¹⁵. Оказалось, что протестное движение стихийно и не имеет руководителей. Тогда 21 февраля ПК разработал программу предложений для назначенных на 22 февраля переговоров с комфракцией бюро петроградских профсоюзов. В программе предусматривалось: «Оставить работать те предприятия, на которых рабочая сила действительно может быть использована. По возможности отпускать трудмобилизованных в деревни, при этом учесть положение на железных дорогах. Обратит внимание на снабжение рабочих продовольствием и прозодеждой из местных ресурсов... В спешном порядке издать листовки, в которых коснуться вопросов свободы торговли, свободы труда и т.д. По возможности выпустить листовки к рабочим, к гарнизону, к крестьянам... Учитывая антисемитские настроения, пересмотреть состав ответственных работников — евреев в Петрокоммуне — Отделе управления, Комгорхозе, чтобы изъять спекулятивные элементы, вызывающие нарекания рабочих»¹⁶. Одним словом, ПК намеревался предложить профсоюзам, значимость которых свели на нет, именно то, что те сами должны были потребовать от Петросовета. Вместе с тем весьма показательным стало намерение ПК вывести из Петрограда трудмобилизованных, т.е. крестьян Северной области, которые вполне могли принести в город недовольство продразвёрсткой и запретом на свободу торговли.

Всё же попытка ПК мирно разрешить возникшее противостояние с пролетариатом, от имени которого партия и осуществляла диктатуру, не удалась. Скорее всего, это произошло из-за ненадёжности петроградского гарнизона, о чём свидетельствовало требование издать обращённые к нему листовки. Поэтому уже 22 февраля бюро губкома удовлетворило просьбу председателя Петроградской губЧК Н.П. Комарова (Ф.Е. Собинова) передать ему «все вопросы, разрешение которых зависит от центра, чтобы он мог их поставить на пленуме ЦК партии». Бюро объявило «мобилизацию 100 коммунистов, работающих в советских учреждениях и умеющих выступать, используя их через агитотдел губкома для выступления на заводах», а также решило образовать «тройку» (бывший член реввоенсовета и исполнявший обязанности командующего 7-й армией М.М. Лашевич, после демобилизации введённый в президиум исполкома Петросовета; представители губполитпросвета и Петроградского военного округа), «в распоряжении которой находились бы все воинские силы, и без её ведома не производился бы ни один арест»¹⁷.

При окончательном формировании «тройка» стала Центральным штабом во главе с Лашевичем, куда вошли председатель Петроградского губкома профсоюзов Н.М. Анцелович и командующий войсками Петроградского военного округа Л.М. Авров. Кроме Центрального штаба, начавшего действовать 22 февраля, в каждом районе Петрограда была сформирована «тройка», состоявшая из парторганизатора, командира коммунистического батальона территориальной бригады и комиссара командных курсов, которых сразу начали снабжать оружием¹⁸.

¹⁵ РГАСПИ, ф. 17, оп. 13, д. 754, л. 6.

¹⁶ Там же, д. 753, л. 13 об.

¹⁷ Там же, д. 754, л. 8.

¹⁸ Там же, д. 753, л. 15.

Посчитав данные меры недостаточными, 22 февраля Бюро ПК дополнило решение следующими уточнениями: «а) Для предприятий работающих. В случае возникновения волнений предприятия закрывать, производить перерегистрацию рабочих и перебрасывать их на другие предприятия. Предприятия группы «Водосвет», электрические станции, мельницы, хлебозаводы, крупные заводы вроде Балтийского, Путиловского должны быть усилены коммунистическими силами, и обращено внимание на снабжение этих предприятий продовольствием и прозодеждой; б) Для предприятий закрытых. Снести с тов. Зиновьевым о демобилизации трудмобилизованных. Немедленно разработать план об их эвакуации на родину, а остающуюся рабочую силу использовать более рациональным способом, в то же время выяснив вопрос с Москвой и о трудармейцах. Обратить внимание на заградительные отряды. Сменив их состав, введя соответствующий контроль, добиться через Москву увеличения норм провоза продуктов рабочими по удостоверениям соответствующих профсоюзов... Начать в газетах кампанию подробного разбора меньшевистских и эсеровских предложений с указанием на их несостоятельность... Предложить агитотделу губкома, чтобы без его ведома никакие собрания не устраивались»¹⁹.

В свою очередь, исполком Петросвета 24 февраля объявил в городе военное положение и восстановил отряды особого назначения, действовавшие во время обороны в 1919 г. В тот же день из-за начавшейся забастовки закрыли Трубный завод и табачную фабрику «Лаферн». Туда запретили пускать рабочих, а «в зависимости от хода событий» Бюро ПК и Центральному штабу поручили принять «экстренные меры к охране электрических станций “1896 год” и “Обуховская”»²⁰. Также 24 февраля ПК постановил: «Военное положение входит в силу с момента фактического опубликования. Хождение по улицам разрешается до 11 часов вечера... Иметь в районах дежурную роту днём и ночью. С работающих предприятий снимать коммунистов только с разрешения Главного штаба... Поручить Центральному штабу в кратчайший срок снабдить районы оружием... Провести мобилизацию коммунистов с военным опытом по указанию ПУокра (Политического управления округа. — Ю.Ж.) для партийной работы (агитационной и пр[оч].) и по казармам... Выпустить обращение к рабочим от имени курсантов и Военной секции. Поручить ПТО (Петроградскому театральному отделу. — Ю.Ж.) закрыть театры несерьёзного характера по указанию районных штабов. Арестовать руководящую интеллигентскую группу с[оциалистов]-р[еволюционеров] и меньшевиков, аресты остальных руководящих групп поручить произвести ЧК по предварительному соглашению с районами»²¹.

С кем власти Петрограда готовились к вооружённым столкновениям на улицах города? Разумеется, с рабочими, а может быть, ещё и с красноармейцами гарнизона, так как о них трогательно позаботились: «Петрограду и районным комитетам немедленно приступить к действительному улучшению топливного положения в казармах»²².

Тем временем обстановка накалялась с каждым днём не только в Петрограде, но и в Москве. 24 февраля начальник Всеобуча и частей (или отрядов)

¹⁹ Там же, д. 754, л. 8 об.—9.

²⁰ Там же, д. 753, л. 15 об.

²¹ Там же, л. 15.

²² Там же, л. 15 об.

особого назначения Н.И. Подвойский и его заместитель К.А. Мехоношин сообщили Ленину: «Вчера на заседании ответственных работников в зале Московского совета в докладе секретаря МК тов. [В.Н.] Яковлевой было указано, что первая волна недовольства рабочих, возбуждённых голодом и на почве его организуемых антисоветскими партиями, была недели три назад — стачка металлистов, но схлынула. Неожиданно(!) вторая волна, более серьёзная, поднялась сегодня... Доклад тов. Яковлевой не точен. “Неожиданность” “второй волны” — признак окостенения московской организации и профсоюзов, их оторванность от масс и неспособность провести программу, которая вытекает из логики... На собрании беспартийной конференции один металлист говорил, что в царском строе министров за ошибки гнали, и заметил, что надо весь Совнарком погнать»²³.

В действительности Яковлева либо не знала, либо не хотела знать истинного положения дел в Москве. Ведь «первая волна» забастовок поднялась ещё 27 января на крупнейших предприятиях столицы (станкостроительный завод «Бромлей», машиностроительный — «Г. Лист», будущие «Красный пролетарий» и «Красный факел»). Это была та «волна», что заставила Бюро МК разрешить профсоюзу металлистов провести на данных предприятиях собрания с чёткой программой, касавшейся проблемы катастрофической нехватки продовольствия и слишком низких тарифных ставок. «Второй волной» для Яковлевой стало присоединение 23 февраля к уже бастовавшим предприятиям ещё одного — завода «Гужон» (позже «Серп и молот»). Вот это и заставило Бюро МК пойти на отчаянные меры: фактически объявить всеобщую мобилизацию коммунистов города (мужчин 17—50 и женщин 17—45 лет), зачислить их в отряды особого назначения, снабдив «полным комплектом оружия»²⁴.

Действия Бюро МК вынудили ПБ принять 24 февраля решение «О положении в Москве», призванное предотвратить кровопролитие и не допустить отрыва пролетарской партии от самого пролетариата: «Рассмотреть вопрос о разгрузке Москвы, Петрограда по политическим соображениям от трудмобилизованных, обсудив, в каких размерах и в каком порядке провести эту разгрузку и руководствуясь тем, что ЦК требует это немедленно... В связи с топливным кризисом и отпуском трудмобилизованных провести ускоренное закрытие менее необходимых предприятий, рассмотреть вопрос о роспуске откомандированных из армии на фабрики и заводы, сверстники которых демобилизованы. Распространить широко меры предосторожности и усиленной пропаганды, *во что бы то ни стало избегая столкновения между рабочими и красноармейцами, двинув для этого в районы отряды коммунистов без оружия...* Арестовать прежде всего лиц, не связанных непосредственно с фабрикой и заводом, и предоставить в ЦК свои соображения о сроках арестов второй очереди более широких кругов, ведущих сейчас контрреволюционную агитацию»²⁵.

Начиная аресты, ЦК не пренебрегал и пропагандой. По сути, отвечая на требования петроградских и московских трудмобилизованных (вчерашних крестьян), 17 и 26 февраля «Правда» опубликовала как дискуссионную статью известного социолога П.А. Сорокина и заведующего московским губземотделом М.И. Рогова «Развёрстка или налог?». Оба автора, опираясь на данные доклада

²³ Большевицкое руководство. Переписка. 1912—1927. М., 1996. С. 167—168.

²⁴ РГАСПИ, ф. 324, оп. 2, д. 13, л. 73.

²⁵ Там же, ф. 17, оп. 2, д. 57, л. 1—2; Большевицкое руководство... С. 190.

члена коллегии Наркомзема И.А. Теодоровича, сделанного на VIII Всероссийском съезде Советов, пришли к выводу: сокращение посевных площадей и падение урожайности являются причиной обеднения деревни, превращения её в самопотребляющую, т.е. больше не производящую товарной продукции. Поэтому Сорокин и Рогов предложили: «В целях укрепления крестьянского хозяйства и увеличения интенсивности производительности его развёрстка как форма государственной заготовки продовольствия, сырья и фуража заменяется натуральным налогом».

Эта публикация стала, скорее, зондированием отношения членов партии к возможности такого рода реформы, но, может быть, и завуалированным предложением отвергнуть идею продналога. Ведь не случайно Ленин многократно уничижительно отзывался о работах Сорокина, о чём редакторы и читатели «Правды» не могли не знать. Одновременно «Правда» начала публиковать передовицы (короткие статьи на первой полосе), резко критикуя требования, выдвигавшиеся петроградскими рабочими, не объясняя того, что происходило в колыбели революции. Так, в опубликованной 25 февраля первой статье такого рода «Враг не дремлет» утверждалось: «Рабочие должны знать, что когда создаются на фабриках, заводах и предприятиях затруднения продовольственные, топливные, производственные, то есть единственный путь преодоления — выяснение положения с представителями тех хозяйственных органов, которые это дело ведают, со своими избранными представителями в союзах и Советах. Лучше всего раньше выяснить положение и потом предъявлять требования, так как только тогда может быть найден выход».

«У нас, — отмечалось в передовице «Правды» от 27 февраля «Улучшать или разрушать», — плохие главки и центры? Проконтролируем их, обреvizуем, увидим — что плохо, снимем кого нужно, исправим... Именно по этому пути идёт московский опыт, именно так и нужно лечить себя... Стойте, товарищи, на сторожевом посту. Охраняйте наш порядок. Не давайте спуска ни тем, кто портит своим мошенничеством, своими чванливыми нравами, своим бюрократизмом, ни тем, кто, притворяясь друзьями народа, хочет привести втихомолку колчаковщину». 1 марта в статье «Обнаглевшим врагам рабочего класса» редакция газеты обрушилась на меньшевиков и эсеров, выпустивших в Петрограде «гнусные прокламации, организующих забастовки», призвав: «За работу, друзья и товарищи! Дружно за дело, с верой в победу, с верой в торжество труда!».

Между тем ситуация в Петрограде стала критической, а 27 февраля она ухудшилась настолько, что Зиновьев, вынужденный обратиться за помощью к ПБ, настаивал: «1. Сегодня же дать директиву Наркомпроду о том, что по серьёзнейшим политическим соображениям необходимо напрячь все силы, чтобы продержать город Петроград и его гарнизон в течение минимум трёх недель на нынешнем пайке. 2. Предложить Наркомпути пересмотреть вопрос о предоставлении Питеру 7 продмаршрутов в Сибирь, с тем чтобы эти маршруты заблаговременно продвигались к Екатеринбург и Тюмени. 3. Ассигновать сегодня же 20 миллионов рублей золотом специально для закупки предметов первой необходимости питерским и московским рабочим и послать с этой целью кроме наших уполномоченных по два-три беспартийных рабочих»²⁶.

Кроме того, Зиновьев предложил самый приемлемый, с его точки зрения, способ объяснить происходившее в Петрограде (недовольство рабочих выража-

²⁶ РГАСПИ, ф. 324, оп. 2, д. 13, л. 73.

лось слишком бурно и не первый день) и в то же время снять ответственность с бастующих. Он счёл необходимым обвинить во всём меньшевиков: мол, в городе появились прокламации (что было правдой), которые подстрекают рабочих выступать против власти, «обнаруживают характер контрреволюционной агитации»²⁷. Значит, основной удар следовало нанести именно по меньшевикам — врагам большевиков.

Данное объяснение, вполне устроившее ПБ, было им почти дословно использовано 28 февраля при принятии решения. Его первая часть гласила: «а) дать сегодня директиву Наркомпроду о том, что по серьёзнейшим политическим соображениям необходимо напрячь силы, чтобы поддержать город Петроград и его гарнизон в течение минимум 3-х недель на нынешнем пайке; б) предложить НКПС пересмотреть вопрос о предоставлении Питеру 7 маршрутов в Сибирь, с тем чтобы заблаговременно продвигались к Екатеринбург и Тюмени; в) ...СТО сегодня же ассигновать фонд до десяти миллионов рублей золотом на закупку предметов первой необходимости для рабочих, поручив Наркомвнешторгу послать с этой целью специальную делегацию за границу для ускорения и привлекая в эту делегацию представителей ВЦСПС».

Вторая часть решения включала меры репрессивного характера: «Арестованных меньшевиков не освобождать, поручить ЧК усилить аресты меньшевиков и эсеров, не исключая одиночек-рабочих, особенно в тех случаях, когда они выделяются своей активностью... Срочно запросить ВЧК о деятельности анархистов и других несоветских партий в связи с теперешними контрреволюционными выступлениями».

Наконец, решение содержало и персональное поручение Политбюро Ленину: в своём выступлении 28 февраля на заседании пленума Моссовета «поставить во главу угла оценки положения в РСФСР» содержание записки Зиновьева²⁸. Это поручение Владимир Ильич выполнил более чем своеобразно, повторив то, о чём говорил на собрании партактива Москвы ещё четыре дня назад. Тогда, оценивая ситуацию, Ленин, во-первых, сообщил, что «улучшения с продовольствием не будет. Запасов мы не оставили. Сейчас всё должно быть направлено на то, чтобы устоять, с максимальной устойчивостью вынести настоящее положение». Отсутствие хлеба он объяснил кулацкими восстаниями: «В бандитизме чувствуется влияние эсеров. Главные силы их за границей. Они мечтают каждую весну свергнуть советскую власть». Во-вторых, глава правительства уведомил слушателей, что «ухудшение распространилось и на топливо. Здесь нет точных цифр, ясного вывода сделать нельзя и нельзя также определить причины топливного кризиса... Мы принуждены останавливать предприятия и этим нарушать работу тех фабрик, которые даже имеют топливо... Топливный кризис сказался и на текстильных предприятиях, и они не в состоянии выполнять даже минимальную программу». Закончил выступление председатель СНК столь же пессимистически: «Мы пришли к выводу, что *имеется недовольство общего характера*». Однако поиск выхода из ситуации был отложен на будущее: «Съезд решит, а сейчас мы на боевом посту»²⁹.

²⁷ Меньшевики в большевистской России. Меньшевики в 1921—1922 гг. М., 2002. С. 113—118.

²⁸ РГАСПИ, ф. 17, оп. 163, д. 117, л. 6—7; фрагментарно: Казанцев Б.Н. Материалы государственных, партийных и профсоюзных органов // Трудовые конфликты в Советской России. 1918—1929 гг. М., 2010. С. 48—49.

²⁹ Ленин В.И. ПСС. Т. 42. М., 1970. С. 348—350.

На пленуме Моссовета, уже получив послание Подвойского и Мехоношина, Ленин почему-то не захотел даже обмолвиться о забастовках и настроениях рабочих. Остановившись на продовольственном кризисе, он прежде всего признал ошибки, допущенные партией: «Когда был составлен план развёрстки, то успех показал нам возможность улучшения. Народ наголодался так, что нужно было улучшить его положение во что бы то ни стало... Мы не рассчитали, что если мы сделаем хорошо сейчас, то трудно будет в конце, и это было той ошибкой, благодаря которой мы стоим перед продовольственным кризисом теперь... Ту же самую ошибку мы сделали и с топливом». Но, говоря о нехватке продовольствия (что и будоражило рабочих Петрограда и Москвы), Ленин поначалу не сообщил ничего нового, продолжал отстаивать продразвёрстку, сведя её к самой примитивной форме. «Выдать тому, — говорил он, — кому больше всего нужно, и взять с того, кто имеет большие излишки». По убеждению председателя СНК, такие излишки имелись у крестьян Украины, Северного Кавказа, Сибири. Трудности заключались лишь в том, что крестьяне «привыкли считать, что за такие излишки отдай им товары. Но откуда их взять, когда стоят фабрики. Ведь чтобы их пустить, нужно время».

Называя регионы, производившие хлеб, Ленин подчёркивал: «Зажиточное крестьянство там развращено. Оно не может понять, что есть рабоче-крестьянское правительство и что раз оно берёт хлеб, то для того, чтобы обеспечить положение рабочих и крестьян. До тех пор, пока мы не добьёмся там полного освещения всех этих вопросов, мы не перестанем получать известия о беспорядках, бандрах, восстаниях. Это неизбежно, потому что неизбежны темнота, распылённость и озлобленность отдельных крестьян, которые остались нам в наследство от капитализма, которых нам нужно перевоспитывать годами. Это мы видим каждую весну».

И всё же в конце речи Ленин упомянул об альтернативе продразвёрстки, о чём уже писали Сорокин и Рогов. Как бы мимоходом он заметил: «Когда беспартийные крестьяне говорят нам: “Давайте сообразовывать расчёт с тем, что мелкому крестьянину нужно, ему нужна уверенность — столько-то я дам, а потом хозяйничаю”, мы говорим: да, это дело, тут есть здравый смысл, совершенно соответствующий местным условиям. И пока мы не имеем машин, пока крестьянин не захочет сам перейти от мелкого хозяйства к крупному, *мы с этой мыслью считаться склонны* и на съезде партии через неделю вопрос этот поставим, разберём и *вынесем решение, которое удовлетворит беспартийных крестьян... и широкие массы*».

Так, даже за неделю до съезда глава правительства не отважился открыто объявить, что поддерживает отказ от продразвёрстки. Что же касается сообщения Зиновьева, которое Ленин должен был поставить «во главу угла» своего выступления, то происходившее в Петрограде и Москве было сведено к поискам классового врага. «Вот от тов. Зиновьева из Петрограда, — заявил Владимир Ильич, — я имею телеграмму, где говорится о том, что в связи с проведёнными там арестами (кого, почему — не объясняется. — Ю.Ж.) у одного из задержанных найден листок, из которого ясно видно, что он является разведчиком заграничных капиталистов. Дальше имеется листок под заглавием “К верным” с контрреволюционным содержанием. Затем тов. Зиновьев сообщает о том, что в Петрограде расклеены листовки меньшевиков, в которых они призывают к забастовкам, а здесь, в Москве, раздули слух о какой-то демонстрации.

На самом деле был провокационный выстрел, которым был убит один коммунист. Это — единственная жертва этих несчастных дней»³⁰.

Ленин оставил тайным, сделал явным (но только для предельно узкого круга лиц) внутренний приказ ВЧК от 28 февраля 1921 г. От всех губЧК требовалось: «2. Изъять (т.е. арестовать. — Ю.Ж.) активных эсеров, меньшевиков и анархистов, *работающих на заводах и призывающих к забастовкам, выступлениям и демонстрациям*. Действовать особенно осторожно по отношению к рабочим и принимать... к ним репрессивные меры лишь при наличии конкретных данных об их контрреволюционной деятельности. 3. Решения об арестах лиц из рабочей среды принимать совместно с парткомами и всю эту работу обязательно согласовывать с ними. 4. Воздействовать на парткомы, губисполкомы и пр[оч]. в целях развития максимальной деятельности в направлении удовлетворения нужд рабочих. 5. ...Особенно зорко следить, чтобы все белогвардейские элементы из комсостава не подстрекали красноармейцев пускать в ход оружие против рабочих... 7. В случае выступления рабочих на улицу разлагать толпу включением в её состав своих людей — коммунистов. 8. На виду толпы арестов отнюдь не производить. 9. Обо всех забастовках и событиях подобного рода срочно доносить в ВЧК информационными телеграммами»³¹.

Итак, в тот же день — 28 февраля — «забастовки, выступления и демонстрации» петроградских рабочих, потребовавших защиты своих законных прав, отнесли к «контрреволюционным» деяниям, да ещё и тесно связанных с активностью эсеров, меньшевиков и анархистов. Между тем петроградские меньшевики своей прокламацией от 27 февраля отнюдь не стремились ни подтолкнуть рабочих к действиям, ни возглавить их, а всего лишь констатировали события. «Чаша терпения переполнилась, — отмечали меньшевики. — Голод и холод выгнали вас на улицу. Не боясь направленных против вас “рабоче-крестьянской” властью штыков и пулемётов, вы вышли и заявили: так дальше жить нельзя... Сотни наиболее сознательных и мужественных рабочих были схвачены и брошены в тюрьмы. Аресты продолжаются и сейчас... Товарищи, поддерживайте революционный порядок. Организованно и настойчиво требуйте освобождения всех арестованных социалистов и беспартийных рабочих; отмены военного положения; свободы слова, печати и собраний для всех тружеников; свободных пере выборов завкомов, профсоюзов и Советов»³².

Выступление Ленина на пленуме Моссовета «Правда» опубликовала через день, 2 марта. На следующий день жители старой столицы прочитали в городских газетах и расклеенных на стенах домов листовках воззвание «Ко всем труженикам и труженицам Петрограда», подписанное М.И. Калининым (председатель ВЦИК) и Г.Е. Зиновьевым (председатель Петросовета). Последний взял на себя смелость до открытия X съезда партии объявить о начале ломки системы «военного коммунизма».

Начиналось воззвание признанием катастрофического положения, о котором говорил Ленин: «Республика наша вновь переживает трудное время. Наступила весна, а весна все три года была для советской страны самым трудным временем. С хлебом плохо, с топливом плохо, с железными дорогами плохо. А Петрограду приходится особенно плохо. Из-за недостатка топлива нам

³⁰ Там же. С. 353—366.

³¹ Лубянка. Органы ВЧК—ОГПУ—НКВД—МГБ—КГБ. 1917—1991. М., 2003. С. 380—381.

³² Меньшевики в большевистской России... С. 113—114.

пришлось на время остановить часть наших фабрик и заводов. Это вызвало у рабочих понятную тревогу и недовольство. Из-за ряда причин нам пришлось на время сократить пайки. И это тоже вызвало законное недовольство». Далее в воззвании перечислялось то, что вроде бы делали: «Советская власть уже купила за золото за границей 10 миллионов пудов угля для Петрограда. Скоро мы начнём его получать, и опять оживут наши заводы. Советская власть даёт нам 7 маршрутных поездов за хлебом, и мы пошлём с этими маршрутами беспартийных представителей от всех крупнейших фабрик и заводов».

Сообщалось и о том, что делает Петросовет: «Советская власть всё готовила для того, чтобы питерские рабочие могли обработать и засеять в этом году побольше огородов... На этих днях будет приступлено к распределению сорока тысяч пар сапог, которые, конечно, будут выдаваться тем, кто работает, а не тем, кто вольтнист (бастует. — Ю.Ж.)». Затем возвещалось о ликвидации важнейших деталей «военно-коммунистической» системы: «Всех рабочих, пришедших из деревни по трудовой мобилизации в Петроград, решено распустить немедленно, ибо они находятся в особенно тяжёлом положении. Красноармейцев трёх последних возрастов, временно задержанных в казармах в Питере и Москве, также решено распустить по домам... Ввиду желания, высказанного некоторыми фабриками и заводами, будет приступлено к созыву беспартийных рабочих конференций (профсоюзных собраний. — Ю.Ж.)».

Наконец, сообщалось о главном для сельского хозяйства страны: «Советская власть для облегчения положения всех крестьян России намечает переход от хлебной развёрстки к натуральному хлебному налогу, с тем чтобы лишь определённый процент хлеба шёл государству, а остальное — в полное распоряжение хозяина». Но завершалось воззвание угрозой: «Петроградский Совет предупреждает всех и каждого: ввиду провокаций белогвардейцев в Петрограде установлено военное положение. Всякий, кто посмеет нарушить революционный порядок, тот поплатится головой».

Там были и два прямых обращения к петроградскому пролетариату: «Вы были всегда опорой революции. Вами гордилась вся революционная Россия. Вы должны и теперь стать в первых рядах защитников рабоче-крестьянской революции»; «Петроградский Совет просит более передовых рабочих разъяснить положение более отсталым. Питерские рабочие должны, как и подобает сознательным рабочим, организованно преодолеть все препятствия и пережить трудное время. К станкам! На работу! К единству братских рядов всех тружеников Петрограда и России!»³³. Эти пункты воззвания естественны и понятны. Они — пусть пока ещё и обещания, но вполне конкретные, которые должны были если не снять, то хотя бы значительно ослабить напряжённость, угрожавшую восстанием.

Однако резким диссонансом прозвучало положение воззвания, касавшееся крестьян России. В связи с этим возникает вопрос: почему Калинин и Зиновьев, формулируя этот пункт, были столь категоричны? Конечно, они не преминули использовать сказанное Лениным 28 февраля. Вполне возможно, оба лидера использовали ещё один источник — проект постановления ЦК, представленный в тот же день комиссией в составе члена ПБ, председателя исполкома Моссовета Л.Б. Каменева, наркома продовольствия А.Д. Цюрупы и заместителя наркома земледелия Н. Осинского (В.В. Оболенского). В этом

³³ РГАСПИ, ф. 324, оп. 2, д. 13, л. 67—72.

проекте, который был снят с обсуждения (видимо, потому, что ещё до съезда партии требовалось решить проблему, связанную с немедленным расширением посевных площадей, резко сократившихся в 1920 г.), предлагалось: «В целях укрепления сельского хозяйства, увеличения засевов и поднятия производительности сельского хозяйства *развёрстка как способ государственной заготовки продовольствия, сырья и фуража заменяется натуральным налогом*» (повторялось ранее предложенное Сорокиным). Затем раскрывалась суть натурального налога: «Он взимается в виде процентного отчисления с засеянной десятины исходя из урожая, количества трудоспособных членов хозяйства и фактического наличия скота в хозяйстве... Общая сумма налога должна быть рассчитана на 1921 год в 350 миллионов пудов хлеба в зерне... Все запасы продовольствия, сырья и фуража, остающиеся у земледельцев после выплаты ими налога, находятся в полном их распоряжении и могут быть использованы в местном хозяйственном обороте. Наркомпрод создаёт специальный фонд хозяйственного инвентаря, оборудования и предметов широкого потребления, каковой расходуется исключительно как натуральная оплата за предметы продовольствия, сырья и фуража, сдаваемые производящим населением государству добровольно по выполнению причитающегося с них налога. ВСНХ даётся задание передать в 1921 году НКПроду такое количество тканей, соли, керосина, предметов сельскохозяйственного инвентаря, которое обеспечило бы добровольное поступление сверх плана 30 миллионов пудов хлеба, то есть вызвало бы расширение запашки на 1 миллион десятин»³⁴.

Скорее всего, данный проект Зиновьеву передал Каменев. Однако пункт воззвания: «Намечается переход от хлебной развёрстки к натуральному хлебному налогу» даже в предельно сокращённом виде и при отсутствии обещания свободы торговли лишь отчасти намекал на будущий нэп. Речь шла о простом товарообмене между городом и деревней. То, что 10 марта Ленин предлагал А.И. Рыкову, Х.Г. Раковскому (председателю СНК Украины) и Цюрупе: «Практически заинтересовать с одной стороны крестьян, а с другой — кустарей и фабрично-заводское население в обмене (вполне более организованного государственно) продуктов сельского хозяйства на продукты промышленности»³⁵.

Пожалуй, более симптоматичной стала резолюция Политбюро «О продовольственном положении республики», принятая по предложению бюро комфракции ВЦСПС в тот самый день, когда и было опубликовано воззвание Калинина и Зиновьева. Комфракция «сочла необходимым: а) снять заградительные отряды на всей территории республики за исключением тех местностей, где ещё не закончена заготовка основных продовольственных продуктов; б) пересмотреть и изменить план заготовки согласно реальной возможности Компрод и использовать заготовленные продукты... г) разрешить свободную заготовку фуража всем гражданам тех районов, где развёрстка прекращена; д) признать необходимым в недельный срок установить: в каких районах и в каком количестве имеется скоропортящихся продуктов на предмет распределения среди местного населения тех из них, которые не могут быть вывезены и использованы»³⁶.

³⁴ Там же, д. 27, л. 18.

³⁵ Ленин В.И. ПСС. Т. 52. С. 93—94.

³⁶ РГАСПИ, ф. 17, оп. 163, д. 118, л. 7.

Следовательно, в начале марта 1921 г. ПБ решало вопросы улучшения снабжения продовольствием рабочих немедленно, а не осенью, когда собрали бы новый урожай. Тем не менее и это не объясняет причину появления именно 3 марта пункта о продналоге в воззвании Калинина и Зиновьева. Что же заставило их вдруг вспомнить о крестьянах? Может быть, те восстания, которые Ленин называл «кулацкими бандами»? Вряд ли.

Известны три достаточно крупных крестьянских повстанческих движения 1920—1921 гг. Прежде всего не стихавшая с 1918 г. и охватившая Таврию и Херсонщину махновщина, анархическая по своей идеологии. Махновцы действовали против немецких и австрийских оккупантов, затем — против Деникина и Врангеля, дважды вступали в союз с Красной армией и его расторгали. Выступления продолжались не до отмены продразвёрстки, а до августа 1921 г. включительно, до бегства Н.И. Махно за рубеж.

Антоновщина — второе по продолжительности крестьянское повстанческое движение, начавшееся в августе 1920 г. на территории Тамбовской губ. с эсеровскими лозунгами: передать власть Учредительному собранию, признать легитимной партией «Союз трудового крестьянства». И лишь потом, в числе экономических требований прозвучал призыв отменить продразвёрстку. Весьма показательно, что именно 3 марта 1921 г. решением Секретариата ЦК РКП(б) была образована полномочная комиссия для борьбы с антоновщиной под председательством зампреда РВСР В.А. Антонова-Овсеенко в составе бывшего командующего 10-й армией А.В. Павлова, начальника политотдела той же армии Жабина, секретаря Тамбовского губкома Б.А. Васильева, председателя Тамбовского губисполкома Лаврова и уполномоченного ВЧК Аркуса³⁷. Комиссия действовала до конца июля 1921 г., когда антоновщина была ликвидирована.

Наконец, третьим по размаху и самым непродолжительным (31 января — июнь 1921 г.) крестьянским выступлением стало Западно-Сибирское восстание, которым также руководили эсеры.

Если бы восставшие в ходе этих антиправительственных движений (либо хотя бы в одном из них) действительно добивались отмены продразвёрстки, то противостояние завершилось бы в конце марта или в апреле. Но нет, целью этих выступлений являлось свержение власти большевиков.

Принципиально иным стал Кронштадтский мятеж (центр притяжения для меньшевиков, эсеров, анархистов), на подавление которого Кремль демонстративно направил 193 делегата X съезда РКП(б) и его гостей. 28 февраля (всё тот же критический день) в Кронштадте, последней базе Балтийского флота, на одном из двух ещё сохранивших боеготовность линкоров — «Петропавловске» собрались на митинг матросы, поддержав бастующих рабочих кронштадтских (электромеханического, ремонтного, деревообделочного) и петроградских заводов. Потребовали восстановления свободы торговли, перевыборов в Советы, упразднения заградотрядов. Всё это тут же поддержала команда и второго линкора — «Севастополь».

1 марта на встречу с продолжавшими митинговать матросами приехали Калинин и комиссар Балтийского флота Н.Н. Кузьмин. Они пытались, но не смогли успокоить толпу. Позже эти события описал работавший тогда в Коминтерне В. Серж (В.В. Кибальчич): «Основными виновниками мятежа, вы-

³⁷ Там же, оп. 112, д. 132, л. 47.

зававшим его своей грубостью и неловкостью, были Калинин и Кузьмин. Принятый кронштадтским гарнизоном с музыкой и приветственными криками, председатель ВЦИК Калинин, выслушав требования матросов, назвал их недодаями, эгоистами, изменниками и пригрозил им беспощадной карой. Кузьмин воскликнул, что недисциплинированность и предательство будут сокрушены железной рукой пролетариата. Их со свистом изгнали»³⁸. Давая столь отрицательную оценку выступлений Калинина и Кузьмина, Серж забыл о главном: кронштадтские матросы были уже не те, что в октябре 1917 г. Зиновьев так их охарактеризовал (уже после подавления мятежа): «Коморси (командующий морскими силами Республики, бывший контр-адмирал А.В. Немитц, занимал эту должность по декабрь 1921 г. — Ю.Ж.) и Раскольников (командующий Балтийским флотом до марта 1921 г. — Ю.Ж.) привели 7 000 молодых украинцев, никогда моряками не бывших. Как нарочно, собрали цвет махновщины, одели в морские мундиры, посадили на о. Котлин и дали в руки 12-дюймовые орудия»³⁹.

Резко усугубил ситуацию и арест делегации, посланной кронштадтцами в Петросовет для передачи и разъяснения своей резолюции. Видимо, именно поэтому на следующий день, 2 марта, балтийцы избрали Временный ревком, состоявший из бывших членов различных партий, занимавших антибольшевистские позиции. Председателем избрали левого эсера Петриченко, членами — меньшевиков Валька и Романенко, народных социалистов Орешина и Путилина, эсера-максималиста Ламанова (председатель Кронштадтского совета летом—осенью 1917 г.).

В ночь на 3 марта школа красных курсантов в полном составе ушла в Ораниенбаум, а население города и сухопутные части заняли нейтральную позицию. Скорее всего, именно тогда появилась листовка анархистов «Где власть, там нет свободы»: «Мы, анархисты, приветствуем революционных кронштадтцев, свергших ярмо исполкомов и комиссаров. Следуйте примеру кронштадтцев. *Красноармейцы, матросы, курсанты.* Помните, что кронштадтцы и бастующие рабочие несут за собою... вашу и свою свободу. Курсанты, не будьте юнкерами. Помогайте рабочим... *Крестьяне...* Вступайте в полный обмен с рабочими города. Не государству, а фабрикам и заводам, не власти, а рабочим давайте хлеб. Так как только от них вы сможете получить необходимые вам плуги, гвозди, лопаты. *Рабочие и работники...* Нынешняя власть, называющая себя рабочей, смотрит на вас, как на трудовую машину, прикрепив к казённым профсоюзам. Принудительный труд — вот лозунг “рабочей” власти. Когда же вы отказываетесь подчиняться, когда вы бастуете, добиваясь свободного труда и появления своей инициативы, власть оповещает в газетах, что вы кем-то подкуплены... Устраивайте рабочие совещания на фабриках и заводах, налаживайте производство. Вступайте в соглашение с крестьянскими союзами для вольного обмена продуктами... Да здравствуют кронштадтские повстанцы и революция!»⁴⁰.

Трудно усомниться в том, что эта попавшая в руки ПетроЧК листовка (или иные, ей подобные прокламации) и неудачная поездка председателя ВЦИК к матросам породили не решительные меры против мятежников, а именно воз-

³⁸ Серж В. От революции к тоталитаризму: воспоминания революционера. Оренбург, 2001. С. 155.

³⁹ РГАСПИ, ф. 324, оп. 2, д. 13, л. 78.

⁴⁰ Анархисты. Документы и материалы. 1883—1935 гг. В 2 т. Т. 2. М., 1999. С. 414—415.

звание Калинина и Зиновьева от 3 марта. Только 6 марта в Петроград, но всего на один день, прибыли Троцкий, С.С. Каменев (главнокомандующий всеми вооружёнными силами Республики), П.П. Лебедев (начальник Штаба РККА), М.Н. Тухачевский (командующий 7-й армией). Однако они ограничились всего лишь «Обращением РВСР и командования Красной армии к гарнизону и населению Кронштадта и мятежных фортов». В качестве последнего предупреждения, потребовавшего от «всех, поднявших руку против социалистического отечества, немедленно сложить оружие». Спустя два дня была предпринята неудачная попытка подавить мятеж. Наступила пауза. Бездействие с обеих сторон продолжалось девять дней.

Выступая 8 марта на X съезде партии с отчётным докладом, Ленин дал осторожную оценку событиям в Кронштадте: «Тут проявилась стихия мелкобуржуазная, анархическая, с лозунгами свободы торговли и всегда направленная против диктатуры большевиков. И это настроение сказалось на пролетариате... на предприятиях Москвы... на предприятиях в целом ряде пунктов провинции... Как бы ни была вначале мала или невелика... передвижка власти, которую кронштадтские моряки и рабочие выдвинули, они хотели поправить большевиков по части свободы торговли; казалось бы, передвижка небольшая, как будто бы лозунги те же самые: советская власть с небольшим изменением или только исправлением, а на самом деле беспартийные элементы служат здесь только подножкой, ступенькой, мостиком, по которому явились белогвардейцы... *Свобода торговли*, даже если она вначале не так связана с белогвардейцами, как... в Кронштадте, всё-таки *неприменно приведёт* к этой белогвардейщине, к *победе капитала*»⁴¹.

Только неделю спустя, 15 марта, накануне успешного штурма Кронштадта, председатель СНК резко изменил свою позицию. Он больше не вспоминал о пролетариате, о том, что повлияло на положение предприятий страны, в том числе московских. Внезапно Ленин нашёл иной довод в пользу полной смены курса, замены продразверстки продналогом. «Мне нет надобности, — ушёл он от объяснений, — подробно останавливаться на вопросах о причине такого пересмотра. Вы все, конечно, прекрасно знаете, какая сумма событий, особенно на почве крайнего обострения нужды, вызванной войной, разорением, демобилизацией и крайне тяжёлым неурожаем, какая сумма обстоятельств сделала положение крестьянина (а не обнищавшего, голодного и холодного пролетариата. — Ю.Ж.) особенно тяжёлым». И ещё раз Ленин добавил: «Мы знаем, что только соглашение с крестьянством может спасти социалистическую революцию в России, пока не наступила революция в других странах»⁴².

Совершенно иной характер носит восприятие событий первой недели марта меньшевиками, которые вместе с эсерами и анархистами были обвинены официальной пропагандой в подстрекательстве рабочих. Их сделали ответственными за происходившие волнения. Такое восприятие, хотя и основанное на слухах, тем не менее обладало бесспорной информативностью. 4 марта: «Уже есть “манифест” палачей Зиновьева и Калинина, обещающий рабочим восстановление частичной частной торговли, свободы выезда из Петрограда в деревни и т.д. Не подлежит уже теперь никакому сомнению, что *движение было чисто рабочим, к которому пристала часть матросов и красноармейцев*».

⁴¹ Ленин В.И. ПСС. Т. 43. М., 1970. С. 24—25.

⁴² Там же. С. 57, 59.

5 марта: «Ходит молва, что в Петербурге была демонстрация, и в Москве стреляли холостыми зарядами, чтобы разогнать толпу... В Москве небольшая забастовка, сопровождавшаяся, может быть, попыткой демонстрации, а в Питере — забастовка всего Васильевского острова с более или менее серьёзными осложнениями... Участие кронштадтских матросов (активное) сомнительно, но очевидно, что и в Питере, и в Москве попытки рабочих браться с Красной армией были». 7 марта: «Мы не знаем подробностей кронштадтских событий. Но мы знаем, что Кронштадт потребовал свободных перевыборов в Советы, освобождения социалистов и беспартийных рабочих, красноармейцев и матросов, арестованных в связи с рабочим движением, и созыва на 10 марта беспартийной конференции рабочих, красноармейцев и матросов для обсуждения выхода из того катастрофического положения, в котором находится Советская Россия». 8 марта: «На целом ряде фабрик и заводов (Петрограда. — Ю.Ж.) рабочие бастуют, требуя освобождения арестованных. На *единодушные требования петербургских и московских рабочих изменить политику* власть ответила арестами рабочих делегатов, а на резолюцию кронштадтских моряков и гарнизона о свободных перевыборах Советов — залпами из тяжёлых орудий»⁴³.

Несмотря на столь единодушную позицию, меньшевики всё же призывали: «Мы зовём рабочий класс не свергать советскую власть, а добиваться изменения её ошибочной и губительной для революции политики. Мы советуем рабочим действовать не беспорядочными стачками, а организованным проведением своих требований через советские органы... Рабочие должны добиваться свободы и восстановления хозяйства такими путями и средствами, которые не несут в себе опасности свержения советской власти и торжества контрреволюции»⁴⁴. Так и произошло: рабочие, хотя и не сразу, но добились своего.

Открывая 8 марта 1921 г. X съезд РКП(б), Л.Б. Каменев огласил порядок заседаний. Третьим — после рутинных, обязательных отчётов ЦК и Контрольной комиссии — был назван доклад Зиновьева «Профессиональные союзы и их роль в хозяйственной жизни страны». Тем самым предполагалось дать, наконец, ответ на один из самых злободневных вопросов, сотрясавших партию вот уже четыре месяца, а также без каких-либо затрат выполнить одно из основных требований рабочих Петрограда и Москвы.

Однако выяснилось, что Зиновьев не сможет своевременно приехать в столицу: его, как и Троцкого, задерживали кронштадтские события. В результате доклад Григория Евсеевича и соответствующая дискуссия состоялись только 14 марта, в первой половине дня. В пространном выступлении, ставшем завершением дискуссии о профсоюзах, Зиновьев убеждал делегатов согласиться с требованием его, а также Ленина, Томского, Рудзутака и остальных членов «десятки» сохранить независимость профсоюзов от государства, их организационную свободу, роль как защитника прав рабочих и вместе с тем «школы коммунизма». Докладчик убедил делегатов отвергнуть предложение Троцкого и Бухарина огосударствить профсоюзы и отклонить утопическое предложение «Рабочей оппозиции». В результате за предложение Зиновьева проголосовали 336 делегатов, Троцкого — 50, «Рабочей оппозиции» — 18, двое воздержались.

Уже 15 марта Ленину удалось провести резолюцию «О замене подрывёрстки продналогом». День спустя съезд принял ещё одну — «Об улучшении

⁴³ Меньшевики в большевистской России... С. 135, 136, 140—142, 151.

⁴⁴ Там же. С. 140.

положения рабочих и нуждающихся крестьян», которую делегаты утвердили, несмотря на отсутствие необходимого в таких случаях обсуждения доклада её автора (позже выяснилось, что им оказался Ленин). В этой резолюции сохранилось требование: «В кратчайший срок обеспечить, по крайней мере для рабочих важнейших центров республики (т.е. Петрограда и Москвы. — Ю.Ж.), такой паёк и такие условия жизни, которые действительно были бы для них стимулом оставаться на фабриках и заводах»⁴⁵.

17 марта части Красной армии вошли в Кронштадт и после коротких уличных боёв заняли его к утру 18 марта. Малая часть мятежников сумела уйти по льду в Финляндию, остальных арестовали и отправили в Ухту, в «дисциплинарную колонию», срочно созданную на северо-востоке Вологодской губ., где вскоре была образована автономная область — Коми (зырян).

Несмотря на быструю и практически бескровную победу, партия не забыла о данных на съезде обещаниях. Уже 21 марта резолюция «О замене продразвёрстки продналогом» стала постановлением ВЦИК, предоставив крестьянам, выполнившим государственные поставки, право свободно продавать свои оставшиеся «излишки» и покупать таковые у других. Более того, уже 28 марта вышел декрет СНК, согласно которому в трёх национальных автономиях и 41 губернии (в том числе в Петроградской и Московской) должны были «снять все заградительные отряды, действующие... как на гужевых... так и на железнодорожных и водных путях сообщения»⁴⁶. Правда, всего месяц спустя, 21 апреля, СТО всё же ввёл ограничения на доставку продовольствия в города. В частности указывалось, что все перевозки «могут проводиться лишь по требованию НКПрода, Центросоюза и их местных органов... Каждый едущий пассажир по железнодорожным и водным путям сообщения имеет право на провоз в виде багажа (каковой может состоять из одного продовольствия) 4 пуда, и в виде ручной клади — 1 пуд»⁴⁷.

Снятие заградотрядов должно было, по замыслу авторов постановления ВЦИК, немедленно облегчить положение рабочих крупнейших промышленных городов. И действительно, ситуация в столице значительно улучшилась, да и в Петрограде уже с 22 марта забастовки практически прекратились, что позволило председателю губпрофсожа Анцеловичу предложить бюро губкома партии снова взять на заводы и фабрики тех, кого уволили за участие в стачках⁴⁸.

Однако «умиротворение» было непродолжительным, так как не изменилось положение с продовольствием и топливом. 6 мая Зиновьев телеграфировал в Политбюро ЦК РКП(б): «Продовольственное положение Питера отчаянное. Свобода торговли Питеру ничего не дала, ибо в округе пусто. Вновь начались брожения на заводах. Нужны какие-то особые меры»⁴⁹. ПБ откликнулось не сразу, только 14 мая оно приняло постановление «О положении в Петрограде»: «В продовольственном отношении необходимо снабжение на 20% выше против Москвы... создать преимущество... с топливом, ассигновать дополнительно

⁴⁵ Десятый съезд РКП(б). Стенографический отчёт. М., 1963. С. 610.

⁴⁶ ДСВ. Т. XIII. М., 1989. С. 125—126.

⁴⁷ Там же. Т. XIV. М., 1997. С. 125—126, 283—284.

⁴⁸ РГАСПИ, ф. 17, оп. 13, д. 754, л. 15.

⁴⁹ Там же, ф. 324, оп. 2, д. 13, л. 95; Трудовые конфликты... С. 88.

золотой фонд в 5 миллионов рублей на покупку продовольствия, растянув его на 3 года»⁵⁰.

Через две недели, 30 мая, 3-я сессия ВЦИК, основываясь на данном постановлении и обсудив вопрос «О петроградской промышленности», приняла резолюцию: «Закрепить за Петроградом 18,4 млн пудов угля, уже закупленного за границей... Поставить Петроград в одинаковые условия с Москвой... Те предприятия, которые признано будет необходимо оставить, должны быть на деле обеспечены всем необходимым, а рабочие поставлены в такое положение, чтобы они не имели импульса уходить с фабрик и заводов... в деревню... Использовать все доступные средства для закупки продовольствия для Петрограда... Прекратить дальнейшую выкачку из Петрограда технического оборудования, находящегося в деле... Усилить работу на Волховстройке... Возвратить Петрограду хотя бы часть тех квалифицированных рабочих, которые в течение трёх лет были откомандированы в провинцию на административную работу... Создать постоянную комиссию помощи Петрограду при Совете труда и обороны из тт. Ленина, Зиновьева и Смильги» (начальника Главного управления по топливу ВСНХ РСФСР. — Ю.Ж.)»⁵¹.

В столь пространной резолюции, наконец, было признано катастрофическое положение промышленности Петрограда и трудившихся на его фабриках и заводах рабочих, вынужденных выступать в защиту своих законных прав, завоеванных в Октябре. Поэтому демонтаж военно-коммунистической системы продолжился, только теперь шли навстречу не крестьянству, а пролетариату.

Ещё 24 марта постановлением ВЦИК и СНК ликвидировали одиозный Главный комитет по всеобщей трудовой повинности (Главкомтруд), передав все его «функции и права» Наркомтруду. На него возложили (но только «при необходимости») «проведение трудовой мобилизации и организацию трудовых частей». Между тем органы охраны труда — центральный и местные, а также тарифные отделы, прежде входившие в структуру Главкомтруда, передали ВЦИК, благодаря чему они обрели былое положение и силу. Более того, данный нормативный акт отменял постановления ВЦИК и СНК от 3 и 5 февраля 1920 г., содержавшие правовые основы проведения всеобщей трудовой повинности⁵².

Всего через неделю, 9 марта, очередное постановление СТО разрешило самую болезненную проблему, созданную военно-коммунистической системой, — принудительного закрепления рабочих и служащих за отведёнными для них Главкомтрудом и ВСНХ фабрикам, заводам, учреждениям. Наркомтруду и ВЦСПС поручили «установить в кратчайший срок порядок облегчённого перехода рабочих и служащих из одного предприятия в другое» с несущественной, на первый взгляд, оговоркой: «когда это вызывается серьёзными бытовыми, семейными и производственными обстоятельствами»⁵³. Но, как известно, таковые при желании находились у всех и всегда.

Не так успешно закончились попытки ликвидировать трудовые армии, хотя тому должна была способствовать начавшаяся по решению VIII Всероссийского съезда Советов демобилизация. Согласно принятому 30 марта поста-

⁵⁰ ДСВ. Т. XV. М., 1999. С. 208.

⁵¹ Там же. С. 205—207.

⁵² Там же. Т. XIII. С. 270—271.

⁵³ Там же. С. 291—293.

новлению СТО, военное ведомство должно было передать Наркомтруду все трудовые армии с 1 апреля по 1 мая⁵⁴. Всего за полторы недели (1—9 апреля) в бессрочный отпуск отправили красноармейцев (в том числе трудармейцев) 1886—1895 гг. рождения, т.е. всех, старше 26 лет. Однако РВСР, пытаясь даже в ходе демобилизации сохранять по численности наибольшие вооружённые силы, которые предстояло сократить с 5,5 до 1,5 млн человек, всячески саботировал постановление СТО. Полностью ликвидировали трудовые армии лишь к 30 декабря 1921 г. И это оказалось единственным затянувшимся мероприятием в ходе проведённых СТО преобразований. Они завершились 15 июня, всего через три месяца после окончания X съезда РКП(б), когда были отменены: «1. Общее положение о милитаризации государственных учреждений и предприятий, утверждённое положением от 28 ноября 1919 года и последовавшее в развитие его постановление Совета труда и обороны. 2. Все положения центральной власти, каких бы учреждений и предприятий они ни касались... о милитаризации на основании указанных выше постановлений»⁵⁵. Показательно, что данное предложение внёс в СТО П.А. Богданов (28 мая утверждённый председателем ВСНХ вместо Рыкова), казалось бы, больше других заинтересованный в сохранении милитаризации труда.

После того как было покончено с военно-коммунистической системой и её принудительным трудом, не имевшим ничего общего с марксизмом, руководству страны предстояло восстановить народное хозяйство и окончательно вернуть доверие пролетариата, обеспечив их продовольствием и предметами широкого потребления, а фабрики и заводы — топливом и сырьём.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Там же. Т. XVI. М., 2004. С. 105—108.

Как искали Сергея Дегаева

Мария Панькина

How they searched for Sergey Degayev

Maria Pankina

(Lomonosov Moscow State University, Russia)

DOI: 10.31857/S086956870009259-5

16 декабря 1883 г. в Санкт-Петербурге был убит инспектор секретной полиции подполковник Отдельного корпуса жандармов Г.П. Судейкин¹. Его убили Сергей Дегаев, член партии «Народная воля» и агент-provokator, завербованный Судейкиным на рубеже 1882—1883 гг. в Одессе, а также народовольцы Николай Стародворский и Василий Конашевич. «Причины, которые привели к мысли убить Судейкина, — заявил Конашевич на допросе 30 марта 1885 г., — заключались в том, что он наносил вред партии, революционной деятельности: ещё во время своей киевской службы Судейкин был известен как способный сыщик. В Петербурге он наводил панику на революционеров и действовал растлевающим образом на слабых членов партии, делая из них своих агентов»². Но имелся ещё один мотив: выдав полиции немало народовольцев, Дегаев в Швейцарии был разоблачён Л.А. Тихомировым или, по другой версии, покался. Ему обещали сохранить жизнь, если он организует и осуществит убийство того, кто склонил его к предательству.

Убийство произошло «между 4½ — 5 час[ами] пополудни» на квартире Дегаева, которую для него нанял сам Судейкин³. Выстрелив, Дегаев ранил инспектора в область поясицы, после чего Конашевич и Стародворский добили жандарма ломами⁴. Поскольку вместе с подполковником пришёл и его пле-

© 2020 г. М.А. Панькина

¹ Должность инспектора секретной полиции была создана по «Положению об устройстве секретной полиции в империи» 3 декабря 1882 г. специально для Г.П. Судейкина «в видах единого направления проводимых розысков». Согласно инструкции, утверждённой 29 января 1883 г. товарищем министра внутренних дел П.В. Оржевским, инспектору поручалось участвовать в розыскной деятельности Московского, Харьковского, Киевского, Херсонского губернских жандармских управлений (ГЖУ), а также городского жандармского управления Одессы. Начальникам этих управлений предписывалось сообщать ему о ходе розысков, организации и личном составе агентуры. Инспектор имел право вступать в непосредственное заведывание местной агентурой, требовать не проводить арестов, обысков и любых гласных следственных действий без согласования с ним (*Перегудова З.И.* Политический сыск в России (1880—1917 гг.). М., 2000. С. 117, 377—379 (приложения № 2—3)).

² Убийство подп[олковника] Судейкина (из архива В.Л. Бурцева) // На чужой стороне. 1925. № 9. С. 208. «Все дела были в его руках, — писал о Судейкине в 1908 г. Е.Ф. Азеф. — Тогда он царил, он был в смысле выслеживания револ[юционных] организ[аций] вне конкуренции и вне контроля» (Письма Азефа: 1893—1917. М., 1994. С. 157).

³ РГВИА, ф. 1351, оп. 1, д. 6223, л. 25—26.

⁴ ГА РФ, ф. 3-6772, оп. 1, д. 72, л. 5—6.

мянник, коллежский регистратор Н.Д. Судовский, служащий Петербургского охранного отделения, нападение было произведено и на него, но ему, несмотря на тяжёлые ранения, удалось выжить⁵. После этого, согласно откровенным показаниям народовольца С. Росси 5 марта 1885 г., Дегаев приехал на его квартиру «взволнованный, переоделся, и, взяв чемодан, поехал вместе с ним на Варшавский вокзал»⁶. Конашевич, осуждённый в 1887 г. по «Процессу 21», 19 марта 1885 г. свидетельствовал: «В тот же вечер и уехал из Петербурга в Варшаву поездом — одновременно с Дегаевым»⁷. Проходивший по тому же процессу Г.А. Лопатин признавался: «Лицу, которое сопровождало Дегаева при его бегстве, было поручено, в случае ареста Дегаева, застрелить его, причём было даже указано, что самое верное — выстрелить Дегаеву прямо в ухо»⁸. Выполнявший эту роль С.Ч. Куницкий⁹ вспоминал: «Я всё время нащупывал в кармане заряженный револьвер. Надеяться на то, что Дегаев в случае ареста опять не выдаст всех их [народовольцев] и всё, что знал, не приходилось... Выбора не было. В случае появления жандармов мне предстояло убить сначала его, а затем себя. Дегаев знал о грозившей ему опасности... Мы не разговаривали друг с другом»¹⁰.

Беглецы проследовали на поезде из Петербурга через Варшаву до Либавы (где оказались, по-видимому, в ночь на 19 декабря), а оттуда на пароходе — в Париж. Сестра Дегаева, Н.П. Маклецова, передавая рассказ Сергея Петровича, писала: «Ужасный момент он пережил, когда поезд, на котором он ехал за границу, стоял почему-то долее обыкновенного в Гатчине... Каждую минуту он ожидал, что арестуют его. На границе ему пришлось прожить два дня в ожидании, когда привезут ему паспорт»¹¹. По другим сведениям, сохранившимся в статье неизвестного автора, «в Либаве... он прошёл на пароход мимо жандарма, отбирающего паспорта, — в одной руке паспорт, другая — на рукоятке револьвера в кармане. Он, очевидно, был очень спокоен, ибо не возбудил ни малейшего подозрения, малейшее движение со стороны жандарма было бы сигналом смерти для них обоих»¹².

Тихомиров, ожидавший в Париже, позднее сообщал: «Дегаев немедленно уехал за границу... По-моему, его вывез Куницкий. Не знаю, может быть, они переехали границу и сухопутно, но остальную часть пути совершили на пароходе. Куницкий сопровождал Дегаева до самого Парижа и — говорил он мне — не расставался ни на минуту с револьвером, чтобы застрелить своего спутника при малейшем признаке измены... Пребывание Дегаева в Париже было очень непродолжительно. Здесь трудно было сохранить его присутствие в тайне и нельзя было бы поручиться, что французское правительство его не выдаст.

⁵ Убийство подп[олковника] Судейкина... С. 206—207, 212—213; РГВИА, ф. 1351, оп. 1, д. 6224, л. 34—36 об., 148 об.—149.

⁶ РГВИА, ф. 1351, оп. 1, д. 6224, л. 325.

⁷ Убийство подп[олковника] Судейкина... С. 207.

⁸ Там же. С. 214.

⁹ Попов И.И. Революционные организации в Петербурге в 1882—1885 годах // Народовольцы после 1 марта 1881 года. М., 1928. С. 64; Кон Ф. За пятьдесят лет. Т. 1—2. М., 1936. С. 47; Тихомиров Л.А. Тени прошлого. М., 2000. С. 444.

¹⁰ Кон Ф. Указ. соч. С. 47.

¹¹ Попов И.И. Указ. соч. С. 64; Маклецова (Дегаева) Н.П. Судейкин и Дегаев // Былое. 1906. № 8. С. 272.

¹² ГА РФ, ф. Р-9104, оп. 1, д. 26, л. 2 об.

Поэтому, когда Дегаев был опрошен во всех подробностях, мы его отправили в Лондон»¹³.

Императору об убийстве доложили на следующий же день: «Вчера в шестом часу по полудни в доме 91 по Невскому проспекту в кв[артире] № 13 найдены: убитым неизвестными злоумышленниками начальник секретного отделения Санкт-Петербургского градоначальства подполковник Судейкин и тяжело раненый служащий при том же отделении коллежский регистратор Судовский. Первому нанесены раны: одна огнестрельная и три железным ломом в голову и спину, а второму — три раны в голову холодным оружием. К розыску злоумышленников приняты все меры»¹⁴. Александр III отметил на полях: «Я страшно поражён и огорчён этим известием. Конечно, мы всегда боялись за Судейкина, но здесь предательская смерть. Потеря положительно незаменяемая! Кто пойдёт теперь на подобную должность? Пожалуйста, всё, что будет известно нового по этому убийству, присылайте ко мне»¹⁵.

Судя по выражению «предательская смерть», император, возможно, знал о существовании провокатора. По-видимому, не составляло это секрета ни для П.В. Оржевского, заведовавшего Отдельным корпусом жандармов, ни для подчинённого ему директора Департамента полиции В.К. Плеве, ни для начальника Киевского губернского жандармского управления полковника В.Д. Новицкого, имевшего отношение к вербовке Дегаева. 17 декабря Оржевский писал Новицкому, что, по имеющимся данным, Дегаев находится в Киеве, откуда намерен выехать за границу¹⁶. В тот же день в распоряжение Киевского ГЖУ из Одессы были посланы унтер-офицеры Евдошук и Самаров, знавшие Дегаева в лицо, а по пограничным постам разослали его фотографии¹⁷. Но 25 декабря Новицкий телеграфировал: «С 18 декабря установлено непрерывное наблюдение, усиленные розыски не обнаружили пребывания Дегаева в Киеве, розыски продолжаются»¹⁸. Таким образом, полицейское начальство сразу же догадалось, кто организатор убийства, но официально объявить его розыск не имело возможности, поскольку следствием личность убийцы не была установлена. В квартире, где погиб Судейкин, проживал некто Яблонский, поэтому розыски начались именно с него. 22 декабря всем пограничным пунктам предписали сообщить, выехал ли в последнее время из России Яблонский и по какому паспорту¹⁹. В течение нескольких дней поступали отрицательные ответы. Только 24 декабря со станции Граево ответили: «Яблонский Вильгельм проследовал через Граево два раза в апреле и августе сего года по паспорту лекского ландрата от 22 апреля за № 12»²⁰. Было ясно, что это совершенно не тот Яблонский.

Впрочем, ещё 22 декабря в Департамент полиции поступила зашифрованная телеграмма на французском языке за подписью «Pierre», извещавшая, что

¹³ Тихомиров Л.А. Тени прошлого. С. 444—445. Сестра Дегаева сообщила, что он провёл в ожидании приговора три дня, т.е., вероятно, в Париже он находился около четырёх-пяти дней (Маклецова (Дегаева) Н.П. Указ. соч. С. 272).

¹⁴ ГА РФ, ф. 102, оп. 80, 3-е делопроизводство, 1884 г., д. 834, л. 60—60 об.

¹⁵ Цит. по: Поляков А.С. Царь-миротворец (Из резолюций Александра III) // Голос минувшего. 1918. № 1—3. С. 227.

¹⁶ ГА РФ, ф. 102, оп. 80, 3-е делопроизводство, 1884 г., д. 834, л. 83.

¹⁷ Там же, л. 86—86 об.

¹⁸ Там же, л. 88.

¹⁹ Там же, л. 77.

²⁰ Там же, л. 80.

«субъект Яблонский» уже несколько дней проживает в Париже по адресу бульвар Араго, д. 8, Отель четырёх бульваров²¹. Очевидно, агентурные сведения поступили от П.В. Корвин-Круковского, первого заведующего русской охранкой в Париже²². К тому времени Дегаев действительно уже мог находиться в Париже, но вряд ли несколько дней. Там проходил партийный суд, сохранивший Дегаеву жизнь: Исполнительный комитет объявил революционерам всех партий, что берёт его под свою защиту и никому не позволит безнаказанно с ним расправиться. Однако ему велели отказаться от любой политической деятельности и удалиться из Европы в Америку, пообещав помочь с переездом²³. Так человек, ускоривший своими действиями разгром подполья в России, отправлялся за океан при помощи народовольцев.

28 декабря, через 12 дней после убийства Судейкина, секретным циркуляром начальникам ГЖУ объявлялось: «Дознанием установлено что под именем Яблонского скрывался бежавший 15 января сего года в г. Одессе из-под стражи отставной штабс-капитан артиллерии Сергей Дегаев... Приметы Дегаева: маленького роста, худощавый, тёмный блондин»²⁴.

5 января 1884 г. император утвердил подготовленный в МВД текст объявления, суливший 5 тыс. руб. за сообщение полиции сведений, которые позволят задержать Дегаева и 10 тыс. руб. за содействие в его задержании. Министр распорядился изготовить 5 тыс. фотографий преступника²⁵. Между тем 13 января из Парижа вновь телеграфировали, что Яблонский остановился на улице Гласьер, д. 19²⁶. Таким образом, из Парижа поступали явно агентурные сведения о том, что Дегаев-Яблонский найден, а в Петербурге никаких действий не предпринимали. Напрасно Тихомиров и его товарищи опасались, что французское правительство выдаст Дегаева; ему фактически позволили бежать в Лондон, а оттуда — в Америку.

29 февраля из Петербургского жандармского полицейского управления железных дорог уведомили Департамент полиции о рапорте начальника московского отделения капитана Данилова: «При выставке 25 февраля на Московском вокзале карточек государственного преступника Дегаева кондуктор-контролёр отставной унтер-офицер Сопляев, служивший в артиллерийской роте, которую командовал Дегаев, заявил, что в конце января месяца он видел Дегаева на московской станции, отправляющегося в Санкт-Петербург, и раскланивался с ним»²⁷. Сопляев явно его с кем-то спутал, но любопытно, что объявление о розыске, утверждённое в начале января, появилось на вокзале только 25 февраля, а ведь это был один из первых пунктов, где оно расклеивалось.

Обыватели реагировали на объявления по-разному. Так, в марте 1884 г. исчезновение вывешенных 2 марта в здании вокзала в Сестрорецке фотографий Дегаева вызвало целое расследование, установившее, что, «по всей вероятности, карточки похищены без умысла, а ради простой шалости, к чему склон-

²¹ Там же, л. 76.

²² *Перегудова З.И.* Политический сыск в России... С. 140—141. Заграничная агентура была организована в Париже летом 1883 г.

²³ *Тихомиров Л.А.* Тени прошлого. С. 445—446.

²⁴ ГА РФ, ф. 102, оп. 79, 3-е делопроизводство, 1883 г., д. 1104, л. 1, 2.

²⁵ Там же, оп. 80, 3-е делопроизводство, 1884 г., д. 834, л. 104—105; ф. 58, оп. 8, д. 12, л. 40.

²⁶ Там же, ф. 102, оп. 80, 3-е делопроизводство, 1884 г., д. 834, л. 103.

²⁷ Там же, л. 140—140 об.

но местное сестрорецкое заводское население»²⁸. 12 апреля из Вятского ГЖУ сообщили, что на вывешенной фотографии разыскиваемого не раз оставляли хулиганские надписи. Одна из них провозглашала: «Дегаев молодец, что убил подполковника С. Так их и надо, подлецов». «Зачем ты тайна полиция, — говорилось в другой, — назначила 10 000 тому, кто укажет на местожительства моего любимого товарища Сергея Петрова Дегаева, я положим, теперь и имею сведения от него, где он теперь находится, но не скажу, если бы тайная полиция и 1 000 000 рублей назначила. Вас бы всех, сукиных детей, нужно было бы застрелить или зарезать»²⁹.

Благодаря развешенным повсюду объявлениям, Дегаева «узнавали» в самых разных местах империи. На Сырной неделе его будто бы видели в селе Барабановке Бузулукского уезда Самарской губ. Там он «выдавал себя где за солдата, где за учителя, а в волостном правлении сторожу объяснил, что происходит из отставных капитанов. Одет был в чёрный, довольно поношенный русский чапан, обут в лапти, на голове — ветхая тёплая шапка, весь в заплатах чёрный пиджак. В Барабановке прожил всего 2 дня, днём находился постоянно в питейном заведении, одну ночь ночевал у крестьянина Пузикова, другую — у вдовы крестьянина Ненюковой. Пузикову сказал, что он рабочий и отправляется в Оренбург... некоторым говорил, что он казанский татарин, а некоторым назывался оренбургским мещанином»³⁰. Согласно агентурным сведениям, полученным из Бессарабского ГЖУ 20 марта, побывавший в Петербурге еврей рассказывал, что Дегаев оттуда будто бы не выезжал, а ходит в форме офицера, потому на него не обращают внимания, а солдаты отдают ему честь³¹.

Проститутка А. Корш, прибывшая из Москвы в Ригу, в марте узнала на объявлении Дегаева, который якобы часто бывал под именем Александра у них в Доме терпимости Мейснер во второй половине 1883 г.³² Но тогда он ездил за границу, где встречался с Тихомировым, затем готовил покушение на Судейкина в Петербурге, и едва ли мог проводить много времени в Москве.

Ставропольский уездный исправник рапортовал 30 апреля, что некий Фигельсон, доставленный с арестантского парохода в полицейское управление для заключения в тюремный замок, «узнал» в разыскиваемом своего знакомого, которого на третьей неделе поста собирались пересылать как бродягу в Восточную Сибирь, откуда он планировал бежать³³. Дать более подробные сведения Фигельсон отказался, «так как он и его приятель Дегаев одних убеждений»³⁴. В мае в Тамбове диакон Христорождественской церкви с. Поляково заявлял, ссылаясь на трижды являвшегося ему во сне странника, что у помещика В.А. Апушкина под видом врача его больной беременной жены проживает приехавший из Москвы Дегаев³⁵. В августе ещё одного «Дегаева» опознал арестованный горийский мещанин Н.И. Зубадзе, который узнал от приятеля,

²⁸ Там же, оп. 79, 3-е делопроизводство, 1883 г., д. 1104, л. 19—22. 2 сентября объявление с фотографиями было похищено неизвестными и на станции Удельная Финляндской железной дороги (Там же, л. 80).

²⁹ Там же, л. 56—56 об.

³⁰ Там же, оп. 80, 3-е делопроизводство, 1884 г., д. 710, л. 34 об.—35 об.

³¹ Там же, л. 41—41 об.

³² Там же, оп. 79, 3-е делопроизводство, 1883 г., д. 1104, л. 39, 43, 51—52.

³³ Там же, л. 67—67 об.

³⁴ Там же, л. 68.

³⁵ Там же, оп. 80, 3-е делопроизводство, 1884 г., д. 710, л. 70—70 об.

что убийца Судейкина содержался с марта по апрель в Тифлисском тюремном замке под именем бродяги Михайловского. Говоря об этом, Зубадзе просил о строгой секретности, опасаясь, что сообщники Дегаева убьют его³⁶.

Осенью 1884 г. поисками Дегаева занялся страдавший белой горячкой командир отряда пограничной стражи капитан Петрини. В начале сентября известный ему контрабандист-доноситель будто бы опознал Дегаева в одном из рабочих в прусском городе в шести верстах от границы. Однако тому удалось скрыться. В октябре Петрини доложил командиру Калишской бригады пограничной стражи, что Дегаев находится в Америке, и выразил готовность задержать убийцу с помощью своих американских родственников. При этом капитану, похоже, повсюду мерещился Дегаев, он задерживал и даже связывал невинных людей, угрожал их застрелить или зарезать, приказывал в них стрелять стражникам и т.п. В итоге его отправили в военный госпиталь³⁷.

5 октября 1885 г. некий мещанин Сорокин обнаружил «Дегаева» близ Поневелья. Однако из Петербурга местным жандармам ответили: «Заявление Сорокина внимания не заслуживает»³⁸. Наконец, 7 декабря 1885 г. директор Департамента полиции П.Н. Дурново разослал уведомление: «Ввиду отсутствия в настоящее время надобности в дальнейшем розыске государственного преступника Сергея Дегаева через посредство публикаций, господин министр внутренних дел изволил сделать распоряжение о снятии означенных объявлений из мест, где таковые были развешены»³⁹.

Однако террориста продолжали «находить». Так, 14 февраля 1886 г. варшавский обер-полицмейстер сообщил об анонимном письме, в котором утверждалось, будто «убийца жандармского подполковника Судейкина отставной штабс-капитан Дегаев служит под именем Лавчинского во французских войсках в 1-м полку, расположенном в провинции Оран в Африке»⁴⁰. Невероятно, но даже эту информацию проверили, убедившись, что никакого Лавчинского во французских войсках не числилось⁴¹. В Тамбове 23 апреля задержали отставного учителя Перовского городского училища А.К. Кудрявцева, в котором полицейские чины усмотрели сходство с государственным преступником. Он просил о высылке в Петербург, где «его предъявили бы лицам, близко знающим Дегаева и могущим опровергнуть его с ним тождественность»⁴². Судя по сохранившимся в деле фотографиям, невинно пострадавший лишь отдалённо напоминал Сергея Петровича. Дж. Кеннан, путешествовавший по Сибири в 1885—1886 гг., свидетельствовал: «Один невежественный и вечно пьяный полицейский чиновник в Западной Сибири, прельщённый наградой, арестовал четырёх жалких бродяг, имевших несчастье отчасти походить на присланные ему фотографии, и посадил их в тюрьму. Совершив этот подвиг, он всюду хвалился, что “четырёх из этих проклятых Дегаевых” он изловил, и будет держать их, пока не поймает “двух остальных, чтобы представить начальству сразу всех и тогда уже, наверное, получит не только 10 000 рублей, но и орден”»⁴³.

³⁶ Там же, оп. 79, 3-е делопроизводство, 1883 г., д. 1104, л. 77—77 об.

³⁷ Там же, оп. 80, 3-е делопроизводство, 1884 г., д. 710, л. 2—11 об.

³⁸ Там же, оп. 79, 3-е делопроизводство, 1883 г., д. 1104, л. 91, 96.

³⁹ Там же, л. 98.

⁴⁰ Там же, л. 104—104 об.

⁴¹ Там же, л. 113 об.

⁴² Там же, л. 60—62.

⁴³ Кеннан Д. Сибирь и ссылка. СПб., 1906. С. 145.

Между тем ещё весной 1884 г. в Петербурге получили сведения о реальном местонахождении Дегаева. 27 марта российский посланник в Вашингтоне К.В. Струве сообщил товарищу министра иностранных дел А.Г. Влангали про «две телеграммы, полученные здешними газетами»: «Первая от 1/13 марта из Санкт-Петербурга — Дегаев скрылся теперь из России. Вторая из Лондона 2/14 марта — о недавнем его прибытии в Англию и об отъезде вслед затем в Нью-Йорк. Быть может, последняя телеграмма пущена в ход лишь для того, чтобы отвлечь внимание нашей полиции от настоящего следа... Если же окажется, что он действительно отправился в Нью-Йорк или в Канаду, то об этом в своё время донесу телеграммой»⁴⁴. 22 мая Влангали передал в МВД новую телеграмму, полученную от Струве 3(18) мая: «Есть слух, что Дегаев прибыл на днях в Нью-Йорк и скрывается там под чужим именем. Нельзя ли на всякий случай прислать фотографическую карточку и возможно полные сведения о нём и о его преступлении»⁴⁵. Руководство МИД предлагало, «если признано нужным», доставить требуемые данные генеральному консулу в Нью-Йорке Р.Р. Розену, как раз отбывающему тогда в США. Но обнаружить террориста-provokatora в Америке даже не пытались. Власть продолжала развешивать по всей России объявления о поисках человека, зная, что его в стране давно нет.

Рассматривая обстоятельства розыска Дегаева, трудно отделаться от ощущения, что его будто и не старались найти. Следует учесть, что новая система руководства сыском в недавно образованном Департаменте полиции только формировалась, будучи ещё зыбкой и неустойчивой. Пост инспектора секретной полиции предоставлял Судейкину почти диктаторскую власть в сфере розыска. Человек самостоятельный, дотошный, вникавший во все мелочи и всё державший под своим контролем, Георгий Порфирьевич по сути и был секретной полицией. Как только его убили, она оказалась обезглавлена и будто растеряна, что и проявилось в медленности действий.

Но возможно, полицейское начальство и не желало суда над provokatorом, опасаясь, что тогда официально вскроются некоторые обстоятельства деятельности Судейкина. Первый и единственный инспектор секретной полиции считал, что правительство не ценит должным образом его успехи: он получал лишь денежные пожалования и скромные ордена Св. Станислава 3-й степени и Св. Анны 3-й степени⁴⁶. Несмотря на широту полномочий, позволявшую претендовать на генеральские эполеты, он не имел даже чина полковника, обещанного ему после коронации, но так и не предоставленного. Вскоре, если верить свидетельствам революционеров, у Судейкина возник дерзкий замысел: сформировать под руководством верного ему агента-provokatora (Дегаева) группу террористов и под каким-либо предлогом уйти в отставку, после чего подпольщики убили бы гр. Д.А. Толстого, вел. кн. Владимира Александровича и, возможно, К.П. Победоносцева, а правительство, осознав ценность Георгия Порфирьевича, уговорило бы его вернуться на службу; тогда он мог бы выставить любые требования. После гибели инспектора о его планах рассказал в ходе следствия 7 августа 1884 г. народоволец В.А. Караулов⁴⁷. Читая эти показания,

⁴⁴ Там же, оп. 80, 3-е делопроизводство, 1884 г., д. 834, л. 37—37 об.

⁴⁵ Там же, оп. 79, 3-е делопроизводство, 1883 г., д. 1104, л. 73—74.

⁴⁶ Там же, ф. 815, оп. 1, д. 300, л. 1; ф. 102, оп. 2, 1-е делопроизводство, 1882 г., д. 231, л. 2.

⁴⁷ Тихомиров Л. В мире мерзости запустения (по поводу казни Судейкина) // Вестник «Народной воли». 1884. № 2. 2-я пагинация. С. 96—99; Убийство подп[олковника] Судейкина... С. 211,

Александр III вынужден был признать на полях: «Я думаю, много тут правды. Действительно, Судейкин последнее время был странен, и все его действия нам неизвестны»⁴⁸. Между тем о намерениях Судейкина стало известно в заграничной прессе: появились статьи С.М. Степняка-Кравчинского в «Общем деле» и в «Daily news», публикации в «Times» и в известной в Великом княжестве Финляндском газете «Hufvudstadsbladet», не говоря уже о сообщении Тихомирова в «Вестнике “Народной воли”». Теперь арест Дегаева уже точно не остался бы незамеченным и неминуемо усилил скандал всевозможными подробностями. Таким образом, успех розыска сулил полицейскому начальству одни неприятности. К тому же, если после внезапной гибели Судейкина, державшего всё в своих руках, сыск оказался парализован, то спустя несколько лет в Департаменте полиции служили уже настоящие профессионалы, а охранка становилась «своего рода лабораторией политического сыска»⁴⁹.

214—215. См. также: Жукова Л.В. Провокация с позиции законности // Вестник Московского университета. Сер. 8. № 2. 1996. С. 30—37.

⁴⁸ Цит. по: Поляков А.С. Указ. соч. С. 227.

⁴⁹ Подробнее см.: Левандовский А.А. Охранка действует, охранники размышляют // Прощание с Россией. СПб., 2011. С. 560.

«Народная воля» в историографии последних лет

Григорий Кан

«Narodnaya volya» in the historiography of recent years

Grigory Kan

(Moscow, Russia)

DOI: 10.31857/S086956870009260-7

«Народная воля», одна из самых значительных революционных организаций пореформенного времени, не обделена вниманием историков¹. Тем не менее народовольческая проблематика до сих пор остаётся актуальной. Это связано и с особенностями партийной программы, сочетавшей идеи демократии, гражданских свобод и созыва Учредительного собрания с требованиями ликвидации собственности на землю и передачи её в заведование крестьянским общинам и пользование крестьянам, и с методами её реализации, предусматривавшими подготовку вооружённого восстания в крупных городах и террористические акты, и с её ролью в истории России, неотделимой от убийства Александра II. Неудивительно, что немалая часть обширной историографии «Народной воли» чрезмерно идеологизирована, небеспристрастна, полемична, изобилует умолчаниями, белыми пятнами или преувеличениями в ту или иную сторону. Многие существенно важные сюжеты освещены в ней бегло и поверхностно, а серьёзных работ о крупнейших народовольцах до сих пор ещё мало, что и заставляет обратить особое внимание на вышедшие в последние несколько лет книги Н.А. Троицкого², О.Н. Дмитриевой³ и М.А. Панькиной⁴.

* * *

Признанный знаток истории народничества Николай Алексеевич Троицкий незадолго до смерти закончил исследование, посвящённое С.Л. Перовской.

© 2020 г. Г.С. Кан

¹ Например: *Богучарский В.Я.* Из истории политической борьбы в 70-х и 80-х гг. XIX века. Партия «Народной воли», её происхождение, судьбы и гибель. М., 1912; *Левицкий В.* Партия «Народная воля». Возникновение. Борьба. Гибель. М.; Л., 1928; *Волк С.С.* «Народная воля». 1879—1882. М.; Л., 1966; *Седов М.Г.* Героический период революционного народничества (Из истории политической борьбы). М., 1966; *Твардовская В.А.* Социалистическая мысль России на рубеже 1870—1880-х годов. М., 1969; *Твардовская В.А.* Революционное подполье // Россия в революционной ситуации на рубеже 1870—1880-х годов. М., 1983; *Троицкий Н.А.* «Народная воля» перед царским судом (1880—1894). Саратов, 1983; *Троицкий Н.А.* Крестonosцы социализма. Саратов, 2002; *Пелевин Ю.А.* А.Д. Михайлов в революционном движении 1870-х — 1880-х годов. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1984; *Будницкий О.В.* Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX — начало XX в.). М., 2016.

² *Троицкий Н.А.* Софья Львовна Перовская. Жизнь. Личность. Судьба. Изд. 2. М.; Саратов, 2018 (Изд. 1. Саратов, 2014).

³ *Дмитриева О.Н.* Народоволец Степан Григорьевич Ширяев. Саратов, 2017.

⁴ *Панькина М.А.* Ночь после битвы. Дегаевщина и кризис в партии «Народная воля». М., 2018.

В рецензии на первое издание этой книги Ю.Г. Степанов справедливо отметил, что «хотя за без малого девяносто лет было издано несколько научных и беллетризованных биографий Софьи Перовской, но одни за давностью лет устарели, другие же носили очерковый характер», и труд Троицкого «может считаться первой капитально фундированной биографией» революционерки⁵.

Судьба Перовской неизбежно заставляет задуматься о том, почему дочь видного чиновника ушла из привычной с детства среды, стала атеисткой, прониклась оппозиционными настроениями и примкнула к социалистическому движению? Как она понимала социализм и революцию в начале 1870-х гг. и насколько изменились её взгляды в «Народной воле»?

Троицкий убедительно, используя множество источников, показал, что отец будущей террористки — Лев Николаевич Перовский (племянник министра внутренних дел 1841—1852 гг. гр. Л.А. Перовского) и её мать Варвара Степановна (сестра неперменного секретаря Российской Академии наук в 1857—1890 гг. экономиста и географа К.С. Веселовского) были очень разными, духовно далёкими друг от друга людьми. Лев Николаевич всегда оставался карьерным бюрократом, формально-религиозным и избалованным светским человеком с раздражительным и деспотическим характером и большими долгами. Увольнение в 1866 г. с должности петербургского губернатора после покушения Д.В. Каракозова на Александра II стало для него тяжелейшим ударом. Впрочем, и раньше он позволял себе даже при детях говорить грубости своей жене.

Варвара Степановна являлась доброй, мягкой и даже кроткой женщиной, глубоко религиозной и обучавшей детей чтению с помощью Евангелия. Одновременно она интересовалась всем, что считалось передовым, приобщала детей к художественной литературе. Её влияние на Софью было гораздо сильнее отцовского. Отец в глазах дочери со временем превратился в чуждую и отталкивающую фигуру⁶.

Летом 1867 г. Варвара Степановна уехала с детьми в имение Кильбурун в Крыму, где Софья прожила безвыездно два года. Именно там оформилось её мировосприятие. Старший брат Василий, поступив на физико-математический факультет Петербургского университета, привёз ей сочинения Д.И. Писарева, философов-позитивистов и скептиков-антиклерикалов Д.Г. Льюиса и Д.У. Дрейпера, физиолога-материалиста Я. Молешотта. Чтение этих книг заметно повлияло на Перовскую. Вернувшись в Петербург летом 1870 г., она испытала сильное впечатление от работы В.В. Берви-Флеровского «Положение рабочего класса в России», в которой ярко изображалась тяжёлая участь людей физического труда. Автор пробудил у барышни сочувствие к ним и желание им помочь⁷. По свидетельству своей ближайшей подруги в 1870-х гг. А.И. Корниловой-Мороз, Перовская с увлечением читала Д.С. Милля,

⁵ Степанов Ю.Г. Троицкий Н.А. Софья Львовна Перовская. Жизнь. Личность. Судьба. Саратов, 2014 [рец.] // История и историческая память (Саратов). 2014. № 9. С. 266. Наиболее выдающимися биографиями Перовской до 2014 г. следует признать работы: Павлюченко Э.А. Софья Перовская. М., 1959; Цымина Т.В. Софья Перовская. Политический портрет. Таганрог, 2006. Однако в книге Павлюченко отсутствует научно-справочный аппарат, а Цымина опиралась почти исключительно на опубликованные источники.

⁶ Троицкий Н.А. Софья Львовна Перовская... С. 65—102.

⁷ Там же. С. 102—103, 109.

Г.-Т.Бокля, Ф. Лассаля, Л. Бюхнера, И.М. Сеченова, Н.Г. Чернышевского, Н.А. Добролюбова, Н.А. Некрасова и И.С. Тургенева⁸.

Но Корнилова-Мороз указывает ещё одну важнейшую для Перовской книгу, о которой, к сожалению, не упоминает Троицкий, — Евангелие. По словам Корниловой-Мороз, «страстная проповедь Писарева, сочинения Сеченова, Бюхнера быстро разрушали религиозные традиции, не унижая нравственной высоты учения Христа и обаяние его личности как мученика за идею. Изречения Евангелия: “Вера без дел мертва есть”, “любовь есть жертва”, “люби ближнего твоего как самого себя”, “легче верблюду...” (иначе говоря — всё или ничего) глубоко проникли в юную... душу»⁹. Судя по всему, социализм, в его демократическом (а какое-то время даже полуанархическом) и индивидуалистическом варианте стал для Перовской, как и для В.Н. Фигнер и её друзей, «новым Евангелием, перелицованным согласно изменившимся социальным условиям и современному развитию человечества». Для них «Иисус удовлетворял нравственное чувство, давал в Евангелии наибольшее количество когда-либо полученных этических идей, учил, что самопожертвование есть высшее, к чему способен человек... Провозглашать любви ученье, обличать несправедливость существующего строя, бороться во имя освобождения человечества против тех, кто захватил богатство и власть, и за это понести преследование — вот, казалось, истинно апостольская миссия новейшего времени»¹⁰. Об огромном и зачастую определяющем влиянии Евангелия на свою жизнь говорили (в той или иной форме) и другие народники 1870-х — начала 1880-х гг., в том числе А.Д. Михайлов, А.И. Желябов, М.Ф. Фроленко, М.Ф. Грачевский, И.Н. Мышкин, В.И. Засулич, Д.А. Лизогуб¹¹. Рассуждая об этой книге, С.Г. Ширяев, интересовавшийся христианской этикой, признавал в 1880 г., что «наш век» «далеко позади её»¹². Возможно, народничество той эпохи представляло собой своего рода социальную религию, парадоксальным образом носившую материалистическо-позитивистский облик. Неверие в учение Церкви о Боге, загробный мир и посмертное воздаяние, неприятие идей смирения и всепрощения соединялись в ней со страстным стремлением к добру, культом сострадания народу и жертвенностью.

Впрочем, по возвращении в Петербург Перовская не сразу примкнула к революционному движению. Почти два года она училась на Аларчинских женских курсах, готовивших к университетским занятиям, заводила новых друзей, руководила женским кружком самообразования, обнаружив большие способ-

⁸ Корнилова-Мороз А. Перовская и основание кружка чайковцев // Каторга и ссылка. 1926. № 1. С. 11, 16.

⁹ Там же. С. 11.

¹⁰ Фигнер В.Н. Студенческие годы // Фигнер В.Н. Полное собрание сочинений. Т. 5. М., 1932. С. 92, 95—96.

¹¹ Письма народовольца А.Д. Михайлова. М., 1933. С. 143, 150; Суд над царевницами. Дело 1-го марта 1881 года / Под ред. В.В. Разбегаева. Т. I. СПб., 2014. С. 9; Фроленко М.Ф. Автобиография // Деятели СССР и революционного движения России. Энциклопедический словарь Гранат. М., 1989. С. 268; К биографии М.Ф. Грачевского // Каторга и ссылка. 1929. № 11. С. 142—143, 147; Революционное народничество 70-х годов XIX века. Т. I. М., 1964. С. 193—194; Засулич В. Воспоминания. М., 1931. С. 13—15; Дмитрий Андреевич Лизогуб (Биографический очерк) // Народная воля. № 5. 5 февраля 1881 г. С. 10—11 (см. также: Литература партии «Народная воля». М., 1930. С. 114—115).

¹² Тюремные письма С.Г. Ширяева к А.Д. Долгоруковой // Каторга и ссылка. 1932. № 10. С. 204.

ности к математике¹³ и собираясь стать психиатром, о чём Троицкий почему-то не сообщает¹⁴. Осенью 1870 г. происходит её открытый разрыв с отцом, которому не понравились внешность и манеры её подруг. Лев Николаевич запретил приводить их к себе домой; дочь, обидевшись, решила жить у друзей до тех пор, пока отец не предоставит ей вид на жительство. Через несколько месяцев, после заявления в полицию и безуспешных розысков, Перовский согласился выдать ей документы, необходимые для отдельного проживания¹⁵. В этой истории уже чувствуется бунтарский характер — сильный, целеустремлённый, решительный, закалённый спортом (Софья была прекрасной пловчихой, наездницей, гребцом и гимнасткой¹⁶). Но к нелюбимому и всё же по-своему любившему её отцу она отнеслась по-юношески жестоко.

С лета 1871 г. вплоть до казни 3 апреля 1881 г. жизнь Перовской была полностью отдана революционному движению. Её вехи — пребывание в обществе «чайковцев» (1871—1874), «хождение в народ» и работа оспопрививательницей и учительницей в разных деревнях Самарской и Тверской губерний (1872—1873), пропаганда среди рабочих на заводах и фабриках Петербурга (1873), задержание полицией 5 января 1874 г., полугодовое тюремное заключение, освобождение на поруки отца, обучение фельдшерскому делу, участие в процессе 193-х (октябрь 1877 — январь 1878 г.), оправдание и последующий неожиданный арест для административной высылки в Олонецкую губ., бегство, вступление в общество «Земля и воля», попытки организовать побег каторжан и агитация среди молодёжи в Харькове (1878 — начало лета 1879 г.)¹⁷, участие в деятельности «Народной воли» и убийстве Александра II, арест, суд и казнь. Обо всём этом живо, основательно и подробно рассказано Троицким.

Гораздо меньше историк сообщает о мировоззрении Перовской. Её взгляды на социализм и революцию за эти годы в чём-то менялись, а в чём-то оставались неизменными. В дневниковых записях 1872 или 1873 г. она утверждала: «Наибольшего счастья человечество может достичь тогда, когда индивидуальность каждого человека будет уважаться, и каждый человек будет сознавать, что его счастье неразрывно связано со счастьем всего общества. Высшее же счастье человека заключается в свободной умственной и нравственной деятельности»¹⁸. Индивидуализм, восходивший ещё к «Историческим письмам» П.Л. Лаврова, вообще был характерной чертой социалистического движения 1870-х гг.¹⁹ Формула прогресса у Лаврова, как известно: «Развитие личности в физическом, умственном и нравственном отношении; воплощение в общественных формах истины и справедливости»²⁰.

Представления Перовской очень близки и к другому идеологу «семидесятников» — Н.К. Михайловскому, который, во многом следуя за П.-Ж. Прудонem, видел в социализме «торжество личного начала при посредстве начала об-

¹³ Троицкий Н.А. Софья Львовна Перовская... С. 105—110, 121—123, 126—128.

¹⁴ Прибылева-Корба А.П. Автобиография // Деятели СССР и революционного движения России. С. 201.

¹⁵ Троицкий Н.А. Софья Львовна Перовская... С. 111—113.

¹⁶ Там же. С. 84, 104, 108, 130, 165.

¹⁷ О пребывании Перовской в Харькове см. также воспоминания Фроленко: РГАЛИ, ф. 1744, оп. 1, д. 69, л. 7—12. К сожалению, в книге они не использованы.

¹⁸ Троицкий Н.А. Софья Львовна Перовская... С. 151.

¹⁹ Русанов Н.С. На родине. 1859—1882. М., 1931. С. 9, 188; Фигнер В. Студенческие годы. С. 100—101.

²⁰ Лавров П.Л. Исторические письма // Лавров П.Л. Избранные труды. М., 2010. С. 81.

щинного»²¹. «Всякие общественные союзы, — провозглашал Михайловский, — какие бы громкие или предвзято-симпатичные для вас названия они не носили, имеют только относительную цену. Они должны быть дороги для вас постольку, поскольку они способствуют развитию личности, охраняют её от страданий, расширяют сферу её наслаждений... Личность никогда не должна быть принесена в жертву; она свята и неприкосновенна»²². Всё это не мешало Михайловскому критиковать экономический либерализм и защищать, по крайней мере в 1870-е гг., крестьянскую общину как убежище от капитализма, приносящего личность в жертву системе «наибольшего производства»²³.

Несмотря на безусловное признание почти всеми социалистами 1870-х гг. идеи насильственной крестьянской революции²⁴, на практике и пропаганда «чайковцев», и «хождение в народ», и работа землевольцев в деревнях носили сугубо мирный характер. Да и «дезорганизация» власти, включённая в программу «Земли и воли» и предусматривавшая «систематическое истребление наиболее вредных или выдающихся лиц из правительства»²⁵, вплоть до 1878 г. оставалась лишь фразой. Л.А. Тихомиров в 1882 г. отмечал: «Бунт, кровь, революция» — всё это были звуки. Мы... совершенно не понимали, что это такое в действительности. Наша «кровь» не сопровождалась страданием, наш «бунт» был строен и безобиден, наша «революция» была более нравственным пере рождением, чем кровавой перетасовкой»²⁶.

А вот преследование социалистов оказалось вполне реальным. Троицкий, ссылаясь на М.И. Венюкова, пишет о 8 тыс. арестованных в 1874 г.²⁷ Однако, согласно записке чиновника III отделения Собственной е.и.в. канцелярии М.М. Меркулова, задержанных было всё же меньше, хотя и немало: с 1873 по март 1877 г. к дознанию привлекалось 1 611 человек и лишь для 557 (около 35%) «преследование прекращено без всяких последствий». Остальных ожидали суд или высылка в отдалённые губернии и полицейский надзор²⁸. Из числа участников «хождения в народ», попавших за решетку, за более чем три года следствия 43 человека умерли в тюрьме, 12 — покончили с собой, 38 — сошли с ума; ещё четверо скончались во время процесса 193-х²⁹. Троицкий приводит немало примеров ничем не оправданной жестокости и произвола, с которыми довелось столкнуться социалистам³⁰, прежде чем отдельные революционеры, а затем и некоторые видные члены «Земли и воли» перешли к организации террористических актов против высокопоставленных лиц.

Перовская, не будучи теоретиком, периодически высказывалась о программе и тактике «Народной воли». Так, в феврале 1881 г., беседуя с народо-

²¹ Михайловский Н.К. Несколько слов о славянофильстве и западничестве // Михайловский Н.К. Полное собрание сочинений. Т. 4. СПб., 1897. Стб. 701.

²² Михайловский Н.К. Письма о правде и неправде // Михайловский Н.К. Полное собрание сочинений. Т. 4. Стб. 451—452.

²³ Там же. Стб. 450—452; Михайловский Н.К. Борьба за индивидуальность // Михайловский Н.К. Избранные труды. М., 2010. С. 481.

²⁴ См., в частности, программу «Земли и воли»: Революционное народничество 70-х годов XIX века. Т. II. М.; Л., 1965. С. 31—32.

²⁵ Там же. С. 33.

²⁶ К биографиям А.И. Желябова и С.Л. Перовской // Былое. 1906. № 8. С. 119.

²⁷ Троицкий Н.А. Софья Львовна Перовская... С. 178.

²⁸ Сидоров Н.И. Статистические сведения о пропагандистах 70-х годов в обработке III Отделения // Каторга и ссылка. 1928. № 1. С. 29—30.

²⁹ Троицкий Н.А. Софья Львовна Перовская... С. 179.

³⁰ Там же. С. 178—179, 191—192, 218—219, 231, 237—238, 241, 244, 248, 268—269.

вольтер-неофитом С.А. Ивановым, она резко возражала против мнения о том, будто их партия намерена установить революционную диктатуру якобинского толка. «Наши противники... взводят на нас, между прочим, обвинение, что мы хотим воскресить старый, уже осуждённый историей, якобинский принцип захвата власти во всём его старом значении, — заявляла Софья Львовна. — Говорить это можно лишь по недоразумению или с преднамеренной тенденциозностью. Наши цели и тактика не имеют ничего общего с этим якобинским принципом (Троицкий, цитируя эти слова, ошибочно называет его “бланкистской идеей”³¹. — Г.К.) — с идеей о насильственном разрешении сверху главных вопросов общественной жизни и о навязывании народу тех или иных социально-политических форм. Наш девиз “Народная воля” не является пустым звуком, а действительно выражает собой сущность нашей программы и наших стремлений. За собою мы оставляем лишь одно безусловное право — право свободной пропаганды своих идей, а во всём остальном готовы подчиниться верховной воле народа, выраженной ясно и свободно. Но во имя этого последнего для революционной партии, кроме настоящей непосредственной борьбы с современным политическим строем, встанёт ещё другая задача — создать после падения этого строя такую общественную обстановку, при которой весь народ имел бы фактическую возможность выразить свободно волю и осуществить её. Только в этом смысле и следует понимать пункт, трактующий о захвате власти, только в интересах создания такой обстановки и введён он в программу партии»³².

Схожим образом излагали планы «Народной воли» члены её Исполнительного комитета Фигнер, Михайлов, Корба и Баранников, в том же духе рассуждал Желябов³³. Единственной последовательной сторонницей бланкизма среди них являлась М.Н. Ошанина³⁴. Между тем в историографии до сих пор, к сожалению, «Народную волю», а не только Ошанину, Тихомирова или кого-то ещё, искусственно сближают с П.Н. Ткачёвым, приписывая всей партии идеи революционной диктатуры³⁵.

Троицкий собрал много документов, указывающих на деятельную доброту Перовской, её отзывчивость, трогательную заботу о слабых, больных, нуждающихся в помощи, о свойственной ей простоте в общении, о её любви к матери, друзьям, Желябову, о симпатиях к ней окружающих. Автор описывает, как летом 1874 (или 1875) г. она вытащила из воды тонувшую Е.Н. Эндаурову, не умеющую плавать, как в 1877 г., учась на фельдшерских курсах в Симферополе, каж-

³¹ Там же. С. 313—314.

³² Иванов С. Из воспоминаний о 1881 годе // Былое. 1906. № 4. С. 235—236.

³³ Фигнер В. Запечатленный труд. Ч. 1 // Фигнер В. Полное собрание сочинений. Т. 1. С. 163—164; Прибылева-Корба А.П., Фигнер В.Н. А.Д. Михайлов. Л.; М., 1925. С. 156; Письма народовольца А.Д. Михайлова. С. 217, 219—220; Прибылева-Корба А.П. «Народная воля». Воспоминания о 1870—1880-х гг. М., 1926. С. 56; Народоволец А.И. Баранников в его письмах. М., 1935. С. 134—135, 141; Фроленко М.Ф. Липецкий и Воронежский съезды // Фроленко М.Ф. Собрание сочинений. Т. 2. М., 1932. С. 17.

³⁴ Фигнер В. Запечатленный труд. Ч. 1. С. 164—165. Принадлежность к бланкистам Тихомирова, о которой пишут многие историки, включая Троицкого и Дмитриеву (Троицкий Н.А. Софья Львовна Перовская... С. 287; Дмитриева О.Н. Народоволец Степан Григорьевич Ширяев. С. 111), достаточно спорна (Подробнее см.: Кан Г. Что остаётся «для вечности»? // Российская история. 2013. № 1. С. 157—158).

³⁵ Исаков В.А. Концепция заговора в радикальной социалистической оппозиции. Вторая половина 1840-х — первая половина 1880-х годов. М., 2004. С. 271—274, 278, 288—291, 306; Исаков В.А. Поиск формулы революции: П.Н. Ткачёв и народовольчество. М., 2008. С. 93—96, 101, 111—113, 127.

дый день в течение нескольких месяцев приходила для перевязки к старушке-еврейке, болевшей раком, как помогала находившимся в тюрьмах товарищам (страдавшему бессонницей С.Л. Чудновскому передала хорошую подушку, а Софье Ивановой в день её именин — букет живых цветов и сладости) и т.п.³⁶

Сохранились, однако, и иные отзывы. Тихомиров, написавший в 1882 г. очень выдержанный и в целом комплиментарный очерк о Перовской, став монархистом, характеризовал её в 1898 г. крайне нелицеприятно: «Перовская была очень сильная женская натура, и со всеми недостатками этого. Самолюбива, деспотична. Она любила властвовать и окружать себя ничтожностями и бездарностями». Но, очарованная Желябовым, «стала его рабой»³⁷. Конечно, Тихомиров несправедлив. Если бы Перовская отличалась преимущественно самолюбием, властолюбием и деспотизмом, вряд ли о ней осталось бы столько прочувствованных воспоминаний. Да и руководимый ею в 1870—1871 гг. кружок самообразования уж точно не состоял из ничтожеств (в него входили Корба, Ковальская, сёстры А.И., В.И и Л.И. Корниловы, О.А. Шлейснер)³⁸.

И всё же у Перовской был сложный характер, и современникам она запомнилась не только добротой и любовью к людям. Ковальская, член «Чёрного передела», человек очень наблюдательный и умевший подметить детали, свидетельствовала, что во время их встреч Перовская каждый раз даже выглядела по-разному: то строгой, аскетичной сектанткой-монашкой со взглядом исподлобья, то нежной и ласковой сиделкой у постели больного с мягким и женственным лицом³⁹. Народолюбец Е.М. Сидоренко считал, что «эта святая, чистая натура, строгая к другим, как и к себе, не умела простить ни минутной слабости, ни легкомыслия». По выражению Фигнер, «в её натуре была и женственная мягкость, и мужская суровость. Нежная, матерински-нежная к людям из народа, она была требовательна и строга по отношению к товарищам-единомышленникам, а к политическим врагам — к правительству — могла быть беспощадной»⁴⁰. О ненависти Перовской к императору и наследнику престола можно судить по показаниям Н.И. Рысакова, запутавшегося и запуганного, но ничего не сочинявшего (в отличие от таких предателей «Народной воли», как В.А. Меркулов, И.М. Саранчёв, П.А. Елько). Незадолго до 1 марта 1881 г. Перовская строила планы, согласно которым «после папши (Александра II. — Г.К.) нужно приняться за сына»⁴¹. В день царевубийства она говорила, что собирается «раздавить мелкое насекомое», «раздавить паразита»⁴². Тихомиров в 1882 г. тонко отмечал: «Она в деле была жестоко-требовательна, и могла довести человека до самоубийства за малейшую слабость (самоубийств, правда, не

³⁶ *Троицкий Н.А.* Софья Львовна Перовская... С. 35, 72, 135—136, 154—155, 159, 165—166, 181, 185, 189—190, 206, 222—223, 235, 242—243, 261—262, 311—312, 381—382, 384, 386—388, 398—400, 492—493. К этим свидетельствам можно добавить и другие: *Аксельрод П.Б.* Пережитое и передуманное. Кн. 1. Берлин, 1923. С. 154, 366; *Щербина Ф.А.* Пережитое, передуманное и осуществлённое. Т. IV. Краснодар, 2014. С. 149—153.

³⁷ *Тихомиров Л.* Воспоминания. М., 2003. С. 149. В 1910-е гг., в очерке «Смерть Александра II» Тихомиров писал о чувствах Перовской к Желябову несколько иначе: «Его любила всеми силами своей глубокой натуры» (Из архива Л. Тихомирова // Красный архив. 1924. № 6. С. 170).

³⁸ *Троицкий Н.А.* Софья Львовна Перовская... С. 121—122.

³⁹ *Ковальская Е.Н.* Мои встречи с С.Л. Перовской // Былое. 1921. № 16. С. 43—48.

⁴⁰ *Фигнер В.* Запечатленный труд. Ч. 1. С. 243—244. Весьма характерно, что Троицкий, приводя эту фразу, сократил слова об отношении к правительству (*Троицкий Н.А.* Софья Львовна Перовская... С. 312).

⁴¹ Показания, заявления и прошения Н.И. Рысакова // Суд над царевубийцами. Т. II. С. 74.

⁴² Там же. С. 89.

было. — Г.К.). Как это помирить с её нежностью к больным, слабым, и вообще ко всем, требующим поддержки — я не знаю»⁴³.

Пожалуй, наиболее сильное впечатление производят трогательные и пронзительные главы, освещающие последний месяц жизни Перовской⁴⁴ — и её трагическую гибель, отчасти обусловленную тем, что она не хотела покинуть Петербург, безнадежно пытаясь спасти любимого человека. Впрочем, 1 марта 1881 г. стало трагедией не только для неё...

* * *

Ученица Н.А. Троицкого О.Н. Дмитриева в своей монографии тщательно проследила жизненный путь одного из виднейших деятелей ранней «Народной воли» — С.Г. Ширяева⁴⁵. Это был чрезвычайно талантливый человек с очень необычной биографией, которая давно заслуживала фундированного исследования. Однако единственной работой о нём до сих пор оставалась небольшая брошюра его гимназического товарища, впоследствии тоже народовольца И.И. Майнова⁴⁶.

Ширяев родился в 1857 г. в селе Таволожка Вязьминской волости Петровского уезда Саратовской губ. в семье крестьянина-вольноотпущенника, управлявшего имением либерального помещика Г.А. Языкова. Мать будущего революционера также умела читать и писать. Его родители были людьми религиозными и достаточно авторитарными, особенно умерший в 1870 г. отец. Семейство Языковых покровительствовало Ширяевым, благодаря чему Степан, окончив сельскую школу, поступил в 1868 г. в Саратовскую мужскую гимназию и во время обучения жил в их доме в Саратове⁴⁷. Тем не менее мальчик, с детства много читавший и имевший склонность к гуманитарным предметам, в начале 1870-х гг. проникся оппозиционными настроениями. Сперва его кумиром стал Писарев, увлекавший своим атеизмом, культом свободы личности и призывом к изучению естественных наук. Потом Ширяеву, как и многим другим «семидесятникам», взгляды Писарева стали казаться морально-фальшивыми, нацеленными на узко-эгоистическое наслаждение жизнью, и он увлёкся той же «социальной религией», что и Перовская, — начал, по собственному выражению, «сознавать нравственную обязанность» «быть полезным членом общества». Сочинения Чернышевского, Добролюбова, Берви-Флеровского и Лаврова уже в гимназии сделали его социалистом⁴⁸. По словам Майнова, молодые люди 1870-х гг., штудировавшие и обсуждавшие произведения Бокля, Льюиса, Милля, Г. Спенсера, Прудона, Лассалья и Михайловского, видели в социализме «новое понимание Правды» и «осуществление абсолютного Добра»⁴⁹. Ширяев был большим почитателем идей Михайловского (о чём Дмитриева почему-то не упоминает), ценя его «убедительную аргументацию», «стройность и систе-

⁴³ К биографиям А.И. Желябова и С.Л. Перовской. С. 122.

⁴⁴ Троицкий Н.А. Софья Львовна Перовская... С. 379—453.

⁴⁵ Дмитриева О.Н. Народоволец Степан Григорьевич Ширяев.

⁴⁶ Майнов И.И. Степан Григорьевич Ширяев. Член Исполнительного комитета партии «Народная воля». М., 1930.

⁴⁷ Дмитриева О.Н. Народоволец Степан Григорьевич Ширяев. С. 28—43.

⁴⁸ Там же. С. 45—46, 53—54.

⁴⁹ Майнов И. Пётр Сергеевич Поливанов // Поливанов П.С. Алексеевский равелин. Л., 1926. С. 13—14; [Майнов И.И.] Из жизни саратовских кружков // Былое. 1903. № 4. С. 11.

матичность взглядов», хотя и без «блестящего таланта изложения» Писарева и «страстной энергии» Добролюбова⁵⁰.

Летом 1875 г. Ширяев бросил гимназию и поступил в Харьковский ветеринарный институт, где проучился с осени 1875 по апрель 1876 г. К тому времени он уже сам обеспечивал себя, зарабатывая уроками. Тогда же им был внимательно прочитан I том «Капитала» К. Маркса. Вернувшись в Саратов, Ширяев примкнул к кружку Ф.Е. Гераклитова, состоявшему из гимназистов, семинаристов и рабочих и довольно успешно занимавшемуся пропагандой. Но осенью 1876 г., решив пополнить свои знания и жизненный опыт, он уехал в Лондон, где работал докером, овладев английским языком⁵¹, и познакомился с Лавровым, по рекомендации которого в начале 1877 г. перебрался в Париж, устроившись на работу в мастерскую П.Н. Яблочкова. Добросовестно освоив там основы электротехники и выучив французский язык, Ширяев в октябре 1877 г. вернулся в Лондон, но теперь уже электромехаником, неплохо зарабатывал и даже делал сбережения⁵².

В своих письмах из Англии к брату Ширяев констатировал, что английские рабочие живут хуже поволжских крестьян, среднее и высшее образование доступно только представителям привилегированных классов. Но его манила свобода слова и ассоциаций⁵³. Знакомясь с английской общественной жизнью, посещая митинги и политические клубы, испытывая влияние европейского анархизма, он увлёкся идеей «пропаганды фактами» — активным участием в стачках, бунтах и стихийных протестах. Ему казалась заманчивой передача фабрик и заводов в руки рабочих артелей и замена «политического деспотизма» федеративным государством с широким местным самоуправлением⁵⁴.

В ноябре 1878 г. Ширяев вернулся в Петербург и вскоре наладил сотрудничество с «Землёй и волей». Не вступая в неё, он являлся членом её «периферийного» кружка, вплоть до апреля 1879 г. агитировавшего среди столичных рабочих. В конце февраля 1879 г. при его участии в Москве удалось заманить в ловушку и убить агента III отделения Собственной е.и.в. канцелярии Н.В. Рейнштейна. Незадолго до этого Ширяев познакомился с А.Д. Долгоруковой и вскоре между ними установились близкие отношения⁵⁵.

Аресты, ссылки и даже казни революционеров по малообоснованным или недоказанным обвинениям возмущали Ширяева, убеждая в необходимости борьбы с самодержавием за политическую свободу. В допустимости использования террора в этой борьбе он не сомневался, и в мае 1879 г. вступил в группу «Свобода или смерть», созданную членами так называемого северного Исполнительного комитета землевольцев — «политиками» во главе с Михайловым. К тому времени Ширяев изучил литературу по динамитному «делу», устроил у себя в комнате маленькую лабораторию для опытов и руководил двумя динамитными мастерскими в Петербурге. На Воронежском съезде «Земли и воли» 18—21 июня 1879 г. он, наконец, присоединился к этой организации, а после её распада вошёл в Исполнительный комитет «Народной воли», где отвечал за

⁵⁰ Тюремные письма С.Г. Ширяева к А.Д. Долгоруковой // Каторга и ссылка. 1932. № 8—9. С. 284, 300; № 10. С. 218—219.

⁵¹ Там же. № 8—9. С. 267.

⁵² Дмитриева О.Н. Народнолец Степан Григорьевич Ширяев. С. 64—71.

⁵³ Дмитриева О.Н. К биографии С.Г. Ширяева // Освободительное движение в России. Вып. 22. Саратов, 2007. С. 166.

⁵⁴ Дмитриева О.Н. Народнолец Степан Григорьевич Ширяев. С. 74—77.

⁵⁵ Там же. С. 78—90.

производство динамита и техническую сторону покушений на Александра II 18—19 ноября 1879 г. Под Москвой он лично замыкал электрическую цепь, взорвав один из вагонов свитского поезда (который, возможно, перепутал с царским составом)⁵⁶.

Вернувшись 1 декабря 1879 г. в Петербург, Ширяев навестил Долгорукову и увидел родившегося накануне сына Владимира, а уже в ночь на 4 декабря был арестован в ходе повального обыска — у него обнаружили револьвер с патронами, фальшивые паспорта, запрещённые книги. Назвать себя он отказался, и лишь 4 марта 1880 г. его опознал брат Иван. 23 января была арестована и Долгорукова, потерявшая в тюрьме сына, умершего 6 марта. В августе её освободили и выслали в Уфу⁵⁷.

30 октября на основании показаний Г.Д. Гольденберга, обманутого следователями и повесившегося в камере ещё 15 июля, Петербургский военно-окружной суд приговорил Ширяева, пытавшегося на процессе разьяснять программу «Народной воли», к смертной казни, которую Александр II заменил вечной каторгой⁵⁸. Поначалу это явно ободрило осуждённого. «Если не из любви к жизни, то из любви ко мне ты побережёшь себя теперь, ненаглядная моя, — писал он Долгоруковой 4 ноября 1880 г. — Как бы ни были отдалёнными и смелы надежды — всё же они есть и умрут лишь вместе с нами. Любящий человек тем именно и отличается от равнодушного, что верит в лучшее будущее... и живёт, поддерживаемый этой верой и надеждой»⁵⁹. Однако увидеться им уже не довелось. 18 августа 1881 г. Ширяев умер в Алексеевском равелине Петропавловской крепости, по официальным данным от воспаления левого лёгкого, явившегося следствием катара лёгких; а по неофициальным — покончил с собой, разбив себе голову о каменный пол камеры. Возможно, на его физическое и психическое здоровье повлияло ужесточение тюремного режима, начавшееся в марте 1881 г. (отмена прогулок, ухудшение питания, сокращение возможностей для переписки с волей, ограничение выдачи книг и т.п.)⁶⁰.

Можно лишь сожалеть, что в свою очень добротную и информативную книгу⁶¹ Дмитриева не включила отдельную большую главу «Личность Ширяева», дав лишь его краткую характеристику в заключении⁶². Его духовный облик и круг интересов требует более подробного анализа. Ведь, не ограничиваясь собственно социалистической литературой, он изучал труды И.Д. Беляева, М.Ф. Владимирского-Буданова, Н.И. Кареева, Н.И. Костомарова, В.И. Семевского, В.И. Сергеевича, А. де Токвиля, И. Тэна, Ф.К. Шлоссера, А.П. Щапова⁶³.

⁵⁶ Там же. С. 92—131.

⁵⁷ Там же. С. 133—138.

⁵⁸ Там же. С. 139—157.

⁵⁹ Тюремные письма С.Г. Ширяева к А.Д. Долгоруковой // Каторга и ссылка. 1932. № 10. С. 224.

⁶⁰ Дмитриева О.Н. Народолюбец Степан Григорьевич Ширяев. С. 157—167.

⁶¹ В ней не учтены, пожалуй, лишь письма Ширяева к своему товарищу В.А. Марковскому 5 и 17 марта 1876 г. и к брату Петру 18 января 1879 г. (ГА РФ, ф. 109, Секретный архив, оп. 1а, д. 674, л. 1—2а, 10—11 об.; д. 864, л. 2—4 об.).

⁶² Дмитриева О.Н. Народолюбец Степан Григорьевич Ширяев. С. 168—173.

⁶³ Тюремные письма С.Г. Ширяева к А.Д. Долгоруковой // Каторга и ссылка. 1932. № 8—9. С. 273; № 10. С. 219—220.

В монографии М.А. Панькиной⁶⁴ говорится о судьбе «Народной воли» с марта 1881 г. по декабрь 1883 г., когда партия уже находилась в глубоком кризисе, но ещё не в предсмертной агонии. В центре внимания автора — феномен «дегаевщины» и причудливые взаимоотношения между инспектором секретной полиции подполковником Г.П. Судейкиным и членом народовольческой Центральной организации, во многом заменившей Исполнительный комитет, С.П. Дегаевым. В той или иной мере они освещались почти во всех работах о «Народной воле», но специально рассматривались лишь Н.А. Троицким, Ф.М. Лурье и Р. Пайпсом⁶⁵, которые, впрочем, далеко не исчерпали данную тему. В книге Панькиной она изложена наиболее подробно.

Исследовательница ярко, хотя и слишком кратко, описывает тяжёлую ситуацию, сложившуюся в «Народной воле» в 1881—1882 гг.: ослабление Исполнительного комитета и всей организации из-за массовых арестов сопровождалось усилением авторитаризма некоторых руководителей партии, участились случаи пренебрежения конспирацией, приёма новых людей по «пониженному цензу», рядовые народovolьцы проявляли несамостоятельность и пассивность. Между тем политический сыск действовал всё более эффективно⁶⁶.

Отчасти в этом была заслуга Судейкина. Хитроумный, энергичный и изобретательный сыщик, будучи в конце 1870-х гг. помощником начальника Киевского губернского жандармского управления, сумел разгромить ряд революционных организаций. В 1881 г. его перевели в столицу, назначив заведующим агентурой Петербургского охранного отделения. Там он выследил и арестовал немало видных народovolьцев и 3 декабря 1882 г. занял пост инспектора секретной полиции, подчинив себе агентуру во всех крупных городах и губерниях. Успехи Судейкина объяснялись прежде всего умением заводить «внутреннюю агентуру» среди революционеров. Кого-то он соблазнял деньгами, с другими вёл разговоры «по душам», представляясь гуманистом и «прогрессистом» и убеждая, что реформам в стране мешают именно террористы. Обычно арестанту предлагалось, никого не выдавая, всего лишь сообщать о настроениях в революционной среде. Если тот соглашался, его освобождали, после чего многие, утратив ощущение барьера, становились уже прямыми агентами охранки, или же Судейкин заставлял их таковыми стать, угрожая передать революционерам сведения о сотрудничестве человека с полицией, что могло грозить гибелью⁶⁷. Будучи человеком крайне амбициозным и циничным, Судейкин, по свидетельству землевольца М.Р. Попова, заявлял в 1880 г.: «Я, господа, не идеалист и на всё смотрю с точки зрения выгоды! Располагай русская революционная партия такими же средствами для вознаграждения агентов, я также верно служил бы и ей»⁶⁸.

Дегаев, внук известного литератора Н.А. Полевого, сперва обучался в Михайловском артиллерийском училище, но, связавшись с народниками, в 1879 г. вышел в отставку в чине штабс-капитана и перешёл в Институт путей сообще-

⁶⁴ Панькина М.А. Ночь после битвы...

⁶⁵ Троицкий Н.А. Дегаевщина // Вопросы истории. 1976. № 3. С. 125—133; Лурье Ф.М. Политический сыск в России. 1649—1917. СПб., 1992. С. 162—213. Изд. 2: М., 2006. С. 157—205; Pipes R. The Degeev affair: terror and treason in Tsarist Russia. New Haven; L., 2003.

⁶⁶ Панькина М.А. Ночь после битвы... С. 24—47.

⁶⁷ Там же. С. 52—66.

⁶⁸ Попов М.Р. Записки землевольца. М., 1933. С. 264.

ния. Постепенно он превратился в одного из активных членов «Народной воли» в Петербурге, вошёл в её Военную организацию, в феврале 1881 г. вместе с другими рыл подкоп на Малой Садовой улице, готовя царевубийство. Осенью 1882 г. руководившая партией Фигнер ввела его в Центральную организацию⁶⁹. Это был человек неглупый, хороший исполнитель, прекрасный психолог, умевший, когда считал это нужным, понравиться собеседнику. Но он был до крайности честолюбив, тщеславен, самовлюблён и к тому же труслив⁷⁰. Ему страстно хотелось сделать революционную карьеру, управлять, руководить, играть роль, определять судьбы людей. В.Г. Короленко, общавшийся с Дегаевым в Кронштадте в 1877 г., вспоминал, что уже тогда сочувствовавший революции Дегаев сравнивал себя с Д. Гарибальди⁷¹.

18 декабря 1882 г. Дегаева арестовали в Одессе. Вскоре туда приехал уже знакомый с ним Судейкин⁷². Два честолюбца быстро нашли общий язык. Дегаеву совсем не хотелось попасть на каторгу, Судейкин же внушил ему, что оба они одиноки и не оценены по достоинству. Прогрессивному подполковнику мешали сделать карьеру реакционеры — министр внутренних дел гр. Д.А. Толстой и вел. кн. Владимир Александрович, Дегаев мог бы устранить их, возглавив «Народную волю» вместо Фигнер. И тогда они вдвоём повели бы Россию к светлому будущему. Арестанта полностью устроила такая перспектива⁷³.

14 января 1883 г. Судейкин организовал Дегаеву побег, после которого тот отважным героем явился в Харьков, где находилась Фигнер. Уже 10 февраля он выдал её охранке, устроив так, будто она случайно встретила на улице своего старого знакомого народовольца Меркулова, ставшего полицейским агентом. Оставшись единственным уцелевшим членом Центральной организации, Дегаев оказался во главе партии. По его указаниям было арестовано не менее 83 человек, полностью разгромлена Военная организация. Никаких реальных действий (тем более террористических актов) народовольцы под руководством Дегаева не совершали: осуществлять свои прежние проекты Судейкин явно не спешил⁷⁴.

Внезапно Дегаев уехал в Женеву к Тихомирову и сознался, что работает на Судейкина. Относительно времени и причин этого поступка в историографии единого мнения нет. Тихомиров в 1923 г. утверждал, что Дегаев покался перед ним по собственной инициативе, и не упоминал о каких-либо предшествовавших этому подозрениях⁷⁵. По свидетельству Г.А. Лопатина, это случилось в мае 1883 г.⁷⁶ Между тем, согласно мемуарам народоволки Е.А. Серебряковой, в мае 1883 г. подвыпивший полицейский чиновник сообщил отцу одного из народовольцев, что побег Дегаева был постановочным. Это обеспокоило одесских радикалов, и в сентябре Серебрякова, приехав в Женеву, рассказала обо всём Тихомирову, а через несколько дней повторила сказанное в присутствии Дегае-

⁶⁹ Панькина М.А. Ночь после битвы... С. 67—74, 80—90.

⁷⁰ Там же. С. 71—73, 102—103, 107—108, 130—133.

⁷¹ Короленко В.Г. История моего современника. Кн. 2 // Короленко В.Г. Собрание сочинений. Т. 4. Л., 1990. С. 503.

⁷² Панькина М.А. Ночь после битвы... С. 82—83, 92—93.

⁷³ Там же. С. 102—104, 108—109, 132—133.

⁷⁴ Там же. С. 104—106, 112—129.

⁷⁵ Тихомиров Л.А. Тени прошлого. М., 2000. С. 387—394. Эта версия отражена в работах: Богучарский В.Я. Указ. соч. С. 113; Волж С.С. «Народная воля»... С. 149; Троицкий Н.А. Дегаевщина. С. 132.

⁷⁶ Герман Александрович Лопатин (1845—1918). Автобиография. Показания и письма. Статьи и стихотворения. Библиография. Пг., 1922. С. 14.

ва. Тихомиров эмоционально возражал ей, но в тот же день заставил предателя во всём признаться⁷⁷. Ю.В. Давыдов, Ф.М. Лурье и М.А. Панькина следуют за мемуаристкой⁷⁸. Но более вероятно, что Тихомиров, дабы оказать моральное давление на Дегаева, притворялся перед Серебряковой, уже прекрасно обо всём зная. Во всяком случае, хорошо осведомлённый народоволец В.И. Сухомлин, подтверждая написанное Серебряковой, писал при этом, ссылаясь на услышанное от Тихомирова и Ошаниной летом 1883 г., что Дегаев принёс покаяние ещё до того, как за границей стало известно о возникших подозрениях⁷⁹. Кроме того, в календаре «Народной воли», опубликованном в сборнике, составленном самими народовольцами, признание Дегаева отнесено к 15(27) мая 1883 г.⁸⁰

Действия Дегаева, скорее всего, объяснялись страхом разоблачения и гибели и опять же неудовлетворённым честолюбием: Судейкин требовал от него только новых выдач и контроля над партией, и уже не толковал о совместном управлении империей. При этом инспектор предложил ему для усиления престижа разоблачить и убить собственного «выдохшегося» агента. Затея не была реализована⁸¹, но после этой беседы Дегаев не мог не задуматься о том, что ожидает его самого. Для искупления вины перед партией ему пришлось, по указанию Тихомирова, спасти от ареста тех народovolьцев, которые ещё находились на свободе, а также организовать убийство Судейкина и принять в нём непосредственное участие⁸². Курировать этот террористический акт поручили Лопатину, который, как ни странно, не был осведомлён заграничными товарищами о действительной роли Дегаева и самостоятельно его разоблачил⁸³. Расправившись с подполковником и бежав из России, Дегаев поселился в США, где впоследствии добился большого успеха как профессор математики.

* * *

Таким образом, судя по монографиям последних лет, деятельность и деятели «Народной воли» ещё нуждаются в изучении и по-прежнему привлекают внимание исследователей, принадлежащих к разным поколениям. Книги Н.А. Троицкого, О.Н. Дмитриевой и М.А. Панькиной закрывают немало лакун, они написаны живо и хорошо фундированы, их чтение существенно обогатит знаниями любого, интересующегося историей революционного движения в России.

⁷⁷ *Серебрякова Е.А.* Встреча с Дегаевым // *Былое*. 1924. № 25. С. 66—67, 69—71. Судя по дневнику Тихомирова, он действительно встречался с Серебряковой 1(13) сентября 1883 г. (*Тихомиров Л.* Воспоминания. С. 203).

⁷⁸ *Давыдов Ю.В.* Герман Лопатин, его друзья и враги. М., 1984. С. 124—127; *Лурье Ф.М.* Политический сыск в России... С. 188—192; *Панькина М.А.* Ночь после битвы... С. 138—140, 142—143.

⁷⁹ *Сухомлин В.И.* Из эпохи упадка партии «Народная воля» // *Каторга и ссылка*. 1926. № 3. С. 87; № 4. С. 31, 34. См. также: *Репников А.В., Милевский О.А.* Две жизни Льва Тихомирова. М., 2011. С. 159—160.

⁸⁰ «Народная воля» в документах и воспоминаниях. М., 1930. С. 269.

⁸¹ *Тихомиров Л.* В мире мерзости запустения // *Вестник «Народной воли»*. 1884. № 2. 2-я пагинация. С. 92—93.

⁸² *Вестник «Народной воли»*. 1885. № 4. 2-я пагинация. С. 238—239; *Тихомиров Л.А.* Тени прошлого. С. 394—395.

⁸³ *Панькина М.А.* Ночь после битвы... С. 145—146.

«Публичная история» и профессиональная историография

Владимир Согрин

«Public history» and professional historiography

Vladimir Sogrin

(Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

DOI: 10.31857/S086956870009261-8

Главным предметом настоящей статьи являются соотношение и взаимоотношение специализаций «профессиональная историография» и «публичная история» («*public history*»)¹. Последняя обрела «права гражданства» как за рубежом, так и в России. В настоящее время в шести российских университетах открыты магистерские программы «публичной истории»². В университетах США эта специализация потеснила профессиональную историографию. Также в стране действуют журналы «Публичная история», «Публичный историк» и соответствующая ассоциация, куда входят журналисты, публицисты, представители разных сфер культуры, выпускники университетов, специалисты по этому предмету. В массовом сознании доминируют представления, создаваемые «публичной историей», а не профессиональной историографией, которая зиждется на иных принципах.

В чём своеобразие «*public history*»? Например, на портале Высшей школы экономики читаем: «История перестаёт быть исключительно университетской наукой. Академики покидают “башню из слоновой кости” и стремятся сделать знание о прошлом доступным и понятным широкой аудитории... Учёные, имеющие профессиональное историческое образование, начинают говорить не только с коллегами, но с самыми разными читателями и слушателями»³. В отношении России делается упор на распространение профессиональными учёными-исследователями исторических знаний среди широкой (прежде всего читающей) публики.

С таким пониманием «публичной истории» хочу поспорить. Реально к данной сфере относятся: публицистика в самых разнообразных формах — от телевизионных ток-шоу, телесериалов и фильмов на исторические темы до газетных обсуждений разнообразных сюжетов; исторические романы, иная худо-

© 2020 г. В.В. Согрин

¹ «Публичная история (англ. *public history*) — сравнительно новая область знания, посвящённая проблематике бытования истории в публичной сфере как с практической, так и с теоретической точек зрения. Термин “публичная история” описывает большую совокупность практик, направленных на перевод исторического знания с академического языка на язык публичных репрезентаций, в том числе медийных, и на представление его в формах, предназначенных для широкой публики» (URL: [https://ru.wikipedia.org/wi/Публичная история](https://ru.wikipedia.org/wi/Публичная_история)).

² В Московской высшей школе социальных и экономических наук («Шанинка»), Национальном исследовательском университете «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург), Европейском университете (Санкт-Петербург), Пермском университете, Ярославском государственном педагогическом университете, Балтийском университете (Калининград) (URL: <https://iq.hse.ru/news/219640338.html>).

³ Там же.

жественная литература, документальная беллетристика; всевозможные произведения искусства, в первую очередь памятники, мемориалы, музеи, выставки, посвящённые актуальным историческим событиям, а также известным деятелям и т.д. Всё активнее на ведущую позицию в создании «*public history*» выходят электронные порталы, руководимые отнюдь не профессионалами.

Должна ли профессиональная историография реагировать на эту массовую историческую культуру? Необходимо изучать её в бакалавриатах, магистратурах, а также анализировать в диссертациях. По возможности профессиональная историография может участвовать и в самой «*public history*». Однако возникает вопрос: совместима ли с ней профессиональная историография, готова ли она принести в жертву свои принципы и профессионализм, если сочетание не достигается?

Создают ли учёные-историки «*public history*»? Их роль, на мой взгляд, в основном сводится к написанию научно-популярной исторической литературы, составляющей лишь крупицу современной «публичной истории». А создание её основных массивов принадлежит иным персонам, зачастую противостоящим профессиональной историографии и преследующим в качестве «публичных» историков иные цели. А ими привлекаемые (используемые) профессиональные историки зачастую (добровольно или по воле продюсеров) подчиняются массовой исторической культуре, становятся её пленниками.

Вот лишь некоторые принципиальные черты профессиональной историографии. Во-первых, она опирается на совокупность первоисточников. С повышением квалификации учёный-историк расширяет их круг. Из использованных источников он извлекает новые, ранее потаённые, смыслы. Роль первоисточников не может абсолютизироваться. «Факты исторического источника, — писал И.Д. Ковальченко, — представляют собой отражение фактов действительности творцом источника. Оно, как и всякое отражение, субъективно... Научно-исторический факт — это отражение историком фактов исторической действительности на основе фактов источника. Следовательно, научно-исторический факт — в целом дважды субъективизированное отражение прошлого»⁴.

Историки, придерживающиеся разных концепций, в их подтверждение могут приводить и приводят разные данные источников⁵. Их дифференциация и отбор зависят от авторского мировоззрения, хотя многие историки в этом не готовы признаться либо искренне убеждены, что свободны от всяких идеологических воздействий. Это ставит в качестве важной задачи выработку у профессионального историка морально-этического кодекса непредвзятого и сбалансированного привлечения источникового материала исследуемой темы, максимального при-

⁴ Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М., 1987. С. 130.

⁵ Например, во время празднования 70-летия высадки союзников СССР в Нормандии В.Ю. Крашенинникова (ведущий сотрудник информагентства «Россия сегодня») на одном из ведущих российских телеканалов доказывала, что США осуществили высадку во Францию исключительно в целях опережения СССР в оккупации Германии, а целью США во Второй мировой войне было ослабление России, но не победа над Германией. Она опиралась на известное суждение Г. Трумэна, сделанное им в начале Великой Отечественной войны: если Америка увидит, что побеждает Германия, нужно помогать СССР, и наоборот. Я, признавая этот факт, учитывал и другое. Главой США во время Второй мировой войны был не Трумэн, а Ф.Д. Рузвельт, который, как показывают факты, считал трумэновский подход «безответственным» и твёрдо поддерживал союзнические отношения с СССР, хотя и не одобрял советскую цивилизацию, стремясь возвысить США. Трумэн, один из инициаторов холодной войны, сменил Рузвельта на президентском посту в апреле 1945 г. (Согрин В.В. История США. М., 2019. С. 361—390).

ближения к точной мере противоречивых и разнообразных исторических фактов. Такой кодекс не может быть предложен в качестве некоего закона, но его присутствие в профессиональной историографии необходимо.

Во-вторых, учёного-историка отличает глубокое знание и использование историографии исследуемой темы. Главными подходами в отношении историографической традиции являются противоборство и диалог. Первый из них означает стремление к научной монополии, дискредитации и «устранению» оппонента-соперника (сегодня так проходят дискуссии на отечественных телеканалах; ведущий («модератор») целенаправленно выстраивает обсуждение на заданную тему в направлении торжества концепции, удобной заказчику, и на уничтожение иной интерпретации). Второй подход означает взаимобмен научными результатами и дискуссией в целях совместного приближения к истине, что предполагает восприятие приводимых оппонентом убедительных аргументов, выводов, выверенных фактов. Диалог — это научное обогащение каждой стороны за счёт убедительных аргументов и неопровержимых фактов оппонента, приращение общего знания в интересах исторической науки в целом. На мой взгляд, противоборство доминировало в советский период в отношениях между представителями историографии отечественной и зарубежной. Возможность творческого восприятия тех или иных положений последней практически касалась только школ, близких к марксизму, а в отношении иных — их выводов, подходов, концепций — предполагалась сугубо критическая, зачастую непримиримая позиция.

В-третьих, основополагающей платформой профессиональной историографии является историзм. Его антитеза — презентизм, равнозначный подчинению исторической интерпретации сегодняшнему дню, — «политика, опрокинутая в прошлое». Историзм же оценивает былые события и деятелей в зависимости от того, что они дали в сравнении с предшествовавшими эпохами и в контексте обстоятельств и возможностей своего времени. В советский период классическим определением историзма считалось ленинское: «Не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своём развитии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь»⁶.

Считаю, что данное суждение не утратило научного значения, хотя и требует критического осмысления. Рассмотрим, к примеру, занявшую важное место в историографии постсоветского периода революцию 1917 г. Принимая во внимание её последствия и практическую реализацию на протяжении 70 с лишним лет советской истории, нельзя не признать и их глубокой противоречивости, а также в ретроспективной оценке поражения большевиков/коммунистов. Но это, на мой взгляд, не равнозначно отрицанию исторической обусловленности самой революции, даже при её высокой «кровавой цене». Кроме того, революция не может оцениваться односторонне и однобоко (при замалчивании «цены» белого террора⁷).

В-четвёртых, постсоветский период развития профессиональной историографии ознаменовался сменой монополии исторического материализма тео-

⁶ Ленин В.И. ПСС. Т. 39. М., 1970. С. 67.

⁷ О современной историографии революции 1917 г. см.: Булдаков В.П. Революция, которую мы выбираем // Российская история. 2018. № 6. С. 3—26.

ретико-методологическим плюрализмом. При этом важным стало освоение современных исследовательских методов, в том числе междисциплинарной методологии. Хотя в советской исторической науке и развивалась междисциплинарность, но она сводилась лишь к использованию методов марксистского обществознания. После 1991 г. междисциплинарность качественно изменилась, поскольку историография стала пользоваться «арсеналом» современного мирового обществознания, в первую очередь социологии, политической науки, культурологии, антропологии.

Отмечу опасность, возникающую в случае механистического восприятия историком категориально-понятийного аппарата общественных наук. Например, тоталитаризм стал одной из наиболее распространённых политологических категорий, воспринятых многими современными отечественными историками. Эту категорию применяют в изучении различных исторических тем и периодов, используют при характеристике политической власти в эпоху Петра I, Ивана Грозного. Между тем тоталитаризм (как он используется и определяется в политической науке) — это возникший в XX в. феномен, который не может быть отнесён к более ранним периодам.

Представители «*public history*» зачастую игнорируют научную традицию и занимают презентистскую позицию «опрокидывания политики в прошлое». Делают это безапелляционно, как, например, декан факультета телевидения МГУ им. М.В. Ломоносова В.Т. Третьяков. Возмущаясь разноречием в оценках постсоветских исследователей и их неспособностью создать достойную (приемлемую для него. — В.С.) историю Отечества, он заявил: «Наши историки даром едят хлеб и со своей профессиональной задачей не справляются»⁸. Писатель Э.С. Радзинский уверен, что задач у истории как науки нет, поскольку таковой не существует⁹. Однако и журналист, и драматург не сомневаются, что именно в их оценках прошлого заключена истина.

Типичный «публичный» историк стремится подчинить прошлое собственному пониманию, рассматривая его, как правило, с позиций сегодняшнего дня. Эту оценку можно распространить на «публичную историю» любой страны. Например, в последние десятилетия в США «*public history*» подверглась массивному натиску откровенно презентистской политкорректности, которой фактически сдалась в плен профессиональная историография. Политкорректность в американском обществе — это набор мировоззренческих установок, оформившихся в первую очередь в либеральных кругах (но и консервативные не в состоянии её проигнорировать) под воздействием общественно-политических процессов (например, массовых демократических движений) и изменений последней трети XX в.

Именно тогда в США стали активно публиковать «женские» и «афроамериканские» исследования, в университетах появились соответствующие кафедры и учебные курсы. В изучении этой новой проблематики обнаружились явные перекосы. Политкорректность фактически наложила табу на критические суждения в отношении афроамериканского, равно как и женского движений. Важнейшие события американского прошлого стали оцениваться не столько в связи с их позитивными нововведениями в сравнении с предшествовавшими эпохами, сколько из-за неспособности на их разных этапах, в том числе на-

⁸ См.: Известия. 2010. 25 ноября.

⁹ Там же. 15 октября.

чальных, обеспечить равные права индейцам, афроамериканцам, женщинам. Очевидно, что политкорректность противоречит историзму.

Американские школьные и университетские учебники отражают известный принцип Дж. Оруэлла: кто контролирует настоящее, тот контролирует и прошлое. Так власть использует свой политический и идеологический ресурс для того, чтобы воспитывать у подрастающего поколения удобное представление о прошлом и настоящем американской цивилизации. Не случайно на всех её этапах господствующим в школьных учебниках США был патриотический нарратив¹⁰.

Вместе с тем отмечу, что 50 американских штатов сохраняют самостоятельность в издании и рекомендации исторических учебников. Предлагаемые в тех или иных штатах учебники подчас зависят от того, какая партия (республиканская или демократическая) контролирует штат. Условно говоря, «республиканские» учебники в большей мере пронизаны патриотическим нарративом, а «демократические» воплощают пресловутую политкорректность. В «политкорректных» учебниках материал поделён «поровну» между разными этносами и гендерными группами, что является не меньшим искажением истины, нежели следование традиционному патриотическому нарративу.

В последние годы отражением отмеченного конфликта в США стала «война памятников». Представители политкорректности начали крушить памятники деятелям рабовладельческой Конфедерации, которых множество в южных штатах и поныне. Под их «горячую руку» попали и монументы, посвящённые родоначальникам США. «Публичные» историки взяли под жёсткий контроль профессиональных, которые сегодня уже не осмелятся воздержаться от осуждающих оценок относительно основателей государства, будь то Дж. Вашингтон или признанный «отец» американской демократии Т. Джефферсон. Гневные филиппики посыпались даже в адрес освободителя рабов А. Линкольна, поскольку тот до Гражданской войны, подобно большинству американцев из свободных штатов, не верил в сосуществование двух рас и видел цель в удалении всех чернокожих на их «родину» — в Африку.

В СССР профессиональная историография с теми или иными исключениями следовала «публичной истории» КПСС. Ситуация стала меняться после 1985 г. Во второй половине 1980-х гг., на мой взгляд, возник своего рода широкий фронт пересмотра советской историографии. В него вошли не только публицисты, писатели, журналисты, но и многие учёные-историки. Таков был запрос времени и провозгласившего перестройку руководства КПСС во главе с М.С. Горбачёвым. Паролями ревизионистской (не вкладываю в это определение негативного смысла) историографии стали определения «белые пятна истории» и «страна с непредсказуемым прошлым». Единение публичных и профессиональных историков в закрытии «белых пятен» и в превращении нашей державы в страну с «предсказуемым прошлым» принесло противоречивые с точки зрения принципов исторической профессии результаты.

Главным плюсом перестроечного периода для профессиональной историографии явилась академическая свобода, прежде неизвестная. Вместе с тем данная историография была неотделима от «*public history*». Перестроечно-ревизионистское направление исторической мысли сдало свою ведущую позицию на рубе-

¹⁰ Подробно см.: Соколов А.Б. Школьный учебник истории в Соединённых Штатах Америки (XIX—XX вв.). Ярославль, 2011.

же 1980—1990-х гг., а произошло это по причине новых идейно-политических перипетий, которые расчистили лидирующее место уже для антисоциалистического направления. Крах горбачёвских реформ породил в обществе мнение, что реформироваться на социалистической основе невозможно. Взоры «публичных» историков — публицистов, журналистов и тех профессионалов, которые восприняли их позицию, — обратились к новым идеологическим идолам. В течение 1989—1991 гг. утвердилась либерально-демократическая парадигма радикального толка.

Воплощением либерального направления стал учебник «Наше отечество. Опыт политической истории», опубликованный в 1991 г. под грифом Российского государственного гуманитарного университета, основателем и руководителем которого был Ю.Н. Афанасьев, видный политик либерально-радикального крыла, по образованию профессиональный историк. Западный путь, предстающий как образец для России, согласно одному из определений, данных в этом коллективном труде, это «накатанная дорога к свободе, равенству и братству»¹¹. Прогресс российской истории определялся в связи с тем, как воплощались в ней западно-либеральные ценности. Наибольшие симпатии читателей должны были завоевать не народные бунтари типа И.И. Болотникова, С.Т. Разина и Е.И. Пугачёва (их имена в книге объёмом более 1 тыс. страниц не упомянуты), не декабристы, революционные демократы и тем более не большевики, а российские либералы. Крах либеральной альтернативы царизму и торжество социалистической революционной предстают как главная трагедия российской истории. Творцом Октября объявлялся один человек — В.И. Ленин. Большевицкая революция определялась как «октябрьский переворот», ленинизм — как предтеча сталинизма. Историческая фактура, накопленная и использовавшаяся в советский период, игнорировалась.

После распада СССР либеральная «*public history*» была взята на вооружение правительством Б.Н. Ельцина и легла в основу учебной исторической литературы. Это не только поддерживалось, но, по сути, диктовалось установками Министерства образования РФ. Даже западных специалистов поразила политизация учебной исторической литературы — главного компонента «публичной истории». В критическом её анализе Р.У. Дэвис отмечал: «Использование термина “тоталитаризм” для характеристики сталинского режима — вопрос крайне противоречивый. Но Министерство образования Российской Федерации возвело концепцию в новую догму»¹². Ранее не известные догмы «*public history*» нередко приобретали карикатурный характер. Например, в изданном в 1993 г. учебном пособии советский период был изложен в трёх главах: «Год 1917: через свободу к диктатуре», «Становление коммунистического тоталитаризма» и «Преодоление тоталитаризма»¹³.

«*Public history*» господствовала на книжном рынке. Перечислить всех её представителей невозможно, назову лишь два имени. Первый автор — В. Суворов (В.Б. Резун, бывший сотрудник советской военной разведки, бежавший в Англию) в ряде книг, изданных в России массовым тиражом, отстаивал концепцию о Советском Союзе как главном виновнике Второй мировой войны и

¹¹ Наше отечество. Опыт политической истории. Т. 1. М., 1991. С. 356.

¹² Европейский опыт и преподавание истории в постсоветской России. М., 1999. С. 50.

¹³ Козлов В.А. Российский посткоммунистический синдром: «разрушенное прошлое» и кризис советской идентичности // Общественные науки и современность. 2003. № 4. С. 87.

обосновывал превентивный характер войны Германии против СССР. Поразительно, но фантазии Суворова поддерживали (правда, зачастую с серьёзными оговорками) некоторые профессиональные историки.

Другой автор — математик, академик РАН А.Т. Фоменко выдвинул (вместе с соавторами) и пропагандировал «новую хронологию» — радикальный пересмотр всей всемирной истории. Взгляды академика были опровергнуты не только профессиональными историками, но также филологами, астрономами, самими математиками. Но Фоменко и его единомышленники продолжали издавать один талмуд «*public history*» за другим, и они (как и книги Суворова) пользовались гораздо большим спросом, нежели труды учёных-историков.

Либерально-западнический дискурс, утвердившийся в 1990-х гг., не смог удержать господствующего положения ни в «публичной истории» в целом, ни в учебной исторической литературе в частности. Его отступление с ведущих позиций было обусловлено очередной переменой политической ситуации в России. Сильнейший удар по местному либерализму нанесли радикальные реформы 1990-х гг. и последующие перипетии. На волне недовольства оформлялась оппозиция (левая и национал-патриотическая), занявшая особое место в «*public history*». Власть стала прибегать к социальной и патриотической риторике, в том числе в трактовках прошлого.

Многие обратили внимание на стремление власти возвеличить монархов Российской империи и признать её крушение национальной трагедией, причём «рукотворной», т.е. имевшей не естественный, а искусственный характер. В отличие от 1990-х гг., когда ниспровергалась Октябрьская революция, сегодня причиной трагедии объявляют всю революцию, включая Февраль. Подобную интерпретацию поддерживают и некоторые учёные-историки. Критикуя презентизм сегодняшней «публичной истории» (и отчасти профессиональной историографии), я ни в коем случае не хочу повторения революции в каком-либо варианте. Но в отличие от власти и развивающих угодную ей интерпретацию «популярных» историков, я полагаю, что задача предотвращения революционных потрясений может быть решена не путём презентистского освещения этапов падения Российской империи, а на основе извлечения исторических уроков. К сожалению, как сокрушаются многие профессионалы, единственный урок истории состоит в том, что из неё не извлекают никаких уроков.

Современное презентистское восприятие краха Российской империи и революции 1917 г. освящено авторитетом А.И. Солженицына. Для многих это сакральная фигура. Мне же важно соотнесение выводов писателя с принципами профессиональной историографии, и я вижу между ними глубокое противоречие. Кроме того, в рамках академической свободы, которую одобрял сам Солженицын, возможны различающиеся оценки его творчества. Они имеются, и я отсылаю читателя к двум фундаментальным, но, по сути, взаимоисключающим исследованиям его исторической роли и наследия — апологетической¹⁴ и критической¹⁵. Для проводимого же мной анализа существенно, что поздний Солженицын приближался мировоззренчески к концепции «Православие. Самодержавие. Народность». Он переключился с критики «Красного колеса» и Октября 1917 г. на критику Февральской революции. В пространной статье, по случаю 90-летия Февраля, он изъяснился предельно чётко: «В ночь с 1 на

¹⁴ См.: Сараскина Л.И. Александр Солженицын. М., 2008.

¹⁵ См.: Сарнов Б.М. Феномен Солженицына. М., 2012.

2 марта Петроград проиграл саму Россию — и больше чем на семьдесят пять лет»¹⁶. Так российский антибольшевистский кумир санкционировал поругание Февраля 1917 г., который воспринимался российской демократией рубежа 80—90-х гг. XX в. как «матрица» новой либерально-демократической революции 1991 г.

Современная российская «*public history*» является плюралистической, в ней присутствуют разные мнения, но соответствующее запросу власти направление стало главенствующим. Его представители осудили русскую революционно-освободительную традицию. «Виновными» были признаны не только «третий», большевистский, этап революционно-освободительного движения (периодизация советской исторической науки, воспринятая ею у Ленина. — В.С.), но и «первый — дворянско-декабристский», и «второй — разночинско-народнический». Телевизионные каналы сосредоточились на исторических фильмах и сериалах, посвящённых российским монархам, изображая их в позитивном, а часто в откровенно апологетическом ключе. В книгах, газетных публикациях, документальной беллетристике стали чаще рассматриваться проблемы монархии и империи.

В качестве одного из главных персонажей современной «*public history*» предстаёт Николай II. На его стороне (как и в целом российской монархии, империи и православия) — великий Солженицын. Отмечу, что не менее великий Н.А. Бердяев, который во время горбачёвской перестройки и в 1990-х гг. был кумиром «публичной истории», явно померк, практически «выпал» сегодня из её сферы. Причину я вижу в том, что Бердяев при не меньшей, чем у Солженицына, нелюбви к Ленину и большевикам утверждал: «Революция октябрьская и есть настоящая народная революция в её полном проявлении»¹⁷. Фундаментальную причину революции Бердяев определил так: «Мир господствующих привилегированных классов, преимущественно дворянства, их культура, их нравы, их внешний облик, даже их язык, был совершенно чужд народу — крестьянству, воспринимавшему как мир другой расы иностранцев»¹⁸. Народ сокрушил этих «иностранцев», а не мифические «иностранные агенты» в лице кадетов или большевиков.

Из видных профессиональных историков апологетического освещения прошлого Российской империи и монархии придерживается Б.Н. Митронов¹⁹. Признавая его научные заслуги²⁰, не могу не отметить, что на его концепции лежит идеологическая печать. Митронов называет свой подход «клиотерапией», призванной внушить людям исторический оптимизм, дать им духовное исцеление. Апологетические оценки достаются монархам, которые в отечественной историографической традиции известны как контрреформаторы и консерваторы. Их политика, доказывает исследователь, способствовала укреплению удовлетворяющих российские потребности начал. К сожалению, Митронов игно-

¹⁶ Солженицын А. Размышления над февральской революцией // Российская газета. 2007. 27 февраля. С. 10.

¹⁷ Бердяев Н.А. Русская религиозная мысль и революция // Вёрсты. Париж. 1928. № 3. С. 58.

¹⁸ Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 111.

¹⁹ Митронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX века). В 2 т. СПб., 1999; Митронов Б.Н. Благополучие населения и революция в имперской России. М., 2010.

²⁰ Подробный анализ разных сторон исследования Б.Н. Митронова см.: Согрин В.В. Клиотерапия и историческая реальность: тест на совместимость // Общественные науки и современность. 2002. № 1. С. 144—160.

рирует множество фактов профессиональной историографии, противоречащих его «клиотерапевтическим» оценкам.

Обращаясь к мероприятиям Александра III, известным в историографической традиции как контрреформы, Миронов «уложил» их в четверть страницы. Некоторые из них, например указ о «кухаркиных детях», вообще не упомянуты, другие охарактеризованы настолько неопределённо, что создаётся впечатление об их безвредности или второстепенном характере. Печально известное «Положение о земских участковых начальниках», по лапидарной формулировке Миронова, поставило крестьян «в сильную зависимость от земского участкового начальника»²¹. А ведь согласно выводам десятков исследователей, основанным на множестве фактов, «сильная зависимость» означала тотальный произвол участковых начальников в отношении крестьян и ознаменовала реакционный переворот в системе местного управления. Миронов против таких выводов, но ведь несогласие исследователя должно базироваться не на игнорировании аргументов и фактов оппонентов, а на убедительном и основательном фактическом материале.

При характеристике советского периода главному направлению современной «*public history*» присуща противоречивость. С одной стороны, признаются и осуждаются сталинские репрессии, волюнтаризм Н.С. Хрущёва, ограниченность Л.И. Брежнева, с другой — превозносятся такие достижения советского периода, как освоение космического пространства, а победа в Великой Отечественной войне считается главным событием всей отечественной истории. Освещение советского прошлого включает уступки и компромиссы с теми, кто испытывает по нему ностальгию, — старшими поколениями россиян.

Насколько эффективно и успешно «публичная история» описывает соответствующее запросу власти отечественное прошлое? На мой взгляд, ответ на этот вопрос может быть получен на основе изучения восприятия россиянами исторических событий. Опираясь на опросы «Левада-центра»²² (возможны и иные источники), можно сделать следующие выводы. В России наблюдался феномен роста популярности И.В. Сталина, который был подвергнут развёрнутой критике со стороны КПСС и советского руководства во второй половине 1950-х гг. и ещё более ожесточённой — со стороны «публичных» и профессиональных историков во второй половине 1980-х гг. В апреле 2017 г. «Левада-центр» провёл несколько опросов, касающихся роли Сталина в истории страны²³. Жители Москвы стали единственной группой, где преобладало представление, что советский лидер в первую очередь являлся жестоким тираном — 43% опрошенных, в целом же по России таковым его считал только 21%. Положительную оценку деятельности вождя дали россияне старше 55 лет. В эволюции массового исторического сознания жителей РФ понимание великодержавности связывалось с такими деятелями «с сильной рукой», как Иван Грозный²⁴.

Согласно приведённой (неполной) информации о динамике восприятия россиянами прошлого можно констатировать, что, во-первых, в их историческом сознании произошло снижение роли революции 1917 г., её вождя Ленина

²¹ Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи... Т. 2. С. 153.

²² URL: <https://www.levada.ru/2017/04/05/>.

²³ URL: <https://www.levada.ru/2017/05/23/stalinskie-repressii/> (в данной статье приведены около половины таблиц).

²⁴ URL: <https://www.levada.ru/2016/11/01/ivan-groznyj-znanie-i-otsenki/>.

и повышение симпатий к имперской России. Считаю, что в этом особая заслуга правительственной составляющей *«public history»*, главными инструментами которой стали ведущие телевизионные каналы и иные популярные СМИ. Во-вторых, среди россиян, особенно старшего поколения усилилась «ностальгия» по советским временам, что побуждало представителей ведущего направления «публичной истории» к определённым идеологическим манёврам и компромиссам. В-третьих, имели место восстановление и укрепление такого важного архетипа исторического сознания россиян, как великодержавность, чему способствовала и *«public history»*.

Изучение «публичной истории», на мой взгляд, должно быть продолжено и развито. В этом особая роль может принадлежать профессиональной историографии, особенно в связи с преподаванием в вузах специализации *«public history»*. При этом принципиально важно, чтобы учёные-историки сохраняли приверженность своим принципам. Ведь историческая истина лежит не посередине между противоположными оценками, её постижение означает раскрытие, признание, сбалансированное представление в исследовании всех сторон изучаемого объекта, показ самых разнообразных явлений прошлого и нахождение их объективного соотношения.

Реформа духовного образования 1808 г. и закрепощение православных приходов в Российской империи

Алексей Беглов

The reform of the Church education in 1808 and enslavement of the orthodox parishes in the Russian Empire

Aleksey Beglov

(Institute of World History, Russian Academy of Sciences;

National Research Nuclear University MEPhI

(Moscow Engineering Physics Institute))

DOI: 10.31857/S086956870009262-9

К 1808 г. Комитет по усовершенствованию духовных училищ подготовил масштабную и, пожалуй, самую успешную реформу духовного образования в России. В ходе её проведения в последующие годы была создана трёхступенчатая система школ, сформированы центры богословской науки, отлажен строй учебных заведений, которые теперь охватывали всё «духовное юношество» и выпустили затем немало выдающихся церковных учёных и просвещённых иерархов¹. Однако именно это преобразование нанесло роковой удар по жизнеспособности православных приходов Российской империи, поставив под контроль вышестоящих властей приходские финансы и фактически ликвидировав самостоятельность религиозных общин. Эта сторона принятых тогда мер исследована недостаточно², хотя ещё в XIX в. отмечалось, что их значение выходило далеко за пределы образовательной сферы.

Реформа приходской экономики. Первоначально православные приходы на Руси возникали по инициативе мирян — членов крестьянской или посадской общины, вотчинников. Они строили храм и обеспечивали его содержание, выдвигали кандидатуры священно- и церковнослужителей. Они или их поверенные (старосты, «церковные прикащики») управляли приходским хозяйством. Со второй половины XVII в. церковные власти при поддержке государства

© 2020 г. А.Л. Беглов

¹ Смолитч И.К. История Русской Церкви. 1700—1917. Ч. 1. М., 1996. С. 418—424, 449. О реформе см., например: Чистович И.А. Руководящие деятели духовного просвещения в России в первой половине текущего столетия. Комиссия духовных училищ. СПб., 1894; Титлинов Б.В. Духовная школа в России в XIX столетии. Вып. 1. Время Комиссии духовных училищ. К столетию духовно-учебной реформы 1808 года. Вильна, 1908; Сухова Н.Ю. Высшая духовная школа: проблемы и реформы (вторая половина XIX века). М., 2006. С. 53—60.

² См., в частности, их описание в фундаментальной и до сих пор непревзойдённой монографии: Freeze G.L. The Parish Clergy in Nineteenth-Century Russia: Crisis, Reform, Counter-Reform. Princeton, 1983. P. 103—106.

стали ограничивать автономию земского мира, стремясь поставить под свой контроль белое духовенство и приходские финансы³.

В 1721 г. Пётр I издал указ, вводивший церковную монополию на свечную торговлю и одновременно предписывавший на свечные деньги строить при храмах богадельни и содержать в них больных⁴. В 1723 г. кошельковые сборы, собиравшиеся в особые кошель, которые носили по церкви во время богослужения, было предписано тратить не только «на церковные потребности», но и на богадельни и госпитали⁵. Однако эти нововведения не прижились. В 1740-е гг. прихожанам законодательно разрешили тратить часть свечного дохода на «самонужнейшие церковные строения», а в 1753 г. новый таможенный устав отменил церковную монополию на торговлю свечами⁶.

В александровское царствование, планируя реформу духовных училищ, правительство решило возложить бремя расходов по их содержанию на православные приходы. В 1806 г. высочайше утверждённым докладом Святейшего Синода светским лицам запрещалось «входить в распоряжение» церковными, храмовыми средствами. Теперь ими заведовало исключительно духовное начальство, а епархиальным архиереям предписывалось ежегодно присылать в Синод отчёты о данных суммах⁷.

В апреле 1808 г. была издана инструкция церковным старостам, по-новому регламентировавшая их деятельность. А в июне вышло предписание в течение шести месяцев отослать все капиталы, находившиеся в приходских церквях к 1 января 1808 г., в духовные консистории, которым следовало передать их на хранение в государственные кредитные учреждения. Официально, как несколько раз повторялось в указе, накопленные в приходах средства изымались «для хранения и приращения на пользу церкви», механизм передачи и документация, фиксировавшая их движение, тщательно регламентировались. В том числе была описана форма приходно-расходных книг, которые теперь надлежало вести в каждом приходе. При этом после отсылки приходских денег в консистории все церковные старосты переизбирались или выбирались впервые там, где их ранее не было (например, в помещичьих приходах), чем подчёркивался новый статус этой должности⁸.

26 июня 1808 г. Александр I утвердил доклад Комитета о усовершенствовании духовных училищ, в котором излагались принципы их преобразования и финансирования. Реализовать их поручалось Комиссии духовных училищ, в тот же день сменившей упразднённый Комитет⁹. Уже в августе вновь восстанавливалась монополия на продажу церковных свечей. Согласно утверждённому императором докладу Комиссии, торговать ими в розницу могли лишь приход-

³ Подробнее см.: *Стефанович П.С.* Приход и приходское духовенство в России в XVI—XVII веках. М., 2002; *Юшков С.В.* Очерки из истории приходской жизни на севере России XV—XVII вв. СПб., 1913; *Смирнов С.И.* Древнерусский духовник. Исследование по истории церковного быта. М., 1913; *Верюжский В.М.* Афанасий, архиепископ Холмогорский. СПб., 1908.

⁴ ПСЗ-I. Т. 6. № 3746.

⁵ Там же. Т. 7. № 4277.

⁶ Там же. Т. 12. № 9370; *Самарин Д.Ф.* Приход. Ч. 1. М., 1867. С. 49—50; *Знаменский П.В.* Приходское духовенство в России со времён реформы Петра. Казань, 1873. С. 808—809.

⁷ ПСЗ-I. Т. 29. № 22283; *Самарин Д.Ф.* Указ. соч. Ч. 1. С. 24—25; *Знаменский П.В.* Указ. соч. С. 803—805.

⁸ ПСЗ-I. Т. 30. № 23080; *Знаменский П.В.* Указ. соч. С. 803—805.

⁹ ПСЗ-I. Т. 30. № 23122, 23124; *Самарин Д.Ф.* Указ. соч. Ч. 1. С. 24—25; *Чистович И.А.* Указ. соч. С. 20—28.

ские церкви, а частным лицам разрешалось вести только оптовую торговлю¹⁰. Таким способом предполагалось увеличить свечной доход, который 7 октября Святейший Синод по представлению Комиссии запретил тратить на что-либо, кроме закупки свечей. Епархиальным архиереям предписывалось забирать из приходов и передать в государственные кредитные учреждения не только средства, накопленные к 1 января 1808 г., но и поступившие в течение года от продажи свечей (за исключением сумм, необходимых для закупки новых на 1809 г.). Летом 1809 г. Синод повторил данное распоряжение, сделав ежегодное изъятие свечного сбора правилом. И если ранее Комитет рекомендовал изъять у церкви *остатки* после осуществления необходимых расходов на содержание приходского храма, то теперь *весь* свечной доход передавался Комиссии, «имея своим назначением содержание духовных училищ»¹¹.

Реквизиция приходских средств, подобная секуляризации монастырских имений, прошедшей за 40 лет до этого, вызвала сопротивление прихожан всех состояний: помещиков, крестьян, горожан. Они стремились потратить деньги на нужды своей церкви или просто утаивали их. Однако гражданские власти напоминали им, что по указу 1806 г. миряне не имели права «входить в распоряжение» средствами храмов. Тем не менее размер недоимок был колоссален. Первоначально рассчитывали собрать за шесть месяцев 1808 г. около 4 млн руб., но и через три года удалось получить только 1 млн 220 тыс. руб., т.е. 30%. Взыскание спрятанных денег продолжалось до 1830-х гг., когда часть недоимок пришлось списать¹².

Инструкция церковным старостам 1808 г. Основным документом, регламентирующим жизнь православного прихода и обеспечивавшим епархии бесперебойное поступление сумм от продажи свечей, являлась Инструкция церковным старостам, действовавшая более 80 лет, до пересмотра в 1890 г.¹³ В 1890 г. вице-директор канцелярии обер-прокурора Святейшего Синода И.К. Зинченко (1833—1901) писал в особой записке, составлявшейся для К.П. Победоносцева: «Инструкция 1808 г., несмотря на свою кажущуюся незначительность в ряду других исторических документов, имеющих своим предметом церковное устройство, в судьбах православия на Руси имеет едва ли не большее значение, чем Духовный регламент и даже Изложение Большого московского собора 1667 года, так как последние законодательные акты касаются главным образом общей организации Церкви и её внутренних отношений, Инструкция же ц[ерковны]м старостам касается внутренних, хозяйственных отношений прихода — этой, как справедливо называют его славянофилы, клетки церковного организма: малейшая неисправность в отправлении этих клеточек является большим органическим злом в жизни всей Церкви, слагающейся из этих клеточек»¹⁴.

¹⁰ ПСЗ-И. Т. 30. № 23254; Знаменский П.В. Указ. соч. С. 808—809.

¹¹ ПСЗ-И. Т. 30. № 23694; Самарин Д.Ф. Указ. соч. Ч. 1. С. 52; Знаменский П.В. Указ. соч. С. 797—803.

¹² РГИА, ф. 799, оп. 31, д. 579, л. 36; Самарин Д.Ф. Указ. соч. Ч. 1. С. 34—37; Знаменский П.В. Указ. соч. С. 805—808.

¹³ Беглов А.Л. Конформизм приходской реформы К.П. Победоносцева // Quaestio Rossica. 2014. № 3. С. 107—123.

¹⁴ РГИА, ф. 799, оп. 31, д. 579, л. 1а—1а об. Известный исследователям черновой, не законченный вариант записки Зинченко не подписан, поэтому первоначально рассматривался как анонимный (Курыльский И.А. Законодательство Российской империи и проблемы церковной бла-

Инструкция состояла из 19 статей (семь из них с примечаниями)¹⁵. В ней устанавливалось, что староста — «поверенный прихожан церкви, выбранный из числа их, доверия достойный человек, для хранения и употребления церковных денег, и вообще для сохранения всякого церковного имущества» (ст. 1). С 1808 г. он должен был избираться (или переизбираться) прихожанами с согласия причта на три года (ст. 3). Выборы проходили в присутствии и «при посредстве» благочинного, а их результат утверждался архиереем (ст. 2). Судя по примечанию к ст. 2, благочинный рассматривался законодателями как третейский судья, призванный «отвращать всякое пристрастие» между причтом и прихожанами.

На старосту Инструкцией возлагались хозяйственно-финансовые и отчасти контрольные функции: «в обыкновенное при священнослужении время» продавать, зажигать и гасить свечи, принимать приношения в виде денег, вещей или продуктов, следить за сохранностью церковного имущества и кассы, наблюдать за чистотой в храме (ст. 5, 7). С согласия настоятеля он мог иметь одного или нескольких помощников из «людей благонадёжных», которые занимались в том числе и продажей свечей, если старосте (например, купцу или дворянину) это было неудобно. Но ответственность за правильность всех операций лежала исключительно на старосте (примеч. к ст. 7). Он также должен был взимать плату за аренду «экономических церковных заведений» и «прилагать попечение о приращении доходов» храма (ст. 11). На него возлагались покупки нужных для церкви вещей, «подряды, починки, постройки», присмотр за домами для причта, но «не иначе как с предварительного согласия священнослужителей и почётнейших прихожан». Если же предвиделись «значущие издержки» или требовался ремонт внутри алтаря, разрешение испрашивалось у епископа (ст. 12—13). При этом ни способы выражения согласия прихожан, ни размер «значущих издержек» в инструкции не указывались. Зато ею подробно регулировался порядок отчётности, причём особо оговаривалось, что она должна вестись в присутствии священно- и церковнослужителей, которые «обязаны ответствовать за исправность» сделанных старостой записей (ст. 15, примеч. к ст. 15) в описи церковного имущества (ст. 5) и приходно-расходных книгах, ежемесячно проверяемых в присутствии причта и «почётнейших из прихожан, буде они от того не отрекутся» (ст. 9, 10)¹⁶. В конце года итоговая отчётная

готворительности: (1700—1917 годы) // Религии мира: История и современность. 2004. М., 2004. С. 175—176). Однако автор устанавливается вполне уверенно, поскольку в тексте упоминается о его работе над публикацией «Актów Холмогорской и Устюжской епархий» (РГИА, ф. 799, оп. 31, д. 579, л. 2а об.), а её подготовил именно Зинченко (Русская историческая библиотека, издаваемая Императорской археографической комиссией. Т. XII. Акты Холмогорской и Устюжской епархий. Ч. 1. 1500—1699. СПб., 1890. С. XIII). Кроме того, автор записки пишет о царе как верховном ктиторе Русской Церкви, о чём говорилось и в статье «О нашем высшем церковном управлении», написанной Зинченко в апреле 1891 г. по поручению Победоносцева и подписанной инкогнитонимом «Z» (Алексеева С.И. Святейший Синод в системе высших и центральных государственных учреждений пореформенной России 1856—1904 гг. СПб., 2006. С. 102—103, 123).

¹⁵ ПСЗ-И. Т. 30. № 22971; Инструкция церковным старостам, с присовокуплением всех вообще форм. М., 1847.

¹⁶ В некоторых епархиях такие поверенные отсутствовали вплоть до конца XIX в. См., в частности: Правила о порядке выбора представителей от прихожан для проверки церковных сумм, предложенные преосвященным викарием Подольской епархии епископом Димитрием и утверждённые преосвященнейшим Донатом, епископом Подольским и Брацлавским // Права и обязанности благочинного приходских церквей. По действующим церковно-гражданским законоположе-

ведомость и приходно-расходные книги передавались старостой благочинному (ст. 17).

Во всех своих действиях староста подлежал контролю со стороны причта и благочинного (ст. 16), которому, как и архиерею, клирики могли жаловаться, если обнаруживалось несоблюдение Инструкции, нерадение о своих обязанностях или «непечительность его о выгодах церковных» (ст. 19). Вместе с тем и староста, по Инструкции, контролировал хозяйственную деятельность причта, в том числе и торговлю свечами (ст. 7)¹⁷, использование леса, если таковой имелся (ст. 14), и т.п. Кроме того, Инструкция категорически запрещала и причту, и старосте использовать церковные деньги на свои нужды, уносить их домой, ссужать ими кого-либо, пусть даже и другие храмы (ст. 18).

Таким образом, роль прихода свелась к выборам старосты, тогда как их контроль за его деятельностью не носил обязательного характера и, по существу, оставался чисто декларативным. Тем самым, несмотря на утверждение ст. 1, староста становился скорее помощником причта в хозяйственных делах, нежели поверенным прихода. Но соответственно и контроль с его стороны за действиями причта, предписанный Инструкцией, оказывался иллюзорным. В этих условиях привлечь кого-либо к исполнению обязанностей старосты могли только награды и освобождение от других повинностей. Это и было обещано в распоряжении Синода, сопровождавшем издание Инструкции в 1808 г.¹⁸

Последствия реформы 1808 г. для православного прихода. Предписание передать в государственные учреждения не только ранее накопленные деньги, но и ежегодный свечной сбор, являвшийся «главным, почти единственным источником дохода» большинства приходов, «было равносильно оставлению церкви почти без всяких средств»¹⁹. По словам Д.Ф. Самарина, правительственное распоряжение можно было бы исполнить, закрыв храмы, или не исполнять, представив ложные отчёты и донесения²⁰. Неудивительно, что вскоре с ведома, а порой и «под руководством и научением благочинного» в приходах появились не только «отчётная казна», которая описывалась в приходно-расходных книгах и предъявлялась при ревизиях, но и «тёмные церковные суммы». Основную часть денег, поступавших от продажи свечей, записывали как кошельковый или кружечный сбор или не показывали вовсе, а хранили как «секретную», «тёмную», «захребетную» кассу. Так родилась приходская теневая экономика (по подсчётам Зинченко, до 1855 г. величина «тёмных сумм» ежегодно достигала не менее 3 млн руб.)²¹.

Подобная практика ни для кого не составляла секрета. Уже в 1820 г. Синод жаловался на то, что свечной сбор ежегодно уменьшается от «перечисления свечных денег в другие статьи церковных доходов и от утайки свечного дохода

ниям, руководственным указам Святейшего Синода и распоряжениям епархиального начальства. М., 1900. С. 62—64.

¹⁷ РГИА, ф. 799, оп. 31, д. 579, л. 17а—17а об.; *К.И.* Что такое церковный староста? Опыт историко-критического исследования о происхождении и развитии института церковных старост в России. СПб., 1902. С. 12.

¹⁸ Инструкция церковным старостам... С. 9—12.

¹⁹ *Самарин Д.Ф.* Указ. соч. Ч. 1. С. 51. См. также: РГИА, ф. 799, оп. 31, д. 579, л. 4а об.

²⁰ *Самарин Д.Ф.* Указ. соч. Ч. 1. С. 54—56. Подробнее о его позиции и оценках см.: *Беглов А.Л.* Земские проекты переустройства православного прихода. 1860—1890-е гг. // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2014. № 1(32). С. 172—200.

²¹ РГИА, ф. 799, оп. 31, д. 579, л. 4а—4а об., 5а об., 11а; *Самарин Д.Ф.* Указ. соч. Ч. 1. С. 54—56; *Знаменский П.В.* Указ. соч. С. 809—811.

и удерживания оного частными лицами»²². Тогда же было решено начинать официальное расследование в отношении причтов и старост тех церквей, где сбор сокращался. Данное правило вошло в 1841 г. в Устав духовных консисторий. Поэтому, желая избежать докучливых расспросов и предупредить «убытки на консисторское дознание», причты и старосты непременно показывали в своих отчётах увеличение свечных доходов хотя бы на 1—2 копейки²³. В 1863 г. митрополит Московский Филарет (Дроздов) писал: «Известно и прискорбно то, что в церквах не вся свечная прибыль показывается и представляется начальству, и, вероятно, в большей части церквей большая половина оной переходит в кошельковую сумму; но священник, зная сию неверность церковных старост пред законом, принуждён терпеть её, потому что без сего многие церкви не могли бы удовлетворять своим потребностям, а также и потому, что неудобно преследовать за сие старост, и при таком преследовании не нашли бы желающих принимать должность церковных старост»²⁴. Епископ Смоленский Антоний (Амфитеатров) в середине 1860-х гг. разослал духовенству своей епархии циркуляр, в котором признавал: «Известно, что доселе свечной доход почти везде показывался не весь, а только часть его, другая же часть его или обращалась в кошельковый сбор, или, нигде не записанная, составляла секретную сумму»²⁵.

Зинченко полагал, что в первые годы после реформы 1808 г. наличие «тёмной казны» и её размер были известны не только причту и церковным старостам, но и прихожанам. В приходе сосуществовали как бы два хозяина: официальный — причт с ограниченным в своих полномочиях церковным старостой, и неформальный — прихожане с тем же старостой, действовавшим в рамках своих прежних, освящённых обычаем полномочий. Однако закон 1808 г. «давал достаточные средства для ведавших церковно-приходскую казну отучить прихожан от вмешательства в церковное хозяйство прихода», и с 1840-х гг. старосты и причт перестали сообщать прихожанам о величине негласных сумм, которые остались в их руках без какого бы то ни было контроля. В результате росли злоупотребления и прямое воровство²⁶. Так теневое хозяйство породило, по выражению Д.Ф. Самарина, «нравственное зло» — «терпимое святотатство»²⁷.

Тонкости приходской экономики ярко описал Н.П. Гиляров-Платонов. В начале 1840-х гг., будучи студентом Московской семинарии, он занимался документацией церкви Святых Флора и Лавра на Зацепе. «Ведение приходо-расходных книг, — вспоминал Никита Петрович, — познакомило меня с колоссальным обманом, который совершался на пространстве империи заведомо для всех, не исключая правительства. По закону, тогда существовавшему (придуманному Сперанским), вся прибыль от церковной продажи свечей должна была поступать в Святейший Синод на содержание духовно-учебных

²² Самарин Д.Ф. Указ. соч. Ч. 1. С. 55.

²³ РГИА, ф. 799, оп. 31, д. 579, л. 46 об., 56; Самарин Д. Указ. соч. Ч. 1. С. 54—56.

²⁴ Цит. по: К.И. Что такое церковный староста? ... С. 15.

²⁵ Самарин Д.Ф. Указ. соч. Ч. 1. С. 56.

²⁶ РГИА, ф. 799, оп. 31, д. 579, л. 4а—4а об., 56 об.—6а. По мнению Зинченко, хищения на уровне благочиний, духовных правлений и консисторий начались уже в 1808 г. при изъятии приходских накоплений. При ревизии доходов и расходов Комиссии духовных училищ в 1818—1819 гг. чиновники Министерства финансов выявили крупные ошибки, нарушения и злоупотребления на всех этапах движения денежных средств (Там же, л. 46—56).

²⁷ Самарин Д.Ф. Указ. соч. Ч. 1. С. 57.

заведений, — “на пользу Церкви”, как значилось в заголовке графы. Теоретически было справедливо: храм не лавочка; коммерческая нажива профанирует веру и противна слову Христа, изгнавшего торжников из дома молитвы; пусть храм содержится на подаяния, собираемые в “кошелёк” и “кружку”. Но на деле ни один храм кошельковыми и кружечными сборами содержаться не может. Отсюда обман, к которому вынуждены были прибегнуть причты со старостами: количество проданных свечей, а следовательно, и прибыль с них показывались в меньшем количестве; равно утаивалось и количество огарков, остававшихся от зажигаемых свечей. Наблюдалось одно: лишь бы сумма, отчисляемая “на пользу Церкви”, оказывалась не меньше отосланной прошлым годом; хоть на одну копейку, да будь больше. Иначе потребуют объяснений, наряжено будет следствие. Я забавлялся и возвышал иногда доход всего на одну четверть или даже на одну седьмую копейки; продолжись закон хотя на сто лет, разорение невелико, придётся через сто лет заплатить лишнего один рубль, а то и того менее. Но бывали в иных церквях старосты, прибавлявшие по десяткам и даже сотням рублей сразу. Не для соблюдения правды это совершалось, а для получения медали. Доходы показывались всё-таки в уменьшенном количестве против действительного, и об этом, помимо старосты, известно было причту, ходатайствовавшему о награде, принимавшему ходатайство архиерею и самому Синоду, представлявшему старосту к медали. Кто кого обманывал? А между тем выдавались порядком шнуровые книги, производился ежемесячно и записывался фиктивный счёт денег, книги в каждое полугодие отправляемы были на ревизию. И в них всё было ложно, насочинено от первой строки до последней»²⁸.

По свидетельству мемуариста, искажение финансовой отчётности началось ещё в 1806 г., при первоначальном сборе сведений о приходских доходах. Естественно, при этом фальсифицировались не только доходы, но и расходы, а прямое хищение из «захребетных» сумм ежегодно достигало нескольких тысяч рублей²⁹.

В 1870 г. свечной сбор заменили процентным сбором со всех церковных доходов³⁰, но это почти не изменило ситуацию. В 1905 г. епископ Архангельский Иоанний (Казанский), рассуждая в своём отзыве о необходимых церковных преобразованиях, привёл заключение одного из благочиннических собраний своей епархии: «Ввиду того, что местные церковные суммы идут на сторону, — причты, а особенно церковные старосты, соблюдая интересы церкви, стараются утаивать церковные доходы, чтобы меньшая сумма подвергалась обложению процентным сбором и чтобы в церкви осталось более средств для собственных нужд. Это — очень нередкое явление, и явление крайне прискорбное. Эти тайные, или, как называют их, “захребетные” суммы иногда, при известных обстоятельствах, становятся собственностью нечестных церковных старост или даже посторонних лиц»³¹. Таким образом, в 1900-е гг. положение мало отличалось от того, на что жаловался Синод в 1820-е гг., наблюдал Н.П. Гиляров-Платонов

²⁸ Гиляров-Платонов Н.П. Из пережитого. Автобиографические воспоминания. Т. 2. СПб., 2009. С. 19—20.

²⁹ Там же. С. 20—22.

³⁰ См. подробнее: Беглов А.Л. Православный приход Российской империи как объект фискальной политики светских и церковных властей в конце XIX — начале XX вв. // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. II. История. История Русской Православной Церкви. 2014. № 2(57). С. 56—81.

³¹ Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе. Ч. 1. М., 2004. С. 446—447.

в 1840-е гг., отмечали архиереи в 1860-е гг. По словам публициста начала XX в., «преступное, можно сказать, ведение всего церковно-приходского хозяйства при помощи “белых и чёрных книг”, сделалось “притчей во языцех” и известно всему православному люду на Руси»³².

Не менее значимы были социально-психологические последствия реформы 1808 г. По мере того как слабело участие прихожан в церковном хозяйстве, нарастало их охлаждение к интересам приходских храмов, уменьшалось доверие к церковной администрации, а это в свою очередь сказывалось и на объёме пожертвований. Как сообщал в 1824 г. своему архиерею один из благочинных Казанской епархии, прихожане стали «приметным образом подаванием останавливаться»³³. И это было вполне логично, поскольку средства, собираемые с приходов, шли на финансирование духовных учебных заведений, которые в то время носили не общецерковный, а сугубо сословный характер³⁴. В итоге, по словам Зинченко, «Инструкция новым церковным старостам была клином, вбитым в живое тело прихода, произведшим в нём хотя незначительное на первый раз разделение, но пагубное по последствиям: она внесла разлад между паствою и пастырями, создала для последних фальшивое положение в приходе и сделала их двуличными... При возникавших пред 19 фев[раля] волнениях в крепостных приходах обнаружилось полное разобщение между приходом и приходским священником, который относим был народом к числу таких же своих неблагожелателей, как помещик, становой пристав и другие государственные чиновники»³⁵. В период первой революции публицист и общественный деятель Н.Д. Кузнецов говорил, что прихожане всё чаще видят в клириках «людей, извлекающих из своего положения выгоду и средства к жизни». Более того, «такой взгляд заражает и само духовенство»³⁶.

Одновременно реформа 1808 г. привела к атрофии приходских институтов. Приходское собрание могло лишь выбирать старосту, который не был ему подотчётен. Институт уполномоченных прихода при проверке церковных сумм фактически не прижился. В 1863 г. состоявшее из высших иерархов и светских сановников Присутствие по делам православного духовенства констатировало: «Существуют только в каждой местности, т.е. при каждой приходской церкви, учреждения для участия прихожан в попечении о нуждах церкви и духовенства, выразившиеся в установлении звания церковных старост... Но учреждения сии, подчинённые многим формальностям и всем инстанциям духовного управления, а по отчётности и ответственности их состоящие под влиянием чиновников консисторий, несмотря на продолжительное своё существование, не довольно привлекают к себе сочувствия со стороны общества прихожан. Иногда с трудом составляется сколько-нибудь полное собрание прихожан для самого выбора церковного старосты; к ежемесячному счёту церковных денег обыкновенно не является никто из прихожан, кроме чрезвычайных случаев и особенного призыва; лица, действительно усердные к церкви, не всегда решаются принять на себя звание церковного старосты, а привлекаемые в оное

³² [Панков А.А.] Докладная записка о необходимости восстановления «прихода» в качестве церковно-общественной единицы. Б.м., [1902]. С. 6.

³³ Самарин Д.Ф. Указ. соч. Ч. 1. С. 60—62.

³⁴ Там же. С. 59; Журналы и протоколы заседаний Высочайше учреждённого Предсоборного присутствия. Т. 4. СПб., 1907. С. 125 (2-я пагин.).

³⁵ РГИА, ф. 799, оп. 31, д. 579, л. 5а об., 7а.

³⁶ Журналы и протоколы заседаний... Т. 4. С. 125 (2-я пагин.).

особыми видами и надеждою поощрений не могут приносить всей ожидаемой от них пользы. Такое равнодушие прихожан к делам своей церкви, очевидно, истекает из полнейшего их безучастия в хозяйственном её управлении. Несмотря на то что все расходы по богослужению покрываются средствами прихода, сей последний не только не имеет никакого участия в распоряжении суммами, но даже и не знает об их употреблении. Право присутствовать при ежемесячном счёте церковных денег не только не может быть признано преимуществом, но даже равняется тяжкой обязанности, ибо известно, что, по общему закону, за целост сумм ответственствуют все участвовавшие в свидетельствовании оных. После этого понятно то уклонение от счёта церковных денег, которое замечается повсюду. Понятно также, почему до сих пор церковные старосты почти нигде не исполнили возложенной на них 13 пунктом инструкции 1808 года обязанности заводить при церквях дома для жительства священно-церковно-служителей»³⁷.

Протоиерей Александр Иванцов-Платонов писал в начале 1880-х гг., что приходское собрание, хотя и не запрещено, но собирается не чаще, чем раз в три года, лишь для соблюдения формальности, приглашение прихожан для осмотра денежных средств храма «почти нигде не соблюдается, да и самые ежемесячные проверки церковных сумм в большей части приходов совсем не производятся»³⁸. В 1890 г. Зинченко утверждал, что Инструкция церковным старостам имела для жизни приходов самые пагубные последствия и «являлась актом, лишаящим их самостоятельности и самодеятельности»³⁹. Характерно, что в неприятии Инструкции 1808 г. были единодушны как близкий к Победоносцеву Зинченко, видевший в синодальном управлении естественное продолжение порядков допетровской Руси, так и славянофил Д.Ф. Самарин, категорически не принимавший эту систему именно как искажение древнерусского идеала отношений Церкви, общества и государства. К началу XX в., как заявлял Кузнецов, «подрыв всякого значения в приходе начала церковно-общественного, отсутствие какого-либо объединяющего дела и забот на пользу общую сопровождалось тем, что русские люди сделались совершенно не способны рассматривать себя в качестве членов известного прихода и сознавать хоть какую-либо нравственно-духовную связь с другими людьми, принадлежащими к тому же приходу»⁴⁰.

У реформы 1808 г. были и иные, не столь масштабные, но не менее болезненные последствия. Комитет и Комиссия духовных училищ первоначально надеялись за счёт собранных с приходов и помещённых под проценты на государственное хранение средств не только финансировать систему духовного образования, но и обеспечить причты постоянным жалованьем. Однако в усло-

³⁷ Цит. по: *Папков А.А.* Начало возрождения церковно-приходской жизни в России. М., 1900. С. 7—8. О Присутствии подробнее см.: *Римский С.В.* Российская Церковь в эпоху Великих реформ: (Церковные реформы в России 1860—1870-х годов). М., 1999. С. 246—268. Схожее мнение высказывал и главноуправляющий II отделением Собственной е.и.в. канцелярии барон М.А. Корф (*Папков А.А.* Указ. соч. С. 18—25).

³⁸ *Иванцов-Платонов А.М., прот.* О русском церковном управлении. Двенадцать статей из № 1—16 газеты «Русь» 1882 года. СПб., 1898. С. 53—55.

³⁹ РГИА, ф. 799, оп. 31, д. 579, л. 1 об.—16 об. Правда, Зинченко признавал, что реформа 1808 г. в определённой степени была полезна для приходов, состоявших из крепостных крестьян, поскольку хотя бы юридически выводила церковное хозяйство из-под власти вотчинника.

⁴⁰ Журналы и протоколы заседаний... Т. 4. С. 125 (2-я пагин.).

виях возникшего сопротивления от этого пришлось отказаться⁴¹. Да и многие семинарии уже в 1830-е гг. находились в бедственном положении «за совершенным недостатком материальных средств для их содержания»; их здания ветшали без необходимого ремонта, учащиеся жили в малопригодных для этого помещениях, часто в антисанитарных условиях⁴². Наконец, с «крайним худосочием» прихода и падением авторитета приходского духовенства современники напрямую связывали распространение сект⁴³.

В целом же, при разработке и реализации реформы 1808 г. в полной мере проявился утилитарный подход государства к Церкви и, в частности, к приходу, который, по словам Зинченко, был приведён «в положение *крепостного*» по отношению к церковной администрации, составлявшей «одну из отраслей государственной жизни»⁴⁴.

⁴¹ Знаменский П.В. Указ. соч. С. 809—811; РГИА, ф. 799, оп. 31, д. 579, л. 5а об.

⁴² Самарин Д.Ф. Указ. соч. Ч. 1. С. 58; Титлинов Б.В. Указ. соч. С. 325—373; Смолич И.К. Указ. соч. С. 452.

⁴³ РГИА, ф. 799, оп. 31, д. 579, л. 12а об.

⁴⁴ Там же, л. 86, 96 об. Выделенное курсивом слово в документе подчёркнуто.

Митрополит Иосиф (Семашко) и реформы народной школы в Северо-Западном крае

Анна Комзолова

Metropolitan Iosif (Semashko) and reforms of the public school in the North-Western Provinces

Anna Komzolova

(Institute of Scientific Information on Social Sciences, Moscow;
Saint Petersburg State University, Russia)

DOI: 10.31857/S086956870009263-0

Фигура митрополита Литовского Иосифа (Семашко) (1798—1868) не раз привлекала внимание историков, прежде всего благодаря его ведущей роли в воссоединении униатов Белоруссии и Литвы с православной Церковью в 1839 г.¹ и тому влиянию, которое он оказывал на формирование самосознания и национальной идентичности своей паствы. По словам одного из биографов, владыка был «наиболее замечательный церковный и государственный деятель в Западном крае» XIX в.² Изучение взглядов и деятельности митрополита в значительной мере облегчает его бережное отношение к собственным архивам и воспоминаниям. Как признавался сам Иосиф, ему была «тягостна мысль» о том, что «недоброжелатели постараются марать память мою» и, «может быть, мне не отдаст справедливости и самая Церковь православная»³. Поэтому он неоднократно формулировал и развивал свои представления об истории Литовско-Белорусского края, его общности с Россией и необходимости борьбы с «латино-полонизмом». С этих позиций смотрел он и на просветительские задачи русской православной школы.

© 2020 г. А.А. Комзолова

Исследование выполнено в рамках гранта № 19-18-00073 «Национальная идентичность в имперской политике памяти: история Великого княжества Литовского и Польско-Литовского государства в историографии и общественной мысли XIX—XX вв.» Российского научного фонда.

This research was supported by the grant № 19-18-00073 «National Identity in the Imperial Politics of Memory: History of The Grand Duchy of Lithuania and the Polish-Lithuanian State in Historiography and Social Thought of the 19th—20th Centuries» of the Russian Science Foundation.

¹ Толстой Д.А. Иосиф, митрополит Литовский, и воссоединение униатов с православной церковью в 1839 г. СПб., 1869; Чистович И. Пятидесятилетие воссоединения с православной Церковью западно-русских униатов (1839—1889). Обзор событий воссоединения в царствование императора Николая I. СПб., 1889; Извеков Н.Д. Высокопреосвященный Иосиф Семашко, митрополит Литовский и Виленский. Вильна, 1889; Киприанович Г.Я. Жизнь Иосифа Семашки, митрополита Литовского и Виленского, и воссоединение западно-русских униатов с православною церковью в 1839 г. Изд. 2. Вильна, 1897; Орловский Е. Судьбы православия в связи с историею латинства и унии в Гродненской губернии в XIX столетии (1794—1900). Гродно, 1903; Шавельский Г., протопр. Последнее воссоединение с православной церковью униатов Белорусской епархии (1833—1839 гг.). СПб., 1910; Романчук А., прот. Иосиф (Семашко), митрополит Литовский и Виленский: жизнь и служение. Минск, 2012; и др.

² Киприанович Г.Я. Высокопреосвященный Иосиф Семашко, митрополит Литовский и Виленский. Вильна, 1894. С. IV.

³ Записки Иосифа, митрополита Литовского. Т. 2. СПб., 1883. С. 551.

Митрополит нелегко переживал то, что находится на границе двух цивилизаций — «на пределах Церкви православной, среди решительно преобладающих иноверных и инородных элементов». Ему постоянно приходилось морально обороняться или, по его выражению, стоять «лицом к лицу против неправд Запада». Сложность и уязвимость его позиции усугублялась тем, что между ним и представителями центральной власти в крае всегда имела определённая дистанция, и от него «был сокрыт ход и положение самого правительственного дела»⁴. «Стояние это тем тягостнее, — сетовал Иосиф, — что для пользы Церкви и государства нужно было избегать явной борьбы, а весь натиск враждебных элементов отражать преимущественно невозмутимой стойкостью и официальное действие употреблять только для редких, особенной важности случаев»⁵.

Действительно, владыка лишь дважды позволил себе призвать петербургское начальство обратить внимание на опасное состояние Литовско-Белорусского края, где, по его убеждению (сложившемуся, видимо, ещё в молодости), «России равнодушной, дремлющей» постоянно угрожала деятельность «латино-польской партии». В неё Иосиф включал всех польских помещиков и чиновников, а также католическое духовенство. Уже в 1832 г. он отмечал, что «русские хотя и победители, но не сильнее в западных губерниях»⁶. В январе 1855 г. митрополит послал обер-прокурору гр. Н.А. Протасову конфиденциальное письмо о катастрофических последствиях усиления в крае «латино-польской партии»⁷. «Не мне одному известно, — писал архиерей, — что уже накануне последнего польского мятежа (1830—1831 гг. — А.К.) ещё не верили людям, предостерегавшим об оном... Я не говорю, чтобы эта партия сама собою была теперь столько сильна материально, дабы слишком беспокоить правительство. Но в случае движения на Россию всего Запада не приготовлено ли в здешней стране для врагов самое благоприятное управление?»⁸. Однако эта записка «не имела дальнейших последствий, за смертью графа Протасова, а после государя, может быть, и за окончанием [Крымской] войны»⁹.

Второй раз Иосиф обратился непосредственно к Александру II, отправив ему 26 февраля 1859 г. особую записку «с полным и ясным изложением положения Польши и Литвы между собою и в отношении к России»¹⁰. Прочитав её, император с явным недоумением и смущением отметил: «Я не понимаю, чего он хочет, ибо никогда и речи не было и в мысли мои не входило отступать от принятой при батюшке системы»¹¹. Сам духовный пастырь полагал, что ему удалось вызвать некоторый позитивный эффект, но время уже было упущено, и восстание 1863 г. оказалось неотвратимым¹².

В записке 1859 г. митрополит, пожалуй, наиболее полно выразил свой взгляд на «польский вопрос» в Западном крае. Он утверждал, что соединение с Литвой в одно государство «спасло» Польшу от неизбежного онемечивания,

⁴ Там же. Т. 1. СПб., 1883. С. 256.

⁵ Там же. Т. 2. С. 551.

⁶ Там же. Т. 1. С. 599.

⁷ Там же. Т. 2. С. 542—547.

⁸ Там же. С. 546.

⁹ Там же. Т. 1. С. 256.

¹⁰ Там же. Т. 1. С. 257. Текст записки см.: РГИА, ф. 796, оп. 205, д. 283, л. 1—8; Записки Иосифа, митрополита Литовского. Т. 2. С. 558—564.

¹¹ 1863 год на Меншчыне. Минск, 1927. С. 144.

¹² Записки Иосифа, митрополита Литовского. Т. 1. С. 257.

при этом «русские провинции» Речи Посполитой вплоть до конца XVIII в. «оставались по-прежнему русскими, и по названию, и по народонаселению». Поляки находились в меньшинстве, и «Литва оставалась Литвою». При разделах Речи Посполитой Россия «возвратила только древнее своё достоинство — достояние св. Владимира, составившее Литву после татарского погрома». Но Александр I совершил роковую ошибку, присоединив к империи собственно польские земли. И уже в 1830—1831 гг. «оказалось, что Царство Польское, вместо чтобы быть передовым постом и оплотом для России, есть и будет всегда передовым постом и оплотом для Франции и других наций, России недоброжелательных». «Стоило ли, — спрашивал Иосиф, — для этого восстанавливать и устраивать Царство Польское?». В результате Западные губернии с преобладающим русским населением оказались своеобразной культурной и политической периферией Царства Польского, которое «запустило сюда глубоко когти»: развернувшаяся в крае полонизация препятствовала «слитию сих губерний с единокровною Россиею» и «общему образовательному духу государства»¹³.

Важным инструментом противодействия полонизации края митрополит считал развитие в приходских школах русской грамотности. Именно в сфере народного просвещения у православного иерарха в 1840—1860-е гг. имелись определённые рычаги воздействия на правительственную политику. Православное духовенство, помимо своих непосредственных обязанностей, играло важную роль посредника между властью и народом, между царём и крестьянином; в приходских церквях обнародовались императорские манифесты. Всё это приобретало особое значение в столь сложном — в этническом и конфессиональном отношении — регионе, как Северо-Западный край. Между тем в 1840—1860-х гг. возник ещё один институт, ставший местом «встречи» государства и крестьянства — начальная сельская школа, которую в тот период также невозможно было представить без участия приходских священников.

В ходе реформирования государственной деревни, проводившегося гр. П.Д. Киселёвым, именным указом 27 июня 1842 г. были утверждены правила об организации приходских училищ в казённых селениях¹⁴. В них преподавались Закон Божий, русская грамота («чтение книг гражданской и церковной печати, чистописание и скоропись»), а также начала арифметики и счисление на счётах. В Виленской, Ковенской, Гродненской, Минской, Могилёвской и Витебской губерниях эти училища начали открываться с 1843 г. Они создавались под контролем палат государственных имуществ на основании общего учебного Устава 1828 г., введённого в действие в Западном крае в 1834 г.¹⁵

При этом гр. Киселёв был последовательным сторонником передачи начального образования крестьян в руки православного духовенства. Характерно, что в октябре 1846 г., объехав западные губернии и выслушав многочисленные жалобы местных пастырей на общее охлаждение их паствы к исполнению религиозных обрядов и редкое посещение храмов, он предложил обер-прокурору Святейшего Синода обязать приходских священников учить крестьянских детей, обучавшихся в приходских школах, церковному пению и больше привлекать их на клирос во время обедни в праздничные дни. Таким образом граф

¹³ Там же. Т. 2. С. 558—561.

¹⁴ ПСЗ-II. Т. 17. Отд. 1. СПб., 1843. № 15794.

¹⁵ РГИА, ф. 384, оп. 1, д. 2026, л. 145.

думал сформировать у них привычку посещать церковь, где они «неприметно изучали бы все её обряды; за детьми последовали бы и родители; сначала из привязанности и любопытства слушать пение своих сыновей, а потом также по привычке». Тем самым в обычаях народа «могло бы произойти благотворное изменение без всяких мер, требующих усилий и настояний»¹⁶.

Согласно указу 27 июня 1842 г., наставниками в приходских училищах должны были состоять, по выбору местных епархиальных архиереев, православные или католические священники, диаконы, причетники или семинаристы, в должной мере владевшие русским языком¹⁷. Но власти сразу же столкнулись с трудностями при поиске учителей¹⁸. А попечитель Белорусского учебного округа Э.А. Грубер выступил против передачи крестьянских училищ в местностях с литовским населением («в Самогитии») в ведение духовенства, предпочитая назначить светских учителей, знающих «местный жмудский язык, на котором говорят исключительно тамошние крестьяне, и которому не обучают в православных духовных училищах». Он также указывал, что лицам православного вероисповедания нельзя будет поручить преподавание Закона Божия для католиков. Однако все изменения в указе 1842 г. требовалось согласовать с императором, на что руководство Министерства народного просвещения не пошло¹⁹.

У чиновников Министерства государственных имуществ возражения руководства Белорусского учебного округа не находили понимания²⁰. В 1843 г. в Ковенской губ., где преобладало литовское католическое крестьянство, ксёндзы отказались преподавать в школах, которые планировалось открыть. Тогда управляющий местной палатой государственных имуществ обратился к архиепископу Литовскому Иосифу (Семашко) с просьбой рекомендовать выпускников православной семинарии. Впрочем, епархиальное начальство не смогло никого предоставить²¹. Тем не менее в декабре 1843 г. гр. Киселёв, вследствие недостатка православного духовенства в «литовских» губерниях, разрешил приглашать на места наставников школ окончивших курс в семинариях центральной России²². Вскоре в Виленскую и Гродненскую губернии прибыли три воспитанника Рязанской и шесть — Калужской семинарий²³, а в Ковенскую губ. — два питомца Могилёвской и один — Владимирской семинарий²⁴. Вместе с ними преподавали и светские лица, как правило, получившие образование в местных средних учебных заведениях (Динабургской гимназии, Витебской семинарии для приходских учителей, Слонимском дворянском училище и др.)²⁵.

Постепенно количество школ и численность учащихся увеличивались. К 1846 г. в Виленской, Витебской, Гродненской, Ковенской, Минской и Могилёвской губерниях Министерство государственных имуществ открыло 64 учи-

¹⁶ Там же, оп. 2, д. 1313, л. 222—222 об.

¹⁷ В самом тексте указа конфессиональная принадлежность крестьян и духовенства не уточнялась (ПСЗ-П. Т. 17. Отд. 1. № 15794).

¹⁸ Так, в апреле 1844 г. из-за отсутствия учителей вместо 15 училищ, которые планировали учредить палаты государственных имуществ в Виленской и Ковенской губерниях, удалось открыть только 4 и 2 учебных заведения соответственно (РГИА, ф. 384, оп. 2, д. 1324, л. 68).

¹⁹ РГИА, ф. 733, оп. 66, д. 671, л. 5—8, 25—28; ф. 384, оп. 2, д. 1324, л. 19—20 об., 99—101.

²⁰ Там же, ф. 384, оп. 2, д. 1324, л. 49—51 об., 111—112 об.

²¹ Там же, л. 44—48 об., 64—66 об.

²² Там же, д. 1313, л. 134—135 об.

²³ Там же, л. 161—163 об.; д. 1324, л. 91, 94.

²⁴ Там же, д. 1324, л. 71, 76, 92 об.

²⁵ Там же, л. 66, 119—122.

лица, которые посещали 1 388 учеников²⁶. В 1854 г. там насчитывалось уже 124 приходские школы киселёвского ведомства, где 127 наставников обучали 3 492 детей (3 102 мальчиков и 390 девочек)²⁷. В 1861 г. в шести губерниях Северо-Западного края действовали 159 ведомственных сельских училищ, в которых учились около 6 тыс. детей и преподавали 147 клириков и 7 мирян²⁸.

До учреждения Министерства государственных имуществ педагогическая деятельность в казённых имениях не регламентировалась. По сведениям, полученным в 1838 г. от казённых палат, в приходских школах северо-западных губерний обучали чтению и письму на русском и польском, иногда — чтению на латинском, немецком (в Белостокской обл.), литовском или жмудском (в Виленской губ.) языках²⁹. Официально в училищах ведомства государственных имуществ преподавание велось только по-русски. Теоретически одной из главных их целей являлось распространение русской грамотности среди белорусских и литовских крестьян. В 1853 г. Учёный комитет министерства стандартизировал используемые учебные пособия и ввёл собственные каллиграфические прописи для чистописания (в начале 1854 г. для западных губерний их отпечатали 3 тыс. экз.)³⁰. Однако на деле обучение шло на польском и других языках, которыми хорошо владели местные православные священники³¹. Вероятно, в белорусских сёлах также учили польскому языку (во всяком случае, необходимые для этого книги имелись в наставнических библиотеках).

Вопрос о «легализации» преподавания польского и литовского языков в училищах для государственных крестьян Северо-Западного края неоднократно поднимался в правительственных сферах, особенно остро — в середине 1850-х гг. Поводом стало анонимное письмо, в котором отмечалось широкое распространение польской грамотности в белорусских и литовских деревнях и говорилось об опасности влияния на их жителей сочинений поляков, излагавших «исторические ложные понятия о России»³². В ноябре 1854 г. гр. Киселёв приказал губернским палатам изучить положение дел и немедленно прекратить обучение польскому языку в школах его ведомства³³. Между тем в мае 1855 г. управляющий Ковенской палатой государственных имуществ Д.А. Татаринов, сообщая министру о положении и нуждах подчинённых ему учебных заведений, предложил разрешить преподавание литовского языка. Граф решил выяснить отношение к этому виленского генерал-губернатора и министра народного просвещения³⁴. Сменивший его во главе министерства М.Н. Муравьёв 28 мая 1857 г. обратился к митрополиту Иосифу с просьбой сообщить его мнение о целесообразности уроков польского и литовского языка в сельских приходских училищах³⁵.

К тому времени преосвященный Иосиф давно уже оспаривал представления о том, что польский является «отечественным языком» Литвы и может

²⁶ Там же, д. 1313, л. 209—210 об.

²⁷ Там же, оп. 6, д. 24, л. 37.

²⁸ Там же, ф. 1267, оп. 1, д. 14, л. 173.

²⁹ Там же, ф. 384, оп. 1, д. 2026, л. 13 об.—14, 35 об.—46, 48—52, 78 об.—79.

³⁰ Там же, оп. 5, д. 1235, л. 2—9 об., 19, 51.

³¹ Там же, оп. 6, д. 23, л. 9, 10.

³² Там же, л. 1—2 об.

³³ Там же, л. 4, 5.

³⁴ Там же, л. 17—18, 20.

³⁵ Там же, л. 27—28 об.

быть допущен в школах Северо-Западного края. «Что мы называем отечественным языком? — рассуждал он в сентябре 1830 г., обращаясь к Д.Н. Блудову. — Это язык, употребляемый массою какого-либо народа. Но в так называемой ещё до ныне русскими Польше губернии: Киевская, Подольская, Волынская, Гродненская, Минская, Могилёвская, без мала Витебская, отчасти даже Виленская и Белостокская область, заселены народом, русским по языку и происхождению; почти вся Виленская и три уезда Витебской — чухнами, латышами и самогитами, столь же мало по-польски, как и по-русски понимающими. И так, для считаемого в тех странах отечественным польского языка остаётся город Вильна, и то не без исключения, небольшие онаго окрестности, часть Белостокской области, а также помещики и несколько мелкой шляхты»³⁶.

Вместе с тем взгляд архиерея на языковую ситуацию в регионе в целом был реалистичен. Иосиф вполне отдавал себе отчёт в том, что воссоединённое духовенство Литовской епархии едва ли будет проводником русской грамотности среди местных крестьян. Так, в 1840 г. он предписал приходским священникам по воскресным и праздничным дням читать поучения и объяснять катехизис «на простом общепонятном для их прихожан языке», а «менее опытным» из них рекомендовал обращаться за советами к «своим собратьям, более сведущим в духовных науках и в знании простонародного языка». При этом в своём рапорте Святейшему Синоду владыка признавал, что не мог дать более подробные наставления вследствие «новости самого предмета» и «разнообразия наречий и состава самого духовенства по Литовской епархии». Местных пастырей, по его мнению, следовало снабдить образцами проповедей на русском языке, поскольку большинство из них, «получив прежде воспитание в польских училищах, не знают хорошо русского языка и не будут в состоянии в своих поучениях на простонародных тамошних наречиях применяться к общему духу русского языка»³⁷.

10 июня 1857 г., отвечая на запрос Муравьёва, митрополит заявил, что преподавание польского языка в Виленском генерал-губернаторстве «не только бесполезно, но и вредно», а знакомство с литовским следует ограничить чтением под руководством ксёндзов молитвенников и богослужебных книг, но только «после достаточного изучения детьми русской грамоты». Но особого смысла он в этом не видел. «Утверждают, — писал владыка, — что преподавание сих языков нужно для богослужения и для распространения образованности между населением литовским и самогитским. Если для богослужения, то не ввести ли лучше в приходские училища язык латинский, на котором совершается и должно здесь совершаться богослужение по правилам Римской Церкви? Если для распространения образованности, то как это возможно при недостатке письменности на самогитском и литовском языке? Неужели думают возможным образовать для этого уголка особую литературу? И не во стократ ли лучше и удобнее усилить здесь знание русского языка, а тем самым облегчить образование народа в совокупности с общим государственным телом?»³⁸.

Позиция Муравьёва оказалась не столь категоричной. В ноябре 1858 г. он поддержал мнение виленского генерал-губернатора В.И. Назимова, который

³⁶ Записки Иосифа, митрополита Литовского. Т. 1. С. 573.

³⁷ РГИА, ф. 796, оп. 120, д. 1654, л. 4—4 об.

³⁸ Там же, ф. 384, оп. 6, д. 23, л. 42—43 об. См. также: Записки Иосифа, митрополита Литовского. Т. 2. С. 620—622.

склонялся к тому, чтобы не навязывать крестьянам изучение русского языка и не запрещать преподавание других³⁹. Муравьёв в то время также готов был их допустить, пусть и неофициально⁴⁰. Более того, под его управлением Министерство государственных имуществ постепенно утратило интерес к экспериментам в сфере просвещения. К этому времени уровень образования в казённых имениях Северо-Западного края оценивался чиновниками и педагогами учебного ведомства как довольно низкий⁴¹. Как выяснилось, назначение учителями священников или семинаристов не гарантировало, что крестьянские дети успешно овладеют русским языком.

Между тем 18 января 1862 г. Александр II распорядился, чтобы Министерство народного просвещения, не ожидая составления и окончательного утверждения общего для всей империи проекта положения о народных училищах, немедленно приступило к учреждению их в западных губерниях⁴². При этом приходские школы, уже учреждённые или вновь учреждаемые православным духовенством, оставались в ведении епархиального начальства⁴³. В Святейшем Синоде тогда критиковали проект, составленный в особом межведомственном комитете под председательством попечителя Петербургского учебного округа И.Д. Делянова, и настаивали на том, что общее руководство и наблюдение за начальным образованием должно принадлежать духовному ведомству⁴⁴.

Управляющий Министерством народного просвещения А.В. Головнин придавал большое значение созданию светских сельских школ в Западном крае, рассматривая этот эксперимент как «первоначальный опыт, от которого будет зависеть успех или неуспех будущего повсеместного устройства народных училищ»⁴⁵. В апреле 1862 г. попечитель Виленского учебного округа кн. А.П. Ширинский-Шихматов, пользовавшийся значительной свободой действий, представил ему свою программу распространения грамотности среди белорусских и литовских крестьян⁴⁶. Уже к концу июля 1862 г. в крае удалось открыть около 100 новых школ (обучение в них началось в ноябре 1862 г.)⁴⁷, к концу 1863 г. их было уже около 130 и планировалось открытие ещё 250—300⁴⁸.

Одновременно на рубеже 1850—1860-х гг. в западных епархиях, как и во всей империи, происходило бурное расширение сети православных церковно-приходских школ. В Литовской епархии (450 приходов⁴⁹) в конце 1861 г. их числилось 247 с 4 061 учащимся (3 952 мальчика и 109 девочек)⁵⁰, а в марте

³⁹ РГИА, ф. 384, оп. 6, д. 23, л. 11—12.

⁴⁰ Там же, л. 48. Подробнее о позиции Муравьёва см.: *Комзолова А.А.* Виленский генерал-губернатор М.Н. Муравьёв и начальное образование белорусских и литовских крестьян, 1850—1860-е гг. // *На службе Отечеству: памяти Михаила Николаевича Муравьёва (1796—1866)*. СПб., 2017. С. 184—201.

⁴¹ См., например, заключение по отчёту попечителя Виленского учебного округа кн. А.П. Ширинского-Шихматова за 1861 г.: РГИА, ф. 733, оп. 62, д. 1524, л. 4.

⁴² Там же, оп. 170, д. 19, л. 275.

⁴³ Там же, ф. 796, оп. 205, д. 349, л. 6—6 об.

⁴⁴ Там же, ф. 733, оп. 170, д. 19, л. 230—243 об., 270—270 об., 336—343.

⁴⁵ Там же, оп. 140, д. 17, л. 64.

⁴⁶ Там же, оп. 62, д. 1482, л. 101—107, 118—126 об.

⁴⁷ ОР РНБ, ф. 377, д. 87, л. 11 об., 12.

⁴⁸ РГИА, ф. 733, оп. 62, д. 1484, л. 29—29 об., 43—44 об.

⁴⁹ Там же, ф. 796, оп. 205, д. 284, л. 43.

⁵⁰ Там же, ф. 797, оп. 32, 4-е отд., д. 292, л. 16.

1863 г. — уже 303 с 6 857 детьми (6 570 и 287 соответственно)⁵¹. Однако в Ковенской губ. и в 1864 г. их не было вовсе⁵².

Обер-прокурор Святейшего Синода А.П. Ахматов в июле 1862 г. заявил литовскому и киевскому архиереям, что рассматривает предстоящее «неизбежное соревнование между приходскими и светскими училищами в одном селе» как борьбу за умы и сердца простого народа. По его словам, «если духовенство сумеет привлечь народ к себе, то он не пойдёт в светское училище — и дело народного направления будет выиграно. Если, напротив, он предпочтёт светскую науку — тогда конец»⁵³. При этом деятельность светских школ казалась обер-прокурору и церковным иерархам «вредной» не только вследствие ожидаемого ослабления духовно-нравственного воспитания, но также из-за возможного распространения среди малограмотного народа идей «сепаративного патриотизма» разного рода.

Характерно, что польские помещики спешили воспользоваться «оттепелью» начала царствования Александра II для того, чтобы усилить своё культурное доминирование в регионе. Несмотря на противодействие со стороны высших и центральных властей, под давлением местных землевладельцев и чиновников польские школы и обучение польскому языку притягивали всё более широкий круг не только белорусских и литовских крестьян-католиков, но и православных белорусов. В начале 1860-х гг. Назимов неоднократно доносил в Петербург об опасной активности мировых посредников в сфере начального образования. Принимая на себя «уполномочия быть тайными агентами польского дела в крае», они уговаривали помещиков открывать полулегальные школы, в которых сельские писари, «жарко преданные польскому делу», обучали всех желающих польской грамоте и католическому катехизису «по букварям, напечатанным на сей предмет в Вильне и Варшаве». Крестьян убеждали не посылать детей в казённые училища: католикам внушалось, что правительство «посредством этой меры хочет обратить их в православную веру». Русские буквари изымались, а вместо них бесплатно раздавались польские. В некоторых случаях училища, где не обучали по-польски, даже выбрасывали из поместий, принадлежавших сельским управлениям. Генерал-губернатор пытался с этим бороться, но без особого успеха⁵⁴.

Массовые тиражи польских букварей, расходившихся среди крестьян западных губерний, вызывали у властей беспокойство. Даже если в них и не было «ничего недозволенного», они считались орудием католического прозелитизма, поскольку считалось, что по ним, составленным для католиков, «неминуемо будут учиться и дети православных родителей, не имеющие других букварей». 27 марта 1862 г. Синод предложил архиереям Западного края внушать приходскому духовенству через благочинных, чтобы, «если у кого из их прихожан будут усмотрены экземпляры польского букваря, то старались бы, с осторожностью, благовидным образом отбирать оные». 14 мая Ахматов разослал им письма с личной просьбой обратить внимание на эту проблему и принять меры

⁵¹ Там же, ф. 733, оп. 170, д. 19, л. 345—346.

⁵² Существовавшие там 24 училища действовали при католических и евангелическо-реформатских храмах или содержались частными лицами (Там же, д. 123, л. 1 об.—2 об.).

⁵³ Там же, ф. 797, оп. 31, 2-е отд., 1-й стол, д. 18 а, л. 211—211 об.

⁵⁴ Архивные материалы Муравьёвского музея, относящиеся к польскому восстанию 1863—1864 гг. в пределах Северо-Западного края / Сост. А.И. Миловидов. Ч. 1. Вильна, 1913. С. 191, 194—196, 202—204.

для предотвращения «неизбежно вредных для православия последствий от употребления польского букваря». По мнению обер-прокурора, главы епархий, будучи «очевидцами» «враждебных отношений поляков к нашей Церкви», сами могли оценить « всю опасность и тот вред, какой может произойти от обучения православных детей по букварю, излагающему христианские догматы в извращённом виде и притом латинскими буквами на польском языке, который в руках польского католического духовенства обыкновенно служит орудием для совращения в латинство». Для противодействия этому предлагалось более широко и бесплатно распространять русский букварь, изданный Синодом в 1860—1861 гг.⁵⁵

Митрополит Иосиф ещё в апреле 1862 г. поручил Литовской консистории воспрепятствовать использованию польских букварей православными крестьянами. В том же году он не раз жаловался Ахматову на противодействие польских помещиков и чиновников учреждению в епархии новых православных приходских училищ. Главную угрозу архиерей усматривал в политизации народного образования сторонниками «иноверной и инородной партии». Не будь этого, католические учебники не вызывали бы тревоги — «они бы остались мёртвою буквою среди русского православного населения». Но в сложившейся обстановке «само отнимание православными священниками у своих прихожан польских букварей может послужить только предлогом обвинения их в присвоении полицейской власти». «Таким образом, — писал Иосиф Ахматову 22 мая 1862 г., — ни отнимание православными священниками польских букварей, ни безмездная раздача букварей русских не может противодействовать с успехом преднамеренному направлению означенных училищ к усилению в здешней стране полонизма. Воспрепятствовать этому направлению зависит от гражданских и училищных начальств»⁵⁶. Вскоре по просьбе владыки Синод прислал в Литовскую епархию для награждения лучших учеников церковных школ 300 экз. Нового Завета и 600 духовных книг для народного чтения на русском языке⁵⁷.

Первые годы устройства сельских училищ были самыми трудными не только в силу того, что это дело оказалось принципиально новым для педагогов, бюрократии, духовенства и особенно крестьянских обществ, но и вследствие напряжённой политической обстановки на западных окраинах империи, сложившейся в период «манифестационного движения» 1861—1862 гг. и польского восстания, которое началось в январе 1863 г. и имело вполне определённый религиозный характер. Помимо требования реставрации Речи Посполитой в границах 1772 г., повстанцы добивались и восстановления Унии⁵⁸. В апреле 1863 г. революционное правительство выпустило на польском языке обращение к «духовным восточного вероисповедания», в котором, грезя о «возвращении Литвы и Руси к единению с Польшей», обещало прощение «заблудшим»,

⁵⁵ РГИА, ф. 797, оп. 32, 1-е отд., д. 69, л. 1, 4—6 об., 9 об.—10. Первый тираж (более 150 тыс. экз.) первоначально должен был продаваться по доступной для прихожан цене. Второй тираж, выпущенный в 1861 г., достигал уже 1 млн, тогда же около 11,5 тыс. букварей выслали в Литовскую епархию (Там же, л. 4 об.—5).

⁵⁶ Там же, ф. 796, оп. 205, д. 284, л. 31 об.—32, 37—37 об.

⁵⁷ Там же, л. 32 об.; ф. 797, оп. 32, 4-е отд., д. 292, л. 18в.

⁵⁸ В частности, польские повстанцы объявляли крестьянам Литовской епархии о восстановлении Унии. Характерно также, что в 1863 г. они часто принуждали православных священников сбривать бороды, угрожая повешением (Там же, ф. 797, оп. 33, 4-е отд., д. 171, л. 7 об., 16 об., 37).

раскаившимся в своих «преступлениях» против «родины», и грозило страшными карами тем «извращённым и закоренелым преступникам», кто проявлял «недоброжелательство» и, оставаясь «слепым, подлым орудием Москвы», «подстрекал братьев» «к войне домашней»⁵⁹. Это воззвание рассылалось благочинным и священникам края⁶⁰.

Восставшие терроризировали как представителей местной власти, так и православных пастырей и их прихожан. В Литовской епархии были случаи убийств православных священников. Так, в мае 1863 г. в городе Сураже Белостокского уезда Гродненской губ. мятежники повесили священника местной церкви К. Прокоповича, а в июле в Пружанском уезде той же губернии убили священника Котранской церкви и законоучителя местного сельского училища Р. Рапацкого. В апреле в Вилькомирском уезде Ковенской губ. ими был повешен наставник Субочского сельского училища, сын причетника В.С. Смольский⁶¹. В Троцком уезде той же губернии наставника Олькеницкого училища, сына священника О. Павловского, насильно увели в «шайку»⁶². Молодой воспитанник Литовской духовной семинарии Давидович, едва приступив к исполнению обязанностей наставника в школе, открывшейся в феврале 1863 г. в местечке Зарудавье Волковысского уезда Гродненской губ., «встретил недоверие со стороны самих жителей и явное недоброжелательство со стороны волостных писаря, станowego пристава, ксёндза и проч. (все они... оказались впоследствии участниками в мятеже); не раз приходилось ему прятаться от этого начальства в оврагах, хлевах и т.п.; жалованье, посылаемое из окружного управления, не доходило до него; крестьяне, подстрекаемые волостным писарем, не давали ему даже хлеба»⁶³.

В этой обстановке появились временные Правила для народных школ в шести белорусско-литовских губерниях, утверждённые Александром II 23 марта 1863 г. (за год до принятия аналогичного закона для всей империи)⁶⁴. Ими предусматривалось создание училищ для детей всех состояний без различия вероисповеданий, но в основном для крестьян, которым предстояло на русском языке освоить навыки чтения и письма, основы арифметики, Закон Божий и церковное пение.

Проект временных правил, подготовленный в Министерстве народного просвещения, дважды (5 и 13 марта 1863 г.) обсуждался в Западном комитете⁶⁵. Одновременно на его рассмотрение поступили четыре записки, представленные Головнину в ноябре 1862 — феврале 1863 г. кн. Ширинским-Шихматовым, Назимовым и митрополитом Иосифом⁶⁶. Желая достичь соглашения с попечителем и действовать «общими силами и общими средствами», 2 февраля 1863 г. владыка высказался за «слияние» народных училищ и приходских школ

⁵⁹ Архивные материалы Муравьёвского музея... Ч. 1. С. 378—379.

⁶⁰ Митрополит Иосиф был знаком с этим воззванием: Назимов представил ему целую пачку таких листовок в «запечатанных пакетах», адресованных различным священникам епархии (РГИА, ф. 796, оп. 205, д. 284, л. 52—52 об.).

⁶¹ Там же, ф. 797, оп. 33, 4-е отд., д. 171, л. 3—3 об., 12—13, 18—20 об., 32—33.

⁶² Во время её столкновения с правительственными войсками Павловский попытался бежать, но был ранен и попал «в плен» уже к русским (Там же, л. 48—49).

⁶³ Там же, ф. 733, оп. 170, д. 70, л. 7—7 об.

⁶⁴ ПСЗ-II. Т. 38. Отд. 1. СПб., 1866. № 39411. Ст. 1—18.

⁶⁵ РГИА, ф. 1267, оп. 1, д. 14, л. 159—163.

⁶⁶ Там же, ф. 1282, оп. 2, д. 1856, л. 1.

Литовской епархии⁶⁷, которые, по словам его записки, не могли постоянно поддерживаться «на хорошей степени, и по скудости собственных материальных средств, и по преобладанию в здешней стране польско-латинского элемента». Влияние этого «элемента» угрожало и министерским училищам, поскольку, как полагал архиерей, «они бы подверглись могущественному влиянию... латино-польской партии, подобно другим учебным заведениям». Именно поэтому, заключал он, «для поддержания свойственной большинству здешнего народонаселения русской народности и языка желательно, чтобы церковные приходские и народные училища слились воедино и действовали под совокупным направлением и надзором как начальства учебного округа, так и духовного православного начальства»⁶⁸.

Ахматов, вероятно, всё же сомневался в целесообразности такого «слияния». Во всяком случае, он попросил митрополита более подробно развить свою мысль. Отвечая ему 15 февраля, Иосиф вновь писал о крайней «скудости средств» местного православного духовенства и опасности «ополячивания». «Если народные училища были бы заведены в тех же местностях, что и церковные, — рассуждал он, — то взаимные силы тратились бы бесплодно в пустом соперничестве. Если же были бы они в других местностях, то ускользали бы от взора и влияния православного духовенства, а напротив, подверглись бы всесильному влиянию латино-польской партии. Сие последнее сбылось бы тем вернее, что в народные училища избирались бы по необходимости учителя, сей партии принадлежащие, как это совершилось с другими учебными заведениями здешнего учебного округа»⁶⁹. Неформальное соглашение между митрополитом и попечителем предполагало, что открытые православным духовенством школы по мере возможности будут обращаться в народные училища «с обеспечением их средствами для сих последних назначаемыми; и чтобы училища сии замещаемы были преимущественно наставниками духовного ведомства». Оно позволяло также совместно выбирать места для устройства учебных заведений, координировать назначение и увольнение учителей, обеспечивать двойной — административно-педагогический и религиозно-нравственный — контроль за ними и т.п.⁷⁰

Со своей стороны, кн. Ширинский-Шихматов отмечал в отчёте за 1862 г., что по его просьбе митрополит Литовский рекомендовал нескольких священников и семинаристов на места наставников народных школ⁷¹. Об их тесном сотрудничестве свидетельствовал и циркуляр, разосланный князем 12 января 1863 г. и регулировавший права и обязанности светских учителей и православных законоучителей. Согласно этому распоряжению, священники, преподававшие Закон Божий, должны были наблюдать за поведением педагогов, которые без их согласия не могли куда-либо отлучаться в учебное время; об их «неблагонадёжности» следовало немедленно сообщать попечителю⁷². Иосиф не скрывал от Ахматова, что, «разумеется, будут некоторые затруднения от двоеначалия,

⁶⁷ Там же, ф. 796, оп. 205, д. 284, л. 197.

⁶⁸ Там же, л. 42.

⁶⁹ Там же, л. 43 об.

⁷⁰ Там же, л. 43 об.—44 об.

⁷¹ ОР РНБ, ф. 377, д. 87, л. 6, 15 об.

⁷² Там же, д. 98, л. 5 об.; д. 85, л. 1—2 об.

но всё же этот двойной контроль больше принесёт пользы, нежели неудобств, особенно в период первых годов после учреждения народных училищ»⁷³.

Ознакомившись с мнением владыки, обер-прокурор выразил готовность пойти на компромисс в Северо-Западном крае, хотя и продолжал отстаивать право епархиального начальства на высший надзор за школами. «Правительству, — писал он Головнину 21 февраля 1863 г., — не следует скрывать от себя действительности: полемические статьи светских журналов, проекты начального обучения разных комитетов, недоразумения, возникшие на практике, поселили в духовных лицах мысль, может быть и неосновательную, что Министерство народного просвещения предупреждено против участия духовенства в училищной деятельности. Такой антагонизм, хотя бы и мнимый, крайне вреден, потому что ведёт к раздвоению правительственных средств и сил, едва достаточных и при единодушном взаимодействии к достижению цели». Между тем «исключительное положение Западного края, борьба православного элемента с иноверным и инородным» вынуждали признать «правительственное вмешательство в дело начального обучения необходимым, требуя притом совместного и единодушного действия всех ведомств»⁷⁴.

В руководстве Министерства народного просвещения также отдавали себе отчёт в том, что православное духовенство — фактически единственная общественная сила, на которую власти могли рассчитывать в своих просветительских опытах в Северо-Западном крае. Несмотря на желание Головнина и его единомышленников, создать там сеть светских начальных школ было невозможно из-за отсутствия учителей, которых остро не хватало и в других регионах империи. Поэтому ничего не оставалось, как привлекать приходское духовенство к преподаванию всех предметов школьного курса.

В итоге в текст временных правил, одобренный Западным комитетом и затем утверждённый императором, не был включён пункт, касавшийся учреждения церковно-приходских школ. Представители епархиального управления вошли в состав училищных советов и инспекций при дирекциях народных школ, а приходским священникам поручалось наблюдать «за религиозным и нравственным направлением в училище» и при необходимости высказывать свои замечания учителям или докладывать начальству⁷⁵. Вывод С.В. Римского о том, что после принятия Правил 1863 г. православное духовенство в шести северо-западных губерниях «вообще оказалось отодвинутым на задний план»⁷⁶, нельзя признать вполне справедливым.

В соответствии с программой кн. Ширинского-Шихматова, школы прежде всего учреждались в Виленской и Гродненской губерниях, а также в Новогрудском уезде Минской губ., — как правило, там, где находились церкви или поблизости от них, т.е. в районах наибольшего сосредоточения православного населения. Как пояснял сам попечитель, в этих губерниях было немало мест, в которых проживали преимущественно или даже почти исключительно православные крестьяне, но из-за близости католических приходов «и православие и русская народность подвержены здесь наиболее неблагоприятным для своего

⁷³ РГИА, ф. 796, оп. 205, д. 284, л. 44.

⁷⁴ Там же, ф. 797, оп. 31, 2-е отд., 1-й стол, д. 18 Б, л. 11 об.—12 об.

⁷⁵ ПСЗ-II. Т. 38. Отд. 1. № 39411. Ст. 3, 15.

⁷⁶ *Римский С.В.* Российская Церковь в эпоху Великих реформ: (Церковные реформы в России 1860—1870-х годов). М., 1999. С. 443.

развития условиям». Поэтому появление в этих сёлах народных училищ «в православном и национальном духе составляло потребность более настоятельную, нежели, например, в губернии Минской, где по значительному перевесу православного элемента над католическим многие местности остаются недоступными католической пропаганде»⁷⁷.

Таким образом, для устройства первых школ попечитель осознанно выбрал полосу этноконфессионального пограничья, где противоречия или даже конфронтация между различными социальными группами населения ощущались острее всего. Очевидно, это объяснялось стремлением изменить сложившийся баланс сил в пользу правительственной власти и Русской Церкви, что вполне соответствовало представлениям и практике митрополита Иосифа (Семашко), рассматривавшего территорию своей епархии как «пояс, отделяющий православное население от иноверия, и как бы поле постоянной между ними борьбы»⁷⁸. Ещё в 1840-х гг. он особенно заботился об открытии и поддержании приходов, например, в Лидском уезде Виленской губ., где, по его словам, «оканчивается народонаселение русское православное, а начинается литовское, римско-католическое», и «более нежели где-либо присоединяется к православию людей сего последнего исповедания»⁷⁹.

В остальной части Минской, а также в Витебской, Могилёвской и Ковенской губерниях первые народные школы открылись в 1864—1865 гг.⁸⁰ Характерно, что в Минской губ. пункты для их размещения первоначально выбирались в основном по рекомендациям епархиального начальства и лишь затем одобрялись служащими учебного ведомства. Причём логика отбора здесь была принципиально иной, нежели в Виленской и Гродненской губерниях: учитывались прежде всего многочисленность православных приходов, «центральность положения в известной окружности, существование с давнего времени в тех местах церковных школ, ограждение от влияния польско-католической пропаганды»⁸¹.

В начале 1860-х гг. православных священников часто приглашали занимать наставнические места во вновь открывавшихся училищах Северо-Западного края, но те зачастую отказывались, ссылаясь на большую занятость делами прихода и собственным хозяйством. Чиновник Министерства народного просвещения Н.П. Авенариус, ранее командированный в Германию и Швейцарию для изучения передовых методов организации учительских семинарий, а осенью 1863 г. объезжавший Виленскую, Гродненскую и Минскую губернии для подготовки рекомендаций руководству учебного округа, отмечал: «Здесь приходы по большей части очень велики, от трёх до пяти тысяч душ; иногда в ведении священника находится не одна церковь, а целых 3 или 4 (так называемых приписных); между тем жалованье, даваемое консисторией, так ничтожно, что священник по необходимости должен посвящать большую часть свободного от приходских обязанностей времени хозяйству. В большей части школ, которые мне удалось посетить... сначала были назначены наставниками

⁷⁷ ОР РНБ, ф. 377, д. 87, л. 5—5 об.

⁷⁸ Записки Иосифа, митрополита Литовского. Т. 2. С. 680.

⁷⁹ РГИА, ф. 797, оп. 16, 1846 г., д. 38571, л. 1—3 об., 9.

⁸⁰ В Минской губ. в середине 1864 г. насчитывалось 154 штатных народных училища; в них состояли наставниками 106 священников, 5 диаконов, 6 дьячков, 33 семинариста, 1 выпускник гимназии, и оставалось ещё 3 вакансии (ОР РНБ, ф. 377, д. 124, л. 1, 7—8 об.).

⁸¹ Там же, л. 1.

священники; но эти последние уже через несколько месяцев или отказались от наставнической должности, довольствуясь обязанностями и жалованьем законоучителя, или же выпросили себе у г. попечителя более надёжных помощников, потому что те помощники, на которых им указала в своём циркуляре консистория, т.е. дьячки, почти без исключения оказываются неспособными к учительскому делу. Из здешних дьячков редкий умеет читать и петь и редкий не пьёт запоем»⁸².

Тем не менее во второй половине 1860-х гг. представители местного духовенства составляли основу учительского персонала в начальных школах Виленского учебного округа. На 1 января 1866 г. в них преподавали 395 священников, занимавших одновременно наставнические и законоучительские должности (ещё 212 являлись только законоучителями), наставниками также состояли 146 диаконов и причетников, 214 воспитанников семинарий и 119 лиц «разных званий». В среднем священнослужителями были около 45% всех наставников народных школ. В Виленской дирекции народных училищ, охватывавшей Виленскую и Гродненскую губернии, их доля составляла около 59%, в Минской — около 53%, в Витебской, заведовавшей Витебской и Могилёвской губерниями, — около 43%⁸³.

Впоследствии митрополит Иосиф писал о своём разочаровании принятым в 1863 г. решением о «слиянии» школ. В марте 1866 г. обер-прокурор Святейшего Синода гр. Д.А. Толстой просил его сообщить, «не оказалось ли на практике каких-либо неудобств» в Литовской епархии при исполнении Правил 1863 г. и «не уменьшилась ли энергия духовенства по народному образованию с тех пор, как оно лишилось права исключительного и полного распоряжения церковно-приходскими школами»⁸⁴. Отвечая, владыка констатировал: «Учебный округ получил от казны значительные на народные училища суммы, коими он исключительно и распоряжается. Суммы сии дали ему возможность определить экстренное содержание многим приходским училищам, заведённым духовенством, и тем самым поставить от себя в зависимость многих священников и причетников... Самое это назначение экстренного жалования некоторым из духовенства подействовало неблагоприятно на других духовных, содержащих церковно-приходские училища от себя без стороннего пособия; тем более что возникли обвинения... якобы духовные, получившие жалование, достигли этого происками, а не по достоинству. Это одно обстоятельство породило уже заметное охлаждение у многих из духовенства к учреждению и поддержанию церковных училищ»⁸⁵. Кроме того, архиерей жаловался графу на последствия «двоевластия»: избыточную опеку «посредством многочисленных директоров и инспекторов, назначаемых одним Учебным округом», зависимость клира «от стороннего ведомства», которая «производит между оным некоторую шаткость в отношениях его к духовному начальству и в исполнении прямых лежащих на нём духовных обязанностей»⁸⁶.

Однако преобладание клириков в народных училищах Северо-Западного края продолжалось лишь на первом этапе, пока существовала огромная

⁸² РГИА, ф. 733, оп. 170, д. 70, л. 6—6 об.

⁸³ ОР РНБ, ф. 377, д. 98, л. 4 об. Несколько иная картина наблюдалась в Ковенской дирекции, где наставнические должности занимали 67 воспитанников семинарий и 11 лиц «разных званий».

⁸⁴ РГИА, ф. 796, оп. 205, д. 284, л. 196 об.

⁸⁵ Там же, л. 197—197 об.

⁸⁶ Там же, л. 198 об., 219—220.

потребность в подготовленных преподавателях. По крайней мере до начала 1870-х гг. основным источником пополнения педагогического состава школ Виленского округа служили православные семинарии внутренних и отчасти западных губерний. Однако их воспитанники оставались наставниками лишь непродолжительное время, а затем либо принимали священный сан в Литовской и других епархиях, либо поступали на гражданскую службу, либо возвращались на родину. Наиболее остро эта текучесть кадров ощущалась в Ковенской губ., где ежегодно выбывало по 20—30 учителей народных школ, а из числа прибывших туда в 1865—1867 гг. семинаристов к началу 1870-х гг. продолжали преподавать менее трети⁸⁷. Молодеченская учительская семинария, первая в России, в начале 1870-х гг. ежегодно выпускала в среднем не более 20—25 человек⁸⁸. Главным образом они направлялись в Виленскую, Гродненскую и Минскую губернии⁸⁹. В сентябре 1872 г. открылась учительская семинария в Полоцке, которая готовила педагогов для Витебской и Могилёвской губерний⁹⁰, в ноябре 1872 г. — в Поневеже (30 стипендиатов для Ковенской губ.)⁹¹, в 1874 г. — в Несвиже Минской губ.⁹², в 1875 г. — в местечке Свислочь Гродненской губ. В итоге, к концу XIX в. большинство сельских учителей оканчивали местные учебные заведения. Например, в 1894/95 учебном году 175 из 223 преподавателей народных училищ Виленской губ. (около 80%) являлись выпускниками учительских семинарий и институтов⁹³.

Таким образом, организация в 1840-х гг. казённых училищ для государственных крестьян Белоруссии и Литвы стала важным экспериментом в области народного просвещения. Митрополит Иосиф оказывал им некоторое содействие, однако их развитие происходило скорее вопреки его представлениям. Вместе с тем приобретённый тогда негативный опыт был учтён в период реформ 1860-х гг. Осуществлённое по инициативе владыки в 1863 г. «слияние» народных училищ Литовской епархии и Виленского учебного округа, предполагавшее объединение материальных возможностей правительственного аппарата с нравственным и интеллектуальным авторитетом пастырей, фактически продолжалось вплоть до начала 1880-х гг., когда, с одной стороны, сформировалась система профессиональной подготовки педагогов, а с другой — руководство Святейшего Синода сделало ставку на развитие собственной сети церковно-приходских школ.

⁸⁷ Там же, ф. 733, оп. 170, д. 673, л. 5 об.—6 об.

⁸⁸ Около половины её выпускников были уроженцами Минской губ. (Там же, д. 742, л. 13 об.).

⁸⁹ Там же, д. 673, л. 2.

⁹⁰ Штаты семинарии предусматривали ежегодный приём 30 учеников, но, по словам министра народного просвещения, в 1872 г. «прилив желающих был так велик, что начальство заведения должно было допустить в неё 52 человека». Почти все они являлись выходцами из крестьян и ранее обучались в сельских школах (Там же, д. 742, л. 1—2).

⁹¹ Там же, д. 673, л. 79—84.

⁹² Там же, д. 742, л. 87—87 об.

⁹³ Там же, оп. 172, д. 894, л. 2.

Старообрядчество и Учредительное собрание в 1917—1918 гг.

Валерий Керов

Old Believers and the Constituent assembly in 1917—1918

Valeriy Kerov

*(National Research University Higher School of Economics,
Moscow, Russia)*

DOI: 10.31857/S086956870009264-1

Старообрядцы резко осудили захват власти большевиками в октябре 1917 г., назвав новое правительство Бичом Божиим, но как настоящие христиане они и после этого верили, что Христос «не попустит, чтобы нетленное злато тысячелетнего опыта христианской жизни русского народа было растоптано безумной толпой»¹. Основную надежду ревнители древнего благочестия с весны 1917 г. связывали с Учредительным собранием. Оно воспринималось как «хозяин нашей родины»², который «будет решать дальнейшие судьбы России»³. Один из наиболее авторитетных идеологов староверов — начётчик⁴ Ф.Е. Мельников предполагал, что оно решит вопрос «об образе правления страной, затем пойдут вопросы социальные, экономические, финансовые, национальные и проч.»⁵. Представители разных согласий, в том числе беспоповцев, рассчитывали, что Учредительное собрание проведёт «социальные реформы, без которых политическая свобода не будет иметь действительности и значения для трудовых классов населения»⁶. В сформированной к маю—июню 1917 г. «Политической программе старообрядчества всех согласий» провозглашалось, что Учредительное собрание созывается по решению народа, и вся страна подчинится его «установлениям»: «как оно решит все главные государственные вопросы, так и будет»⁷.

© 2020 г. В.В. Керов

¹ *Анофриев Н.* Христианство и революция // Вестник Всероссийского союза христиан поморского согласия (далее — Вестник ВСХПС). 1917. № 3. С. 1. Подробнее об отношении староверов к революции см.: *Керов В.В.* Старообрядчество в 1917 г. // Российская история. 2018. № 1. С. 143—160.

² *Козьмин К., свящ.* За кого подавать голоса на выборах в Учредительное собрание // Братство. Церковно-общественный журнал, издаваемый периодически Советом всероссийского старообрядческого во имя Св. Николы братства. 1917. № 1. С. 2.

³ ОР РГБ, ф. 260, к. 2, д. 20, л. 4.

⁴ Начётчики (начитанные люди) — в старообрядчестве — «знатоки старой веры», Священного Писания и Предания, церковной письменности, прежде всего «старопечатной» (дониконовской), богословы, религиозные писатели, профессиональные полемисты, активно дискутировавшие с синодальными миссионерами и адептами других согласий и защищавшие «истину и правоту старообрядчества» (*Мельников Ф.Е.* Краткая история древлеправославной (старообрядческой) Церкви. Барнаул, 1999. С. 479—492).

⁵ Слово Церкви. 1917. № 1—11. С. 197.

⁶ Вестник ВСХПС. 1917. № 1. С. 5.

⁷ Политическая программа старообрядчества всех согласий // Слово Церкви. 1917. № 23. С. 418.

Многие старообрядцы, с нетерпением ожидая скорейших выборов, думали занять на них достойное место. Попечитель Московского старообрядческого института Т.С. Морозов уже в начале марта призывал Мельникова начать подготовку к избирательной кампании, чтобы провести в Собрание несколько депутатов, которые «могли бы отстаивать наши нужды перед новым правительством» и обсуждать общегосударственные дела «как лица, понимающие правильно русскую историю, и носители древнерусской культуры». Для этого следовало составить их список и начать агитацию в пользу намеченных кандидатов⁸. Мельников согласился с тем, что старообрядцам «нужно быть готовым» к этому⁹.

На всех собраниях и заседаниях в 1917 г. староверы обязательно говорили об Учредительном собрании и своём участии в его подготовке и последующей деятельности. Как правило, об этом делали доклады лица, пользовавшиеся заслуженным авторитетом. Так, 5 марта в Политехническом музее перед московскими старообрядцами выступал Н.Н. Пушкив¹⁰. 23 марта Н.П. Ануфриев разъяснял собранию старообрядцев Москвы всех согласий (белокриницких, беллопоповцев, поморцев, федосеевцев и др.), что такое Учредительное собрание, чем оно будет заниматься, как должно формироваться и т.д.¹¹ Старообрядческая печать публиковала множество специальных, часто обширных материалов о целях Учредительного собрания, о нормах, регулирующих проведение выборов, об избирательных комиссиях, правилах выдвижения кандидатов и их списков и т.п. Как правило, эти статьи содержали подробные рекомендации¹².

Сразу же развернулись дискуссии о самом характере старообрядчества и допустимости его политизации. В них участвовали и представители духовенства. Нижегородский епископ Иннокентий на губернском съезде всех согласий отмечал, что выдвижение старообрядческих кандидатов в «чисто гражданское государственное учреждение», где будут заседать представители всех слоёв населения, избранные от различных «партий и сословий», может казаться излишним. Но старообрядцы как «вероисповедная, религиозная» общность, исполняют важную духовную миссию и призваны противостоять атеистическим, «безбожническим», враждебным всякой религии движениям. Учредительное собрание должно наладить правительственный механизм, устранить возникшую благодаря социалистам разруху, прекратить «грабежи и убийства, бунты, отпадение окраин и вообще — полное разложение государства и гибель народа». «А для сего, — утверждал иерарх, — необходимо провести в это Собрание людей надёжных, верующих, знающих государственную жизнь, могущих принести действительную пользу народу». Подразумевал он при этом, разумеется, старообрядцев. В Собрании именно им предстояло способствовать принятию законов о равенстве и прочном положении всех религий и, соответственно, не допустить гонений «за веру», происходивших, например, после французской

⁸ ОР РГБ, ф. 164, к. 25, д. 5, л. 5 об.

⁹ Слово Церкви. 1917. № 10—11. С. 197.

¹⁰ Там же.

¹¹ ОР РГБ, ф. 260, к. 15, д. 9, л. 1.

¹² В. Хвальковский-ий. Положение о выборах в УС // Вестник ВСХПС. 1917. № 2. С. 5—8; К выборам в Учредительное собрание // Там же. № 3. С. 11; М. Учредительное собрание // Там же. № 4. С. 4—6; Наставление к выборам в Учредительное собрание // Слово Церкви. 1917. № 43. С. 716; Учредительное собрание // Там же. № 49. С. 777—779.

революции¹³. Подобные призывы неоднократно повторялись священниками, напоминавшими, что среди «всеобщего развала, всеобщей измены нужны люди твёрдые, честные, преданные патриоты», которые не дадут «надругаться над великим русским народом»¹⁴.

Те же мысли излагал известный старообрядческий писатель И.А. Кириллов. По его словам, старообрядчество, «сверх-партийно» и «аполитично». «Будучи ассоциацией, где доминирующим мотивом является религиозный, не может быть однородным политически, оно не может быть партией». Однако «старообрядчество не может безразлично относиться к судьбе родины... оно в своей культуре национально». Более того, «старообрядчество это — стержень русского духа в его самобытном проявлении». А его последователи, хотя и далеки от того, чтобы «самозабвенно броситься» в политику, с глубоким интересом ждут выборы в Учредительное собрание¹⁵.

Лидеры староверов, по-видимому, искренне полагали, что им удастся привести Россию к «новой жизни», просвещённой «светом Христовым»¹⁶. Их хилиастические настроения ощущались и в лозунге «Да царствует в нашей стране правда, милость и любовь»¹⁷. Показательно также, что в различных резолюциях они не раз предлагали провести Учредительное собрание не в Петрограде, а в Москве — православной столице, «объединяющем центре» и «сердце России»¹⁸. На съездах предлагалось разъяснять старообрядцам идеи различных партий «с христианской точки зрения»¹⁹.

Для подготовки программы и списков кандидатов, которые имели бы шансы на успех, ревнители древнего благочестия различных согласий, несмотря на старые и довольно острые противоречия, готовы были пойти на объединение, конечно же, не молитвенное, а лишь организационно-политическое. Уже 5 марта Пушкин говорил о выработке единой позиции для достижения общеконфессиональных целей: «Мы должны выявить своё политическое верование и явиться в Учредительное собрание вполне подготовленными»²⁰. Вскоре Совет всероссийских съездов под председательством П.П. Рябушинского обратился ко всем согласиям, убеждая их объединяться для участия в выборах²¹. Тот же призыв повторялся на всех значимых и незначимых собраниях, заседаниях и съездах²². Поморцы сначала хотели направить какое-нибудь «достойное лицо» с собственными предложениями²³, но быстро признали необходимость консолидации основных старообрядческих деноминаций.

Программы политических партий старообрядцев не устраивали. Сознавая исключительность положения ревнителей древнего благочестия в российском

¹³ Доклад старообрядческого епископа Иннокентия Нижегородскому губернскому съезду политического союза старообрядческих согласий // Слово Церкви. 1917. № 44. С. 733.

¹⁴ Козьмин К., свящ. Указ. соч. С. 3.

¹⁵ Кириллов И. Старообрядцы и Учредительное собрание // Слово Церкви. 1917. № 43. С. 711.

¹⁶ Кириллов И. Божья воля // Слово Церкви. 1917. № 10—11. С. 181.

¹⁷ Там же. Подробнее см.: Керов В.В. Старообрядчество в 1917 г. С. 149—150.

¹⁸ ОР РГБ, ф. 260, к. 15, д. 9, л. 3; Слово Церкви. 1917. № 14. С. 269; Постановление народного собрания старообрядцев г. Егорьевска и его окрестностей, 30 апреля 1917 // Слово Церкви. 1917. № 22. С. 414; Вестник ВСХПС. 1917. № 1. С. 5.

¹⁹ Слово Церкви. 1917. № 36. С. 612.

²⁰ Там же. № 1—11. С. 197.

²¹ Там же. № 42. С. 688—689.

²² Там же. № 1—11. С. 198; № 12. С. 221; № 16. С. 301, 302 и др.; Вестник ВСХПС. 1917. № 1. С. 5.

²³ Вестник ВСХПС. 1917. № 1. С. 3.

социуме, лидеры всех основных согласий настаивали на том, что им надо идти на выборы объединившись, но «самостоятельно» — со своими требованиями и списками²⁴. На краевом съезде в Барнауле представители всех согласий констатировали, что «ни с одной из существующих партий... слиться находят невозможным», поскольку «вожаки» этих организаций вредят им, «а потому дело не в партиях, а в качестве людей честных и работоспособных». Соответственно, староверам приходилось формировать собственный список из «людей, проникнутых национальным чувством и работающих всецело на пользу русского народа»²⁵. На XVIII Всероссийском старообрядческом съезде уже утверждалось, что старообрядчество должно иметь своё «политическое исповедание»²⁶.

Лишь там, где их последователи были малочисленны, Политическое совещание старообрядцев 22—23 августа признало «возможным вступление в блок с партиями: народной свободы, народных социалистов и группой “Единство”»²⁷. Это объяснялось тем, что кадеты и оборонческое «Единство» во главе с Г.В. Плехановым «отличаются трезвым, деловым отношением к своим программам». Кадеты даже рассматривались как «партия, наиболее близко стоящая к реальной жизни»²⁸. Вступая в альянс, следовало «выговаривать» второе или третье место в списке «дружественной» партии для старообрядческих кандидатов²⁹. Но ни при каких условиях не допускалось голосование за эсеров, меньшевиков или большевиков³⁰. Считалось, что они ведут страну «к гибели и разрухе», «расстроили армию и тыл... много зла принесли России»³¹. А от их преобладания в Учредительном собрании ожидался «страшный вред и для религии и для русского государства»³².

Староверы хотели участвовать в подготовке Учредительного собрания на общенациональном уровне, высказывали пожелание, «чтобы правительство допустило в комиссию, вырабатывающую Положение о выборах», представителей старообрядческих съездов³³. Понимая, что только массовое участие староверов в выборах способно сказаться на результате, их лидеры стремились обеспечить поголовную явку. «Политическая программа старообрядчества всех согласий» указывала, что все «мужчины и женщины, старики и юноши должны... подать свой голос за намеченных народных избранников»³⁴. Наставникам в день выборов надлежало обходить все дома староверов «в 9, 12 часов утра, и 3 часа дня, и в 6 часов вечера, чтобы шли голосовать»³⁵. Печатные органы убеждали древлеправославных в важности их роли «в государственном строительстве»³⁶ и постоянно напоминали: «Братие! Готовьтесь к Учредительному собранию»³⁷. Не исключалось и то, что за списки старообрядцев проголосуют и «другие

²⁴ Там же. № 3. С. 11.

²⁵ Цит по: *Старухин Н.А.* Белокриницкое согласие на Алтае: барнаульская Крестовоздвиженская церковь // *Старообрядчество: история и культура.* Вып. 1. Барнаул, 1999. С. 92.

²⁶ *Сироткин Д.В.* Речь на съезде старообрядцев // *Слово Церкви.* 1917. № 24. С. 450.

²⁷ Там же. № 36. С. 612.

²⁸ *Кириллов И.* О власти и обществе // Там же. № 37. С. 630—631.

²⁹ *Слово Церкви.* 1917. № 36. С. 612; *Сироткин Д.В.* Указ. соч.

³⁰ Наставление к выборам в Учредительное собрание. С. 716.

³¹ *Козьмин К., свящ.* Указ. соч. С. 3.

³² Доклад старообрядческого епископа Иннокентия... С. 733.

³³ Этого требовали, в частности, поморцы: *Вестник ВСХПС.* 1917. № 1. С. 5.

³⁴ Политическая программа старообрядчества всех согласий. С. 418.

³⁵ *Слово Церкви.* 1917. № 43. С. 716.

³⁶ Там же. № 24. С. 449.

³⁷ Там же. № 39. С. 655.

круги населения, среди которых преобладают национально-государственные чувства»³⁸.

Необходимая для выборов в Учредительное собрание платформа разрабатывалась, корректировалась и дополнялась на многочисленных региональных и местных собраниях, заседаниях и съездах старообрядцев. Главными докладчиками и очевидными их лидерами являлись представители старообрядческой интеллигенции, предприниматели и начётчики, но в обсуждение и голосование включались и простые горожане, и крестьяне. Консенсуса удалось достичь на основе Политической программы, принятой на XVIII старообрядческом съезде, проходившем 28 мая — 2 июня в Москве³⁹.

Заметную роль в подготовке к Учредительному собранию играли духовные руководители староверов, в том числе многие священники и представители епархиальных властей, активно обсуждавшие политические резолюции в регионах⁴⁰. Даже самые консервативные из иерархов, в частности, епископ Рязанский и Егорьевский Александр, получали из общин предвыборные материалы⁴¹. Почти во всех 13 старообрядческих списках кандидатов фигурировали священники, не говоря уже о богословах-начётчиках⁴².

На политическом совещании старообрядцев в конце августа священники благословили кандидатов в Учредительное собрание от всех согласий⁴³. Позже именно духовенству вменялось в обязанность присматривать за организацией и проведением голосования. Так, «Наставление к выборам в Учредительное собрание» предписывало духовным наставникам, кроме контроля за волеизъявлением своей паствы, помогать неграмотным, а также назначать наблюдателей, которые следили бы за соблюдением правил представителями партий, а на следующий день представили бы «контрольные счета записок», чтобы «подсчёт был сделан правильно»⁴⁴.

Отмечая низкий уровень политической культуры широких народных масс, т.е. подавляющего большинства избирателей, лидеры староверов настаивали на том, чтобы созыву Учредительного собрания предшествовала «долговременная политическая подготовка населения, которая сделает возможным зрелое и сознательное разрешение сложных вопросов». Особенно нуждалось в «просвещении и организации трудовое крестьянство, имевшее, по условиям старого строя, весьма смутные политические представления»⁴⁵.

³⁸ Кириллов И. Старообрядцы и Учредительное собрание. С. 711.

³⁹ Политическая программа старообрядчества всех согласий. С. 417—419. О её поддержке, например, старообрядцами Саратова, Самары, Астрахани, Царицына, Дона, Нижнего Новгорода, Тюмени см.: Слово Церкви. 1917. № 42. С. 702; Редькина О.Ю. Христианские политические партии на Нижней Волге в 1917 году // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4. 2012. № 1(21). С. 40.

⁴⁰ Нельзя согласиться с мнением, будто старообрядческое духовенство «не испытывало тяготения к политической деятельности»: Распопин И.Н. Старообрядчество и революция 1917 года (по материалам духовной периодической печати) // Старообрядчество и революция. Сборник материалов всероссийской научно-практической и богословской конференции с международным участием. Казань, 2017. С. 45.

⁴¹ ОР РГБ, ф. 246, к. 221, д. 33, л. 10 и др.

⁴² ГА РФ, ф. 1810, оп. 1, д. 125, л. 3; д. 247, с. 3; д. 291, л. 2; д. 323, л. 3; д. 355, л. 4; д. 363, л. 6; д. 444, л. 4; и др.

⁴³ Слово Церкви. 1917. № 38. С. 641.

⁴⁴ Там же. № 43. С. 716.

⁴⁵ Вестник ВСХПС. 1917. № 1. С. 5.

В начале мая было издано «Обращение совета всероссийских съездов старообрядцев к старообрядческим приходам, общинам, священникам, наставникам, советам попечителей». В нём старообрядцев и их наставников призывали объединиться и создать «местные учредительные комитеты», «главным образом в сельских местах», чтобы осуществлять «руководство политической жизнью населения» и «приняться за подготовку к Учредительному собранию», а также собирать материал, «выясняющий местные нужды народа, его потребности», и готовить «приговоры» о земле, о войне, об отношении к правительству и т.д.⁴⁶

Возникавшие для подготовки к выборам комитеты и отделы знакомили старообрядцев с обстановкой в стране, устраивали собрания общин для обсуждения и разъяснения «Политической программы»⁴⁷. Как свидетельствовал Кириллов, старообрядческие агитаторы, прежде всего из местных деятелей, «читают лекции о современном положении, разъясняют смысл происходящих событий»⁴⁸. В «Слове Церкви» писали, что старoverы всех согласий «для координирования своих действий устраивают совместные заседания — совещания советов старообрядческих согласий», демонстрируя сплочённость, «взаимное доверие и солидарность». При этом публицисты не забывали, что деятельность всех губернских, уездных, волостных и прочих комитетов нужно строго согласовывать «с духом старообрядчества»⁴⁹.

Выработанная в итоге программа была по сути близка к кадетской, но отличалась от неё в деталях. «Голос старообрядческого Поволжья» так излагал её основные положения: «Бог, религия, неделимая свободная Россия, земля трудящемуся народу, свободный труд, национальное возрождение России»⁵⁰. В ней выражалась готовность вести войну до победного конца, намечался раздел среди крестьян земли как государственной, так и конфискованной «по справедливой цене» (ниже рыночной) у помещиков сверх «достаточного хозяйственного обеспечения». Народам России предоставлялось местное самоуправление при сохранении целостности страны. Однако право определять устройство верховной власти, а также регулировать аграрные и национальные отношения признавалось лишь за Учредительным собранием.

В регионах, где имелось значительное число старoverов — в Алтайской, Калужской, Московской, Нижегородской, Пермской, Самарской, Саратовской, Рязанской, Томской, Уфимской, Херсонской, Черниговской губерниях, а также в Области Войска Донского, — они представили избирательным комиссиям списки своих кандидатов⁵¹. На политическом совещании ревнителей древнего благочестия в конце августа постановили, что списки, «не входя в соглашение с другими партиями», должны быть выдвинуты и в некоторых других «густонаселённых старообрядцами губерниях и областях» — в Бессарабской, Вятской, Казанской, Терской, Курганской и Уральской. Однако осуществить это не получилось⁵².

⁴⁶ Слово Церкви. 1917. № 19. С. 363.

⁴⁷ Ключина Ю.В. Старообрядцы и политические партии в 1905—1917 гг. // Проблемы истории России. Вып. 5. Екатеринбург, 2003. С. 337—338.

⁴⁸ Кириллов И. Старообрядцы и Учредительное собрание. С. 711.

⁴⁹ Слово Церкви. 1917. № 36. С. 612.

⁵⁰ Там же. № 42. С. 703.

⁵¹ ГА РФ, ф. 1810, оп. 1, д. 125, л. 3; д. 185, л. 6; д. 247, л. 3; д. 291, л. 2; д. 321, л. 3; д. 322, л. 3; д. 353, л. 3; д. 355, л. 4, 6; д. 363, л. 6; д. 444, л. 4; д. 511, л. 125.

⁵² Слово Церкви. 1917. № 38. С. 641.

Списки составлялись на основе решений всероссийских и региональных съездов после консультаций с местными общинами⁵³. Наиболее активные из них (как, например, Егорьевская) вносили поправки и оказывали существенное влияние на итоговый документ⁵⁴. В число кандидатов «от старообрядцев» включались прежде всего те, кто был утверждён и благословлён на совещании в конце августа: Ф.Е. Мельников, П.П. Рябушинский, Д.В. Сироткин, М.И. Бриллиантов, И.И. Захаров, А.В. Зайцев, Н.Д. Зенин, С.Г. Фомичев, В.Е. Мельников, Т.С. Морозов⁵⁵. К ним можно добавить поморцев М.П. Давыдова и Н.П. Ануфриева, избранного на съезде «от общин и приходов поморского согласия» (более 5 млн избирателей)⁵⁶.

Некоторые оказывались в нескольких списках. Так, Зенина выдвинули в Саратове, Новочеркасске и Херсоне. Рябушинский фигурировал в разных списках (в том числе в Московском округе) и не только старообрядческих. В Черниговской губ. он шёл от «Торговопромышленников» (вместе с Б.Я. Гинзбургом, З.Л. Бруштейном, Х.-А.Х. Кауфманом и др.), в Рязани — от «Блока земельных собственников и старообрядцев всех согласий», к которому присоединились также А.А. Брусилов и кн. С.Н. Шаховской. Бриллиантов баллотировался в Нижегородской, Калужской, Рязанской губерниях и Донском округе. В разных регионах избирались Ануфриев, Давыдов и Фомичев⁵⁷.

Кроме начётчиков, священников, старообрядческой интеллигенции (приват-доцент Московского университета Ануфриев, журналист и редактор «Вестника ВСПХС» Давыдов, присяжный поверенный А.Г. Орлов, учитель и церковный писатель Фомичев, основатель журнала «Щит веры» и книгоиздатель В.З. Яксанов и др.) и предпринимателей в списки обязательно включались крестьяне, хотя и отнюдь не пропорционально их доле в сообществе. В целом типичным был список саратовской Русской демократической партии христиан-старообрядцев: три начётчика, приват-доцент, присяжный поверенный, архитектор, земский служащий, два литератора, предприниматель и два крестьянина⁵⁸. Только среди кандидатов «от группы старообрядцев всех согласий Алтайской губернии» (9 человек) крестьяне составляли большинство, но и в их круг попал москвич Фомичев⁵⁹.

Итогом голосования стало полное и в определённой степени ожидаемое поражение старообрядцев. Даже первые номера их списков не прошли ни в одном из округов⁶⁰. Их поддержало слишком мало избирателей, даже среди самих древлеправославных. Но важнейшим фактором оказалась, видимо, позиция крестьян.

⁵³ Вестник ВСХПС. 1917. № 3. С. 11.

⁵⁴ Её руководитель П.Ф. Милованов сообщал епископу Александру, что «община участвует в выборах от Рязани» (ОР РГБ, ф. 246, к. 221, д. 33, л. 10).

⁵⁵ Слово Церкви. 1917. № 38. С. 641.

⁵⁶ Вестник ВСХПС. 1917. № 1. С. 5.

⁵⁷ ОР РГБ, ф. 246, к. 221, д. 33, л. 10; ГА РФ, ф. 1810, оп. 1, д. 125, л. 3; д. 185, л. 6; д. 247, л. 3; д. 291, л. 2; д. 353, л. 3; д. 355, л. 4; д. 444, л. 4.

⁵⁸ ГА РФ, ф. 1810, оп. 1, д. 355, л. 4; Наши кандидаты в Учредительное собрание // Голос старообрядческого Поволжья. 1917. № 6. С. 4.

⁵⁹ ГА РФ, ф. 1810, оп. 1, д. 125, л. 3.

⁶⁰ Там же, ф. 1781, оп. 1, д. 52, л. 2—48; ф. 1810, оп. 1, д. 32, л. 2—123.

На рубеже XIX—XX вв. в сельской местности проживали до 90% староверов⁶¹. Как правило, крестьяне являлись самым политически пассивным слоем населения, они «различали слабо, а иногда и вообще не воспринимали партийные программы» и реагировали только на те действия политиков, «которые касались их непосредственно»⁶². Крестьяне-старообрядцы в среднем были более зажиточны, сознательны и активны⁶³, однако далеко не во всём солидарны со староверческой интеллигенцией и начётчиками. Характерно, что именно на Алтае старообрядческий «крестьянский» список достиг наибольшего успеха, заняв третье место и опередив народных социалистов, кадетов и меньшевиков⁶⁴. Но и там далеко не все поддерживали «Программу».

В деревне явно не сочувствовали принципу непререкаемости, которого придерживались лидеры староверов. Ещё в марте 1917 г. бессменный председатель старообрядческих съездов Рябушинский обещал, что при решении наиболее важного для крестьянства земельного вопроса, «мы против его интересов идти не будем... все справедливые крестьянские требования... должны быть проведены в жизнь»⁶⁵. Однако в «Политической программе», как и на многочисленных съездах и собраниях, постоянно оговаривалось, что окончательно определить аграрные отношения вправе только Учредительное собрание, а «самовольное разрешение этого вопроса... недопустимо, и может привести к братоубийственной войне»⁶⁶. Всероссийский поморский съезд также выступил против захватов, несущих «взаимное озлобление и хозяйственное расстройство»⁶⁷. Даже отдельные общины принимали резолюции, призывавшие крестьян «потерпеть в своих домогательствах о наделении землёй до созыва Учредительного собрания и решения этого вопроса законным путём» и предупреждавшие их, что «самовольные захваты земель... ухудшат продовольственное дело страны и вернут в жизнь государства конечную смуту»⁶⁸.

Однако крестьяне желали разделить помещичью собственность прямо сейчас, что приводило к погромам имений и прямой конфискации владений⁶⁹. Поэтому в некоторых регионах, в частности на Урале, значительная часть крестьян-староверов считала, что аграрная часть «Программы» была «выработана при участии наиболее имущих старообрядцев»⁷⁰. Продолжая настаивать на ре-

⁶¹ Кириллов И.А. Статистика старообрядчества. М., 1913. С. 16.

⁶² Яров С.В. Крестьянин как политик. Крестьянство Северо-Запада России в 1918—1919 гг.: политическое мышление и массовый протест. СПб., 1999. С. 5.

⁶³ Проведённое в 1908—1909 гг. анкетирование 100 тыс. дворов староверов показало, что они «в общем являющиеся экономически более обеспеченным элементом деревни». Земли (включая сенокосы и выгоны) в их хозяйствах было в среднем по 21,7 десятины (у всех крестьян Европейской России — по 11,1 десятины). При почти одинаковых у всех наделах, они имели в пять раз больше земли, купленной и находившейся в длительной аренде и в 1,6 раза больше рабочего скота на душу. Одновременно они были в 1,6 раза грамотнее и тратили на книги и газеты в 4 раза больше остальных (Сельскохозяйственный и экономический быт старообрядцев (по данным анкеты 1909 года). М., 1910. С. XVIII, 111, 203, 204, 229—230).

⁶⁴ Старухин Н.А. Белокриницкое согласие на Алтае... С. 92.

⁶⁵ ОР РГБ, ф. 260, к. 2, д. 20, л. 19.

⁶⁶ Политическая программа старообрядцев всех согласий. С. 419; см. также: Освященный Собор. День 2-й // Слово Церкви. 1917. № 25. С. 459; и др.

⁶⁷ Памятная запись о заседаниях Всероссийского съезда // Вестник ВСХПС. № 1. С. 5.

⁶⁸ Постановление народного собрания старообрядцев г. Егорьевска... С. 414.

⁶⁹ См., например: Слово Церкви. 1917. № 22. С. 410.

⁷⁰ Боровик Ю.В. Старообрядческие общества Урала в 1917—1921 гг. // Известия Уральского государственного университета. 2004. № 31. С. 106.

шающей роли Собрания, лидеры ревнителей древнего благочестия выпустили воззвание «К старообрядцам крестьянам», убеждая их воздержаться «от насилия и безрассудных действий» до Учредительного собрания⁷¹. Но это лишь вызвало недовольство и оттолкнуло избирателей. Лозунги эсеров и даже большевиков, суливших безвозмездное наделение, звучали привлекательнее⁷².

В результате, например, в Пермской губ. (Пермь, Екатеринбург, Соликамск, Ирбит, Чердынь с уездами) значительная часть староверов голосовала не за список «Группы объединённых старообрядцев всех согласий» (19 человек) № 4, а за блок эсеров и представителей советов крестьянских депутатов. В итоге соотношение оказалась 1:21. Даже в старообрядческих сёлах, за исключением пяти, на всю губернию список № 4 поддерживали лишь 1—2 избирателя, и он уступил даже некой «Группе церковно-народной»⁷³. Но и это не было самой большой неудачей, в Черниговской губ. пропорция составила 1:22⁷⁴.

Сказывался и политический изоляционизм древлеправославных. В округах со значительным староверческим населением они не блокировались даже с кадетами. Тогда как многие партии (особенно кадеты) активно прибегали к объединению списков⁷⁵, старообрядцы делали это крайне редко и то перед самыми выборами. В последний момент они объединились в Саратовской губ. с Трудовой народной социалистической партией и группой «Крестьяне Петровского уезда и мордовского населения Саратовской губернии», в Рязанской — с «земельными собственниками»⁷⁶ и, по некоторым данным, в одной из губерний — с кадетами. В Приамурье своего списка выдвинуто не было, но группа беспоповцев призывала не помогать кадетам и другим «реакционным силам», а отдать голоса социал-демократам⁷⁷.

Старообрядческая элита не раз допускала ошибки при проведении избирательной кампании и составлении кандидатских списков. Так, неудивительно, что список «Старообрядцев всех согласий г. Новочеркасска» мало кого заинтересовал: в Донском округе в него вошли всего три человека, причём ни одного казака — исключительно «москвичи» (Рябушинский, Бриллиантов и Зенин)⁷⁸. В Калуге выдвинули список только «От древлеправославных христиан старообрядцев Калужской губернии», что ограничило его поддержку последователями других согласий⁷⁹.

Вместе с тем едва ли главной причиной поражения старообрядцев стал их «акцент на стремление подчеркнуть свою приверженность идеалам христианства, готовность лишь на их основе реформировать общество»⁸⁰. Распро-

⁷¹ К старообрядцам крестьянам // Слово Церкви. 1917. № 17. С. 309, 310.

⁷² Слово Церкви. 1917. № 32—33. С. 576. См. также: *Клюкина Ю.В.* Старообрядцы и политические партии в 1905—1917 гг. С. 339; *Боровик Ю.В.* Старообрядчество Урала и Зауралья на переломе эпох (1905—1927). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2003. С. 20.

⁷³ ГА РФ, ф. 1810, оп. 1, д. 321, л. 3; д. 322, л. 3; д. 511, л. 125.

⁷⁴ Там же, д. 442, л. 34.

⁷⁵ *Протасов Л.Г.* Всероссийское Учредительное собрание: история рождения и гибели. М., 1997. С. 138—139.

⁷⁶ См.: ГА РФ, ф. 1810, оп. 1, д. 125, л. 3; д. 185, л. 6; д. 247, л. 3; д. 291, л. 2; д. 321, л. 3; д. 322, л. 3; д. 353, л. 3; д. 355, л. 4, 6; д. 363, л. 6; д. 444, л. 4; д. 511, л. 125.

⁷⁷ *Протасов Л.Г.* Всероссийское Учредительное собрание... С. 119, 139.

⁷⁸ ГА РФ, ф. 1810, оп. 1, д. 185, л. 6.

⁷⁹ Там же, д. 247, л. 3.

⁸⁰ *Степанов Д.В.* Саратовские старообрядцы и политика в революционный 1917 год (URL: https://samstar.ucoz.ru/news/d_stepanov_saratovskie_staroobryadcy_i_politika_v_revolyucionnyj_1917_god/2015-04-20-6212).

странение атеистических и антицерковных взглядов, связанное с дискредитацией монархии, секуляризация сознания вообще и массовое антиклерикальное движение сочетались тогда с сакрализацией революционных символов и целей. В массах распространялась вера в то, что вскоре революция приведёт к созданию Царства Божия на земле⁸¹. Во всяком случае, несколько клириков Православной Российской Церкви были избраны в Учредительное собрание: митрополит Владимирский и Шуйский Сергей (Страгородский) от Группы христианского единства «За веру и родину», священник Георгий Кутузов — от эсеров и т.д.⁸²

Следует учитывать и то, что выборы ноября—декабря 1917 г. проходили с существенными нарушениями. Подготовка к ним началась слишком поздно. Требовалось избрать 825 депутатов, но оказались избранными лишь 706⁸³. Саратовская окружная комиссия телеграфировала Всевыборам, что «ввиду полного отсутствия свободы устного печатного слова свободы собраний неприкосновенности личности явившихся результатом бунтарских выступлений... выборы проходят при самых неблагоприятных условиях исключающих правильное волеизъявление народное поэтому должны бы быть отложены», хотя и «должны состояться»⁸⁴.

На Кавказском фронте голосование запланировали провести в феврале 1918 г., в Тамбовской губ. — в марте. В Кубано-Черноморском, Терско-Дагестанском, Степном округах так и не завершившийся избирательный процесс после 5 января пришлось свернуть⁸⁵. Во многих районах Сибири и Дальнего Востока, обжитых староверами, выборы отложили «в связи с отсутствием связи и дорог»⁸⁶. В Верхнеудинском уезде, где треть населения составляли древлеправославные, во многие волости забыли прислать «инструкторов по составлению списков избирателей», чем лишили законных прав свыше 200 тыс. человек⁸⁷. Порою процедура срывалась из-за того, что инструктивной «бумаги нет до сих пор» или «кандидатских списков не представлено»⁸⁸ и т.п.

Казачьи части, в которых служило немало старообрядцев, исключались из голосования по фронтовым округам. Требования срочно создать «особые избирательные казачьи округа» игнорировались. Их голоса, подсчитанные отдельно, предполагалось присоединить к соответствующим тыловым округам, но специальные фронтовые казачьи избирательные комиссии так и не были сформированы или начали работу очень поздно. В итоге, как признал председатель Особой совещательной комиссии при Всероссийской избирательной комиссии, значительная часть казаков вообще не участвовала в выборах⁸⁹.

Новсё же несколько ревнителей древнего благочестия сумели победить в предвыборной борьбе. Принадлежавший к Древлеправославной церкви Христовой

⁸¹ Колоницкий Б.И. Символы власти и борьба за власть: К изучению политической культуры российской революции 1917 года. СПб., 2012. С. 57—86.

⁸² ГА РФ, ф. 1810, оп. 1, д. 32, л. 158 и др.

⁸³ Подсчитано по: Там же, ф. 1781, оп. 1, д. 52, 60.

⁸⁴ Там же, ф. 1810, оп. 1, д. 356, л. 34.

⁸⁵ Протасов Л.Г. Люди Учредительного собрания: портрет в интерьере эпохи. М., 2008. С. 25; ГА РФ, ф. 1810, оп. 1, д. 366, л. 48; и др.

⁸⁶ ГА РФ, ф. 1810, оп. 1, д. 92, л. 138—144 и др.

⁸⁷ Там же, л. 21.

⁸⁸ См., например: Там же, д. 366, л. 48.

⁸⁹ Там же, д. 511, л. 19, 39. Хотя находившиеся на фронте казаки иногда даже угрожали «оставить за собой свободу действий» (Там же, д. 11, л. 3).

крупный промышленник, общественный деятель, бывший министр торговли и промышленности и товарищ министра-председателя Временного правительства А.И. Коновалов прошёл по списку кадетов Ярославской губ.⁹⁰ От Русских социалистов-революционеров был избран по Пермскому округу старовер-беспоповец А.Т. Кузнецов, прислуживавший в нижнетагильской часовне и активно сотрудничавший с журналом «Уральский старообрядец», несмотря на то, что ещё в 1906 г. вступил в партию и подвергался аресту за антиправительственную деятельность. Возможно, были старообрядцы и среди 19 казаков, выигравших в территориальных округах (9 из них принадлежали донскому казачеству)⁹¹. Но, конечно, эти депутаты не могли в полной мере представлять российских староверов.

В целом, конфессиональные списки могли добиться успеха на выборах в Учредительное собрание, но только при поддержке компактно проживавших этнических групп. Так, были избраны депутаты от Крымского мусульманского комитета, Закавказского мусульманского национального комитета, казанского Мусульманского социалистического списка, Уфимского губернского мусульманского национального совета, самарского мусульманского «Шуро», Казанского губернского мусульманского комитета, Мусульманских организаций Самаркандской области, Общеферганского списка мусульманских организаций, а также Еврейского национального избирательного комитета Белоруссии, Еврейского национального блока Новороссии и др. Исключением стала православная Группа христианского единства «За веру и Родину», созданная верующими патриаршей Церкви⁹².

Результаты выборов вызвали у старообрядческих публицистов глубокое разочарование. Осуждая либеральную и умеренно-социалистическую интеллигенцию, не сумевшую удержать полученную в марте 1917 г. власть, они не снимали ответственности и с населения страны: «Мы сами... в массе не пригодны как материал для создания не то чтобы социального устройства общества, а даже не пригодны для того, чтобы создать обычное, уже существующее на Западе правовое государство». В возможность сотрудничества в Учредительном собрании Милюкова и Родзянко с «Ульяновым-Лениным и Бронштейном-Троцким» не верилось уже в декабре 1917 г.⁹³

Поэтому если захват власти большевиками в октябре 1917 г. вызвал у старообрядцев бурное возмущение и осуждение, выразившееся в многочисленных протестах и публикациях, то на разгон «учредиловки» они фактически не отреагировали, как и на выступления в её защиту в Москве, Киеве, Могилёве и ряде других городов⁹⁴. В старообрядческой печати они почти не освещались. В центральном печатном органе самого большого согласия — Древлеправославной Церкви Христовой — ограничились вопросами: «Могло ли Учредительное собрание, в таком его составе, быть поддержано страной?.. Или Учредительное собрание было лишь фикцией, пустой идеей, остоном без крови и живого тела?

⁹⁰ Баллотировавшиеся там же фабриканты-старообрядцы С.Н. Третьяков и С.И. Четвериков находились далеко от начала списка и в Учредительное собрание не попали (*Протасов Л.Г.* Люди Учредительного собрания... С. 23—52).

⁹¹ *Протасов Л.Г.* Люди Учредительного собрания... С. 110, 323.

⁹² ГА РФ, ф. 1810, оп. 1, д. 32, л. 43—210; д. 52, л. 2—48.

⁹³ Учредительное собрание // Слово Церкви. 1917. № 49. С. 777—779.

⁹⁴ ГА РФ, ф. 1810, оп. 1, д. 513, л. 1—53.

...при таком характере набралось ли бы Учредительное собрание достаточных сил, если бы его работа не была прервана большевиками»⁹⁵.

Лишь после принятия «Декрета об отделении церкви от государства», который лишал собственности и юридического статуса религиозные организации, старообрядцы заговорили о необходимости борьбы с советской властью, о возвращении к нелегальной культовой практике, о том, что «каждый старообрядческий дом, каждое селение, каждый приход должны быть Керженцем»⁹⁶. Руководитель основного (Белокриницкого) согласия поповцев архиепископ Московский и всея Руси Мелетий в своём пастырском послании призывал: «Ополчимся же, православные христиане, против врагов Божиих... твёрдо надеясь, что враги Церкви Христовой будут посрамлены и сокрушатся силою Креста Христова»⁹⁷. Ревнители древнего благочестия откликнулись на эти слова, и начался новый этап в их взаимоотношениях с государством — период не столько иллюзий, сколько активного противостояния, в том числе и вооружённого. Но и в сентябре 1918 г. съезд белокриницкого согласия Томско-Алтайской епархии в Барнауле (политический центр староверов переместился из Москвы в Сибирь и на Алтай) в резолюции об объединении сибирского старообрядчества на «общественной, политической и просветительской почве» заявлял о грядущей подготовке к новым выборам «во всероссийские и всесибирские учредительные собрания»⁹⁸.

⁹⁵ *Зайцев А.* Где выход? (К годовщине революции) // *Голос Церкви.* 1918. № 2. С. 92—93.

⁹⁶ *Кириллов И.* Старообрядчество и современные старообрядцы // *Голос Церкви.* Древлеправославный общественный журнал. 1918. № 2. С. 61. Сеть нелегальных и полуполигальных старообрядческих скитов на р. Керженец представляла собой один из главных духовных центров староверов, формировавшийся со времён Соловецкого восстания и постоянно подвергавшийся преследованиям: арестам насельников, конфискации икон и книг, а также закрытию и «выгонкам». Однако Керженецкие скиты раз за разом возрождались, оставаясь очагом духовного сопротивления.

⁹⁷ Старообрядческого архиепископа Мелетия московского древлеправославным христианам пастырское послание // *Голос Церкви.* 1918. № 2. С. 53.

⁹⁸ Цит. по: *Инговатов В.Ю., Старухин Н.А.* К вопросу об истории отношения старообрядчества к государственной власти на примере общин Алтая в 1917—1920 гг. // *Старообрядчество: история, культура, современность.* Материалы. М., 1998. С. 38.

Татьяна Матасова

Становление и развитие итальянской русистики в XX в. как научная проблема*

Tatiana Matasova

(Lomonosov Moscow State University, Russia)

Genesis and progress of russian studies in Italy in the 20th century as a scientific problem

DOI: 10.31857/S086956870009265-2

Одним из значимых следствий взаимодействия русской и итальянской культур в последней четверти XV — первой трети XVI в. стало появление первых описаний Московии, составленных итальянскими путешественниками и гуманистами — Иосафатом Барбаро, Амброджо Контарини, Альбертом Кампенским, Павлом Йовием. Их сочинения стали классикой европейской «россики». Именно на эту эпоху пришлось зарождение интереса к России в итальянских государствах. Особенно он активизировался в XVIII—XIX вв., когда торговые, культурные и политические связи Российской империи с итальянским миром становились всё более интенсивными. Себастьяно Чампи был в числе тех, кто в первой половине XIX в. «открыл» славянскую проблематику не только в познавательном или религиозном (миссионерском) смысле, но и в чисто научном ключе. Русские учёные и дипломаты, не один год проводившие в итальянских архивах

в поисках свидетельств о России — Е.Ф. Шмурло, Н.В. Чарыков и др. — сыграли колоссальную роль в складывании образа России и зарождении научного интереса к истории и культуре нашей страны в Италии рубежа XIX—XX вв. Однако подлинное становление итальянской славистики (и русистики как одной из главных её составляющих) пришлось на первую половину XX в.

Особенностью итальянской славистики является то, что за XX столетие на этом поле сформировалась развитая научная школа, представители которой вышли далеко за рамки изучения отношений славянских культур, вступили на путь постижения славянской — и в особенности русской — цивилизации в самых разнообразных её аспектах. В России же, к сожалению, труды итальянских русистов, написанные в большинстве на родном языке их авторов, не всегда известны широкому кругу историков. Исключением стали работы Риккардо

* Маццетелли Г. Очерки итальянской славистики: Книги, архивы, судьбы / Ред. и пер. с итал. М.Г. Талалая. М.: Индрик, 2018. 296 с.

Материал подготовлен в рамках деятельности Выдающейся научной школы МГУ им. М.В. Ломоносова «Трансформации культуры, общества и истории: философско-теоретическое осмысление».

Пиккио, посвящённые древнерусской литературе, но он принадлежал ко второму поколению итальянских славистов, и потому его наследие невозможно адекватно оценить без знакомства с трудами «отцов-основателей». В узких кругах российских учёных приобрело известность исследование Анджело Данти о «Слове о полку Игореве», а также труды ещё нескольких славистов второго и третьего поколений — прежде всего Марчелло Гардзанити, Витторио Страды, Пьеро Каццолы, Стефано Каприо, Джованни Манискалько-Базиле, Джованни Сьедины, Клаудии Скандуры, Марио Капальдо, Артуро Грациози, а также организаторов международного семинара «От Рима к Третьему Риму» — Пьеранджело Каталано, Паоло Синискалько и др. Во многом это объясняется тем, что программные исследования этих учёных написаны на русском языке и/или есть их переводы. Даже проведённые во время перестройки чтения в честь Этторе Ло Гатто — одного из «отцов-основателей» итальянской русистики¹, не изменили ситуацию. Значимым событием для российских научных кругов в деле популяризации сведений об истоках итальянской русистики стал выход в свет обстоятельных размышлений выдающегося советского и российского историка архитектуры и реставратора С.С. Подъяпольского, посвящённых труду Э. Ло Гатто об итальянских архитекторах в России. Автор дал самую высокую оценку труду Ло Гатто, специально отметив важность знакомства с его наследием². Труды итальянских коллег (как названных выше, так и многих других) отличаются оригинальностью подходов и глубиной выводов, а мысль о том, что славянская книга — «непреложный “кирпич” в цельном здании современной итальянской цивилизации»³ не является преувеличе-

нием. Более того, само становление и развитие итальянской русистики — важная страница в европейском научном осмыслении истории России в XX в., значимый и интересный опыт размышлений западных интеллектуалов о месте России в Европе.

В силу этих обстоятельств публикация на русском языке книги Габриэле Маццителли, посвящённой открытию итальянскими учёными XX в. России как объекта научного исследования — филологического, исторического, культурологического — без сомнения, является крупным и своевременным научным событием. Книга представляет собой сборник самостоятельных очерков, объединённых общей идеей: показать развитие итальянской славистики (в первую очередь — русистики) на протяжении XX в., раскрывая как главные страницы истории изучения России в Италии, так и обращая внимание на малоизвестные сюжеты взаимодействия двух культур. Сборник адресован русским читателям, перед которыми не только разворачивается картина становления и развития интереса к России на Апеннинском полуострове, но и раскрываются судьбы протагонистов этого движения.

Истоки этого направления неразрывно связаны с жизнью «отца-основателя» итальянской русистики Э. Ло Гатто. «Russia», первый итальянский журнал, посвящённый русской культуре, выходил в 1920-х гг. и был едва ли не личным его делом. В интервью, с которого и начинается сборник, Ло Гатто обмолвился: «На самом деле именно я и был журналом “Russia”» (с. 38). Неудивительно, что первая часть книги Маццителли полностью посвящена Ло Гатто — настоящему первооткрывателю русского мира в его научном измерении.

Именно Ло Гатто, плодовитому учёному и подлинному проповеднику

русской культуры, принадлежит грандиозная заслуга: перевод главных произведений русской классической литературы на итальянский язык. Среди них — стихотворный перевод «Евгения Онегина» и других произведений А.С. Пушкина, рассказов и пьес А.П. Чехова («Дядя Ваня» в переводе Ло Гатто — одна из пьес, по сей день не сходящих со сцен итальянских театров), главных сочинений Ф.М. Достоевского, М.Е. Салтыкова-Щедрина, Н.С. Лескова, И.А. Гончарова и многих других русских писателей «первого ряда».

Ло Гатто интересовало и восприятие родной ему итальянской культуры в России. Он перевёл на итальянский «Образы Италии» П.П. Муратова — настольную книгу не только любого русского итальяниста, но и сколько-нибудь образованного человека, собирающегося посетить Италию. Примечательны слова Ло Гатто о Муратове: «Павел Павлович знал Италию намного лучше, чем многие профессиональные исследователи итальянского искусства» (с. 38). На поле изучения и популяризации русской культуры в Италии заслуги самого Ло Гатто ничуть не меньше. Его книга «Миф Петербурга», впервые изданная в 1961 г. и выдержавшая несколько переизданий (последнее — в 2019 г.), служит прекрасным путеводителем для эрудированных итальянцев, отважившихся на путешествие в «Северную Венецию», своей чарующей красотой во многом обязанную мастерству итальянских зодчих.

В книге Маццителли «пионер славистики» Ло Гатто справедливо предстаёт человеком, действительно отдававшим все свои ресурсы (не только интеллектуальные и временные) этому благородному делу: на личные средства он не только издавал журнал, но и предпринимал другие общественно значимые инициативы, связанные с изучением России.

В первой части кажется особенно важным как раскрытие перед читателями личности Ло Гатто (в том числе через публикацию его писем к разным лицам)⁴, так и интерес Маццителли к частным на первый взгляд сюжетам из жизни учёного. Среди таких сюжетов — отношения Ло Гатто с одним из идеологов фашизма Джованни Джентиле. Нельзя забывать, что становление итальянской русистики пришлось на время утверждения и господства диктатуры Б. Муссолини, и автор отмечает это хронологическое совпадение, рассказывая о судьбе библиотеки им. Н.В. Гоголя (с. 229). Маццителли удалось показать, что Ло Гатто всегда отличала предельная научная честность, он никогда не шёл на идеологический компромисс в ущерб научным результатам. Примечательно, что в конце 1930-х гг. Ло Гатто высказал (в издании, курированном Джентиле) мысль о том, что Россия — не просто «интересный для исследования регион», а неотъемлемая часть европейского мира (с. 102—106). Ценность этого вывода особенно заметна, если учесть, что в 1930-х гг. Ло Гатто был запрещён въезд в СССР.

Своего героя Пьеро Каццолу — выдающегося итальянского русиста второго поколения — М.Г. Талалай назвал «адвокатом русской культуры»⁵. Думается, это определение справедливо и по отношению к Ло Гатто. Оно подчёркивает и удивительную преемственность научной традиции, отличающую итальянскую русистику середины XX в. Эта преемственность неувидительна: одним из главных источников итальянской русистики поры её становления было знакомство с идеями русских религиозных философов. Замечено, что Ло Гатто воспринимал разрушение православных святынь в СССР в 1920-х гг. совершенно так же, как и о. Павел Флоренский. Подобная близость — про-

явление весьма глубокого понимания Ло Гатто основ русской культуры, его погружения в лучшие традиции русского мира⁶.

Введённые в научный оборот материалы личной переписки Ло Гатто с О. Кампой, Дж. Джентиле, Дж. Мавером и др. имеют огромную научную ценность. Хочется верить, что в дальнейшем они будут использованы при написании развёрнутой научной биографии Ло Гатто, которая, несмотря на большой интерес в последние годы к его личности и архиву, хранящемуся в Национальной библиотеке Италии в Риме, пока не написана.

Во второй части книги раскрыты отдельные сюжеты, связанные с судьбами славистов первой половины XX в., в России практически неизвестных. Можно сказать, что так автор выполняет завет, данный Ло Гатто: воссоздать ту культурную среду, в которой шло рождение славистики в Италии (с. 15—20). Во второй части книги речь идёт о тех, кто собирал библиографические материалы, связанные со славянским миром (и с Россией в первую очередь) — Аурелио Пальмери, Энрико Дамиани и Джованни Мавере⁷. И если Пальмери и Дамиани — фигуры значимые, но всё же не первостепенные, то Мавер — второй «отец-основатель» итальянской славистики. Среди учеников Мавера — Санте Грачотти, внесший серьёзный вклад в развитие избранной им области⁸. К большому сожалению, в отличие от Ло Гатто, всё же известного в России, имя Мавера знакомо лишь немногим российским историкам. Он не оставил объёмного наследия в виде монографий, статей и переводов, как Ло Гатто, но всё же изучал славянский мир не менее увлечённо и вдумчиво.

Маццителли сопоставил манеру научного творчества Мавера и Ло Гатто и пришёл к выводу о том,

что «Мавер старался заложить прочную основу для славистики, в то время как Ло Гатто служил её глашатаем. Мавер заботился о фундаменте, Ло Гатто — об отделке» (с. 178). И тот факт, что «Ло Гатто оставил тексты, уже готовые к печати, Мавер — множество зачастую неразборчивых записей», вовсе не умаляет значения Мавера. Воистину, «в... истории Этторе Ло Гатто и Джованни Мавера заключена героическая эпоха нашей славистики» (с. 173). Это утверждение Маццителли представляется взвешенным и справедливым.

В приведённых в книге Маццителли фактах и размышлениях о роли Дамиани и Пальмери в становлении славистики в Италии интересными кажутся детали, касающиеся их связи с католической Церковью и её миссией на Востоке. Рождение итальянской славистики в 1920—1930-х гг. проходило не только в атмосфере фашистского режима, но и во время небывалой активности Папского Восточного института. И если от политического режима слависты стремились держаться насколько возможно дальше, то традиционный интерес Ватикана к России в ту пору лишь подогревал занятия русистикой, что объективно шло этой области знания только на пользу. Так, известно, что в 1930-х гг. советская власть, отчаянно нуждавшаяся в деньгах, продавала за границу многие культурные ценности в частности русские средневековые рукописи. Часть из них купил Ватикан. Благодаря усилиям католических учёных эти памятники были не только спасены, но и всесторонне изучены⁹.

В третьей части книги собраны материалы, связанные с отдельными малоизвестными эпизодами взаимного влияния русской и итальянской культур: бытование в Италии изданий московского первопечатника Ивана Фёдорова, впечатления главного «рус-

ского римлянина» XIX в. Н.В. Гоголя от приезда в Рим императора Николая I, печальная судьба основанной в 1902 г. в Риме библиотеки имени Гоголя, история журнала «Советская культура», родившегося на волне небывалого авторитета коммунистов в Италии после 1945 г. Эти очерки — весомый вклад в копилку сведений о русско-итальянских связях в их самых неожиданных проявлениях.

Собранный в книге материал не является целостным рассказом обо всех вехах развития итальянской славистики, но иначе как уникальным его не назовёшь. Тексты Маццителли обнаруживают широту и глубину архивного и библиографического кругозора их автора, его искреннюю заинтересованность в раскрытии перед российским читателем интереснейших деталей биографий и творческого пути итальянских русистов, где причудливо соединились самые высокие идеалы стремления к истине, гражданской ответственности и гуманизма с личными переживаниями и устроивством своей судьбы.

Книга Габриэле Маццителли, блестяще переведённая Михаилом Талалаем, — настоящий подарок для российского читателя и в первую очередь для историков России. Эту работу можно смело назвать не только значимым итогом кропотливой и вдумчивой работы её автора, но и настоящим его успехом. Нисколько не сомневаюсь, что книга доставит большое удовольствие и принесёт пользу всем, кому небезразличен опыт осмысления русской истории и культуры в Европе в полном тревог и надежд XX столетия.

Примечания

¹ Италия и славянский мир: Советско-итальянский симпозиум in honorem Professore Ettore Lo Gatto. М., 1990.

² Подьяпольский С.С. О книге Э. Ло Гатто. Послесловие через полвека // Подьяпольский С.С. Историко-архитектурные исследования: Статьи и материалы. М., 2006. С. 220—260.

³ Талалай М. Предисловие редактора // Маццителли Г. Очерки итальянской славистики: Книги, архивы, судьбы. М., 2018. С. 9.

⁴ Особенно ценно, что в книге представлены многие детали, которые не слишком ярко освещены в автобиографической работе Э. Ло Гатто «Мои встречи с Россией», вышедшей в издательстве «Кругъ» на русском языке в 1992 г.

⁵ Талалай М.Г. Пьеро Каццола — адвокат русской культуры // Россия и Италия. Вып. 4. Встреча культур. М., 2000. С. 323—328.

⁶ Матасова Т.А. Отражение традиций русской религиозной философии в итальянской русистике XX века: памятники русского средневековья глазами Этторе Ло Гатто // Историческое обозрение. Т. 19. М., 2018. С. 102—108. В книге Маццителли есть раздел про первые посещения Ло Гатто Советского Союза в начале 1930-х гг. (Маццителли Г. Указ. соч. С. 114—136), хотя отмеченный мной сюжет в рассматриваемой работе никак не отражён (что я, впрочем, ни в коем случае не ставлю в вину автору: нельзя объять необъятное).

⁷ В начале 1960-х гг. вышла обстоятельная рецензия И.С. Дуйчева на книгу Р. Пиккио «История древнерусской литературы» (Milano, 1959), в начале которой упомянуты имена этих учёных, а также имя Ло Гатто (Дуйчев И.С. Итальянская книга по истории древнерусской литературы // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы РАН (Пушкинский Дом). Т. 18. М.; Л., 1962. С. 552—568), однако у меня нет уверенности, что основная масса российских исследователей знакома с наследием этих людей и их вкладом в изучение России и славянского мира.

⁸ О нём см. статьи М. Капальдо, П. Маркезани, Й. Йеркова, О. Пачловской, Ч. Альцати в выпуске журнала «Ricerche slavistiche», специально посвящённом юбилею учёного (Ricerche slavistiche. NS. Vol. 6 (LII). 2008). О роли Мавера в становлении славистики писал и сам Грачотти (Graciotti S. La slavistica che ho amato prima del terzo millennio // Ricerche slavistiche. NS. Vol. 6 (LII). 2008. P. 29—40).

⁹ Catalogo dei manoscritti slavi del Pontificio Istituto Orientale di Roma / Ed. V. Poggi, A. Dzurova, K. Stancev. Roma, 1997. См. также: Poggi V. Manoscritti slavi del Pontificio Istituto Orientale // Orientalia Christiana Analecta. Roma, 2000. P. 117—143.

Рец. на: Многогранный талант историка: Памяти доктора исторических наук профессора Авенира Павловича Корелина / Отв. ред. Ю.А. Петров. М.: Институт российской истории РАН, 2019. 728 с., вкл. 16 с.

Aleksandr Shevyrev
(*Lomonosov Moscow State University, Russia*)

Rec. ad op.: Mnogogranniy talant istorika: Pamyati doktora istoricheskikh nauk professora Avenira Pavlovicha Korelina. Moscow, 2019

DOI: 10.31857/S086956870009280-9

Авенир Павлович Корелин (1933—2017) был выдающимся учёным, ответственным руководителем и обаятельным человеком. Поэтому желание его коллег, друзей и близких запечатлеть память о нём академическим трудом представляется вполне естественным. Структура сборника традиционна для такого рода изданий: биографические и историографические очерки, освещающие «вехи жизненного и творческого пути» исследователя, неоконченные тексты из его архива, научные статьи и библиография.

Во вступительной статье Ю.А. Петров представил перечень публикаций А.П. Корелина, рассказал о совместной с ним деятельности, объяснил замысел книги и кратко охарактеризовал опубликованные в ней главы незавершённой монографии историка¹. В первую часть сборника вошли воспоминания М.А. Корелиной, В.В. Шелохаева, В.П. Булдакова и Л.М. Епифановой, а также биографические и историографические очерки Н.В. Черниковой² и Н.Г. Королёвой³, которые если и не принадлежат строго к мемуарному жанру, то передают личное отношение их авторов к Авениру Павловичу. Они несомненно привлекут внимание тех, кто захочет лучше понять его характер, узнать о

пережитых им испытаниях, разобраться в оставшемся после него наследии.

Мария Авенировна Корелина увлекательно рассказала о родне, образе жизни и любимых занятиях отца. Авенир Павлович родился в переломное для страны время. Происходившие тогда процессы отразились и на судьбе рода, к которому он принадлежал: его родители сбежали от своих семей, чтобы разорвать связи с прошлым, и дали первенцу необычное, но вполне отвечавшее этому стремлению имя — Авенир, «которое происходит от французского “avenir” — в переводе “будущее”, “вперёд”»⁴. Не вполне традиционным было и наследование мальчиком фамилии матери, но причину этого М.А. Корелина не поясняет. Прадед Авенира Павловича — Фёдор Корелин служил священником в Сурском приходе Пинежского уезда Архангельской губ. (где родился Иоанн Кронштадтский), а дед — Николай Фёдорович — в той же губернии, но в Онежском уезде. Матери историка, Марии Николаевне долго приходилось скрывать своё происхождение, и даже о том, что она была крещена, её дети узнали лишь после её смерти. Дед А.П. Корелина по отцу — Николай Яковлевич Рассказов, будучи крестьянином с Онеги, преуспел в лесозаготовительном промысле и занял

место управляющего Товарищества лесопильных заводов и мануфактур «Д.Н. Лебедев» в Петербурге. Разорившись во время революции, его семья вынуждена была вернуться на Онегу. Там и познакомились родители Авенира Павловича. Но затем, очевидно, желая, как многие их современники, освободиться от бремени «плохого» классового происхождения, они покинули родные места и начали новую жизнь, получив высшее образование. Социальный лифт поднял Павла Николаевича Рассказова на должность начальника налогового управления Министерства финансов БССР. С началом войны он ушёл на фронт и осенью 1941 г. погиб. Его сыновья, пережив ужас эвакуации, обосновались вместе с матерью в Ульяновской обл. Оттуда в 1952 г. А.П. Корелин и отправился поступать на исторический факультет Московского государственного университета.

В студенческие годы Корелин состоял членом факультетского бюро ВЛКСМ, секретарём которого являлся Л.Н. Краснопевцев. В результате из-за «дела Краснопевцева» в 1957 г. Авенир Павлович оказался не в университетской аспирантуре, а в Государственной библиотеке СССР им. В.И. Ленина. По мнению Черниковой, руководство факультета «тогда приложило все усилия, чтобы быстрее провести распределение и вывести выпускников из-под удара»⁵. Но едва ли всё происходило именно так. Причастных к «Союзу патриотов» арестовали в самом конце августа, когда распределение уже состоялось и до вступительных экзаменов в аспирантуру оставались считанные дни. В деканате же в этой ситуации думали скорее о необходимости продемонстрировать принятие «оргмер», исправляющих очевидный недостаток бдительности. Отстранение члена комсомольского бюро от подготовки диссертации на

кафедре могло стать одной из них. Тем не менее после трёх лет работы в библиотеке Корелину удалось поступить в аспирантуру, а ещё через шесть лет занять должность младшего научного сотрудника в Институте истории АН СССР (с 1992 г. — РАН), в котором он проработал всю оставшуюся жизнь.

В.В. Шелохаев рассказал о поворотах в судьбе Корелина на рубеже 1960—1970-х гг., когда «Авенир вёл поиск собственной исследовательской темы», переходя от изучения промышленных монополий к анализу проблем, связанных с рабочим вопросом (осенью 1968 г. в журнале «Вопросы истории» появилась его статья о зубатовщине), а затем — к истории дворянства⁶. В то время он был тесно связан с «новым направлением» как один из редакторов сборника «Свержение самодержавия» (М., 1970), где П.В. Волобуев и другие авторы отстаивали крамольную идею стихийности Февральской революции, и как участник конференции, состоявшейся в 1969 г. в Свердловске⁷. Именно после неё «“разгром” представителей “нового направления” исторической науки вступил в завершающую фазу». Так или иначе, итогом всех этих «поворотов» стало то, что «Авенир обрёл тему по душе», и уже в 1971 г. опубликовал свои первые статьи о пореформенном дворянстве⁸. В тот момент это был довольно смелый выбор. Хорошо помню, что в 1979 г. на меня, тогда — аспиранта, книга Корелина произвела сильное впечатление: труд о дворянском сословии не романтической пушкинской эпохи, а периода, когда оно однозначно признавалось реакционным, воспринимался как невероятное событие.

В.В. Кондрашин внимательно проследил изыскания учёного, посвящённые преобразованиям и процессам, протекавшим в начале XX в.

в русской деревне⁹. Автор показал, как глубоко Корелин погружался в эти сюжеты и как твёрдо отстаивал он свои убеждения, указывая на неоднозначность результатов деятельности П.А. Столыпина — фигуры весьма популярной и в общественном сознании, и среди историков в постсоветской России. Так, не вступая в открытую полемику с М.А. Давыдовым, Корелин последовательно обращал внимание на то, что успехи столыпинской аграрной реформы во многом преувеличены. А в 2012 г. в Пензе на I международной (II всероссийской) научно-практической конференции «П.А. Столыпин: становление и реформирование российской государственности» в присутствии руководителей региона — «страстных почитателей Столыпина» — Корелин «начал свой доклад с заявления, что он не является поклонником Столыпина»¹⁰. Мемуарные зарисовки можно обнаружить и в собственно исследовательских работах. Так, Г.Н. Ульянова включила в начало своей статьи страничку воспоминаний со стихотворением собственного сочинения, произнесённым на праздновании 75-летия А.П. Корелина¹¹.

Во второй части сборника помещены 29 статей — 26 сотрудников Института российской истории РАН (в том числе 13 представителей центра истории России XIX — начала XX в., в котором работал Корелин), а также учёных из Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Высшей школы экономики и Московского педагогического государственного университета.

Прежде всего хочется отметить работы, которые по своему содержанию наиболее близки к тематике трудов Авенира Павловича. Среди них, безусловно, исследование О.А. Плех, в котором на основе статистического материала рассмотрена динамика из-

менения благородного сословия в Вологодской губернии, где в ряде уездов имелось поместное землевладение, тогда как в других преобладали или занимали исключительное положение селения государственных крестьян¹². Автор анализирует социальный состав дворян и местных чиновников по самым разнообразным параметрам, констатируя быстрый рост личного дворянства и постепенное оскудение потомственного. По наблюдениям Плех, уже в дореформенный период «более 70% составляли лица, не имевшие “средств к приличному себя содержанию”», а «две трети помещичьих населённых имений и почти 70% владельческих крестьян состояли в обеспечении долга»¹³.

А.С. Грузинов, ставя под сомнение утверждения А.М. Анфимова и В.К. Станюковича о «паразитизме» хозяйственной деятельности гр. С.Д. Шереметева, вполне корректно определил критерии «паразитизма» и «предпринимательства» в их дихотомии. Судя по сметам всего графского хозяйства, за 1890 и 1910 гг. «паразитическая» прибыль сократилась с 68,2 до 40,5%, т.е. в 1,7 раза, а наблюдавшийся рост чистого капитала свидетельствовал о том, что «некий минимум эффективности предпринимательской деятельности поддерживался»¹⁴.

Анализируя способы пополнения административного аппарата в последней четверти XVIII в. — первой четверти XIX в., Л.Ф. Писарькова раскрыла практику приёма на службу выходцев из податных сословий вопреки законодательным ограничениям. «В стране, где преобладало несвободное и элементарно неграмотное население, — пишет исследовательница, — обеспечить государственные учреждения необходимым числом чиновников и канцелярских служащих являлось непростой задачей»¹⁵. Проработав обширный законодательный

и делопроизводственный материал, она обнаружила многочисленные случаи несоответствия юридически закреплённых требований и правил их применения в действительности. Нехватка людей вынуждала правительство разрываться между пополнением растущего аппарата управления служащими и поддержанием чистоты их рядов. В итоге, несмотря на запретительные нормы, «поступление в гражданскую службу лиц податного состояния продолжалось и оставалось довольно распространённым явлением»¹⁶.

Н.В. Черникова ставит под сомнение некоторые параметры многих исследований о социальном составе бюрократии¹⁷. В частности, она справедливо отмечает, что установление национальности по вероисповеданию не отличается точностью, и предлагает «при определении национального состава узких групп политической элиты» пользоваться «более дробными категориями — указанием на место рождения и первоначального воспитания представителей элиты, на национальность и взгляды их первых учителей»¹⁸. Возможно, это применимо и к более широким группам чиновничества и офицерства, поскольку формулярные списки содержат немалую долю необходимой информации. Скептически отзываясь о сложившейся в историографии оценке уровня образования членов Государственного совета, Черникова полагает, что «гораздо более важным и, в какой-то мере, заменяющим эту категорию, является анализ профессионального состава» данного учреждения¹⁹. Интересны и суждения исследовательницы о том, что «циклическое повторение периодов “омоложения” и “старения” Государственного совета представляется... естественным процессом, не дающим возможности делать далекоидущие выводы о нарастании в стране системного кризиса»²⁰. И всё

же трудно согласиться с категоричными утверждениями автора о том, что устоявшиеся в историографии методы социального анализа превращают «членов Государственного совета в безликую группу, выхолащивая присущую им индивидуальность и сводя на нет свойственную политической элите “цветущую сложность”», увидеть которую можно будто бы лишь «через призму выполняемых Советом функций и кадровой политики императоров»²¹. Ведь, вопреки собственным заявлениям, Черникова сама проделала блестящую работу, уточнив многие социальные характеристики, важные для понимания роли и состояния Государственного совета в конце XIX в. И созданная ею картина весьма богата оттенками и отнюдь не кажется упрощённой.

О многолетнем плодотворном изучении Корелиным истории крестьянской кооперации напоминает в сборнике статья Н.Б. Хайловой. В ней показано, что поддержка лидерами Партии мирного обновления крестьянских артелей и общины во все «не подразумевала их убеждённости в “порочности” капитализма и его неприемлемости для России» и была лишена «обычного для российской общественной мысли негативного подтекста в отношении Запада как воплощения “буржуазности”»²².

Г.Н. Ульянова подготовила увлекательный очерк купеческого быта и его эволюции на протяжении целого столетия. Она не просто описала основные этапы жизненного пути отдельных представителей сословия, но и рассказала об их рефлексии в дневниках и воспоминаниях. Это выразилось, в частности, в появлении в тексте необычного раздела о семьях счастливых и несчастливых. По словам исследовательницы, «в течение двух поколений происходит радикальная смена культурных идеалов»,

постепенно «обретённые культурные навыки стали важным фактором кристаллизации социальной и культурной идентичности буржуазии», а в автобиографических текстах всё чаще возникали «дискуссии о кодексе чести, морали и социальной выживаемости купечества»²³. Между тем в статье М.К. Шацилло указывается, что органы купеческого самоуправления «так и не стали центрами формирования корпоративного предпринимательского сознания»²⁴. В.В. Керов, осветив восприятие старообрядцами проблем, связанных с заимствованием современной техники, пришёл к выводу: «Ядром хозяйственной конфессиональной этики являлась духовная (этическая) концепция Дела — “благословенной причины”, обеспечивающая мотивацию христианского подвига хозяйствующего субъекта. Именно эта концепция, также основанная на развитии традиции, “сняла” противоречия консервативно-модернизационной социальной практики ревнителей древнего благочестия и обеспечивала экзистенциальность всей конфессиональной системы»²⁵.

И.В. Ружицкая проследила формирование концепции крестьянской реформы от Екатерины II до 1861 г. Особое внимание исследовательница уделила экспериментам, проводившимся в Остзейском крае. По её мнению, основные контуры отмены крепостного права «были намечены ещё до воцарения Александра II и были результатом теоретических наработок и практических шагов двух предыдущих царствований»²⁶.

Л.В. Мельникова дала детальную картину благотворительной деятельности православных монастырей, установив, что «особенную активность проявили женские обители, многим насельницам которых в рассматриваемый период был свойственен феминизм, выражавшийся в стремлении принимать живое участие в обще-

ственной жизни, приносить как можно больше пользы своей стране»²⁷.

Откликом на интерес Корелина к политической истории начала XX в. стали статьи А.А. Бессолицына и А.С. Минакова. Бессолицын проанализировал записку «Об изменении штатов Департамента торговли и мануфактур», которая была разработана по указанию министра финансов в 1892—1893 гг. и «легла в основу его торгово-промышленной политики, вошедшей в историю как “Программа Витте”»²⁸. Минаков, характеризуя попытки В.К. Плеве наладить дискуссии с дворянской общественностью, возлагает ответственность за их неуспех на обе стороны: «социально-политическая и экономическая неоднородность дворянства лишала это сословие возможности быть опорой самодержавию и делала невозможным генерирование в его среде какой-либо антикризисной программы», а «консервативный по своему бюрократическому воспитанию министр», «конечно, не допускал мысли о возможности создания общественными силами альтернативного центра власти»²⁹.

В исследовании И.Н. Слепнёва показаны продолжающиеся с конца XIX в. до наших дней дискуссии о кризисных явлениях в сельском хозяйстве, взаимосвязи внутреннего и внешнего рынков, «голодном экспорте» и уровне благосостояния крестьянства³⁰. И.М. Пушкарёва, поставив вопрос о судьбе помещичьих хозяйств в 1917 г., сформулировала задачу «пересмотра источников под иным, неклассовым, углом зрения», чтобы «представить обновлённую концепцию взаимосвязанных процессов, ставших причиной гибели экономики помещичьих хозяйств и их владельцев»³¹.

А.Е. Иванов указал на проблему связи социального статуса и неблагонадёжности студенчества, поскольку, по словам автора, «сословная филь-

трация будущих студентов представлялась власти едва ли не наиболее эффективным инструментом нейтрализации политической “неблагонадёжности” учащейся молодёжи»³². Между тем анализ численного и социального распределения студентов по факультетам свидетельствует о том, что «демократическая по социальному происхождению интеллигентная молодёжь всё активнее завоёвывала жизненное пространство на тех этажах высшего образования, которые изначально предназначались для выходцев из дворянско-чиновничьего сословия. В свою очередь, дети последнего всё напористее проникали в ту сферу высшего образования, которая предназначалась самодержавным государством отпрыскам промышленников и торговцев»³³. Статистические данные приводятся и в статье Н.Н. Ауовой о кадетских корпусах XVIII — первой половины XIX в. На протяжении полутора столетий они «выполняли функции и гражданских учебных заведений, занимаясь подготовкой гражданских чиновников, по сути, совмещая начальное, среднее и высшее (университетское) образование», но в дальнейшем их эволюция оказалась связана «с ориентацией на военную службу, пополняя русскую армию достаточно квалифицированными и образованными офицерами»³⁴.

А.Г. Голиков исследовал редакционную политику «Морского сборника» и отражение на его страницах курса Морского министерства. Автор соотносит изменение тиража и стоимости подписки с числом офицеров, составлявших основную читательскую аудиторию данного издания, и обозначает важные рубежи в истории журнала, которые, как правило, совпадали с войнами и сменой министров³⁵. Близкую тему затрагивает статья И.С. Рыбачёнок. Ею отмечен тот стратегический поворот в полити-

ке и морских, и сухопутных держав, который произошёл на рубеже XIX—XX вв. под влиянием идей двух адмиралов — американца А. Мэхена и британца Ф. Коломба. В прессе всех стран, в том числе и России, развернулась в то время пропаганда идей маринизма. Не только «Морской сборник», но и ведущие столичные газеты убеждали читателей в необходимости иметь сильный флот, а редкие голоса, напоминавшие, что Россия является континентальной империей, тонули в хоре многочисленных оппонентов. При этом, по мнению Рыбачёнок, русская печать, поддерживая наращивание могущества России на морях, недооценила ту угрозу, которую представляла военная и особенно морская мощь Японии»³⁶.

Статья Д.Б. Павлова содержит разнообразный материал, позволяющий судить о финансовых отношениях России с союзниками в 1914—1917 гг., о значении поставок вооружения и способах их оплаты (особенно любопытны факты о контактах с Японией). Подводя итог, автор заключает, что «участие России в Первой мировой войне обеспечили преимущественно внутренние государственные заимствования» и нет оснований «утверждать её тотальную финансово-экономическую зависимость от союзников по Антанте»³⁷.

А.Ю. Морозова рассмотрела разногласия «вперёдовцев» с ленинцами. Вслед за А.А. Богдановым исследовательница различает «группу “Вперёд” как таковую и “вперёдовство” как идейное течение» и считает, что «не стань Ленин полновластным лидером большевизма, политическое и идейное развитие этого течения в российской социал-демократии могло пойти иным, менее авторитарным путём»³⁸.

В сборник вошли также биографические статьи А.И. Аксёнова о гр. С.П. Румянцеве, К.А. Соловьёва

о П.Б. Струве, Н.М. Рогожина о Д.И. Ило-вайском, В.Я. Гросула о В.И. Семевском, М.Г. Вандалковской о П.Н. Милюкове, Ю.Н. Емельянова о В.А. Мякотине, В.В. Зверева о Н.Ф. Даниельсоне, а также работы о Древней Руси В.А. Кучкина, однокурсника Авенира Павловича, и давнего его сотрудника по Институту А.Н. Сахарова.

Третья часть, названная «Из архива А.П. Корелина», объединяет фрагменты незавершённой книги учёного о российском дворянстве 1905—1917 гг. При всём многообразии интересов Авенира Павловича история пореформенного дворянства оставалась лейтмотивом его творчества. Ей он посвятил свою первую монографию, к ней же вернулся, заканчивая свой жизненный путь, а перед этим, находясь в расцвете сил, подготовил к печати ценные документы съездов Объединённого дворянства. В сборнике опубликованы три из семи задуманных Корелиным глав и три добросовестно составленных им годовых отчёта, позволяющих понять авторский замысел и предварительные выводы исследователя (к сожалению, разделы о численности и составе сословия, о дворянском предпринимательстве, а также введение и заключение он написать не успел).

Из неоконченных рукописей наибольшей полнотой отличается глава «Дворянство в системе государственного управления». Она разделена на шесть частей, в которых рассказывается об отношении политически активной части дворянства к «формированию системы высших представительных органов», т.е. к конституции, участию в работе Думы и Государственного совета, о роли дворян в бюрократической элите, местном самоуправлении, офицерском корпусе. Не хватает лишь краткого подведения итогов, отложенного, вероятно, до финальной правки и шлифовки текста.

Глава «Корпоративная организация российского дворянства: структура, компетенция, основные направления деятельности» достаточно обстоятельна, но явно требовала ещё доработки. В ней речь идёт о дворянских обществах рубежа XIX—XX вв., совещаниях предводителей дворянства накануне и в ходе революции 1905—1907 гг., появлении Объединённого дворянства, историю которого Корелин успел довести до Третьего съезда губернских уполномоченных в марте—апреле 1907 г. Самая короткая главка — «Поместное дворянство: землевладение и хозяйство», где говорится лишь о мобилизации и стратификации поземельной собственности.

Как ни странно, эти материалы не сопровождаются какими-либо пояснениями публикаторов о состоянии архива учёного и об археографических особенностях воспроизведения его рукописей. Между тем в главах о землевладении и государственной службе автор использовал затекстовые ссылки, их номера указаны в тексте, но сами они отсутствуют. А в главе о корпоративной организации ссылки уже постраничные и приведены полностью. Эти различия в оформлении, по возможности, следовало бы оговорить.

Нельзя не отметить высокое качество публикации, подготовленной Институтом российской истории. В книге помещены фотографии разных лет, запечатлевшие Авенира Павловича в кругу семьи, друзей, коллег, а также снимки его прадеда, деда и родителей. Сноски сделаны постраничные, что для весьма объёмного и тяжёлого тома представляет несомненное удобство. Сборник «Многогранный талант историка» стал достойной данью памяти замечательного учёного и человека.

Примечания

¹ *Петров Ю.А.* К читателю // Многогранный талант историка: Памяти доктора исторических наук профессора Авенира Павловича Корелина. М., 2019. С. 5—9.

² *Черникова Н.В.* А.П. Корелин: вехи жизненного и творческого пути // Многогранный талант историка... С. 10—16.

³ *Королёва Н.Г.* История российской кооперации в трудах А.П. Корелина // Многогранный талант историка... С. 53—58.

⁴ *Корелина М.А.* Воспоминания об отце // Многогранный талант историка... С. 21.

⁵ *Черникова Н.В.* А.П. Корелин... С. 11.

⁶ *Шелохаев В.В.* Судьбу не выбирают // Многогранный талант историка... С. 28.

⁷ Отчёты о ней А.П. Корелин и Ю.И. Кирьянов опубликовали в заметных московских и киевских изданиях: *Кирьянов Ю.И., Корелин А.П.* Ленинский анализ социально-экономической структуры предреволюционной России // Вестник АН СССР. 1969. № 9. С. 20—23; *Корелин А.П., Кирьянов Ю.И.* Обговорення питань багатокладності соціально-економічної структури Росії // Український історичний журнал. 1969. № 11. С. 149—153.

⁸ *Шелохаев В.В.* Судьбу не выбирают. С. 29.

⁹ *Кондрашин В.В.* А.П. Корелин — исследователь столыпинской аграрной реформы // Многогранный талант историка... С. 40—52.

¹⁰ Там же. С. 40.

¹¹ *Ульянова Г.Н.* Частная жизнь купеческой семьи в XIX веке по автобиографическим источникам: рождение, воспитание, вступление в брак, семейные отношения // Многогранный талант историка... С. 276—277.

¹² *Плех О.А.* Провинциальное дворянство первой половины XIX в. (на материалах Вологодской губернии) // Многогранный талант историка... С. 153—180.

¹³ Там же. С. 180.

¹⁴ *Грузинов А.С.* Рост капиталов графа С.Д. Шереметева на рубеже XIX—XX вв.: результат хозяйственной деятельности владельца или «паразитической» переоценки стоимости принадлежащих ему земель? // Многогранный талант историка... С. 247—264.

¹⁵ *Писарькова Л.Ф.* Правительственные меры по формированию состава гражданских служащих в последней четверти XVIII в. — первой четверти XIX в. // Многогранный талант историка... С. 129.

¹⁶ Там же. С. 142.

¹⁷ *Черникова Н.В.* Просопографические мифы о высшем чиновничестве (на примере Государственного совета конца XIX в.) // Многогранный талант историка... С. 197—214.

¹⁸ Там же. С. 202.

¹⁹ Там же. С. 205.

²⁰ Там же. С. 213.

²¹ Там же. С. 214.

²² *Хайлова Н.Б.* Артели и кооперация: взгляд либералов-центристов // Многогранный талант историка... С. 449—450.

²³ *Ульянова Г.Н.* Частная жизнь... С. 311—312.

²⁴ *Шацкило М.К.* Российские купеческие сословные организации в XIX веке // Многогранный талант историка... С. 275.

²⁵ *Керов В.В.* «Великое Дело» старообрядцев: были ли технические инновации «недопустимыми заимствованиями»? // Многогранный талант историка... С. 414.

²⁶ *Ружижская И.В.* Долгий путь к крестьянской реформе: от Екатерины II до Александра II // Многогранный талант историка... С. 152.

²⁷ *Мельникова Л.В.* Русские монастыри и монашество во время Русско-турецкой войны 1877—1878 гг. // Многогранный талант историка... С. 196.

²⁸ *Бессолоцын А.А.* Программа С.Ю. Витте: курс на модернизацию экономики России // Многогранный талант историка... С. 239.

²⁹ *Минаков А.С.* В.К. Плеве и дворянская общественность на рубеже XIX—XX вв.: дискуссии о реформах // Многогранный талант историка... С. 236.

³⁰ *Слепнёв И.Н.* Россия на мировом рынке в конце XIX века: зерновой экспорт, внутреннее производство, аграрный кризис (историографическая ситуация и методические подходы) // Многогранный талант историка... С. 313—324.

³¹ *Пушкарёва И.М.* Помещичьи хозяйства и их владельцы в России на закате своей истории: 1914—1917 гг. (по материалам отечественной литературы) // Многогранный талант историка... С. 349.

³² *Иванов А.Е.* Студенчество императорских университетов: правоспособность, сословность, профессиональные стремления. Конец XIX — начало XX века // Многогранный талант историка... С. 350.

³³ Там же. С. 358.

³⁴ *Аурова Н.Н.* Кадетские корпуса как источник подготовки профессиональных военных кадров (XVIII — первая половина XIX в.) // Многогранный талант историка... С. 117.

³⁵ *Голиков А.Г.* «Морской сборник» — журнал отечественного военно-морского флота // Многогранный талант историка... С. 359—370.

³⁶ *Рыбачёнок И.С.* Отечественная пресса о морской политике России на рубеже XIX—XX веков // Многогранный талант историка... С. 371—387.

³⁷ *Павлов Д.Б.* Россия в 1914—1917 гг.: финансовые взаимоотношения с союзниками // Многогранный талант историка... С. 400.

³⁸ *Морозова А.Ю.* Платформа группы «Вперёд» — манифест левого большевизма // Многогранный талант историка... С. 462.

Дневники великого князя Константина Николаевича 1858–1864 гг.*

Vsevolod Voronin

(Moscow Pedagogical State University, Russia)

The diaries of grand duke Konstantin Nikolaevich, 1858–1864

DOI: 10.31857/S086956870009272-0

Дневники генерал-адмирала вел. кн. Константина Николаевича (1827—1892) с 8 октября 1858 г. по 15 декабря 1864 г. — лишь часть обширного мемуарного наследия «первого подданного» и ближайшего помощника Александра II. Он делал ежедневные записи (с некоторыми перерывами) с 1836 по 1889 г., т.е. с детства и почти до конца жизни. Но это — одна из важнейших частей его дневника как по своей содержательности, так и по значимости данного периода в истории России. Эти годы связаны с подготовкой и началом осуществления Великих реформ, с модернизацией флота и преобразованиями в системе морского управления, с польским восстанием, ставшим, по сути, гражданской войной на западных окраинах Российской империи.

Записи вел. кн. Константина за 1858—1861 гг. и апрель—декабрь 1862 г. ранее уже публиковались¹. Но в 1953 г. при обработке его личного фонда в Центральном государственном историческом архиве СССР в Москве (ныне — ГА РФ) обнаружилось, что дневник за 1862 г. бесследно исчез. Вероятно, рукопись передавалась в редакцию «Красного архива» для подготовки к публикации, и уже не вернулась в архив. Между тем не публиковавшиеся тексты 1863—1864 гг. прекрасно сохранились в записных книжках с добротным кожаным переплётом².

Великий князь не только рассказывает читателю о жизни императорского семейства и Двора, но и сообщает ценнейшие сведения о внутренней и внешней политике. В своём лаконичном, но весьма откровенном «журнале» он аккуратно фиксировал все важные для него детали минувшего дня — самочувствие; погодные условия; подробности поездок, плаваний и путешествий; увиденные достопримечательности; книги, журналы и газеты, которые читал; посещение театров и концертов; разговоры с самыми разными лицами на политические, узкоспециальные и иные темы; музыкальные занятия и т.п. Эрудиция автора, его широкий кругозор и разнообразие интересов производят неизгладимое впечатление, отражая полноту жизни и деятельности одного из самых незаурядных представителей Императорской фамилии.

На рубеже 1850—1860-х гг. в России завершался важный этап реорганизации флота. В течение нескольких лет современники называли морское ведомство «Министерством прогресса» и штабом «либеральной бюрократии», одним из мозговых центров реформ и кузницей кадров для целого ряда отраслей государственного управления. Несколько молодых и способных сотрудников генерал-адмирал командировал во Францию, в Англию

* Дневники великого князя Константина Николаевича. 1858—1864 / Отв. ред. С.В. Мироненко. М.: Политическая энциклопедия, 2019. 726 с., ил. (Бумаги Дома Романовых).

и в Северную Америку для изучения теории и практики морского дела, устройства суда, финансов, воинской повинности и т.д. Лучшие русские писатели, публицисты, общественные деятели и педагоги энергично привлекались к сотрудничеству с ведомственным журналом «Морской сборник».

Страницы великокняжеского дневника раскрывают драму подготовки крестьянской реформы, сопровождавшейся глубоким расколом в правительственных сферах. В октябре 1858 г. вел. кн. Константин Николаевич, навлекший на себя гнев «крепостников», был вынужден надолго покинуть Россию. Однако два года спустя, в октябре 1860 г., именно он, по воле своего брата, стал председателем Главного комитета по крестьянскому делу и обеспечил одобрение в нём проектов, подготовленных Н.А. Милютиным и его единомышленниками в Редакционных комиссиях. В то же время, став в 1857 г. членом Комитета финансов, великий князь ознакомился с формированием бюджета, условиями внутренних и внешних займов, устройством банков и акционерных обществ, строительством железных дорог. «Страшное» положение, в котором оказалась кредитная система империи к лету 1859 г., заставляло его отстаивать «энергичные меры» (с. 63—64).

Не раз во время заграничных поездок и плаваний вел. кн. Константин Николаевич выполнял дипломатические поручения. Так, в декабре 1858 г. он вёл в Париже секретные переговоры с Наполеоном III, обсуждая возможность союза России и Франции (с. 21—22). В его поле зрения находились события, происходившие в Италии и на Балканах, междинастические связи германских королевских и герцогских домов, расширение дальневосточных владений России, освоение левобережья Амура

и Уссурийского края, споры о принадлежности Сахалина, переговоры с Китаем и Японией, завершение почти полувековой Кавказской войны.

Гибель Черноморского флота и невозможность его возрождения из-за условий Парижского трактата отчасти компенсировались, по мысли генерал-адмирала, созданием на Чёрном море Русского общества пароходства и торговли, суда которого доставляли, в частности, русских паломников в Палестину. Александр II взял отправляющихся туда богомольцев под своё покровительство, а вел. кн. Константин Николаевич и морское ведомство энергично помогали Русской духовной миссии. Неудивительно, что великий князь играл видную роль в особом Иерусалимском комитете, а весной 1859 г. посетил Святую землю.

Опубликованный дневник не только позволяет лучше понять логику внутренней и внешней политики 1850—1860-х гг., но и отражает личное участие Александра II и вел. кн. Константина Николаевича в подготовке и проведении Великих реформ. Отношения между братьями оставались в то время самыми тёплыми и доброжелательными. Примечательно, что они были вполне солидарны при решении ключевых задач, стоявших тогда перед правительством. Крестьянское дело — отмена крепостного права и поземельное устройство крестьян — являлось для обоих «главным» и «святым». 27 октября 1860 г., через неделю после кончины матери — императрицы Александры Фёдоровны, великий князь «всё утро читал и готовился к делу о дворовых», которое предстояло обсуждать вечером на заседании Главного комитета, а около полудня «ездил к Саше», отметив в дневнике: «Он особенно мил со мной, благодарил меня за то, как я председательствую и веду себя в Комитете, что он этого ожидал от

меня и не ошибся, и вообще о том, какую он ко мне имеет доверенность. Вышла премилая и откровенная сцена, мы были оба в слезах, целовались и обещались всегда идти рука в руку, заодно и не позволять, чтобы нас разрознивали» (с. 221—222). Несмотря на последующие разногласия и периоды некоторого охлаждения, братья навсегда сохранили доверие и взаимопонимание.

В ту пору большое императорское семейство жило в мире и любви. Царь и великие князья регулярно навещали и поздравляли друг друга по праздникам, в дни рождения и именин, при появлении на свет и крещении младенцев. Братья свято чтители годовщины смерти Павла I, Александра I, Николая I, а также вел. кн. Александры Николаевны («Адини»). Вся семья вместе с детьми дружно готовилась к Пасхе и встречала Новый год. Как и его старший брат Александр, Константин предстаёт в дневнике любящим отцом и сыном, заботливым мужем, верным братом. Правда, он заметно выделялся своим пристрастием к чтению художественной, научной и мемуарной литературы, а также любовью к музыке. Великий князь знал немало произведений европейских и русских композиторов, хорошо играл на фортепиано (один, с женой в четыре руки, в восемь рук с гостями) и виолончели, иногда садился и за орган. Своим примером он увлекал других членов августейшего семейства, включая и цесаревича Николая Александровича («Никса») — старшего сына Александра II, очень интересовавшегося музыкой.

В 1861—1862 гг. Александр II пополнил ряды высшей администрации «либеральными бюрократами», видные «константиновцы» А.В. Головнин и М.Х. Рейтерн заняли влиятельные министерские посты, а вел. кн. Константин Николаевич в конце 1861 г. на

какое-то время приобрёл преобладающее влияние на внутреннюю политику правительства. После заседания Совета министров 27 декабря 1861 г. он записал в дневнике: «Почти все самые жизненные и важные вопросы затронуты и подняты. Дай Бог успеха, дай Бог, чтоб мы удержали все эти вопросы в наших руках и остались в голове движения» (с. 339).

В начале 1862 г. к великому князю временно перешло председательство в Государственном совете. Тогда же началось его противоборство с министром внутренних дел П.А. Валуевым, придерживавшимся иных взглядов на осуществление крестьянской реформы и характер проектировавшихся земских учреждений. Одновременно в правящих кругах мало-помалу раскручивалась интрига, завершившаяся добровольным отъездом вел. кн. Константина Николаевича в Варшаву и вступлением его в должность наместника в Царстве Польском. Всё это в той или иной мере отразилось в дневниковых репликах. Гораздо подробнее в дневнике 1862 г. говорится о положении Польши и протекавших в ней общественно-политических процессах, о преобразованиях, обеспечивавших ей полную административную автономию в империи, о попытках наместника привлечь на сторону русской власти польскую аристократию и высшее католическое духовенство края, о назревании «общего восстания» (с. 368—390).

Страницы дневника 1863 г. передают реакцию великого князя и его окружения на перерастание внеочередного рекрутского набора, казавшегося лучшим средством нейтрализации «патриотической» городской молодёжи и последующего умиротворения населения, в открытый мятеж. В ходе развернувшихся боёв грамотные распоряжения военного командования и успешные действия войск не позволили пов-

станцам закрепиться в какой-либо части Царства Польского и образовать там своё «национальное правительство». Мятежникам пришлось вести изматывающую партизанскую войну, подвергаясь при этом непрерывным ударам русских «летучих» отрядов.

Тем не менее, несмотря на стремление наместника подавить восстание силой, в начале весны 1863 г. оно перекинулось на Северо-Западный край («Литву»), а большая часть польских чиновников, особенно на местах, явно или тайно сотрудничала с «инсургентами». Весной 1863 г. всё католическое духовенство края перестало даже внешне демонстрировать лояльность императору; последним в оппозицию перешёл варшавский архиепископ Сигизмунд Феликс Фелинский — некогда послушный исполнитель воли официального Петербурга. Это свидетельствовало о крахе «системы» маркиза А. Велепольского, возглавлявшего гражданское управление в Царстве Польском, и провале всей прежней «примирительной политики», с которой вел. кн. Константин Николаевич, следуя первоначальным инструкциям, связал своё имя. Игнорируя возражения брата, Александр II быстро нашёл альтернативу «системе Велепольского» и в марте назначил помощником наместника генерала гр. Ф.Ф. Берга, который должен был заведовать военными делами, а также, при необходимости, замещать великого князя. Высокопоставленные польские сановники не скрывали своего недовольства этим назначением, но их мнение царя уже не интересовало. Последняя попытка «примирения» — амнистия, объявленная бунтовщикам по случаю православной Пасхи 31 марта (12 апреля), не произвела на поляков, согласно великокняжескому дневнику, «никакого впечатления».

Стремительный распад администрации Царства Польского, высылка

крамольного архиепископа Фелинского, отъезд за границу маркиза Велепольского после крупной «покражи» в варшавском казначействе, неудачи русских войск, назначение генерал-губернатором Северо-Западного края давнего врага великого князя — М.Н. Муравьёва, усиливавшаяся в русском обществе и печати критика наместника, не сумевшего «справиться с мятежом»³, указывали на необходимость смены курса. Но больше всего вел. кн. Константина Николаевича огорчала «очень» жёсткая тональность императорских писем, в которых ощущался «след петербургских интриг и влияния Муравьёва», подавившего к августу восстание в Литве и получившего от царя разрешение на ввод вверенных ему частей в сопредельные уезды Августовской губ. Царства Польского для истребления мятежных «шак». В середине августа на совещании в Царском Селе при участии наместника обсуждались уже передача Августовской губ. во «временное» подчинение Муравьёва и установление в Польше «самой строгой военной диктатуры» по «опыту Литвы»⁴. Не согласившись с одобренными Александром II мерами, вел. кн. Константин Николаевич тогда же выпросил себе «отпуск» и вскоре вместе с семьёй покинул Варшаву. Венценосному брату оставалось лишь защищать его от нападок недоброжелателей. В октябре гр. Берг официально занял пост наместника в Царстве Польском, установил суровый военно-полицейский режим и к весне 1864 г. добился умирения мятежа.

«Отпуск» великого князя, в начале планировавшийся на «6 недель», продолжался более года. Первые его месяцы вел. кн. Константин Николаевич провёл в своём крымском имении — Ореанде, после чего он выехал за границу и вместе с супругой долго отдыхал в Германии — в основном, в Госларе, по вызову императора проведя в Петербурге лишь три

недели (с 8 апреля до 1 мая 1864 г.). Однако готовившиеся и проходившие в России реформы не оставляли его равнодушным. Так, внимательно следя за разработкой земской реформы, он «чрезвычайно» сожалел, что столь «важное дело», от которого «решительно зависит вся будущность политического строя России» (с. 490), рассматривалось без его участия. К осени 1864 г. яростное недовольство великим князем в высших сферах и патриотических кругах общества пошло на спад, и царский брат перестал чувствовать себя «невозможным». 26 октября он вернулся в Петербург, где в январе 1865 г. его ожидало назначение председателем Государственного совета. О таком намерении Александр II сообщил брату ещё при увольнении от должности наместника и вновь напомнил 14 декабря 1864 г., после того как тот представил свой «обыкновенный доклад» по морскому ведомству. На этом, по сути, и завершается опубликованная часть дневника.

Дневник за 1862 г. воспроизведён в издании по тексту, опубликованному в «Красном архиве» в 1925 г. К сожалению, в нём отсутствует довольно значительный фрагмент — с 1 января по 17 апреля, видимо, утраченный ещё в 1920-х гг. За остальные годы, как сказано в предисловии Е.А. Чирковой, «тексты дневников публикуются по подлинникам, хранящимся в Государственном архиве РФ» (с. 7). Это в полной мере относится к записям 1863—1864 гг. Однако с текстами 1858—1861 гг. всё обстоит немного сложнее. В 1994 г. они уже публиковались и комментировались Л.Г. Захаровой и Л.И. Тютюнник⁵. Профессор Захарова являлась и научным руководителем рецензируемого издания, как это указано на титульном листе. Поэтому изначально в основу переиздания была положена первая публикация, заново сверенная с оригиналом. Комментарии были суще-

ственно дополнены и переработаны. К записям 1858—1859 гг. в книге 1994 г. их насчитывалось 83⁶, а в 2019 г. — уже 222 (с. 113—144), к тексту 1860 г. соответственно 70⁷ и 98 (с. 239—255), 1861 г. — 32⁸ и 80 (с. 341—355). Впрочем, прямая преемственность и текстуальные пересечения комментариев 1994 и 2019 г. очевидны даже при беглом их сопоставлении. Для сравнения, к дневнику 1862 г. их сделано 122 (с. 391—408), 1863 г. — 102 (с. 494—524), 1864 г. — 50 (с. 610—612). Обновлением, расширением и переделкой комментариев 1994 г. под руководством Л.Г. Захаровой занималась Е.Л. Стафёрова, вклад которой в подготовку издания 2019 г. представляется весьма значительным. Записи 1862—1864 гг. комментировались Е.А. Чирковой. Но завершать работу над комментариями и указателями пришлось другим. Так получилось из-за того, что Л.Г. Захаровой по семейным обстоятельствам ещё в 2015 г. пришлось переехать в Тбилиси, где в 2017 г. она скончалась. Вскоре вынуждена была прекратить работу над проектом и Е.А. Чиркова. Прделанный ими труд, возможно, никогда бы не увидел свет, если бы не настойчивость и усилия С.В. Мироненко (ставшего ответственным редактором) и О.В. Эдельман, обеспечившими выпуск тома в его окончательном виде. При этом научно-справочный аппарат книги, помимо примечаний, включает аннотированный указатель имён, а также указатели морских судов, географических названий и резиденций особ Императорской фамилий.

Конечно, в предисловии, наряду со сведениями о вел. кн. Константине Николаевиче и судьбе его рукописей, следовало бы подробнее осветить происходившие в России в 1858—1864 гг. процессы и роль в них автора дневника. Можно лишь сожалеть о том, что в тексте встречаются досадные опечатки, а названия дней недели,

которые великий князь обозначал особыми значками, остались в некоторых местах не расшифрованными. Однако это не снижает ценности данной публикации, в которой исследователи эпохи Великих реформ давно уже нуждались. Любопытна она будет и для широкого круга читателей, интересующихся историей Российской империи и либеральными реформами Александра II.

Примечания

¹ Фрагменты дневника вел. кн. Константина Николаевича за 1858–1859 гг. см.: Вопросы истории. 1990. № 5, 8, 12. Записи 1858–1861 гг. см.: 1857–1861: Переписка императора Александра II с великим князем Константином

Николаевичем. Дневник великого князя Константина Николаевича / Сост. Л.Г. Захарова и Л.И. Тютюнник. М., 1994. С. 137–357. См. также: Из дневника в.к. Константина Николаевича // Красный Архив. 1925. Т. 3(10). С. 218–245.

² См.: ГА РФ, ф. 722, оп. 1, д. 1154, 1155.

³ Из записок адмирала Д.С. Арсеньева (1862–1865) // Русская старина. 1910. № 11. С. 411.

⁴ РГВИА, ф. 484, оп. 1, 1859–1868, д. 100, л. 2–2 об.

⁵ 1857–1861: Переписка императора Александра II с великим князем Константином Николаевичем. Дневник великого князя Константина Николаевича.

⁶ Там же. С. 216–221.

⁷ Там же. С. 287–295.

⁸ Там же. С. 355–357.

Анна Иванова

Молодые годы Михаила Каткова*

Anna Ivanova

(Russian Technological University (MIREA), Moscow)

Young years of Mikhail Katkov

DOI: 10.31857/S086956870009266-3

Рецензируемая монография доктора исторических наук, профессора А.В. Лубкова посвящена одному из наиболее известных представителей русского консерватизма пореформенного времени — Михаилу Никифоровичу Каткову (1818–1887). Если зрелый период его жизни и творчества и, в частности, деятельность на посту редактора «Русского вестника» и «Московских ведомостей» освещены в историографии сравнительно полно, то годы, когда происходило формирование его мировоззрения и жизненных принципов, исследо-

ваны явно недостаточно. Основные вехи и эпизоды биографии Каткова 1818–1856 гг. подробно изложены С.М. Саньковой¹, но их контекст и взаимосвязь ещё нуждаются в осмыслении. Автор восполняет этот пробел, опираясь на материалы из фондов ГА РФ (ф. 1718) и Отдела рукописей РГБ (ф. 120), опубликованные документы, литературные и публицистические произведения самого Каткова и его современников, мемуары Т.П. Пасек, И.И. Панаева, К.С. Аксакова, Ф.И. Буслаева, А.И. Герцена, Б.Н. Чичерина и др.

* Лубков А.В. Михаил Катков: молодые годы. М.: МПГУ, 2018. 256 с.

Книга состоит из вступления, шести глав и заключения. Две первые главы охватывают детские и школьные годы жизни Каткова — с 1818 по 1834 г. В них говорится о происхождении его семьи, её родственных связях и круге общения, уточняется дата рождения Михаила Никифоровича — 1 ноября 1818 г. (а не 6 ноября 1817 г. или 1 февраля 1818 г., как иногда указывалось ранее). По мнению Лубкова, ранняя потеря отца, материальные затруднения, частая смена места жительства, отсутствие постоянных друзей-сверстников, общение в основном с матерью и её взрослыми родственниками (кн. А.Б. Мещерская, кн. М.А. Хованская, кн. П.И. Шаликов) сформировали у Каткова уважительное отношение к старшим, к устоявшимся в обществе правилам и нормам. С детских лет у него вырабатывались сосредоточенность, внимательность, «внутренняя углублённость, граничащая с отрешённостью». Всё это позволило ему в зрелом возрасте на протяжении многих лет умело распределять своё время и успешно совмещать редакторство в крупном литературно-политическом журнале и ежедневной газете (с. 20—21). Обучение в Преображенском сиротском училище, а затем в Первой московской гимназии, где царили довольно суровые порядки и нравы, закалили его характер, который приобрёл твёрдость и независимость, но одновременно и закрытость, замкнутость, необщительность. Лишь после поступления на казённый счёт в частный пансион профессора Московского университета М.Г. Павлова в 1832 г. у подростка появились первые настоящие друзья, хотя, судя по многочисленным свидетельствам современников, основным его увлечением по-прежнему оставалось чтение книг (с. 64—65). При этом Лубков

не ограничивается описанием учёбы и становления личности Каткова, но периодически дополняет свой рассказ небольшими краеведческими экскурсами или проводит параллели со схожими обстоятельствами в биографиях И.С. Тургенева, М.Ю. Лермонтова, А.И. Герцена и др. Всё это, безусловно, помогает читателю лучше почувствовать колорит эпохи.

В последующих главах рассказывается об обучении в Московском университете в 1834—1838 гг., участии в кружке Н.В. Станкевича, увлечении гегельянством, сложных взаимоотношениях с В.Г. Белинским и М.А. Бакуниним, о встречах с Лермонтовым и отзывах на его произведения, о первых литературных опытах в «Московском наблюдателе» и «Отечественных записках», о стажировке в Берлинском университете и знакомстве с философией Ф.В.Й. Шеллинга, подготовке магистерской диссертации «Об элементах и формах славянорусского языка» в 1845 г., преподавании философии в Московском университете и назначении на должность редактора «Московских ведомостей» в 1851 г. Повествование доводится до 1856 г., когда Катков получил разрешение на издание «Русского вестника».

Весьма интересна авторская трактовка взаимоотношений попечителя Московского учебного округа гр. С.Г. Строганова с министром народного просвещения гр. С.С. Уваровым, причин закрытия журнала Н.И. Надеждина «Телескоп» (с. 113—114), а также влияния П.Я. Чаадаева на мировоззрение Каткова. Лубков пишет о «связи и даже преемственности между Чаадаевым и Катковым» (с. 118—119), выразившейся в попытках сформулировать некую имперскую идею, способную стать стержнем национального самосознания, в констатации обособленности от западной

цивилизации, в великодержавном патриотизме (ощущаемом, к примеру, в реакции Чаадаева на стихотворение Пушкина «Клеветникам России»), в представлениях о сакральной и провиденциалистской природе царской власти в России (с. 120). Впрочем, во взглядах Чаадаева и Каткова было гораздо больше различий, чем сходства. Сближало их в основном признание того, что «Россия — не Запад». Однако Катков никогда не испытывал симпатий к католицизму, свойственных Чаадаеву. Единство вселенской Церкви виделось ему только на основе православия (с. 121). По-разному оценивали они и место России во всемирно-историческом процессе. И если в 1839 г. в «Песнях русского народа» Катков действительно почти открыто цитировал Чаадаева (с. 117), то в дальнейшем в его публицистике будут преобладать не критические, а охранительные и даже апологетические нотки.

Дискуссионным кажется и утверждение автора, будто «сути своих взглядов Катков не менял» (с. 237), неизменно оставаясь приверженцем идеи Личности и видя в Человеке творца истории. Правда, если в молодости, под воздействием гегельянства, он считал, что человек имеет цель су-

ществования в самом себе, то позднее он всё чаще указывал на наличие высших принципов и приоритетов, таких как имперский патриотизм, необходимый для внутренней стабильности и величия государства и народа. Конечно, в рассуждениях Каткова прослеживается общая философская и историософская основа, и автор это убедительно доказывает. Однако нельзя отрицать эволюции его общественно-политических воззрений от умеренно-либеральных в молодости к охранительно-консервативным в зрелые годы. Консервативно-либеральный синтез если и происходил, то лишь в собственно философских его убеждениях.

Вместе с тем следует признать, что монография А.В. Лубкова вносит значительный вклад в изучение не только биографии и творческого наследия М.Н. Каткова, но и русской общественной мысли XIX в. в целом. Она написана хорошим литературным языком и будет интересна не только специалистам, но и широкому кругу читателей.

Примечание

¹ Санькова С.М. Михаил Никифорович Катков. В поисках места (1818—1856). М., 2008.

Александр Котов

На какой почве Катков стал «московским громовержцем»?*

Aleksandr Kotov

(Institute of History, Saint Petersburg State University, Russia)

On what basis did Katkov become the «Moscow Thunderer»?

DOI: 10.31857/S086956870009268-5

Михаил Никифорович Катков не обделён вниманием историков. Книги о нём выходили и в дореволюционное, и в советское время, появляются они и в наши дни¹. Несколько хуже обстоит дело с изданием катковских текстов: в небольшие сборники рубежа XX—XXI вв. вошли в основном статьи «хватательно-охранительной» направленности. Более содержательный, включающий письма и отзывы современников шеститомник, к сожалению, лишён полноценного научного комментария и предназначен скорее для украшения полок в начальственных кабинетах, чем для увлекательного чтения или научно-исследовательской работы². Двухсотлетие со дня рождения Каткова, не став событием национального масштаба, заинтересовало в основном учёных, подготовивших два тематических выпуска почтенных консервативно-академических журналов³, «Диалог о книге» в «Российской истории»⁴ и несколько уютных конференций и семинаров⁵.

Книга А.В. Лубкова находится в этом ряду. Её беглый просмотр вызывает скорее недоумение — кажущийся мозаичным текст о молодости Каткова сразу же заставляет вспомнить сравнительно свежую, обстоятельную и хорошо известную специалистам

монографию С.М. Саньковой⁶. Впрочем, медленное чтение, — для которого работа Лубкова и предназначена, — оставляет иное впечатление. Оно было бы вполне благоприятным, если бы не странные ссылки на катковские произведения. Автор почему-то пользуется либо их сетевыми публикациями, либо упоминавшимся собранием сочинений в шести томах. Однако передовицы «Московских ведомостей» и в нём, и в Сети воспроизводятся, как правило, не по оригинальным газетным публикациям (кстати, далеко не всегда принадлежавшим перу самого Каткова), а по их «Полному собранию», изданному С.П. Катковой, где злободневные, особенно ранние, статьи нередко подвергались не менее тенденциозной цензуре 1890-х гг.

Лубков явно идеализирует своего героя. По его словам, «оригинальность, стремление к философскому наполнению содержания текста, попытка теоретической или научной обоснованности и вместе с тем отточенность слога и страстность отличают публикации Каткова. Он писал темпераментно, образно, изящно, в каждой статье ощущалась глубина и красота мысли и слова. Белинский откровенно завидовал “слогу Каткова”, достоинством которого он считал

* Лубков А.В. Михаил Катков: молодые годы. М.: МПГУ, 2018. 256 с.

“определённость, состоящую в образности”» (с. 151—152). С этим можно отчасти согласиться, если только не вспоминать о том, что в более поздний период современники — в том числе далеко не либеральные — часто отмечали грубость, высокомерие и обвинительный тон катковских выпадов. Из иных газетных столбцов, по словам Ф.И. Тютчева, «торчал сердитый горб» соиздателя «Московских ведомостей» П.М. Леонтьева⁷. Перу другого члена «катковского триумвиата» — Н.А. Любимова, вероятно, принадлежали такого рода ядовитые фразы: «Панургово стадо приходит в волнение, чтобы всячески препятствовать водворению солидного образования в России. Барашки производят удивительные эволюции и неумоимо работают. На них не действуют разумные доводы: на то они и барашки»⁸. Но, так ли иначе, катковский редакционный «триумvirат» был «неразрывным целым», и странно было бы ожидать изящества и красоты мысли от редактора, сказавшего русской печати «извозчикье: тпррру»⁹.

Сильно удивились бы западники и славянофилы XIX в., узнав, что именно Катков «практически воплощал русскую духовную традицию — идею соборности, гармонии целого и свободы составляющих его частей» (с. 11). И, конечно, ошибочно полагать, будто всегда «проводимые “московским громовержцем” идеи органично воспринимались в обществе и пользовались высокой степенью доверия», а «значимость его авторитета и роли в общественной мысли и жизни не вызвала сомнений» (с. 10). Всё же среди откликов на смерть Каткова (в том числе и в консервативных кругах) обнаруживается такое количество «сомнений» в его роли, которому посочувствовал бы любой диктатор XX столетия¹⁰.

Порою идеализация героя приводит автора книги к курьёзам. Так, повествуя о том, как молодой Катков старался устроиться на государственную службу в Петербурге, Лубков отмечает: «Предприимчивые попытки Каткова встретили самые негативные оценки у современников: “максимум амбиций”, “попасть к какому-нибудь тузу или тузику в особые поручения” — говорили злые языки» (с. 193). «Злым языком» оказывается, однако, сам Михаил Никифорович — тогда ещё «полумагистр», с иронией писавший о себе А.А. Краевскому: «Удастся ли мне найти порядочное место, сколько-нибудь согласное с моими занятиями и интересами? Как прежде казалось бы мне это легко, так теперь, когда я попрохладился и порастратился местами, кажется трудным. Maximum моей амбиции — попасть к какому-нибудь тузу или тузику в особые поручения, чтобы иметь, между прочим, случай ездить по Руси, — ибо это будет согласоваться с моими занятиями, по крайней мере, с одною стороною»¹¹.

Иногда может показаться, что автор монографии противоречит самому себе. Так, во введении Лубков вполне в духе либеральной традиции констатирует, что катковские «идейные взгляды претерпели со временем разительные изменения» (с. 5). Однако далее утверждается, что «те современники Каткова и его посмертные критики, кто с лёгкостью упрекали его в частой перемене взглядов, в оппортунизме и отсутствии принципиальной позиции в общественной и литературной деятельности, глубоко заблуждались» (с. 143). А в самом конце автор соглашается «с теми исследователями, кто полагает, что сути своих взглядов Катков не менял» (с. 237). Этот тезис звучал ещё в ранней советской историографии¹². Впрочем, противоречия здесь нет: «разительные изменения»

заметны в высказываниях Каткова о сословном представительстве, национальной политике, организации суда, университетской автономии и т.п., но основанного на «классицизме» и немецкой философии идеалистического «базиса» Михаил Никифорович и в самом деле никогда не менял¹³. Правда, если книга, как пишет автор, «знакомит читателей с Михаилом Катковым» (с. 5), следовало бы более чётко очертить постоянное и изменчивое в мировоззрении публициста.

В основе убеждений Каткова, по мнению Лубкова, лежала «идея личности», которая была «ключевой в его воззрениях и всей дальнейшей деятельности» (с. 234). Она сближала его с кружком Станкевича, но понималась будущим редактором «Русского вестника» более глубоко, что в конечном итоге и привело его к разрыву с либеральным секуляризмом (с. 108). К сожалению, степень этой глубины раскрывается в книге достаточно туманно. И в этом тумане историк, кажется, попадает из 1860-х прямо в 1990-е гг.: «Идея личности получит дальнейшее развитие у зрелого Каткова, когда он будет возвращать внимание российской элиты к решению актуальных проблем государства, показывать высшей бюрократии и всей российской элите её истинное призвание и предназначение. Великие реформы, затронувшие все стороны жизни общества, нашли горячий отклик и поддержку в Каткове как патриоте и гражданине. На страницах возглавляемых им изданий он будет обличать уродливые явления и глубокие проблемы, которыми оборачивались преобразования под руководством безответственных либеральных реформаторов. Своими действиями, а часто бездействием они дискредитировали реформы и нанесли непоправимый ущерб нацио-

нальным интересам страны и её будущему» (с. 237).

Несколько размытым получился и рассказ о докторской диссертации Каткова, посвящённой древнейшему периоду греческой философии, которая, наряду с шеллингианством, определила основу его мирозерцания. Признавая это, автор по преимуществу излагает отзывы современников и усматривает заслугу диссертанта в «рассмотрении истории мысли как целостного единого процесса со собственными ему внутренними противоречиями». При этом «“возможности всего будущего обособления и разнообразия” на примере изучения идеальных моделей общества и государства демонстрировали приемлемые и неприемлемые пути развития, в том числе и для России» (с. 221). Для характеристики философических исканий молодого Каткова подобных наблюдений всё же явно недостаточно.

Впрочем, всё это не умаляет качества книги Лубкова, в которой «невольное сопоставление, на первый взгляд, диаметрально противоположных по своим взглядам людей, относимых к явно полярным “лагерям”, несовместимых по своим воззрениям, подчас выявляет нечто большее, чем собственно разделение на славянофильские и западнические платформы, левых или правых, почвенников или консерваторов, и обнаруживает действительное творчество национального самосознания на основе любви к своей Родине» (с. 9). В отличие от Саньковой, Лубков уделяет внимание не столько самому Каткову, сколько его окружению 1830—1850-х гг. В книге дана широкая панорама жизни московских интеллектуалов, из среды которых вышел будущий «идеолог контрреформ». Тут собрано всё: от погоды, родственников, воспитателей и покровителей

(самым колоритным из них предстаёт гр. С.Г. Строганов), университетских товарищей (включая экзотического Д.С. Кодзокова), властителей дум (сравнение идей Каткова и П.Я. Чаадаева вышло особенно удачно) до врагов и друзей по литературной и общественной борьбе — В.Г. Белинского, М.А. Бакунина, А.И. Герцена, П.М. Леонтьева и др. Лишённая монографической «проблемности», книга А.В. Лубкова помогает понять, на какой собственно «почве» явился «московский громовержец». И предсказуемость ответа — всё на той же, на московской, — не делает его менее ценным.

Примечания

¹ Сементковский Р.И. М.Н. Катков. Его жизнь и литературная деятельность. СПб., 1892; Неведенский С. [Щегловитов С.Г.] Катков и его время. СПб., 1888; Твардовская В.А. Идеология пореформенного самодержавия (М.Н. Катков и его издания). М., 1978; Санькова С.М. Государственный деятель без государственной должности. М.Н. Катков как идеолог государственного национализма. Историографический аспект. СПб., 2007; Санькова С.М. Михаил Никифорович Катков. В поисках места (1818—1856). М., 2008; Котов А.Э. «Царский путь» Михаила Каткова: Идеология бюрократического национализма в политической публицистике 1860—1890-х годов. СПб., 2016.

² Катков М.Н. Собрание сочинений. В 6 т. Т. 1—6. СПб., 2010—2012.

³ Тетради по консерватизму. 2018. № 3; Русско-византийский вестник. 2019. № 1(2).

⁴ Полунов А.Ю. В кругу Каткова // Российская история. 2018. № 5. С. 160—161; Медоваров М.В. Сущность катковизма // Российская история. 2018. № 5. С. 161—166; Комзолова А.А. Катков в окружении единомышленников // Российская история. 2018. № 5. С. 166—170; Мамонов А.В. Бюрократия и Катков // Российская история. 2018. № 5. С. 170—176.

⁵ Круглый стол (однодневная конференция) «М.Н. Катков: наследие и современность. К 200-летию со дня рождения» (6 марта 2018 г., Дом Лосева); Катковские чтения «От Катковского Императорского лицея до Дипломатической академии: к 200-летию М.Н. Каткова» (14 ноября 2018 г., Дипломатическая академия МИД России).

⁶ Санькова С.М. Михаил Никифорович Катков...

⁷ Тютчев Ф.И. Полное собрание сочинений и писем. В 6 томах. Т. 6. М., 2004. С. 128.

⁸ Московские ведомости. 1866. № 31. 10 февраля.

⁹ Розанов В.В. Сочинения. Л., 1990. С. 263.

¹⁰ Котов А.Э. «Зевса в Акрополе слепок»: русская журналистика над могилой М.Н. Каткова // Русско-византийский вестник. 2019. № 1(2). С. 222—243.

¹¹ Неведенский С. Указ. соч. С. 91.

¹² Пресняков А.Е. Воспоминания Е.М. Феоктистова и их значение // Феоктистов Е.М. За кулисами политики и литературы. М., 1991. С. 7.

¹³ Подробнее см.: Котов А.Э. «Царский путь» Михаила Каткова... С. 54—56.

Политическое воспитание Александра III

Fedor Melentev

(State Archive of the Russian Federation, Moscow)

Political education of Alexander III

DOI: 10.31857/S086956870009269-6

Письма консервативного публициста кн. В.П. Мещерского (1839—1914) к Александру III были известны в эмигрантских кругах ещё в 1940-е гг., а через два десятилетия стали довольно широко использоваться отечественными и зарубежными исследователями¹. Однако немалый объём написанного и неразборчивый почерк препятствовали полноценному освоению эпистолярного наследия князя, пока в 2000-х гг. Н.В. Черникова не приступила к публикации сначала избранных его посланий², а затем и всего их комплекса, составившего три солидных тома³. Тщательную подготовку к печати одним человеком почти 400 писем и отрывков из «дневников» кн. Мещерского с подробными комментариями можно без преувеличения назвать научным подвигом. Есть все основания полагать, что выпущенный Черниковой трёхтомник станет столь же незаменимым источником для изучения политики и идеологии самодержавия, как и изданные без малого 100 лет назад письма К.П. Победоносцева⁴.

Удивительно лишь, что первые тома, появившиеся ещё в 2011 и 2014 гг., не рецензировались в академических журналах, хотя и успели привлечь внимание историков⁵. Между тем они не только свидетельствуют о влиянии князя на будущего царя и довольно полно отражают динамику их взаимоотношений⁶, но и содержат мно-

жество любопытнейших сведений о личности цесаревича, подчас значительно корректирующих привычные представления.

Письма кн. Мещерского являлись одним из средств «политического воспитания»⁷. В них создавался образ идеального «великого государя», а также говорилось о том, каким должен стать наследник престола в будущем и какая судьба ожидает его в случае, если он не прислушается к этим советам.

Кн. Мещерский хотел видеть своего друга «не просто Государем, но Великим Государем» (курсивом выделены слова, подчёркнутые в оригинале. — Ф.М.). А для того, чтобы его царствование оказалось «гениальным», от двадцатилетнего вел. кн. Александра Александровича требовалось «мудрое и постоянно живое уразумение потребностей времени в связи с способностью готовить великое будущее для своего народа и государства». С 1865 г. князь призывал цесаревича активно готовиться к управлению страной, ибо «не бывши учеником в деле приготовления к Престолу, нельзя быть Великим Государем». Ему следовало брать пример со своего старшего брата — цесаревича Николая Александровича (1843—1865), плач по которому, как уверял кн. Мещерский, «никогда не замолкнет на Русской Земле!». При этом, помимо прочего, память о брате должна была укре-

плять и доверие к кн. Мещерскому. Ведь, как вспоминал тот в одном из писем, вел. кн. Николай Александрович, видя и ценя его «заботы и думы о нём как о будущем царе», сказал ему: «Если я сделаюсь таким, каким Вы меня хотите сделать, я только Вам буду этим обязан»⁸.

После смерти старшего брата вел. кн. Александру Александровичу поневоле приходилось «быть постоянно сравниваемым с ним», и это сравнение кн. Мещерский считал невыгодным для нового цесаревича, мало известного обществу. «Теперь Вам предстоит уже не перемена одного какого-либо убеждения, — предрекал князь в 1865 г., — но перемена целой внутренней Вашей жизни, перерождение Вашего нравственного существа». Если до 1865 г. вел. кн. Александр Александрович приучал себя «к полнейшему равнодушию к всему», не касавшемуся его лично, старался «не рассуждать ни о чём и быть вполне философом», то в новой обстановке ему самому пришлось признать: «Я всегда на всё глядел философом. А теперь нельзя быть философом»⁹. Отныне нужно было много работать над собой, учиться произносить публичные речи, «упражнять свои мысли и развивать способность их выражать»¹⁰ и, в частности, демонстрировать любезность в обращении с людьми, поскольку «если же теперь Вы выкажете себя неизменным, холодным, равнодушным, молчаливым, резким и бесцеремонным в обхождении с людьми, мнение о Вас успеет сложиться, и с временем гораздо будет Вам труднее приобретать себе сочувствие»¹¹.

Собственно, к 1865 г. великий князь уже пользовался незавидной репутацией: «Вы в обращении отрывисты, резки, Вас называют дерзким и невежливым, Вы не делаете различия в обхождении с людьми, Вас обвиняют

в бесчувственности и отсутствии сердца». Князь настаивал на значительном расширении круга общения наследника престола, планируя в 1865 г.: «Когда, Бог даст, Вы женитесь и будете самостоятельны в своём доме, Вы будете тогда в состоянии учиться не по книгам и тетрадам (что скучно и бесполезно), а учиться в книге жизни в разговорах с людьми». Эти беседы с теми, чьи мнения основаны «не на лжи, но на добросовестном изучении России», позволят обрести достойных сподвижников и вызвать при воцарении «не опасения, не рабское повиновение, но надежды людей, проникнутые любовью и доверием»¹².

Конечно, это усилило бы зависимость цесаревича от его окружения, к которому стоило пристально присмотреться. «Не бойтесь людей, перед лицом Вашим ищущих на Вас влияния: они не опасны, но всегда полезны, — уверял князь. — Но бойтесь и берегитесь тех, которые, как воры, будут к Вам подкрадываться и под личиною угоды будут разрывать Ваше доброе сердце от народа, будут сеять в нём семена недоверчивости и подозрения». Таким образом, опасность, по мнению кн. Мещерского, представляли именно те, кто предостерегал: «Берегитесь, такой-то хочет иметь на Вас влияние». А «такими людьми изобилует Петербург и придворный мир, и горе! если эти люди когда-либо получают тем или иным путём к Вам доступ». Прислушиваясь к ним, наследник престола будет «мало-помалу испытывать всемогущее действие лести», затем поверит «в свою непогрешимость» и уже не сможет разобраться в том, что ему будут «представлять под именем России». Впрочем, избежать этого помогло бы «мудрое правило Екатерины II — прежде встречи с человеком узнать, кто он такое, и из разговора с ним сделать для себя урок»¹³.

Разумеется, кн. Мещерский соби-
рался помогать цесаревичу как с наведе-
нием справок, так и с извлечением
уроков. «Любовь к России, — поучал
он, — должна проявляться прежде
всего в постоянной мысли о том, что
от Вас зависит судьба в будущем на-
шего отечества, что если за Вас молят-
ся и Вас готовы любить, то тем более
это чувство любви должно Вас побуж-
дать сближаться с Россиею, изучать
её, расспрашивать про неё, помогать
ей везде и всегда, словом, проявлять
к ней горячее и постоянное участие». Соответственно, «чем чаще Вы будете
думать и говорить о России, тем более
Вы её полюбите, напротив, чем более
Вы будете к этому относиться равно-
душно или, что то же, как к тяжёлой
необходимой обязанности, тем менее
и тем слабее будут взаимные связи
между отечеством и Вами»¹⁴.

Большое значение кн. Мещерский
придавал поездкам по стране. «Путе-
шествование по России есть для наслед-
ника престола единственное средство
быть Великим Государем, — утверж-
дал князь. — Оно — всё для него,
сущность всей его жизни. Это целый
курс великой науки познания своего
государства и приготовления себя к
Престолу». Более того, «постепенное
ознакомление со своим государством
есть ключ к приобретению самого
трудного достоинства управителя го-
сударства, умения находить людей». Отсутствие же собственного опыта и
непосредственных впечатлений обре-
кало бы цесаревича «видеть Россию
чужими глазами». Однако «ездить по
долгу, а не с любовью — не стоит, ибо
нельзя будет избежать минуты, когда
скука от исполнения этого долга вы-
рвется снаружи и оскорбит многих». Ведь «официальные проезды, которые
так дорого стоят народу, эмуслируют
его чувства восторга и преданности,
но нисколько не знакомят августей-

ших путешественников с потребно-
стями и нуждами этого народа»¹⁵.

Занявшись воспитанием идеаль-
ного наследника, кн. Мещерский со-
ветовал вел. кн. Александру Алексан-
дровичу, как вести себя с невестой,
рекомендовал, как общаться с при-
ближёнными или с Александром II.
«Полнейшая искренность должна
быть девизом Ваших отношений к го-
сударю, — взывал он в 1867 г., — ка-
ковы бы ни были последствия её: всё,
что Вы делаете, думаете и задумываете,
должно быть перед ним ясно и откры-
то, как день Божий». При этом реко-
мендовалось беспрекословно подчи-
няться воле императора, поскольку
«Вы обязаны служить непоколеби-
мым примером уважения воли роди-
тельской и царской». В противном
случае, «мало-помалу в отношениях
будет холодность и неискренность, и
Вы потеряете возможность в важные
и трудные минуты возвышать голос у
царского престола в защиту правды!». Уже поэтому важно было не допу-
стить, чтобы в великом князе видели
главу оппозиции или хотя бы «пред-
ставителя недовольных настоящим
порядком вещей». Однако, по мне-
нию кн. Мещерского, всё это не ме-
шало цесаревичу отстаивать перед от-
цом свои убеждения и «быть всегда в
состоянии служить государю верным
истолкователем нужд данной мину-
ты»¹⁶. Ведь, «подчиняясь воле госуда-
ревой, Вы в то же время призваны к
большей ещё самостоятельности там,
где эта воля даёт Вам независимое и
просторное поле деятельности»¹⁷. То,
что Александр II практически не ин-
тересовался мнением сына о государ-
ственных делах¹⁸, при этом игнориро-
валось.

Кн. Мещерский не был бы вну-
ком Н.М. Карамзина, если бы не раз-
работал для «великого государя» соб-
ственную политическую программу.

Как ему представлялось в 1868 г., «не к реформам будет он призван, но к упрочению совершившихся реформ путём мудрого управления или, что то же, путём мудрого узнавания народных нужд». Однако это не исключало и весьма рискованных преобразований: «Если он призван дать России представительный образ правления в духе нашего народа, то спасти государство от сотрясений и анархии, спасти свою власть и сохранить её силу может он не иначе, как приготовившись к ней глубоким знанием своего государства»¹⁹. В 1872 г. князь напоминал цесаревичу, как, «беседуя о России, мы мечтали о том, что Вам предстоит ознаменовать своё царствование чем-то вроде конституции!», но теперь его страшила подобная перспектива: «Боже Вас сохрани начинать царствование Ваше каким-нибудь капитальным актом, вроде конституции. Тогда Вы и всё пропадёт». В первые годы надлежало ограничиться «только приготовлением к реформе конституционной, то есть водворением внутреннего порядка и твёрдости во всех реформах предыдущих», и лишь потом «приступить к созыву представителей всего государства, для обсуждения вопроса о государственной реформе»²⁰.

Подобные замыслы органично сочетались с увлечением «национальной политикой». «Единственная политика для Вашего царствования есть национальная, то есть противоположная нынешней», — внушал кн. Мещерский своему корреспонденту в 1871 г., видимо, не думая, что тем самым настраивает его против императора. Как полагал князь, «национальная политика весьма проста. Её основа — объединение государя с народом, отрицание сословных политических прав, а признание сословий только как частей земства, невмешательство в дела Европы и твёрдое запрещение Европе

вмешиваться в наши дела, развитие земства и неуклонное распространение всех законов и учреждений на все окраины государства, не исключая и балтийской». При этом кн. Мещерский предостерегал от войны с Германией, считая её гибельной для династии и опасной для России²¹.

Но ещё страшнее казалось утратить связь с собственной страной. «Если теперь же Вы не начнёте серьёзно вникать в жизнь России, — увещевал кн. Мещерский цесаревича 10 августа 1870 г., — Вы очутитесь в день Вашего царствования, окружённый людьми, служащими только Вам, люди эти будут бессильны и, кроме ложных и опасных для Вас советов, ничего не дадут Вам, и ненависть к ним с первого же дня — обессилит Вас и разъединит с Россиею ещё больше!» И по мере того как «Россия будет помимо правительства объединяться, крепнуть и развиваться, Ваша опора останется только одна армия, и затем при всеобщем разладе и разъединении управления в Петербурге все катастрофы возможны, и опираться на одну армию, презирая Россию, окажется таким же роковым мифом, как то, что происходит теперь во Франции»²². Видимо, последние дни Второй империи произвели на князя глубокое впечатление.

Письма кн. Мещерского, помимо его страхов и надежд, столичных сплетен и слухов, содержат немало ценнейших сведений о взглядах и настроениях наследника престола в 1860—1870-х гг. Анализируя эти свидетельства, И.А. Христофоров отметил, что «ещё во второй половине 1860-х гг. цесаревич Александр Александрович не просто отрицательно, но с неподдельным отвращением относился к П.А. Шувалову, П.А. Валуеву» и к космополитическому консерватизму «аристократической партии»²³.

Действительно, князь сетовал на его «ожесточение против Вал[уева]» и тщетно пытался убедить своего корреспондента в том, что «Валуев ещё долго будет незаменим», а, к примеру, гр. Д.А. Толстой заслуживает большего «уважения и доверия»²⁴. Впрочем, и сам кн. Мещерский порою отзывался об окружении Александра II весьма критично.

Довольно специфическим, судя по письмам, был и духовный опыт цесаревича. «Верю и знаю, что Вы религиозны: но не знаю, насколько Вы твёрдо верите», — признавался князь в 1865 г. Наследнику престола, критически отзывавшемуся о постах, монастырях, епископах, приходилось внушать: «Но не правда ли, Вы отныне и до века не будете никогда в обществе и вообще при посторонних лицах осуждать обряды нашей Церкви, какие бы то ни были, а ещё менее смеяться над ними!». Впоследствии князь неоднократно вспоминал произнесённые его корреспондентом «слова, в которых высказывалось неуважение к Церкви и к её обрядам», «беседы и споры о религии и Церкви», «часто вырывавшиеся резкие и проникнутые неуважением суждения о Церкви и религиозных предметах». «Религия, — констатировал кн. Мещерский, — была не столько Вашим убеждением, не столько Вашею потребностью, а принуждённым исполнением обрядов, к[ото]рых таинственная польза была Вами не сознаваема». В 1866 г. он призывал вел. кн. Александра Александровича «начать с утверждения в вере к Богу, которая, увы, доселе у Вас в виде поверхностного поверья протестанта, но далеко не в виде догматов твёрдой [веры] старшего из сыновей православной Церкви»²⁵.

Разумеется, письма кн. Мещерского представляют собой лукавое зеркало, в котором отражение пред-

метов так или иначе искажалось — гиперболизировалось или преуменьшалось. Однако князь убеждал цесаревича, что всё написанное им — правда, и, похоже, сам верил в это. В 1867 г. он даже добился от вел. кн. Александра Александровича записки: «Уполномочиваю Вас писать мне всё, что хотите, хоть самую грустную правду». Впрочем, отношение наследника к письмам князя было противоречивым. Н.В. Черникова приводит в примечаниях цитаты из дневника цесаревича, то полагавшего, что кн. Мещерский пишет «много правды», «но не всё», то восклицавшего: «Он пишет сущую неправду и воображает, что хорошо меня знает и может давать советы». Так или иначе, 2 октября 1868 г. он заверил Владимира Петровича, что находит в его посланиях немало «правды и пользы»²⁶.

Письма кн. Мещерского к Александру III не менее содержательны²⁷, но они характеризуют уже почти исключительно их автора и окружавшую его среду, а не императора. Непосредственного общения с князем тот всё больше и больше сторонился.

Комментируя письма кн. Мещерского, Черникова широко использовала различные архивные материалы, в том числе и дневник вел. кн. Александра Александровича. Несомненно, что те, кто возьмётся за его публикацию, не раз воспользуются данным трёхтомником в своих комментариях. Совершенно незаменимы эти письма и для будущих биографов Александра III. И, пожалуй, только такому знающему и эрудированному исследователю, как Н.В. Черникова, под силу подготовить первое научное издание мемуаров кн. В.П. Мещерского, необходимость в котором ощущается всё сильнее.

Примечания

- ¹ Франк В. Из неизданной переписки имп. Александра III и Николая II с кн. В.П. Мещерским // Современные записки. 1940. Кн. 70. С. 165—188; *Vinogradof I. Some Russian Imperial Letters to Prince V.P. Meshchersky (1839—1914)* // Oxford Slavonic Papers. 1962. Vol. 10. P. 105—147; *Vinogradof I. Further Russian Imperial correspondence with Prince V.P. Meshchersky* // Ibid. 1964. Vol. 11. P. 101—111; *Зайончковский П.А.* Александр III и его ближайшее окружение // Вопросы истории. 1966. № 8. С. 144—146; *Зайончковский П.А.* Российское самодержавие в конце XIX столетия (политическая реакция 80-х — начала 90-х годов). М., 1970. С. 24—25, 75—77, 79—81, 85—87, 171, 233, 341, 351.
- ² «Моя преданность Вам имеет одну основу: национальную политику». Письма князя В.П. Мещерского цесаревичу Александру Александровичу. 1871 г. / Публ. Н.В. Черниковой // Исторический архив. 2000. № 3. С. 137—169; *Черникова Н.В.* «Наш век — век малодушия...». Религиозная жизнь Российской империи глазами чиновника Министерства внутренних дел // Вестник церковной истории. 2006. № 2. С. 45—80.
- ³ *Мещерский В.П.* Письма к великому князю Александру Александровичу, 1863—1868 / Публ. Н.В. Черниковой. М., 2011; *Мещерский В.П.* Письма к великому князю Александру Александровичу, 1869—1878 / Публ. Н.В. Черниковой. М., 2014; *Мещерский В.П.* Письма к императору Александру III, 1881—1894 / Публ. Н.В. Черниковой. М., 2018.
- ⁴ Письма Победоносцева к Александру III. Т. 1—2. М., 1925—1926.
- ⁵ См., в частности: *Кочукова О.В.* «Россия под пером замечательного человека»: Письма В.П. Мещерского великому князю Александру Александровичу из служебных командировок по России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. История. Международные отношения. Т. 13. 2013. Вып. 3. С. 20—27.
- ⁶ *Черникова Н.В.* Князь В.П. Мещерский и Александр III (история одной дружбы) // *Cahiers du monde russe.* 2002. Vol. 43/1. P. 103—118.
- ⁷ *Черникова Н.В.* Портрет на фоне эпохи: князь Владимир Петрович Мещерский. М., 2017. С. 99.
- ⁸ *Мещерский В.П.* Письма... 1863—1868. С. 491, 600, 478, 125, 41.
- ⁹ Там же. С. 124, 135, 114; *Мещерский В.П.* Мои воспоминания. М., 2003. С. 277.
- ¹⁰ *Мещерский В.П.* Письма... 1869—1878. С. 27.
- ¹¹ *Мещерский В.П.* Письма... 1863—1868. С. 125.
- ¹² Там же. С. 123, 121.
- ¹³ Там же. С. 213, 429, 430, 134.
- ¹⁴ Там же. С. 135, 136.
- ¹⁵ Там же. С. 481, 440, 481—482, 454.
- ¹⁶ Там же. С. 187—189, 363, 391, 253, 359; *Мещерский В.П.* Письма... 1869—1878. С. 315.
- ¹⁷ *Мещерский В.П.* Письма... 1863—1868. С. 392.
- ¹⁸ *Астанков В.А.* Великий князь Александр Александрович и Александр II // Российская история. 2013. № 1. С. 120—136.
- ¹⁹ *Мещерский В.П.* Письма... 1863—1868. С. 484.
- ²⁰ *Мещерский В.П.* Письма... 1869—1878. С. 445—446.
- ²¹ Там же. С. 354, 521. См. также: *Астанков В.А.* «Покажут нам пруссаки, что значит союз и дружба...» Отношения России и Германии в оценках цесаревича Александра Александровича // Родина. 2015. № 2. С. 21—24.
- ²² *Мещерский В.П.* Письма... 1869—1878. С. 306.
- ²³ *Христофоров И.А.* На пути к революции // Реформы в России с древнейших времён до конца XX в. Т. 3. М., 2016. С. 188; Подробнее см.: *Астанков В.А.* Великий князь Александр Александрович и Александр II.
- ²⁴ *Мещерский В.П.* Письма... 1863—1868. С. 207, 331, 253.
- ²⁵ Там же. С. 120, 357, 370, 520, 524, 131, 153, 157, 188, 135, 192.
- ²⁶ Там же. С. 219, 643, 646, 699. Подборка писем вел. кн. Александра Александровича к кн. Мещерскому недавно опубликована И.Е. Дроновым (Князь В.П. Мещерский и российский Императорский дом. Документы и материалы (1863—1913). М., 2018. С. 110—134).
- ²⁷ *Мещерский В.П.* Письма к императору Александру III, 1881—1894.

**«Вы знаете по почерку, кто Вам пишет»
(об издании писем кн. В.П. Мещерского к Александру III)***

*Andrey Minakov
(Moscow Pedagogical State University, Russia)*

**«You know by handwriting who is writing to you»
(On the publication of letters of Prince V.P. Meshchersky to Alexander III)**

DOI: 10.31857/S086956870009270-8

Письма кн. В.П. Мещерского занимают особое место в обширном эпистолярном наследии общественных деятелей пореформенного времени. Пожалуй, никто из них, не занимая государственных постов, не решался столь часто и настойчиво привлекать к своим посланиям внимание наследника престола, а затем императора, навязчиво демонстрируя свою осведомлённость о жизни и нуждах страны. Со временем князь превратил эти обращения в инструмент целенаправленного идеологического воздействия на правительственную политику. В 2011—2018 гг. весь комплекс писем кн. Мещерского к Александру III, хранящийся в Государственном архиве Российской Федерации, был опубликован Н.В. Черниковой¹. Особый интерес представляет том, включающий письма, отправленные уже царствовавшему монарху в 1881—1894 гг. Князь Мещерский хорошо знал его характер, в юности их отношения можно было даже назвать дружескими. Пользуясь этим, Владимир Петрович, глубоко веривший в свою особую государственную миссию, откровенно, даже с несколько демонстративной резкостью высказывался обо всём, что представлялось ему

заслуживающим царского внимания. Часто вместе с письмами он отправлял и вырезки из своей газеты-журнала «Гражданин», а также пространные «отрывки из дневника», отмечая в них наиболее важные, по его мнению, фрагменты.

Заботу о сохранении и укреплении монархических идеалов князь проявлял едва ли не в каждом послании, неизменно сопровождая свои рассуждения тирадами об исключительной роли православной Церкви в империи и на отдельных её окраинах, например, в Остзейском крае (с. 172). «Россию томит одна жажда — жажда по твёрдом проявлении самодержавия», — уверял он императора в октябре 1885 г. (с. 203). При этом в письмах ярко характеризовались министры, главноуправляющие, губернаторы и другие сановники. Так, министр финансов Н.Х. Бунге, по словам князя, «учёный либерал, а учёные либералы у нас это те люди, про которых никогда нельзя сказать: где кончается либерал и где начинается враг самодержавного русского правительства» (с. 403). В письмах ему противопоставлялся И.А. Вышнеградский, при назначении которого «правительство получило бы в своё распоряжение громадного

* *Мещерский В.П.* Письма к императору Александру III, 1881—1894 / Публ. Н.В. Черниковой. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 808 с.

ума человека, который по убеждениям и чувствам глубоко предан старым заветам самодержавия» (с. 304). Критикуя положение, сложившееся к осени 1887 г. в МВД, князь уничижительно отзывался о гр. Д.А. Толстом, который «как министр давно перестал существовать» и «остался как тень чего-то, означающего порядок; но эта тень так слабеет и бледнеет, что её уже совсем не замечают» (с. 540). Между тем В.К. Плеве, ближайший сотрудник графа, «ненадёжный человек для правительства» и «всё делает, чтобы тормозить всякого в министерстве, кто желает действовать энергично и серьёзно». Князь «с первого свидания с Плеве почуял к нему недоверие и убедился чутьём, что это ненадёжный и даже опасный человек, ибо он умен и ловок как Вельзевул». Однако «Толстой теперь почти что как игрушка в руках или вернее в уме Плеве, и не дай Бог, чтобы это долго продолжалось» (с. 538—539). В этих суждениях выражались как мнения самого кн. Мещерского, так и собранные им слухи и сплетни, циркулировавшие в его популярном салоне, собиравшемся еженедельно по средам, или в гостиной Е.В. Богдановича и т.д. (с. 239).

Призывая безотлагательно укреплять коронную власть на местах, кн. Мещерский не раз указывал на недостатки губернаторов, назначенных гр. Толстым (с. 167, 294—295, 417, 597), и рекомендовал собственных протеже на губернаторские должности (с. 294—295, 421, 574—576). Сведения о положении дел в провинции он черпал, в частности, из регулярных бесед с одиозными и деспотичными ультрамонархистами А.А. Татищевым, в 1872—1887 гг. управлявшим Пензенской губ., и А.К. Анастасьевым, в 1880-е гг. губернаторствовавшим в Перми, а затем в Чернигове (с. 128—129, 419). В 1892 г. оба они стали членами Государственного совета, что выз-

вало возмущение в правительственных кругах, где данное назначение связывали с влиянием «Гражданина» и интригами князя². Браня Кахановскую комиссию и настаивая на укреплении местной власти (с. 215), кн. Мещерский с беспокойством констатировал в 1885 г.: «Нет начальника в губернии, и ещё менее есть начальник в уезде» (с. 146). Органы земского самоуправления, по его мнению, следовало полностью подчинить администрации (с. 129). В дальнейшем он последовательно выступал за отмену выборности земских управ и назначение их председателей и членов правительством³.

Слабость власти делала её уязвимой перед лицом «сильной и могущественной жидовской партии банкиров» (с. 45). Регулярно рассуждая о «страшной подпольной силе берлинских и петербургских евреев в Министерстве финансов» (с. 235), о зависимости России от европейских банков, находящихся в еврейских руках (с. 492—493), кн. Мещерский сам «замысел конституции» отождествлял с «жидовским полновластием» (с. 45). Евреи, как ему представлялось, контролировали и печать, не исключая катковских «Московских ведомостей» (с. 516—519, 569, 642). Поэтому в марте 1894 г. князь советовал императору «все усилия направить к тому, чтобы прекратить распространение еврей-интеллигента». В частности, рекомендовалось запретить им поступать на государственную службу, занимать земские и городские должности, обучаться в университетах (за исключением медицинских факультетов), вести педагогическую и адвокатскую деятельность, входить в руководство редакций, банков и железных дорог (с. 661, 670—671).

Тревожила князя и вовлечённость учащихся в оппозиционное движение, в очередной раз проявившаяся в ходе студенческих волнений в Мос-

ковском университете в ноябре 1887 г. Ответственность за них возлагалась в княжеских письмах на министра народного просвещения: «Источник и корень не только зла, но и опасности государственной — это Делянов. Какое он смущение и негодование возбуждает везде и во всех, трудно описать. Теперь, и только теперь, увы, когда поздно стало, когда всё разгорелось в пожар в учебном мире, поняли все и повторяют то, что я говорил так упрямо и так долго один; что без любви нельзя вести дело воспитания и что исход деляновской политики — это революция и потоки крови» (с. 558). По словам Мещерского, «молодёжь — это обоюдоострый меч. Умеешь затрагивать её хорошие струны, её сердце — она становится благотворною силою; начнёшь с нею поступать недоверчиво, придиричиво, трусливо и жестоко, нерешительно, дашь вид, что боишься её, кончено — молодёжь делается разрушительною силою» (с. 558). Именно этим он объяснял падение дисциплины в Петербургском университете и Технологическом институте (с. 265—266, 437—439, 473—474), превращение высшей школы в рассадник антиправительственной пропаганды, а студенчества — в питательную среду для революционеров (с. 446—448).

Оздоровить ситуацию князь надеялся с помощью популяризации идей «Гражданина» (с. 121, 589). Императору он внушал, что это издание «не есть ни орган своих денежных интересов, ни орган того или другого министра, а орган идеи самодержавия, орган русских священных заветов» (с. 376). Причём «в Петербурге “Гражданин” читают в высших слоях общества с большим интересом; он многих сердит, но все самые заклятые враги его говорят: это единственный убеждённый орган, это единственный безусловно честный орган» (с. 430).

Оставалось лишь сожалеть о его малой периодичности и цензурных взысканиях за нелицеприятные отзывы о правительственной политике и должностных лицах. Так, в феврале 1888 г., возмущаясь запретом розничной продажи, князь грозил общественным негодованием, поскольку в провинции все убеждены, что это «орган, стоящий за правительство в самом искреннем, высоком и священном значении этого слова» (с. 606).

Александр III являлся для кн. Мещерского главным читателем его публицистических и литературных произведений. Рассчитывая на сочувствие монарха, он жаловался на бюрократизацию управления русскими театрами (с. 261—263), делился впечатлениями от представления на сцене своей комедии «Миллион», на которой присутствовала императорская чета (с. 421—422), пытался убедить в нежелательности постановки пьесы гр. Л.Н. Толстого «Власть тьмы» (с. 439—440).

Князь Мещерский пристально следил и за международными отношениями. В 1885—1886 гг. он чрезвычайно болезненно переживал утрату русского влияния в Болгарии (с. 174—177, 199) и даже призывал Александра III её оккупировать (с. 219, 266—267). В перспективе же ему виделось «постепенное, без шума, обращение Болгарии в русское владение, в русскую губернию» (с. 354). Более того, политическому объединению должно было предшествовать церковное: «Начало дела — это воссоединение Болгарской Церкви с Греко-Российскою. Пока этого сделано не будет — немыслим ни один верный шаг России на пути восточного вопроса» (с. 522). В доме князя велись оживлённые дискуссии о восточном вопросе и притязаниях Англии (с. 270—277), содержание которых затем эмоционально переска-

зывалось в письмах к царю. При этом решительно утверждалось: «Проливы турецкие должны быть наши. Без этого мы пропали» (с. 207).

Письма кн. В.П. Мещерского позволяют лучше понять эту своеобразную фигуру в российском истеблишменте второй половины XIX в. Они помогают изучению расстановки сил в бюрократических сферах и общественной жизни столицы, передают примечательные детали кулуарной атмосферы. Однако, конечно же, данный источник требует крайне осторожного обращения, учитывая известную конъюнктурность и предвзятость автора писем, а также переменчивость его взглядов. Не случайно Плеве, при Николае II какое-то время посещавший салон князя и даже оказывавший ему одолжения⁴, однажды, уже в начале XX в., заметил: «Мещерский как человек, собственно говоря, дряннь... но к его голосу как выразителю из-

вестной партии общества необходимо прислушиваться»⁵. В полной мере это относится и к княжеским письмам.

Примечания

¹ Мещерский В.П. Письма к великому князю Александру Александровичу, 1863—1868 / Публ. Н.В. Черниковой. М., 2011; Мещерский В.П. Письма к великому князю Александру Александровичу, 1869—1878 / Публ. Н.В. Черниковой. М., 2014; Мещерский В.П. Письма к императору Александру III, 1881—1894 / Публ. Н.В. Черниковой. М., 2018.

² Зайончковский П.А. Российское самодержавие в конце XIX столетия (политическая реакция 80-х — начала 90-х годов). М., 1970. С. 102—103.

³ Черникова Н.В. Портрет на фоне эпохи: князь Владимир Петрович Мещерский. М., 2017. С. 281.

⁴ Леонов М.М. Салон В.П. Мещерского: неформальные связи и протектирование в чиновном мире России рубежа XIX—XX вв. // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. История России. 2008. № 4. С. 121—122.

⁵ Два разговора (Из дневников В.Г. Глазова) / Публ. С.Ф. Платонова // Дела и дни. 1920. Кн. 1. С. 216.

Новая книга по истории Московского комсомола*

Gennady Kurenkov

(Russian State Archive of Social and Political History, Moscow)

New study on the history of the Moscow komsomol organization

DOI: 10.31857/S086956870009279-7

29 октября 1918 г. — важная дата советской и российской истории — день рождения Российского коммунистического союза молодёжи (РКСМ, с 1924 г. — Всесоюзного ленинского коммунистического союза молодёжи, ВЛКСМ). Комсомол как массовая советская организация, несомненно, достоин создания обобщающих изданий, в том числе юбилейных. Одному из них, подготовленному московским правительством и Главным архивным управлением города Москвы к 100-летию РКСМ/ВЛКСМ и его московской (московской городской) организации, и посвящена данная рецензия.

В издании («своеобразный “диалог” между молодыми людьми разных поколений») на основе «интересных документальных, прежде всего архивных», источников, а также «с помощью... современных фотодокументов» представлен обобщённый визуальный портрет московской молодёжи 1920—2010-х годов». Такой подход позволяет узнать, как она жила и трудилась «100, 70, 50 лет назад, какие идеи увлекали её тогда. Понять, что побуждало сотни тысяч молодых москвичей по первому призыву Родины оставить дом, прежние занятия и, не страшась тяжёлого труда, отправиться в дальние края — на целину, БАМ и другие ударные стройки страны» (с. 5).

«Как внешняя канва, так и внутреннее, сущностное содержание эволюции ВЛКСМ, который прошёл путь от малочисленного союза политически активной учащейся и рабочей молодёжи до всеохватной, многомиллионной организации в 1970—1980-е гг., — указывается во введении («От издателя»), — неотделимы от развития государства и общества этого периода. Структура и основные формы работы союза в целом сложились уже в 1920-е гг. и в дальнейшем практически не претерпевали особых изменений вплоть до прекращения существования комсомола. Его движущей силой были молодые люди 14—28 лет, с одной стороны, особенно восприимчивые ко всему новому и прогрессивному, с другой — имеющие, в силу возраста, колоссальный созидательный потенциал» (с. 6).

Книга освещает основные этапы истории и главные «направления деятельности ВЛКСМ на примере московской городской комсомольской организации, а также рассказывает о современной молодёжной политике правительства Москвы» (с. 7).

Исследование выполнено на солидной источниковой базе. Помимо ранее опубликованных документов широко использовались материалы личного происхождения, фондов ЦГА Москвы, в частности, столичных ком-

* Москва молодёжная. М.: Правительство Москвы; Главное архивное управление города Москвы, 2018. 432 с.

сомольских организаций — горкома и обкома комсомола, районных комитетов. Привлечены и отдельные документы ЦК ВКП(б) и ЦК ВЛКСМ из фондов РГАСПИ (с. 96, 97, 110), что по совершенно непонятной причине не оговорено во введении (с. 7). Издание богато иллюстрировано (подборка фотодокументов и других материалов из фондов ЦГА Москвы, а также из открытых источников), поэтому его можно назвать альбомом, содержащим исторические очерки по заявленной теме.

Книга состоит из пяти частей и построена в соответствии с проблемно-хронологическим принципом. В её первой части («Они были первыми») рассматривается период 1917—1941 гг., от создания в Москве после Февральской революции союзов рабочей молодёжи (предшественников комсомола) до начала Великой Отечественной войны. Здесь представлен Московский союз рабочей молодёжи «III Интернационал» (прообраз столичной комсомольской организации; с. 21, 22, 24), рассмотрены эпизоды мобилизации молодых людей в Красную армию в годы Гражданской войны, создание московской организации РКСМ, структура и основные направления его деятельности в 1920-х гг., процесс выхода московской городской организации ВЛКСМ из областной, вклад молодёжи в великие стройки 1930-х гг., особенно в создание Московского метрополитена.

Архивный материал иллюстрирует механизм взаимодействия партийных и комсомольских органов Москвы и Московского региона: «Вопросы комсомольской жизни постоянно обсуждались на московских и районных партийных конференциях, на пленумах МК (Московского комитета. — Г.К.) и райкомов. Под при-

стальным контролем партии находилась и кадровая политика. Например, в 1927 г. на Бюро МК ВКП(б) утверждались два секретаря МК ВЛКСМ, а на Секретариате МК — заведующие: агитпропотделом, орграспредотделом, отделом труда и образования, а также председатель бюро юных пионеров. На учёте МК ВКП(б) состояли заведующий учраспредотделом и 7 инструкторов МК комсомола, а на списочном учёте числился 161 член МК и 26 членов Бюро МК ВЛКСМ» (с. 34). Кроме «организационной деятельности, связанной с увеличением численности ВЛКСМ, подготовкой кадров и т.д.», комсомольские органы столицы уделяли большое внимание «военным вопросам, в частности военно-шефской работе» (с. 35).

В целом комсомол считали кадровым резервом мировой революции. Так, 17 марта 1927 г. Бюро МК ВЛКСМ рассмотрело вопрос о практических мероприятиях, связанных с принятием шефства московского комсомола над столицей революционного Китая — г. Ханькоу «для установления тесной связи и моральной поддержки революционной молодёжи Китая». Комсомольским ячейкам рекомендовалось создание групп и кружков по изучению этой страны, проведение вечеров в клубах и распространение литературы, посвящённой китайской революции. Агитпропотделу МК поручили установить порядок переписки и прикрепления ячеек ВЛКСМ к ячейкам китайского комсомола в Ханькоу, а также привлечь к шефской работе местных комсомольцев из Коммунистического университета трудящихся Востока. Одновременно ячейки должны были «организовать сбор денежных средств “для помощи в работе Ханькоуской комсомольской организации, разъясняя, что это есть акт международ-

ной солидарности революционной молодёжи СССР к молодёжи Китая, борющейся за мировую революцию» (с. 36).

На основе важного источника — поданных на комсомольских собраниях записок — реконструированы чаяния комсомольцев 1920-х гг. Задававшиеся ими вопросы не требуют комментариев: «Какие отношения должны быть между парнем и девушкой»; «разрешается ли комсомолке у себя в комнате устраивать вечёрки с пьянкой, что девушки устраивают с фабрики “Большевик”»; «можно ли играть в шашки и не будет ли это хулиганством»; «что заставляет комсомольцев пить вино»; «какую нужно вести борьбу с хулиганством, пьянкой и плохим посещением собраний среди комсомола»; «как ЦК практически думает добиться регулярной работы над собой актива (чтение, рационализация быта)»; «ты указал, что надо учиться у старших, как же учиться и чему учиться, когда они всё время ругаются по-матерному, что же, и нам учиться ругаться тоже»; «что такое внутрисоюзная демократия»; «что такое энтузиазм»; «не считаешь ли ты, что ребята из беллетристики читают больше старые приключения, романы, а новую [литературу] не читают, потому что наши современные писатели и поэты в смысле языка очень измышляются и пишут непонятной фразой» и т.д.? (с. 38, 39).

В книге показан начавшийся в июне 1931 г. процесс выделения из областной комсомольской организации московской городской: «Правда, окончательного разделения с московской областной организацией в 1930-е и начале 1940-х гг. так и не произошло. Например, из пяти городских конференций, собиравшихся в эти годы, две проходили как совместные с областными: 2-я — в июне 1932 г. и

3-я — в феврале 1936 г. Первые секретари МГК одновременно возглавляли и Московский обком. Регулярно собирались совместные пленумы МК и МГК ВЛКСМ, а также объединённые заседания бюро и секретариатов обкома и горкома. До апреля 1936 г. городская организация ВЛКСМ состояла из 10 районных: Бауманской, Дзержинской, Замоскворецкой (с декабря 1934 г. — Кировской), Краснопресненской, Ленинской, Октябрьской, Пролетарской, Сокольнической, Сталинской и Фрунзенской. В апреле 1936 г. в Москве прошла большая административно-территориальная реформа, в ходе которой количество столичных районов увеличилось с 10 до 23 (в 1941 г. число районов увеличилось до 25)». Горком комсомола должен был «сформировать аппарат новых районных комитетов и утвердить их руководителей... районные комсомольские конференции намечались на 26 и 27 апреля с нормой представительства 1 делегат от 15 членов ВЛКСМ. Количественный состав всех райкомов был одинаков: 35 членов и 10 кандидатов. По 5 человек входили в районные ревизионные комиссии» (с. 41).

Комсомольцы Москвы участвовали «во всех наиболее значимых столичных стройках предвоенного десятилетия. В 1931 г. закончилось возведение знаменитого Дома на набережной — комфортабельного жилого комплекса по улице Серафимовича, 2. Тогда же в самом центре города началось строительство Дворца Советов. Это грандиозное общественное сооружение должно было стать самым высоким зданием в Европе. В 1935 г. Манежную площадь украсила великолепная гостиница “Москва”. Во исполнение Генерального плана развития и реконструкции Москвы 1935 г. развернулись масштабные преобра-

зования на центральных магистралях столицы. В частности, такие работы в 1937—1939 гг. проводились на главной артерии города — улице Горького. На участке от Манежной площади до Садового кольца улица была расширена вдвое. При этом часть малоэтажной застройки разбиралась, а более 50 строений перемещались вглубь квартала. Среди таких сооружений оказалось и здание Моссовета, передвинутое на 13,5 м на новую красную линию... на улице Горького возвели новые величественные административные и жилые строения... проводилась реконструкция набережных, которые впервые были одеты в гранит и придали городу особенно нарядный облик, соответствующий его столичному статусу. Одним из самых ярких символов прогресса и процветания набиравшего силу Советского государства стал столичный метрополитен... Строительство метро началось в соответствии с постановлением июньского Пленума ЦК ВКП(б) 1931 г. Среди многочисленных проблем, которые приходилось решать руководителям строительства, была и кадровая». Тогда решили «провести массовую мобилизацию на Метрострой столичных комсомольцев. 27 марта 1933 г. МГК ВЛКСМ постановил направить на сооружение городской подземки 1000 комсомольцев» (с. 47—48).

В заключение первой части констатируется, что московская комсомольская организация «на рубеже 1930—1940-х гг. насчитывала... уже сотни и сотни тысяч. Основной её задачей было воспитание нового поколения молодёжи — советской... и она была выполнена успешно... Это поколение было нацелено на мирную, наполненную трудом и творчеством жизнь, на созидание в самом широком смысле слова... Именно те, кто вступал в самостоятельную жизнь в конце 1930 — начале 1940-х гг., при-

няли на себя основную тяжесть испытаний, выпавших на долю советского народа в военные годы, и выдержали их достойно. Всесоюзный комсомол и его московская организация внесли немалый вклад в общее дело» — Победу в Великой Отечественной войне (с. 53).

Однако здесь, возможно, следовало бы уделить место и «чисткам» московской организации ВЛКСМ в 1920-х гг., связанным с изгнанием из партии троцкистов, зиновьевцев, правых и других противников её генеральной линии.

Вторая часть («За нашу Советскую Родину!») посвящена столичным комсомольцам, сражавшимся на фронтах Великой Отечественной войны и самоотверженно трудившимся в тылу. Рассказано о мобилизационной работе московской городской и районных организаций ВЛКСМ, о воинских формированиях комсомола Москвы, молодых москвичах-героях, тружениках тыла, об организации помощи комсомольских организаций столицы освобождённым районам Московской обл. и антифашистской агитационно-пропагандистской деятельности.

Здесь же — информация о полках столичного комсомола (Комсомольско-молодёжном местной противовоздушной обороны и Противопожарном, 46-м Таманском гвардейском авиационном, Московском комсомольском миномётном), Московском комсомольском партизанском отряде и Отдельной мотострелковой бригаде особого назначения (с. 97—103). Кадровую основу последней, помимо сотрудников НКВД СССР и иностранных коммунистов из структур Коминтерна, составили лучшие советские спортсмены, в основном молодого «комсомольского» возраста (с. 99).

В научный оборот введены документы, связанные с созданием мо-

сковского комсомольского подполья осенью 1941 г. Вот лишь фрагмент неопубликованных воспоминаний первого секретаря Сокольнического райкома Москвы Г.М. Коварского: «В конце ноября в наш райком приехал секретарь МГК ВЛКСМ по военной работе А.Н. Шелепин и в личной беседе один на один со мной дал весьма серьезное... неожиданное задание. Было необходимо подобрать состав Сокольнического райкома для возможной подпольной работы в количестве пяти человек и по всем правилам их законспирировать. Это должны были быть надёжные комсомольцы из числа секретарей первичных или цеховых комсомольских организаций, могущих быстро ориентироваться в обстановке, смелые и развитые. Разговор надо было вести о добровольном согласии на работу в тылу врага, и друг о друге они пока знать были не должны. Заниматься всем этим психологически тяжёлым делом должен был только один я как первый секретарь райкома, а за помощью можно было обращаться только лично к первому секретарю райкома партии Е.И. Леонтьевой. С отобранными товарищами после меня должен был иметь беседу с каждым в отдельности вне райкома А.Н. Шелепин. На исполнение было дано четыре-пять дней. Опыта у нас не было, допустили мы ряд промахов, но в целом задание было выполнено в срок. Были отобраны Рая Крашениникова (секретарь комитета ВЛКСМ завода “Красный богатырь”), Паша Ласточкина, Зоя Крейцер (секретарь комсомольской организации ателье № 17 Москвошвеев), Михаил Дуничев (секретарь комсомольской организации тру[довой] колонии НКВД), пятой фамилии в моих записях не сохранилось. Все они без колебаний дали согласие и выбрали себе псевдонимы (клички) для подпольной работы. Но привлечь к делу их всех, к счастью,

не пришлось, так как вскоре героические защитники столицы разгромили и отбросили фашистов от Москвы. На конспиративное положение перешла одна только Зоя Крейцер. Ей был оформлен новый паспорт, сменены квартира и работа, а также составлена соответствующая легенда... Прошло время. Зоя Крейцер снова стала сама собой, а на страничке моего блокнота остался адрес... записанный на предмет “проверки сохранности противопожарного инвентаря”» (с. 96).

В третьей части («“Мы рождены, чтоб сказку сделать былью...”») охарактеризована деятельность комсомола Москвы в первое послевоенное десятилетие, в том числе его роль в возведении столичных высоток (в их числе здание МГУ им. М.В. Ломоносова на Ленинских горах) и освоении целины.

11 мая 1946 г. на собрании московского комсомольского актива была принята резолюция «О задачах московской комсомольской организации в связи с развитием “Закона о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946—1950 гг.”». Молодёжных лидеров призвали оперативно решать выдвигавшиеся первичными организациями вопросы, «повседневное контролировать их работу, своевременно оказывать им помощь, поощрять и развивать новые начинания и инициативу комсомольских организаций» (с. 152). Далее представлены «дела» московских комсомольцев по реализации указанного закона. Не обошлось и без рассказа о таком известном явлении советской эпохи, как отправка студентов-комсомольцев «на уборку урожая» (с. 178).

Именно в послевоенный период наметились негативные тенденции в развитии комсомола, в том числе московского. Организаторская работа его горкома и райкомов, отмечалось

в постановлении по докладу первого секретаря МГК ВЛКСМ М.Ф. Давыдова «О состоянии и мерах организационной работы в московской городской организации ВЛКСМ» от 22 декабря 1954 г., «отставала от задач, поставленных XII съездом ВЛКСМ», а его резолюции «проводились в жизнь крайне медленно». Хуже всего обстояли дела с реализацией требования съезда «о необходимости крутого поворота комсомольских организаций к вопросам участия в хозяйственной деятельности предприятий, о необходимости усиления внимания к каждому молодому человеку» (с. 157). Некоторые столичные райкомы ВЛКСМ и комсомольские организации действовали в отрыве от основной задачи, стоящей перед комсомолом, — «всемерного повышения трудовой и политической активности молодёжи» (с. 157). В частности, горком и райкомы не уделяли должного внимания организации практической помощи и руководству комсомольскими организациямистроек; намеченные столичными руководящими органами ВЛКСМ мероприятия по поднятию трудовой активности комсомольцев и молодёжи остались на бумаге (с. 157). В 1930-х гг. подобное было немислимым.

В четвёртой части («Наш адрес — Советский Союз») повествуется об участии комсомольцев Москвы в ударных стройках 1960—1980-х гг., движении научно-технического творчества молодёжи и освоении космоса, подготовке и проведении Всемирных фестивалей молодёжи и студентов 1957 и 1985 гг., XXII Летних Олимпийских игр 1980 г., о работе студенческих стройотрядов.

Наименее изученным следует признать сюжет о вкладе комсомольцев столицы в научно-технический прогресс. Известно, что период меж-

ду XX (1956) и XXII (1961) съездами КПСС считается рубежом, за которым начался новый период жизни страны. Среди выдающихся технических достижений СССР того времени — «первый в мире полёт человека в космос, развитие термоядерного оружия, успехи атомной энергетики (строительство крупных АЭС, атомный ледокол “Ленин”), пуск гигантских электростанций, резко повысивших энерговооружённость народного хозяйства, рождение реактивной пассажирской авиации, ряд сделанных советскими учёными открытий мирового значения» (с. 228).

Московская городская организация ВЛКСМ «решением Бюро МГК от 24 ноября 1958 г. взяла шефство над 27 крупнейшими предприятиями города, которые подлежали полному техническому перевооружению (в их числе ЗИЛ, ГПЗ-1, Комбинат твёрдых сплавов, станкостроительные заводы Станкоконструкция, им. Орджоникидзе и “Красный пролетарий”). На каждом из них при комитетах комсомола создавались штабы новой техники. По комсомольским путёвкам горкома молодёжь приходила в цеха, которые предстояло полностью механизировать и автоматизировать. В 1960 г. таких предприятий стало уже 32» (с. 240).

Средистроек того периода авторы справедливо выделяют БАМ: «8 апреля 1974 г. Бюро ЦК ВЛКСМ приняло постановление “Об участии комсомола в сооружении Байкало-Амурской железнодорожной магистрали”, 8 июля 1974 г. — постановление ЦК КПСС № 561 “О строительстве Байкало-Амурской железнодорожной магистрали”. К моменту выхода правительственного постановления прокладка магистрали уже получила статус комсомольско-молодёжного дела. Так, 15 марта 1974 г., выступая

на торжественном собрании, посвящённом 20-летию освоения целинных земель, генеральный секретарь ЦК КПСС Л.И. Брежнев назвал БАМ важнейшей стройкой девятой пятилетки. А уже в апреле 1974 г. Москва провожала на строительство железной дороги первый Всесоюзный ударный комсомольский отряд добровольцев им. XVII съезда ВЛКСМ. 600 юношей и девушек во главе с Героем Социалистического Труда, бригадиром “Ангарстроя” Виктором Лаковым, перед отъездом торжественно прошли по Красной площади» (с. 247).

Как свидетель последних лет существования ВЛКСМ и его московской городской организации (будучи секретарём комсомольской организации цеха одного из оборонных предприятий столицы в 1986—1989 гг.) особо отмечу характеристику этого этапа в контексте «Организационных изменений 1957—1991 гг.» (с. 274—281). Жизненные ориентиры определённой части молодёжи, справедливо отмечается в исследовании, «уже в 1970-х гг. сводились исключительно к материальному благополучию. Для многих комсомольские лозунги были набором слов. В то время и возникла парадоксальная ситуация, когда чем лучше становилось жить, тем больше в общество проникал мелкобуржуазный дух. Это происходило не само собой, а во взаимосвязи с общим положением в стране. Отставало и идеологическое сопровождение процесса, когда формы и методы работы также не вызывали энтузиазма. “Старое” наполнение общественных мероприятий (собраний, субботников, воскресников, политинформаций, общественных поручений и др.) воспринималось не как забота о чаяниях, устремлениях молодёжи и вовлечение её в общественно-полезный процесс, а как скучная, но неизбеж-

ная обязанность... прежде всего у студентов, аспирантов, молодых учёных широкое распространение получило критическое отношение к официальной идеологии и её символам. Все эти проблемы вышли на поверхность только после начала перестройки» (с. 279). Сначала это была «робкая критика» (с. 279), но «постепенно недовольство стало приобретать резкий и повсеместный характер и затронуло комсомольский аппарат» (с. 280). На перелом в сознании людей повлияли не только внутренние проблемы, которые можно было решить в рамках существующего строя, но и активная западная, да и «местная» либеральная прокапиталистическая пропаганда под видом «гласности» в её худшем варианте, что выливалось в общественный нигилизм, прямое «охаивание» и направленную дискредитацию советского прошлого и настоящего.

Окончательную точку своей деятельности и истории московской городской комсомольской организации ВЛКСМ поставили тогдашние руководители московского комсомола, не только под влиянием ликвидации существовавшего политического строя, но и сами по себе: «4-е заседание XXVIII конференции, состоявшееся 19 декабря 1991 г. На нём из 321 делегата присутствовало только 172. Выступая перед собравшимися, секретарь МГК ВЛКСМ С.Г. Михеев заявил, что московская городская организация ВЛКСМ вошла в состав Российского союза молодёжи (так с 19 октября 1991 г. именовался ЛКСМ РСФСР). Поэтому на голосование ставится вопрос о её переименовании в “Московскую городскую организацию Российского союза молодёжи”. “За” проголосовало абсолютное большинство, “против” было шестеро, столько же воздержалось. Так буднично завершилась история московского комсомола» (с. 281).

Пятая часть («Будущее принадлежит молодёжи») существенно выбивается из концепции книги, поскольку в ней главное внимание уделено основным направлениям деятельности в области работы с молодёжью вообще на современном этапе и выглядит как отчёт мэру Департамента молодёжной политики правительства Москвы (с. 337—355). Единственным формальным признаком «преемственности» можно с большой натяжкой признать возрождение в 2014 г. комплекса «Готов к труду и обороне (ГТО)»: «С марта 2014 г. правительство Москвы в соответствии с указом Президента России начало активно внедрять физкультурно-спортивный комплекс... ГТО среди жителей столицы. Уже в следующем году состоялись зимний, весенний и осенний этапы Московского фестиваля ГТО. Горожане выполняли нормативы на соревнованиях “Московская лыжня”, “Кросс наций”, на спортивном празднике “День московского спорта”, на мероприятиях, посвящённых Дню физкультурника и Дню города. На различных объектах Москомспорта и Департамента образования Москвы было создано 15 центров тестирования. Всего в мероприятиях по сдаче комплекса ГТО приняли участие 1 700 тыс. человек» (с. 355).

И если уж писать о современных преемниках комсомола (т.е. о «левых» молодёжных и комсомольских организациях, конечно, оппозиционно настроенных, к существующему ныне капиталистическому строю), то о таких, как «Российский союз молодёжи»

(РСМ), «Революционно-коммунистический союз молодёжи» (РКСМ(б)), «АКМ», «Национал-большевистская партия» и др. Это факт, который нельзя замалчивать. К тому же в книге ничего не сказано и о «прелестях» капитализма, с которыми столкнулась современная молодёжь: безработица, наркомания, алкоголизм, проституция и т.д., какие меры принимаются для борьбы с этими явлениями среди молодёжи и каков результат. Можно вполне однозначно заявить, что все молодёжные организации постсоветской России (тем более не «левой» направленности, по определению, никакого отношения к комсомолу не имеющие) по масштабам своих задач и работы вообще не сопоставимы с ВЛКСМ. Поэтому считаю, что в посвящённой комсомолу книге можно было бы вполне обойтись и без последней её части.

Книгу дополняют приложения: документы, связанные с основными вехами истории Всесоюзной комсомольской организации; «ордена на знамени комсомола» и нагрудные знаки и награды ВЛКСМ. При этом в большинстве случаев это опубликованные источники, однако приведены и те, что впервые выявлены авторами.

В целом книга представляет собой научно-популярное издание, которое благодаря введению в научный оборот внушительного массива документальных (в первую очередь фотографических) источников вносит весомый вклад в историческую память об одном из ключевых институтов советской политической системы.

Юлия Благодер

Рец. на: «Известия Восточного института» (начало XX века): из фондов библиотек Владивостока. Библиографический указатель. Владивосток: Научная библиотека ДВФУ, 2018. 264 с.

Yuliya Blagoder

(Kuban State Technological University, Krasnodar, Russia)

Rec. ad op.: «Izvestiya Vostochnogo Instituta» (nachalo XX veka): iz fondov bibliotek Vladivostoka. Bibliograficheskiy ukazatel'. Vladivostok, 2018

DOI: 10.31857/S086956870008296-6

Рецензируемое издание не имеет аналогов в историографии. Идея его создания и руководство начавшимися в связи с этим научными изысканиями принадлежат О.П. Еланцевой — доктору исторических наук, профессору Дальневосточного федерального университета (ДВФУ). Заведующая археографической лабораторией его Научной библиотеки С.А. Баубекова является автором-составителем данного труда. Для выхода его в свет (2014) собирала и систематизировала научный материал большая группа специалистов — сотрудников университета, Государственного архива Приморского края (ГА ПК), Приморского государственного объединённого музея (ПГОМ) им. В.К. Арсеньева и библиотек Владивостока. К сожалению, несмотря на размещение на сайте ДВФУ, библиографический указатель долгое время оставался вне внимания широкой научной общественности. Наконец, к 100-летней годовщине введения высшего исторического образования на Дальнем Востоке (2018) увидела свет печатная версия этого труда, заслуживающего высокой оценки отечественных и зарубежных исследователей.

Масштабы проведённой авторским коллективом работы колоссальны: ими не просто создано справочное

издание, а проведено научное исследование, основным источником которого стали материалы журнала «Известия Восточного института», издававшегося последним (институт, открыт в 1899 г.). В начале XX столетия «Известия...» являлись единственным в своём роде изданием, аккумулировавшим большой объём информации широкого тематического спектра о российском Дальнем Востоке и иностранных государствах региона, а также методические пособия и документацию института. Поэтому без анализа содержания журнальных материалов невозможно полно охарактеризовать и рецензируемое издание.

Во вступительной статье Еланцевой (с. 14—19) представлены краткая история «Известий...», задачи его организаторов, отличия этого журнала от периодики других российских вузов конца XIX — начала XX в. и научно-просветительских организаций (изданий Императорского Русского географического общества и его отделов, Императорского Русского археологического общества и проч.). Здесь же показана структура выпусков и кратко охарактеризовано их содержание.

Первая (основная) часть труда — «Известия Восточного института (хронологический указатель)» — перечень томов (выпусков) и официальных

приложений с указанием мест их хранения. Там же дано полное библиографическое описание каждой публикации: имя автора, название и объём его работы (статьи, очерка, учебного пособия и проч.), наименование выполнившей заказ типографии (пока таковой в институте не было, его руководство пользовалось услугами «Товарищества Сушинский и К°» и «Паровой Типо-литографической газеты “Дальний Восток”»). Подробно представлены история основания института, творческая деятельность его педагогов, правила набора студентов и слушателей, организация учебного процесса¹.

Журнал публиковал данные о научных заграничных командировках обучающихся (ходатайства преподавателей, тематика исследований студентов и слушателей, назначение командировочных пособий). По качеству переводов студентов иностранной литературы и их отчётам, подготовленным после возвращения из Китая, Японии, Кореи, можно представить объём знаний, которым располагала отечественная наука в первой четверти XX в., состояние учебно-методической базы и качество подготовки будущих специалистов в России.

В приложении к первому тому «Известий...» находим каталог библиотечного фонда института, относящийся к первому году его существования. Его составил библиотекарь, профессор Е.Г. Спальвин. В дальнейшем неоднократно публиковались подготовленные им каталог и отчёты о возникавших проблемах, а также о новых поступлениях. Анализ этих материалов даёт представление о фондах библиотеки, количестве и тематической направленности поступавшей литературы. Опираясь на рецензируемое издание, современный учёный может выбрать объектом своего ис-

следования и созданные при институте коллекции музеев (к примеру, торгово-промышленного).

Редакционная коллегия журнала неоднократно размещала протоколы заседаний созданного при институте Попечительского совета и сведения об оказанной им материальной поддержке студентов. Содержится информация об организации их быта в общежитии, о результатах санитарного и зубоврачебного контроля. В отдельных номерах — сообщения о введении особых стипендий (по одной — им. генерала от инфантерии Н.И. Гродекова, им. порт-артурского героя генерала Р.И. Кондратенко, им. первого директора Восточного института, действительного статского советника профессора А.М. Позднева; три — николаевского-на-амуре городского общества, девять — им. губернского секретаря И.Е. Паргачевского). Ежегодно на страницах журнала публиковались отчёты о расходе средств, назывались размеры денежных пожертвований горожан (например, купца А.С. Варягина).

Представленный авторами указателя анализ материалов «Известий...» позволяет сделать вывод о плодотворной деятельности преподавателей института. Об этом свидетельствует перечень их научно-литературных трудов (статей об особенностях языковой культуры и литературы народов региона, отдельных периодах истории и современном на тот момент социально-экономическом развитии дальневосточных государств; этнографических очерков; небольших заметок политического содержания; схем и географических карт — иностранных копий и составленных самостоятельно во время командировок).

Отличительная черта журнала — публикация словарей, иероглифических указателей, иных материалов,

которые составляли и использовали для практических занятий сотрудники института. Например, это были собрание небольших японских рассказов, анекдотов, сказок для выполнения студентами переводов; тексты лекций, посвящённых японской письменности (Спальвин); китайские тексты для упражнений (П.П. Шмидт); пособия по практическому изучению монгольского языка (Г.Ц. Цыбиков), обучению китайским официальному языку и скорописи; приложения к лекциям по китайскому языку (А.В. Рудаков). Для работы со студентами использовались статьи японских и китайских газет, образцы официальных бумаг и государственных актов на иностранных языках. Преподаватели института сыграли выдающуюся роль в организации и проведении исследований, подготовке учебных пособий, редактировании трудов студентов и слушателей, исправлении ошибок и погрешностей в переводах будущих востоковедов.

В издании освещены проблемы мест хранения каждого тома (выпуска) «Известий...» (в некоторых прилагался список учреждений и лиц, пользовавшихся бесплатными экземплярами, но этих фактов оказалось недостаточно). Основную информацию владивостокские исследователи почерпнули в фондах Российского государственного архива Дальнего Востока, научных библиотек ДВФУ, ГА ПК, ПГОМ им. В.К. Арсеньева, Общества изучения Амурского края; Центральной научной библиотеки Дальневосточного отделения Российской академии наук при Институте истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока; Приморской краевой публичной библиотеки им. А.М. Горького.

Ускоряют поиск необходимой информации, облегчая работу современных учёных, представленные в указа-

теле полные наименования библиотек, архива, музея Владивостока (их адресов, телефонов, сайтов), инвентарных номеров и шифров изданий, пометки о наличии или отсутствии конкретных выпусков, степени их сохранности (отмечены отсутствующие листы).

После изучения экслибрисов, гербовых печатей множества экземпляров журнала (часто эти информационные ресурсы остаются вне поля зрения читателей периодических изданий) стало известно, где отдельные из них хранились в разное время². По штампам можно изучать историю не только каждого тома, но и библиотечных, музейных собраний (их реорганизации, переименования). Например, ныне действующий ПГОМ им. В.К. Арсеньева неоднократно менял названия: «Музей Общества изучения Амурского края», «Владивостокский государственный областной музей», «Владивостокский государственный краевой музей».

Составители отмечают важность пометок (карандашных записей сотрудников библиотеки или владельцев) на страницах «Известий...». Бесценными являются их сведения об автографах и дарственных надписях авторов или последующих владельцев журналов. К примеру, преподаватель Н.В. Кюннер оставил такую надпись Фундаментальной библиотеке Владивостокской мужской гимназии и ПГОМ им. В.К. Арсеньева, А.В. Гребенщиков — библиотеке Общества изучения Амурского края, Е.Г. Спальвин — П.П. Шмидту.

Уникальный материал указателя — документы архивов, библиотечные собрания, публикации периодических изданий, исследования российских учёных³ — позволяет читателю больше узнать о преподавателях, слушателях, студентах института. Их портреты, а также фотографии титульных листов

отдельных выпусков «Известий...» и монографий привносят дополнительную информацию и одновременно украшают рецензируемый труд.

Известно, что редакция журнала ежегодно публиковала списки сотрудников института (с указанием их учёных степеней, должностей) и студентов. Вместе с фамилиями офицеров-слушателей указывалось, где именно в странах Дальнего Востока проходили их командировки для выполнения летних практических занятий. В указателе есть дополнительные интересные факты из жизни этих людей.

Во второй части рецензируемого издания — «Труды преподавателей, студентов и выпускников Восточного института (алфавитно-хронологический указатель)» — подробно описаны педагогическая и исследовательская деятельность преподавателей Н.Н. Дмитриева, М.Н. Ершова, Н.И. Кохановского, Г.В. Подставина, А.М. и Д.М. Поздневых, А.В. Рудакова и др.

Не менее важна и интересна имеющаяся здесь информация о студентах (П.Ю. Васкевиче, А.В. Гребенщикове, В.М. Мендрине, Н.К. Новикове, С.А. Полевом, А.П. Хионине, Г.Ф. Ящинском) и слушателях (Н.Д. Кузьмине, В.И. Надарове, А.В. Спицыне, К.А. Харнском, П.В. Шкуркине): называется отделение, где обучался каждый из них, перечисляются успехи в учёбе и полученные награды. В небольших по объёму очерках сообщается об их профессиональной деятельности до поступления в институт, о местах гражданской службы после его окончания. В биографической справке любого офицера-востоковеда указан чин, место несения им военной службы. Например, офицеры Ящинский, Шкуркин, драгоман А.П. Хионин и др. участвовали в боевых действиях в Китае во время восстания ихэтуаней (1899—1901) и в Русско-японской войне (1904—1905).

В третьей части труда — «Издания Восточного института» (вспомогательный указатель)» (с. 240—246) — кратко охарактеризована деятельность профессоров, преподавателей, сотрудников, студентов и слушателей института. Последние в силу различных обстоятельств иногда прерывали, а порой и досрочно завершали обучение, поэтому, по словам Шкуркина, «поступает [в Восточный институт] незначительное число, а заканчивают единицы»⁴. В этой части содержатся и сведения об авторах публикаций журнала, не входивших в штат института (с. 247—248). Это иностранные востоковеды — дипломат У.Дж. Астон, миссионер А. Смит, учёные М. Абель, О. Франк и российские военные, путешественники, исследователи Востока и восточных языков — А.Д. Дамбовский, А. Кохановский, М.Г. Новолетов, П.Я. Пясецкий, Н.А. Сетницкий.

Справочный материал издания делает работу современного исследователя максимально комфортной: имеются дополнительная информация по многим вопросам, указатель сокращений и словарь терминов и определений. В список литературы включены нормативная документация (ГОСТы и правила составления библиографического описания, стандарты по издательскому делу) и труды отечественных исследователей о деятельности института, журнала «Известия...», создании на Дальнем Востоке научно-просветительских объединений, а также немногочисленные биографические очерки о судьбах российских востоковедов.

Рецензируемый труд, безусловно, внесёт весомый вклад в развитие отечественной истории, российского и зарубежного востоковедения, а также в процесс подготовки молодого поколения историков, лингвистов и этнографов.

Примечания

¹ В частности, в институте преподавали английский, французский языки и читали курсы: география и этнография Китая, Кореи, Японии; «Государственное устройство России и главнейших западноевропейских держав»; «Международное право»; «Политическая экономия»; «Гражданское и трудовое право и судопроизводство»; «Товароведение»; «Счетоводство»; «Богословие»; на кафедрах японской, корейской, маньчжурской и китайской словесности.

² Это учебные и научные заведения (библиотеки Владивостокской мужской гимназии, Университета трудящихся Китая им. Сунь Ятсена, Читинского научного института рыбного хозяйства), учреждения — административные (библиотека Кабинета народного хозяйства и Учёного комитета Министерства финансов) и военные (Академия воздушного флота им. проф. Н.Е. Жуковского, армейская библиотека 5-й Краснознаменной армии), общественные организации (Христианский союз молодых людей, Московское общество изучения древних культур, Санкт-Петербургское общество русских ориенталистов, библиотека Владивостокского

государственного географического общества), частные собрания (библиотека А.Д. Старцева).

³ Буяков А.М. Офицеры-выпускники Восточного института: годы и судьбы // Известия Восточного института. 1999. № 5; Гридина Н.П. Первый вуз на Дальнем Востоке России: становление и развитие центра востоковедения // Россия и АТР. 1996. № 2; Еланцева О.П. «Совершенно новое учреждение и неизведанное дело»: к истории становления Восточного института во Владивостоке // Гуманитарный вектор. 2012. № 2; Ермакова Э.В. Из истории высшего образования на Дальнем Востоке // Российское Приамурье: история и современность. Хабаровск, 1999; Серов В.М. Становление Восточного института (1899—1909 гг.) // Известия Восточного института. 1994. № 1; Каневская Г.И. Деятельность выпускников Восточного института в Харбине // Известия Восточного института. 1994. № 1; Хисамутдинов А.А. Изучая Китай: труды и судьбы русских эмигрантов // Вопросы истории естествознания и техники. 2014. № 2; Хисамутдинов А.А. Синолог П.В. Шкуркин: «... не для широкой публики, а для востоковедов и востоколюбив» // Известия Восточного института. 1996. № 3.

⁴ Шкуркин П. Восточники и Восток // Вестник Азии. 1911. № 9. С. 13—22.

Наши авторы

Беглов Алексей Львович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, доцент Национального исследовательского ядерного университета «МИФИ»

Булдаков Владимир Прохорович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН

Благодер Юлия Гариевна, кандидат исторических наук, доцент Кубанского государственного технологического университета (Краснодар)

Волобуев Олег Владимирович, доктор исторических наук, почётный профессор Московского государственного областного университета

Воронин Всеволод Евгеньевич, доктор исторических наук, профессор Московского педагогического государственного университета

Жуков Юрий Николаевич, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН

Зверев Василий Васильевич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН

Иванова Анна Николаевна, кандидат исторических наук, доцент Российского технологического университета (МИРЭА)

Измозик Владлен Семёнович, доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета телекоммуникаций им. проф. М.А. Бонч-Бруевича

Кан Григорий Семёнович, кандидат исторических наук

Керов Валерий Всеволодович, доктор исторических наук, профессор Школы исторических наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Комзолова Анна Альфредисовна, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН; старший научный сотрудник Института истории Санкт-Петербургского государственного университета

Кондрашин Виктор Викторович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН

Котов Александр Эдуардович, доктор исторических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного университета

Куренков Геннадий Александрович, кандидат исторических наук, заместитель начальника отдела Российского государственного архива социально-политической истории

Логинов Владлен Терентьевич, доктор исторических наук, профессор, сотрудник Международного фонда социально-экономических и политологических исследований (Горбачёв-фонд)

Матасова Татьяна Александровна, кандидат исторических наук, доцент исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Мелентьев Фёдор Ильич, кандидат исторических наук, главный специалист Государственного архива Российской Федерации

Минаков Андрей Сергеевич, доктор исторических наук, заместитель директора Дирекции изучения истории МПГУ Московского педагогического государственного университета

Морозов Константин Николаевич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН

Морозова Алла Юрьевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН

Панькина Мария Андреевна, аспирантка исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Рублев Дмитрий Иванович, кандидат исторических наук, доцент факультета государственного управления Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Согрин Владимир Викторович, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, председатель Российской ассоциации историков-американистов

Соловьёв Кирилл Андреевич, доктор исторических наук, профессор Школы исторических наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; главный научный сотрудник Института российской истории РАН

Шевырёв Александр Павлович, кандидат исторических наук, доцент исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

СОДЕРЖАНИЕ

Мнение историка

В.П. Булдаков. Марксизм, Ленин, революция: метаморфозы великой легенды	3
<i>К.А. Соловьёв: Политик рубежа столетий: в поисках самоидентификации</i>	<i>25</i>
<i>В.В. Зверев: Ленин: социализм, народники и мировая революция</i>	<i>31</i>
<i>В.С. Измозик: «Но долгую жизнь товарища Ленина надо писать и описывать заново»</i>	<i>35</i>
<i>В.Т. Логинов: Забвение исторической реальности связано с избыточной политизацией прошлого</i>	<i>43</i>
<i>О.В. Волобуев: В.И. Ленин в оценках современников — участников революционного движения: 1924 год</i>	<i>46</i>

В.И. Ульянов (Ленин) и его современники

<i>А.Ю. Морозова</i>	
Философская полемика В.И. Ленина и А.А. Богданова в контексте внутрипартийной борьбы в РСДРП	56
<i>Д.И. Рублев</i>	
Анархисты о политической деятельности В.И. Ленина в эпоху Великой российской революции	65
<i>К.Н. Морозов</i>	
«Я имел связь с группой террористов»: проблема причастности Б.В. Савинкова к покушению на В.И. Ленина 30 августа 1918 г.	78
<i>В.В. Кондрашин</i>	
О телеграммах В.И. Ленина в Пензу в связи с крестьянским восстанием в селе Кучки	90
<i>Ю.Н. Жуков</i>	
Переход от «военного коммунизма» к нэпу — ради крестьян или рабочих?	96

История власти

<i>М.А. Панькина</i>	
Как искали Сергея Дегаева	118

Профессия и сообщество

<i>Г.С. Кан</i>	
«Народная воля» в историографии последних лет	126
<i>В.В. Согрин</i>	
«Публичная история» и профессиональная историография	139

Институты и общности

<i>А.Л. Беглов</i>	
Реформа духовного образования 1808 г. и закрепощение православных приходов в Российской империи	149

А.А. Комзолова

Митрополит Иосиф (Семашко) и реформы народной школы в Северо-Западном крае	159
--	-----

В.В. Керов

Старообрядчество и Учредительное собрание в 1917—1918 гг.	174
--	-----

Обзоры и рецензии

<i>Т.А. Матасова</i> — Становление и развитие итальянской русистики в XX в. как научная проблема	186
--	-----

<i>А.П. Шевырёв</i> — Многогранный талант историка: Памяти доктора исторических наук профессора Авенира Павловича Корелина	191
--	-----

<i>В.Е. Воронин</i> — Дневники великого князя Константина Николаевича 1858—1864 гг.	199
--	-----

<i>А.Н. Иванова</i> — Молодые годы Михаила Каткова	204
--	-----

<i>А.Э. Котов</i> — На какой почве Катков стал «московским громовержцем»?	207
---	-----

<i>Ф.И. Мелентьев</i> — Политическое воспитание Александра III	211
--	-----

<i>А.С. Минаков</i> — «Вы знаете по почерку, кто Вам пишет» (об издании писем кн. В.П. Мещерского к Александру III)	217
---	-----

<i>Г.А. Куренков</i> — Новая книга по истории Московского комсомола	221
---	-----

<i>Ю.Г. Благодер</i> — «Известия Восточного института» (начало XX века): из фондов библиотек Владивостока. Библиографический указатель	229
--	-----

Наши авторы	234
-------------------	-----

CONTENTS

The historian's opinion

V.P. Buldakov (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow).	
Marxism, Lenin, revolution: metamorphoses of a great legend	3
<i>K.A. Soloviev (National Research University Higher School of Economics; Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow): Century Politician: Seeking Identity</i>	25
<i>V.V. Zverev (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow): Lenin: Socialism, the Narodniks and the world revolution</i>	31
<i>V.S. Izmozik (Bonch-Bruевич Saint-Petersburg State University of Telecommunications, Russia): «But the long life of Comrade Lenin must be written and described anew»</i>	35
<i>V.T. Loginov (Moscow, Russia): Oblivion of historical reality is associated with excessive politicization of the past</i>	43
<i>O.V. Volobuev (Moscow Region State University): V.I. Lenin in the assessments of revolutionary contemporaries (1924)</i>	46

V.I. Ulyanov (Lenin) and his contemporaries

<i>A.Yu. Morozova (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)</i>	
Philosophical debates of V.I. Lenin and A.A. Bogdanov in the context of internal party struggle in RSDLP	56
<i>D.I. Rublev (Lomonosov Moscow State University, Russia)</i>	
The anarchists on the political activities of V.I. Lenin in the era of the Great Russian revolution	65
<i>K.N. Morozov (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)</i>	
«I had a connection with a group of terrorists»: the problem of about B.V. Savinkov's involvement in the assassination attempt on V.I. Lenin (August 30, 1918)	78
<i>V.V. Kondrashin (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)</i>	
About telegrams of V.I. Lenin to Penza in connection with the peasant uprising in village Kuchki	90
<i>Yu.N. Zhukov (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)</i>	
The transition from «war communism» to NEP — for the sake of peasants or workers?	96

History of power

<i>M.A. Pankina (Lomonosov Moscow State University, Russia)</i>	
How they searched for Sergey Degayev	118

Professional community

<i>G.S. Kan (Moscow, Russia)</i>	
«Narodnaya volya» in the historiography of recent years	126
<i>V.V. Sogrin (Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow)</i>	
«Public history» and professional historiography	139

Institutes and communities

<i>A.L. Beglov (Institute of World History, Russian Academy of Sciences; National Research Nuclear University MEPhI (Moscow Engineering Physics Institute))</i>	
The reform of the Church education in 1808 and enslavement of the orthodox parishes in the Russian Empire	149
<i>A.A. Komzolova (Institute of Scientific Information on Social Sciences, Moscow; Saint Petersburg State University, Russia)</i>	
Metropolitan Iosif (Semashko) and reforms of the public school in the North-Western Provinces	159
<i>V.V. Kerov (National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia)</i>	
Old Believers and the Constituent assembly in 1917—1918	174

Reviews

<i>T.A. Matasova (Lomonosov Moscow State University, Russia)</i>	
Genesis and progress of russian studies in Italy in the 20 th century as a scientific problem	186
<i>A.P. Shevyrev (Lomonosov State University, Russia)</i>	
Rec. ad op.: Mnogogranniyy talant istorika: Pamyati doktora istoricheskikh nauk professora Averina Pavlovicha Korelina	191
<i>V.E. Voronin (Moscow Pedagogical State University, Russia)</i>	
The diaries of grand duke Konstantin Nikolaevich, 1858—1864	199
<i>A.N. Ivanova (Russian Technological University (MIREA), Moscow)</i>	
Young years of Mikhail Katkov	204
<i>A.E. Kotov (Institute of History, Saint Petersburg State University, Russia)</i>	
On what basis did Katkov become the «Moscow Thunderer»?	207
<i>F.I. Melentev (State Archive of the Russian Federation, Moscow)</i>	
Political education of Alexander III	211
<i>A.S. Minakov (Moscow Pedagogical State University, Russia)</i>	
«You know by handwriting who writes to you» (On the publication of letters by Prince V.P. Meshchersky to Alexander III)	217
<i>G.A. Kurenkov (Russian State Archive of Social and Political History, Moscow)</i>	
New study on the history of the Moscow komsomol organization	221
<i>Yu.G. Blagoder (Kuban State Technological University, Krasnodar, Russia)</i>	
Rec. ad op.: «Izvestiya Vostochnogo Instituta» (nachalo XX veka): iz fondov bibliotek Vladivostoka. Bibliograficheskiy ukazatel'	229
Contributors to this issue	234

РЕДАКЦИЯ

Добычина Е.В., к.и.н.

Круглов В.Н., к.и.н. — Отдел Новейшей истории

Мамонов А.В., к.и.н. — Отдел Новой истории

Лисейцев Д.В., д.и.н. — Отдел Древней и Средневековой истории

Мамонова Е.В. — Заведующая редакцией

Шамина И.Н., к.и.н. — Литературный редактор

Мац А.Г. — Младший редактор

Приглашаем авторов для быстрой и удобной подачи статей
в журналы Российской академии наук
воспользоваться редакционно-издательским порталом RAS.JES.SU:

- 1) пройти процедуру регистрации (указать Ф.И.О., e-mail и задать пароль);
- 2) в меню **«Мои публикации»** станет активна кнопка **«Заявка на публикацию»**, нажав на которую, Вы автоматически попадёте на страницу, где будет предложено внести всю необходимую информацию о статье, а также оставить комментарий редактору;
- 3) статья будет отправлена в редакцию сразу же после нажатия кнопки **«Отправить редактору»**.

Подробная инструкция размещена по ссылке: <https://ras.jes.su/submit-paper-ru.html>

ГАУГН-ПРЕСС

«ГАУГН-Пресс» осуществляет свою деятельность на базе Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН) и научно-исследовательских институтов Российской академии наук социо-гуманитарного профиля в рамках их сетевого взаимодействия.

Ключевые направления:

- формирование учебно-методических комплексов
- внедрение новых стандартов научной периодики и коммуникации

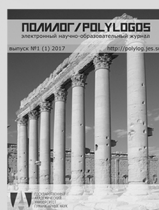
Деятельность «ГАУГН-Пресс» включает:

- принцип сетевой организации взаимодействия ведущих научно-методических, исследовательских центров, интеграции науки и образования
- модульный характер актуализации гуманитарного знания

НАУЧНО-УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА

СЕТЕВАЯ ПЕРИОДИКА

По вопросам приобретения научной и учебной литературы, печатных изданий журналов Российской академии наук, а также оформления подписки на сетевую периодику обращаться по адресу **press@gaugn.ru**

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ ГАУГН

НА БАЗЕ ИНСТИТУТА ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ РАН

БАКАЛАВРИАТ

История
Культуурология
Археология

МАГИСТРАТУРА

Модели всемирной истории
Культура массовых коммуникаций

АСПИРАНТУРА

История
Культуурология

Комплексные образовательные программы разработаны специалистами исторического факультета с учетом последних научных достижений и современных общемировых тенденций.

В основе образовательного процесса — современные технологии обучения, направленные на развитие мышления и творческого потенциала личности, достижение успеха в профессиональной среде.

Студенты исторического факультета с первого курса погружаются в мир академической науки, слушают лекции ведущих российских ученых с мировыми именами и сами участвуют в научных мероприятиях. В программу, помимо обязательных курсов, предусмотренных федеральными стандартами, включены уникальные авторские учебные курсы.

5 ПРИЧИН ПОСТУПИТЬ В ГАУГН

ВЫДАЮЩИЕСЯ ПРЕПОДАВАТЕЛИ

Ученые из научно-исследовательских институтов РАН, включая академиков, член-корреспондентов, докторов и кандидатов наук.

ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ПОДХОД

Мы не набираем на курс более 35 человек. Преподаватель общается с каждым индивидуально, помогает в выборе вектора профессионального развития.

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Некоторые лекции читают приглашенные специалисты из других стран. Большое внимание уделяется языковой подготовке.

УДОБСТВО

Факультеты находятся в Москве в непосредственной близости от метро. Обучение в магистратуре и аспирантуре в основном проходит в вечернее время. Подать документы можно онлайн.

СТУДЕНЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

Студенты ГАУГН могут участвовать во многочисленных студенческих клубах («Что? Где? Когда?», Клуб политического анализа, Китайский разговорный клуб и др.).